

Ключ разумения: русские подвижники благочестия о молитве Иисусовой схиархимандрит Авраам (Рейдман)

Предисловие составителя сборника

По благословению Святейшего Патриарха Московского и
всея Руси Алексия II

Сборник произведений русских подвижников благочестия
15–16 столетий, подробно раскрывающий святоотеческое
учение об умном делании молитвы Иисусовой.
Последовательно рассматриваются все степени прохождения
этой молитвы, даются не только теоретические сведения, но и
вполне удовлетворительные практические рекомендации.
Приводится описание и высших молитвенных состояний,
которых сподоблялся один из величайших подвижников 18–19
веков – старец-пустынник Василиск. Книга может служить
хотя и минимальным, но вполне удовлетворительным
руководством для занятий умным деланием. В сборник
включены работы сестер переводческой группы Ново-
Тихвинского женского монастыря: перевод «Устава о скитской
жизни» преподобного Нила Сорского и адаптация на
современный русский язык рукописного текста «Повествование
о действиях сердечной молитвы старца-пустынника
Василиска, записанное его учеником схимонахом Зосимой
Верховским».

Для широкого круга читателей.

Посвящается

приснопоминаемому игумену

Андрею (Машкову; † 1994),

Глинскому подвижнику

и постриженнику, учителю

и делателю молитвы Иисусовой

Предисловие составителя сборника

Досточтимые отцы и матери!

Возлюбленные братья и сестры!

Предлагаем вашему благочестивому вниманию сборник статей русских подвижников благочестия. Он посвящен теме, сколько интересной, столько непонятной и загадочной – теме духовной жизни. Представление об этом предмете у многих и многих православных христиан и даже монашествующих весьма туманное. Общепринятым считается, что все, касающееся внешней деятельности человека, определено и ясно, а внутреннее его состояние совершенно неопишимо и практически непостижимо. Духовная жизнь якобы столь индивидуальна, что обобщения невозможны, и потому судить о степени преуспеяния, о благодатности человека никто не имеет права. Считается, что даже точных критериев, определяющих так называемую духовность, не существует. На самом же деле здесь все так же определено и точно, как и в любом другом деле, во всяком человеческом занятии. Когда мы имеем смутное представление о каком-нибудь ремесле, то рассуждаем о нем общими фразами, осторожно, часто пытаюсь скрыть под многозначительными туманными выражениями свою неосведомленность. Если же рядом оказывается мастер своего дела, он едва удерживается от насмешки, хотя бы мы в своих рассуждениях о том занятии, в котором он преуспел, пользовались словами иностранного происхождения, философскими терминами и искусно строили свою речь. То же самое происходит и в отношении такого понятия, как духовная жизнь.

В настоящем сборнике мы как раз и хотим представить читателям избранные произведения русских подвижников благочестия, точно и ясно описывающих основы духовной жизни. Описывающих их таким образом, чтобы иметь о них не только теоретическое представление, что, впрочем, весьма важно для понимания всего подвижнического пути и особенно его конечной цели, но и научающих нас тому, что именно и в какое время мы должны исполнять, чтобы шествовать по этому пути. Ибо «монашеское жительство – наука из наук, Божественная наука. Это относится ко всем монашеским подвигам, в особенности к молитве. В каждой науке имеется свое начало, своя постепенность, свои окончательные

упражнения: так и в обучении молитве существует свой порядок. Тщательное последование порядку... служит в науке ручательством успеха в ней: так и правильное упражнение в молитве служит ручательством преуспеяния в ней»¹.

Всем наставлениям, заключающимся в нашем сборнике, присуще свойство, весьма удачно названное святителем Игнатием (Брянчаниновым) «определительность». Потому запутаться в них, получить вред вместо пользы, можно сказать, весьма трудно. Впрочем, святой апостол Петр говорит следующее: «как и возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости, написал вам, как он говорит об этом и во всех посланиях, в которых есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей гибели, превращают, как и прочие Писания» (2Пет.3:15–16). Если некоторые умудряются и от учения великого апостола Павла повредиться, то и на нас нет вины в том, что кто-то чрезмерно увлечется каким-то одним назиданием, пренебрегая всей совокупностью православного предания о внутренней жизни христианина. В связи с некоторыми возвышенными переживаниями, описанными в статьях предложенной вашему вниманию книги, хочется сказать следующее. Конечно, опасно предлагать новонаначальному образцы возвышеннейшего духовного преуспеяния, потому что такой человек не осознает своего скромного душевного состояния и пытается под действием гордости стяжать обильную благодать Божию, которую, на самом деле, возможно приобрести лишь долголетним упражнением в молитве, многой опытностью и, в особенности, глубочайшим смирением. Ведь, как пишет великий наставник нашего времени святитель Игнатий Брянчанинов, «всякому человеку, зиждущему храмину, подобает ископать, и углубить, и положить основание на камени (Лк.6:48). Камень – Христос... Тот возлагает на себя тяжкий труд копания земли... кто, в противность влечению сердца, нисходит в смирение, кто, отвергая свою волю и разум, старается изучить заповеди Христовы и предание Православной Церкви, с точностью последовать им; тот полагает в основание прочные камни, кто прежде... заботится о том, чтобы направить свою

нравственность сообразно... завещанию Господа нашего Иисуса Христа. Нет места для истинной молитвы в сердце, не благоустроенном евангельскими заповедями»². Но, с другой стороны, в наши скромные истинными наставниками времена и преуспевающий делатель иногда оказывается в очень затруднительном положении, не имея возможности проверить свои новые духовные ощущения из-за скудости, если не сказать отсутствия, непосредственных описаний молитвенных опытов в их развитии, в том числе самых возвышенных. Кроме того, в нашей книге мы расположили статьи таким образом, чтобы они постепенно возводили читателя от общих понятий, через рассказ о молитвенных упражнениях, приличных новоначальным и о постепенном преуспевании в духе покаяния, к представлению о благодатных посещениях и откровениях.

К сожалению, приходится предупредить некоторых неумеренных теоретиков духовной жизни, чтобы они не пытались, с точки зрения своего скромного духовного опыта, отрицать действительность и истинность возвышенных переживаний подвижников, приближающихся к совершенству. Ведь это выглядит даже смешно, когда, абсолютизируя учение о покаянии святителя Игнатия (Брянчанинова), а вернее профанируя его, мы беремся судить о том, что (простите за тавтологию) неизмеримо выше нашей меры не только преуспевания, но даже понимания. Так можно дойти и до порицания преподобного Симеона Нового Богослова за его «Божественные гимны». Всем известно, что одно и то же слово может обозначать разные вещи. Под словом «покаяние» можно понимать сокрушение в своих грехах, слезы о них, сожаление о совершенных в прошлом нравственных преступлениях. И это правильное, но узкое представление о покаянии. Отнюдь не противоречит ему более широкое понятие об этом всеобъемлющем делании. Борьба со страстями, пламенная молитва об избавлении от мысленных уклонений от Евангелия Христова, плач о падении Адама через познание своего падшего естества и, наконец, страх лишиться Божественной любви – все это тоже покаяние, простирающееся даже до исхода из этой временной жизни в будущую и вечную. Кроме

того, нам известно из аскетических писаний некоторых святых отцов, повествующих о своих возвышенных благодатных опытах, что переживания и ощущения людей, достигших христианского совершенства или весьма приблизившихся к нему, имеют великое разнообразие как по силе, так и по свойствам, не меньшее, а, как нам кажется, гораздо большее, чем наши земные чувственные ощущения. А иначе бы оказалось, что телесная жизнь интереснее и приятнее, чем слава будущего века, отчасти являемая уже сейчас в душе преуспевшего подвижника. И таким образом мы стали бы невольными сторонниками людей, считающих вечное блаженство однообразным, бездеятельным и хотя беспечальным, но скучным «временепровождением». Православие есть полнота, а не только одно покаяние в узком смысле слова. Не будьте дети умом, – говорит святой апостол Павел, – на злое будьте дети, а на доброе будьте разумны (1Кор.14:20). Когда хорошие умные дети, отличники, уверенно говорят со взрослыми о житейских предметах, то это, конечно, весьма забавно. Но если бы кто-то вздумал к их советам прислушаться, то последствия были бы очень печальны.

Остается добавить, что наш сборник хотя и преследует цели не только теоретические, но и практические и может служить минимальным, но вполне удовлетворительным руководством для занятий молитвой Иисусовой, однако же мы ни в коей мере не считаем, что он может заменить всю аскетическую литературу и, в особенности, русских духовных писателей, близких к нам по времени и потому более понятных, а правильнее сказать, более понявших нас самих. Скорее он является некой азбукой, дающей возможность изучившему ее правильно понимать святоотеческую литературу. Читая подвижнические слова, мы, не имея собственного опыта и не зная правильного подхода, понимаем эти поучения по-своему, можно сказать, превратно, и, горделиво цитируя аскетические изречения, вкладываем в них свой собственный смысл, совсем не тот, который вложили в него святые отцы. Потому, формально опираясь на Предание Церкви, мы невольно искажаем его и учим не тому, чему учили отцы, но как бы их

словами излагаем собственные мнения, уподобляясь в этом сектантам, произвольно толкующим Библию.

Эта книга представляет собой попытку дать некий «ключ разумения», который законники, то есть люди, считающие, что спасение совершается только точным исполнением церковных уставов и правил, взяли от нас этим самым законничеством; сами не войдя в благодатную духовную жизнь, они и хотящим сделать это воспрепятствовали. Мы же имеем сильнейшее желание предоставить вам этот «ключ разумения», дабы вы получили возможность вступить в Царство Божие, внутрь вас сущее, и помолились о нас – составителе, переводчиках и всех, принимавших участие в создании этого сборника, чтобы и мы тоже обрели его в своих сердцах.

Духовник Ново-Тихвинского женского
и Спасского мужского монастырей
игумен Авраам (Рейдман)

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

О молитве Иисусовой

Беседа старца с учеником³

Отдел 1. О молитве Иисусовой вообще

Ученик. Можно ли всем братьям в монастыре заниматься молитвою Иисусовою?

Старец. Не только можно, но и должно. При пострижении в монашество, когда новопостриженному вручаются четки, называемые при этом мечом духовным, завещается ему непрестанное, деннонощное моление молитвою Иисусовою⁴. Следовательно, упражнение в молитве Иисусовой есть обет монаха. Исполнение обета есть обязанность, от которой нет возможности отречься.

Мне сказывали старые монахи, что еще в начале нынешнего столетия в Саровской пустыни – вероятно, и в других благоустроенных российских монастырях – всякому поступавшему в монастырь немедленно преподавалась молитва Иисусова. Блаженный старец Серафим, подвизавшийся в этой пустыни и достигший великого преуспевания в молитве, постоянно советовал всем инокам проводить внимательную жизнь и заниматься Иисусовою молитвою⁵. Посетил его некоторый юноша, окончивший курс учения в духовной семинарии, и открыл старцу о намерении своем вступить в монашество. Старец преподавал юноше душеспасительнейшие наставления. В числе их было завещание обучаться молитве Иисусовой. Говоря о ней, старец присовокупил: «Одна внешняя молитва недостаточна. Бог внимает уму, а потому те монахи, которые не соединяют внешней молитвы со внутренней, не суть монахи»⁶. Определение очень верное! Монах значит «уединенный»: кто не уединился в самом себе, тот еще не уединен, тот еще не монах, хотя бы и жил в уединеннейшем монастыре. Ум подвижника, не уединившегося и не заключившегося в себе, находится по необходимости среди молвы и мятежа, производимых бесчисленными помыслами, имеющими к нему всегда свободный доступ, и сам болезненно, без всякой нужды и пользы, зловредно для себя скитается по вселенной. Уединение человека в самом себе не может совершиться иначе, как при

посредстве внимательной молитвы, преимущественно же при посредстве внимательной молитвы Иисусовой.

Ученик. Суждение старца Серафима представляется мне слишком строгим.

Старец. Оно представляется таким только при поверхностном взгляде на него; оно представляется таким недостаточному пониманию великих духовных сокровищ, сокровенных в христианстве. Блаженный Серафим произнес не свое собственное мнение: он произнес мнение, принадлежащее вообще святым отцам, принадлежащее Православной Церкви. Говорит святой Исихий Иерусалимский: «Отрекшийся от всего житейского, от жены, имения и тому подобного, соделал монахом лишь внешнего человека, а не и внутреннего, который – ум. Тот – истинный монах, кто отрекся от пристрастных помыслов: удобно может он соделать монахом и внешнего человека, когда захочет. Немал подвиг соделать монахом внутреннего человека. Имеется ли в современном поколении монах, совершенно избавившийся от пристрастных помыслов и сподобившийся чистой, невещественной, непрестанной молитвы, что служит признаком внутреннего монаха?»⁷. Преподобный Агафон, инок Египетского Скита, будучи спрошен, что важнее, телесный ли подвиг или подвиг внутренний, отвечал: «Человек подобен дереву; телесный подвиг подобен листу дерева, а внутренний – плоду. Но как в Писании сказано, что *всяко... дерево, не творящее плода добра, отсекается и во огонь вметается* (Лк.3:9), то из этого явствует, что все тщание наше должно быть о плоде, то есть о хранении ума. Нужно и то, чтоб дерево было покрыто и украшено листьями, чем изображается телесный подвиг»⁸. «О чудо! – восклицает блаженный Никифор Афонский, приведши слова преподобного Агафона в своем сочинении о духовном подвиге, – какое изречение произнес этот святой против всех, не хранящих ума, а уповающих на одно телесное делание! *Всяко дерево, не творящее плода добра*, то есть блюдения ума, а имеющее один только лист, то есть телесный подвиг, *отсекается и во огонь вметается*. Страшно, отец, твое изречение!»⁹.

Хранение ума, блюдение ума, трезвение, внимание, умное делание, умная молитва – это различные наименования одного и того же душевного подвига, в различных видоизменениях его. Душевный подвиг переходит в свое время в духовный. Духовный подвиг есть тот же душевный, но уже осененный Божественною благодатью. Этот душевный или духовный подвиг отцы определяют так: «Внимание есть сердечное, непрестанное безмолвие, всегда и непрерывно призывающее Христа Иисуса, Сына Божия и Бога, дышащее Им, с Ним мужественно ополчающееся против врагов, исповедающееся Ему, Единому имеющему власть прощать грехи»¹⁰. Проще сказать – внутренним деланием, умным, душевным деланием, умною молитвою, трезвением, хранением и блюдением ума, вниманием называется одно и то же: благоговейное, тщательное упражнение в молитве Иисусовой. Блаженный Никифор Афонский уподобил эти наименования отрезанной части хлеба, которая, сообразно виду ее, может быть названа и куском, и ломтем, и укрухом¹¹. Божественное Писание Ветхого Завета законополагает: *«Всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходища живота»* (Притч.4:23). *«Внемли себе, да не будет слово тайно в сердце твоём беззакония»* (Втор.15:9)¹². Бодрствование над сердцем и очищение его повелевается особенно Новым Заветом. К этому направлены все заповедания Господа. *«Очисти прежде, – говорит Господь, – внутреннее сткляницы и блюда, да будет и внешнее им чисто»* (Мф.23:26). Сосудами из хрупкого стекла и малоценной глины Господь назвал здесь человеков. *«Исходящее от человека, то сквернит человека: извнутри бо от сердца человеческого помышления злая исходят, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, татьбы, лихоимства, обиды, лукавствия, лесть, студодеяния, око лукаво, хула, гордыня, безумство: вся сия злая извнутри исходят, и сквернят человека»* (Мк.7:20–23). Святой Варсонофий Великий говорит: «Если внутреннее делание с Богом, то есть осененное Божественною благодатью, не поможет человеку, то тщетно подвизается он наружным, то есть телесным, подвигом»¹³. Святой Исаак Сирский: «Не имеющий душевного делания,

лишен духовных дарований»¹⁴. В другом слове этот великий наставник христианского подвижничества уподобляет телесные подвиги, без подвига очищения ума, ложеснам бесплодным и сосцам иссохшим: «Они, – сказал святой, – не могут приблизиться к разуму Божию»¹⁵. Святой Исихий Иерусалимский: «Не имеющий молитвы, чистой от помыслов, не имеет оружия для брани: говорю о молитве, приснодействующей во внутренности души, о молитве, в которой призыванием Христа поражается и опаляется супостат, ратующий тайно»¹⁶. «Невозможно очистить сердце и отогнать от него враждебных духов без частого призывания Иисуса Христа»¹⁷. «Как невозможно проводить земную жизнь без пищи и питья, так невозможно без хранения ума и чистоты сердца, в чем заключается трезвение и что называется трезвением, достигнуть душе во что-либо духовное, или освободиться от мысленного греха, хотя бы кто страхом вечных мук и понуждал себя не согрешать»¹⁸. «Если точно хочешь постыдить стужающие тебе помыслы, безмолвствовать в душевном мире, свободно трезвиться (бодрствовать) сердцем: то Иисусова молитва да соединится с дыханием твоим, – и увидишь это совершающимся по прошествии немногих дней»¹⁹. «Невозможно плавание кораблю без воды, и блюдение ума не возможет состояться без трезвения, соединенного со смирением и с непрерывающеюся молитвою Иисусовою»²⁰. «Если имеешь желание о Господе не только представляться монахом и благим, и кротким, и постоянно соединенным с Богом, если имеешь желание быть истинно таким монахом, всеусильно проходи добродетель внимания, которая состоит в хранении и блюдении ума, в совершении сердечного безмолвия, в блаженном состоянии души, чуждом мечтательности, что обретается не во многих»²¹. «Истинно и существенно монах – тот, кто исправляет трезвение; и тот истинно исправляет трезвение, кто в сердце – монах (уединенный)»²². Такому учению святых отцов служит основанием, как зданию краеугольный камень, учение Самого Господа. – *«Истинныи поклонницы, – возвестил Господь, – поклоняются Отцу духом и истиною: ибо Отец таковых ищет поклоняющихся Ему. Дух*

есть Бог: и иже кланяется Ему, духом и истиною достоин кланяться» (Ин.4:23–24).

Помню: современные молодости моей некоторые благочестивые миряне, даже из дворян, проводившие очень простую жизнь, занимались Иисусовою молитвою. Этот драгоценный обычай ныне, при общем ослаблении христианства и монашества, почти утратился. Моление именем Господа Иисуса Христа требует трезвенной, строго нравственной жизни, жизни странника, требует оставления пристрастий, а нам сделались нужными рассеянность, обширное знакомство, удовлетворение нашим многочисленным прихотям, благодетели и благодетельницы. *«Иисус... уклонися, народу сущу на месте» (Ин.5:13).*

Ученик. Последствием сказанного не будет ли заключение, что без упражнения молитвою Иисусовою не получается спасение?

Старец. Отцы не говорят этого. Напротив того, преподобный Нил Сорский, ссылаясь на священномученика Петра Дамаскина, утверждает, что многие, не достигши бесстрастия, сподобились получить отпущение грехов и спасение²³. Святой Исихий, сказав, что без трезвения нет возможности избежать греха в мыслях, назвал блаженными и тех, которые воздерживаются от греха на деле. Он наименовал их насилующими Царство Небесное²⁴. Достижение же бесстрастия, освящения или, что то же, христианского совершенства без стяжания умной молитвы, невозможно: в этом согласны все отцы. Цель монашеского жительства состоит не только в достижении спасения, но по преимуществу в достижении христианского совершенства. Цель эта предначертана Господом: *«аще хочеши совершен быти, – сказал Господь, – иди, продаждь имение твое и даждь нищим... и гряди вслед Мене... взем крест» (Мф.19:21; Мк.10:21).* Отцы, сравнивая подвиг молитвы именем Господа Иисуса с прочими иноческими подвигами, говорят следующее: «Хотя и имеются другие пути и роды жительства или, если хочешь так назвать, благие делания, руководствующие ко спасению и доставляющие его тем, которые занимаются ими; хотя имеются подвиги и упражнения, вводящие в состояние раба и наемника

(как и Спасителем сказано: «у Отца Моего обители многи суть» (Ин.14:2)), но путь умной молитвы есть путь царский, избранный. Он настолько возвышеннее и изящнее всех других подвигов, насколько душа превосходнее тела: он возводит из земли и пепла в усыновление Богу»²⁵.

Ученик. Направление современного монашества, при котором упражнение молитвою Иисусовою встречается очень редко, может ли послужить для меня извинением и оправданием, если я не буду заниматься ею?

Старец. Долг остается долгом, и обязанность обязанностью, хотя бы число неисполняющих еще более умножилось. Обет произносится всеми. Ни множество нарушителей обета, ни обычай нарушения не дают законности нарушению. Мало то стадо, которому Отец Небесный благоволил даровать Царство (Лк.12:32). Всегда тесный путь имеет мало путешественников, а широкий много (Мф.7:13,14). В последние времена тесный путь оставится почти всеми, почти все пойдут по широкому. Из этого не следует, что широкий потеряет свойство вводить в пагубу, что тесный сделается излишним, ненужным для спасения. Желаящий спастись непременно должен держаться тесного пути, положительно завещанного Спасителем.

Ученик. Почему называешь ты тесным путем упражнение молитвою Иисусовою?

Старец. Как же не тесный путь? Тесный путь, в точном смысле слова! Желаящий заняться успешно молитвою Иисусовою должен оградить себя и извне, и внутри поведением самым благоразумным, самым осторожным: падшее естество наше готово ежечасно изменить нам, предать нас; падшие духи с особенным неистовством и коварством наветуют упражнение молитвою Иисусовою. Нередко из ничтожной, по-видимому, неосторожности, из небрежности и самонадеянности непримеченных, возникает важное последствие, имеющее влияние на жизнь, на вечную участь подвижника, – «и аще не Господь помог бы ми, воле вселилася бы во ад душа моя... подвижется нога моя: милость Твоя, Господи, помогаше ми» (Пс.93:17,18).

Основанием для упражнения молитвою Иисусовою служит поведение благоразумное и осторожное. Во-первых, должно устранить от себя изнеженность и наслаждения плотские во всех видах. Должно довольствоваться пищею и сном постоянно умеренными, соразмерными с силами и здоровьем, чтоб пища и сон доставляли телу должное подкрепление, не производя непристойных движений, которые являются от излишества, не производя изнеможения, которое является от недостатка. Одежда, жилище и все вообще вещественные принадлежности должны быть скромные, в подражание Христу, в подражание апостолам Его, в последование духу их, в общение с духом их. Святые апостолы и истинные ученики их не приносили никаких жертв тщеславию и суетности, по обычаям мира, не входили ни в чем в общение с духом мира. Правильное, благодатное действие молитвы Иисусовой может прозябнуть только из духа Христова: прозябает и произрастает оно исключительно на одной этой почве. Зрение, слух и прочие чувства должны быть строго хранимы, чтоб чрез них, как чрез врата, не ворвались в душу супостаты. Уста и язык должны быть обузданы, как бы окованы молчанием: празднословие, многословие, особливо насмешки, пересуды и злоречие суть злейшие враги молитвы. От принятия братьев в свою келлию, от хождения в их келлии должно отказаться: должно пребывать терпеливо в своей келлии, как в гробе, с мертвецом своим – своею душою, истерзанною, убитою грехом – молить Господа Иисуса о помиловании. Из могилы – келлии – молитва восходит на небо: в той могиле, в которую скрывается тело по смерти, и в могиле адской, в которую низвергается душа грешника, уже нет места для молитвы. В монастыре должно пребывать странником, не входя в дела монастыря по самочинию, не заводя ни с кем близкого знакомства, ограждаясь при трудах монастырских молчанием, посещая неупустительно храм Божий, посещая в случаях нужды келлию духовного отца, обдумывая всякий выход из своей келлии, выходя из нее только по указанию существенной надобности. От любопытства и любознательности суетных должно отказаться решительно, обратив все любопытство и все изыскания на исследование и изучение пути

молитвенного. Нуждается этот путь в тщательнейшем исследовании и изучении: он – не только путь тесный, но и «*путь вводяй в живот*» (Мф.7:14); он – наука из наук и искусство из искусств. Так именуют его отцы²⁶.

Путь истинной молитвы соделывается несравненно теснее, когда подвижник вступит на него деятельностью внутреннего человека. Когда же он вступит в эти теснины и ощутит правильность, спасительность, необходимость такого положения; когда труд во внутренней клети соделается вожденным для него, тогда соделается вожденною и теснота по наружному жительству, как служащая обителью и хранилищем внутренней деятельности. Вступивший умом в подвиг молитвы должен отречься и постоянно отрекаться как от всех помыслов и ощущений падшего естества, так и от всех помыслов и ощущений, приносимых падшими духами, сколько бы ни были благовидными те и другие помыслы и ощущения: он должен идти постоянно тесным путем внимательнейшей молитвы, не уклоняясь ни налево, ни направо. Уклонением налево называю оставление молитвы умом для беседы с помыслами суетными и греховными; уклонением направо называю оставление молитвы умом для беседы с помыслами, по-видимому, благими. Четырех родов помыслы и ощущения действуют на молящегося: одни прозябают из благодати Божией, насажденной в каждого православного христианина святым Крещением, другие предлагаются Ангелом Хранителем, иные возникают из падшего естества, наконец, иные наносятся падшими духами. Первых двух видов помыслы, правильное воспоминания и ощущения, содействуют молитве, оживляют ее, усиливают внимание и чувство покаяния, производят умиление, плач сердца, слезы, обнажают пред взорами молящегося обширность греховности его и глубину падения человеческого, возвещают о неминуемой никем смерти, о безызвестности часа ее, о нелицеприятном и Страшном Суде Божиим, о вечной муке, по лютости своей превышающей постижение человеческое. В помыслах и ощущениях падшего естества добро смешано со злом, а в демонских зло часто прикрывается добром, действуя, впрочем, иногда и открытым злом. Последних двух родов

помыслы и ощущения действуют совокупно по причине связи и общения падших духов с падшим человеческим естеством, – и первым плодом действия их являются высокоумие, в молитве рассеянность. Демоны, принося мнимодуховные и высокие разумения, отвлекают ими от молитвы, производят тщеславную радость, услаждение, самодовольство, как бы от открытия таинственнейшего христианского учения. Вслед за демонскими богословием и философией вторгаются в душу помыслы и мечтания суетные и страстные, расхищают, уничтожают молитву, разрушают благое устройство души. По плодам различаются помыслы и ощущения истинно благие от помыслов и ощущений мнимоблагих.

О, как справедливо называют отцы упражнение молитвою Иисусовою и тесным путем, и самоотвержением, и отречением от мира²⁷! Эти достоинства принадлежат всякой внимательной и благоговейной молитве, по преимуществу же молитве Иисусовой, чуждой того разнообразия в форме и того многомыслия, которые составляют принадлежность псалмопения и прочих молитвословий²⁸.

Ученик. Из каких слов состоит молитва Иисусова?

Старец. Она состоит из следующих слов: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Некоторые отцы²⁹ разделяют молитву для новоначальных на две половины и повелевают от утра примерно до обеда говорить: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя», а после обеда: «Сыне Божий, помилуй мя». Это – древнее предание. Но лучше приучиться, если то можно, к произношению цельной молитвы. Разделение допущено по снисхождению к немощи немощных и новоначальных.

Ученик. Помянуто ли о Иисусовой молитве в Священном Писании?

Старец. О ней говорится в святом Евангелии. Не подумай, что она – установление человеческое: она – установление Божественное. Установил и заповедал священнейшую молитву Иисусову Сам Господь наш, Иисус Христос. После Тайной Вечери, на которой сотворено величайшее из Таинств христианских – святая Евхаристия, Господь, в прощальной

беседе с учениками Своими, пред исшествием на страшные страдания и крестную смерть для искупления ими человечества погибшего, преподавал возвышеннейшее учение и важнейшие, окончательные заповеди. Между этими заповедями Он даровал дозволение и заповедание молиться именем Его³⁰. *«Аминь, аминь глаголю вам, – сказал Он апостолам, – яко елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам» (Ин.16:23). «Еже аще что просите от Отца во имя Мое, то сотворю, да прославится Отец в Сыне. И аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю»(Ин.14:13–14). «Доселе не просисте ничесоже во имя Мое: просите, и приимете, да радость ваша исполнена будет» (Ин.16:24).* Величие имени Господа Иисуса Христа предвозвещено пророками. Указывая на имеющее совершиться искупление человеков Богочеловеком, Исаия вопиет: *«Се, Бог Мой Спас мой... почерпите воду со веселием от источник спасения. И речеши в день оный: хвалите Господа, воспойте имя Его... поминайте, яко вознесется имя Его. Хвалите имя Господне, яко высокая сотвори» (Ис.12:2–5). «Путь... Господень – суд: уповахом на имя Твое, и память, еяже желает душа наша» (Ис.26:8).* Согласно с Исаиею предрекает Давид: *«Возрадуемся о спасении Твоем, и во имя Господа Бога нашего возвеличимся... Имя Господа Бога нашего призовем» (Пс.19:6,8). «Блажени людие, ведущии воскликновение – усвоившие себе умную молитву – Господи, во свете лица Твоего пойдут, и о имени Твоем возрадуются весь день, и правдою Твоею вознесутся» (Пс.88:16–17).*

Ученик. В чем заключается сила молитвы Иисусовой?

Старец. В Божественном имени Богочеловека, Господа и Бога нашего, Иисуса Христа. Апостолы, как видим из книги Деяний их и из Евангелия, совершали великие чудеса именем Господа Иисуса Христа: исцеляли недуги, неисцелимые средствами человеческими, воскрешали мертвых, повелевали бесам, изгоняли их из одержимых ими человеков. Однажды, вскоре после вознесения Господня на небо, когда все двенадцать апостолов пребывали еще во Иерусалиме, два из них, Петр и Иоанн, пошли для молитвы в храм Иерусалимский. К вратам храма, называемым красными, ежедневно выносили

хромого от рождения и полагали на помост: хромой не мог ни ходить, ни стоять. Поверженный у врат, страдалец просил у входящих в храм милостыню, которою, как видно, питался. Когда апостолы приблизились к красным вратам, – хромой устремил к ним взоры, ожидая получить подаяние. Тогда святой Петр сказал ему: *«сребра и злата несть у мене, но еже имам, сие ти даю: во имя Иисуса Христа Назореа востани и ходи»* (Деян.3:6). Увечный исцелел мгновенно, вошел в храм с апостолами и громко прославлял Бога. Народ, пораженный удивлением, сбегался к апостолам. *«Мужие Израильтяне! – сказал святой Петр собравшемуся народу, – что чудитесь о сем, или на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестием сотворихом его ходити? Бог Авраамов и Исааков и Иаковль, Бог отец наших, прослави Отрока Своего Иисуса... И о вере имени Его сего, егоже видите и знаете, утверди имя Его»* (Деян.3:12–16). Весть о чуде вскоре пронеслась до враждебного Господу Иисусу Синедриона³¹. Встревожился Синедрион вестью, схватил апостолов, отдал под стражу, а на следующий день позвал их к суду пред полное собрание свое. Призван был и исцеленный хромец. Когда апостолы встали посреди сонмища богоубийц, недавно заклеивших себя казнью Богочеловека, во имя и именем Которого теперь совершенно поразительнейшее чудо перед множеством очевидцев-свидетелей, дан был апостолам запрос: *«Коею силою или коим именем сотвористе вы сие?»* Петр, исполнившись Святого Духа, отвечал словами Святого Духа, которые заключались следующими: *«Разумно буди всем вам и всем людем Израилевым, яко во имя Иисуса Христа Назореа, егоже вы распяте, егоже Бог воскресил от мертвых, о сем сей стоит пред вами здрав... несть бо иного имене под небесем, даннаго в человецех, о немже подобает спастися нам»* (Деян.4:7,10,12). Запечатлелись молчанием уста врагов Божиих пред непреодолимую силою глаголов небесной истины; не нашлось многочисленное сонмище мудрых и сильных, что сказать и чем возразить на свидетельство Святого Духа, возвещенное двумя некнижными рыбаками, запечатленное небесною печатью – Божиим чудом. Синедрион прибегает к

своей власти, к насилию. Несмотря на явное чудо, несмотря на свидетельство, данное истине Самим Богом, Синедрион запрещает настрого апостолам учить о имени Иисуса, даже произносить это имя. Но апостолы отвечали дерзновенно: *«аще праведно есть пред Богом вас послушати паче, нежели Бога, судите: не можем бо мы, яже видехом и слышахом, не глаголати»* (Деян.4:19–20). Синедрион опять не находит возражения, опять прибегает исключительно к своей власти, повторяет строгое воспрещение. Он отпустил апостолов, ничего не сделав им, хотя и желал излить на них исступленную злобу: чудом всенародным связывались и настроение его, и действие. Петр и Иоанн, возвратившись к своим, передали им угрозы и воспрещение верховного судилища. Тогда двенадцать апостолов и все члены новорожденной Иерусалимской Церкви пролили единодушно пламенную молитву к Богу: молитву противопоставили они силе и ненависти миродержителей – человек и демонов. Молитва эта заключалась следующим прошением: *«Господи! призри на прещения их и даждь рабом Твоим со всяким дерзновением глаголати слово Твое, внегда руку Твою прострети Ти во исцеления, и знамением и чудесем бывати именем Святым Отрока Твоего Иисуса»* (Деян.4:29–30).

Ученик. Некоторые утверждают, что от упражнения Иисусовою молитвою всегда или почти всегда последует прелесть, и очень запрещают заниматься этою молитвою.

Старец. В усвоении себе такой мысли и в таком запрещении заключается страшное богохульство, заключается достойная сожаления прелесть. Господь наш Иисус Христос есть единственный источник нашего спасения, единственное средство нашего спасения; человеческое имя Его заимствовало от Божества Его неограниченную, всесвятую силу спасать нас: как же эта сила, действующая во спасение, эта единственная сила, дарующая спасение, может извратиться и действовать в погибель? Это – чуждо смысла! Это – нелепость горестная, богохульная, душепагубная! Усвоившие себе такой образ мыслей точно находятся в бесовской прелести, обмануты лжеименитым разумом, исшедшим из сатаны. Сатана восстал

коварно против всесвятых и великолепных имен Господа нашего Иисуса Христа, употребляет в свое орудие слепоту и неведение человеческие, оклеветал имя, *«еже паче всякаго имени... о имени Иисусове всяко колени поклонятся небесных и земных и преисподних»* (Флп.2:9–10). Запрещающим молиться молитвою Иисусовой можно отвечать словами апостолов Петра и Иоанна на подобное запрещение, сделанное иудейским Синедрионом: *«аще праведно есть пред Богом вас послушати паче, нежели Бога, судите»* (Деян.4:19). Господь Иисус заповедал молиться всесвятым именем Своим; Он дал нам бесценный дар: какое значение может иметь учение человеческое, противоречащее учению Бога, воспрещение человеческое, усиливающееся устранить и разрушить повеление Божие, отнять дар бесценный? Опасно, очень опасно проповедовать учение, противное тому учению, которое проповедано Евангелием. Такое начинание есть произвольное отлучение себя от благодати Божией, по свидетельству апостола (Гал.1:8).

Ученик. Но старцы, которых мнение приведено мною, пользуются особенною известностью, признаются многими за опытейших наставников в духовной жизни.

Старец. Апостол заповедал – правильнее: заповедал устами апостола Святой Дух – отвергать всякое учение, несогласное с учением, которое благовествовали апостолы, – отвергать и тогда, когда бы Ангел с небесе благовестил это несогласное учение³². Так выразилось Священное Писание не потому, чтоб кто-либо из святых Ангелов покусился противоречить учению Христову, но потому, что учение Христово, учение Божие, проповеданное апостолами, вполне достоверно, вполне свято, не подлежит никаким изменениям, как бы ни представлялись эти изменения основательными недостаточному, превратному знанию и плотскому мудрованию. Учение Христово, будучи превыше суда и человеков, и Ангелов, принимается одною смиренною верою и само служит тем камнем, которым испытуются все прочие учения. Мнение общества человеков о наставнике монашества не имеет никакого значения, если учение этого наставника противоречит

Священному Писанию и писанию святых отцов, если оно содержит в себе богохульство. Монашество – наука из наук: надо знать ее, чтоб верно оценивать преподающего ее. Сказал преподобный Макарий Великий: «Многие, представляющиеся по наружности праведными, слывут истинными христианами; но одним художникам, и из них, основательно знающим художество, свойственно узнавать, точно ли эти праведники имеют знание и образ Царя, или же, может быть, вычеканено и напечатлено на них поддельно знамение неблагонамеренными людьми? Одобряют ли или отвергнут их искусные художники? Если же не найдется искусных художников, то некому и исследовать злохитрых делателей, потому что и они облечены в наружность монашествующих и христиан»³³. Блаженный Феофилакт Болгарский, объясняя слова Архангела Гавриила о Иоанне, Предтече Господнем, что он «будет... велий пред Господем» (Лк.1:15), говорит: «Ангел обещает, что Иоанн будет велик, но пред Господом, потому что многие называются великими пред человеками, не пред Богом, а они – лицемеры». Если порочная жизнь и злонамеренность, прикрытые лицемерством, не узнаются миром, принимаются им за добродетель, тем непостижимее для него знание недостаточное, знание поверхностное, знание превратное. Мир высоко ценит телесные подвиги и лишения, не разбирая того, правильно ли, полезно ли употребляются они или погрешительно и в тяжкий душевный вред; мир особенно уважает то, что действует удачно на телесные чувства, что соответствует понятиям мира о добродетели и о монашестве; мир любит то, что льстит и угождает ему; мир любит свое, сказал Спаситель (Ин.15:18–25). Скорее, ненависть мира, злоречие мира, гонение им могут быть признаками истинного раба Божия: и это засвидетельствовано Спасителем (Ин.15:18–25). Святые отцы завещают избирать наставника непрелестного, непрелестность которого должна познаваться по согласию учения и жительства его со Священным Писанием и с учением духоносных отцов³⁴. Они предостерегают от учителей неискусных, чтобы не заразиться их лжеучением³⁵. Они повелевают сличать учение учителей с учением Священного

Писания и святых отцов: согласное принимать, несогласное отвергать³⁶. Они утверждают, что не имеющие очищенного душевного ока и не могущие познавать древа по плоду признают учительными и духовными тщеславных, пустых и лицемеров, а на истинных святых не обращают никакого внимания, находя их не знающими ничего, когда они молчат, – гордыми и жестокими, когда говорят³⁷. Рассмотрите все Священное Писание: увидишь, что в нем повсюду возвеличено и прославлено имя Господне, превознесена сила Его, спасительная для людей. Рассмотрите писания отцов: увидишь, что все они, без исключения, советуют и заповедают упражнение молитвою Иисусовою, называют ее оружием, которого нет крепче ни на небе, ни на земле³⁸, называют ее Богоданным, неотъемлемым наследием, одним из окончательных и высших завещаний Богочеловека, утешением любвеобильным и сладчайшим, залогом достоверным³⁹. Наконец, обратись к законоположению Православной Восточной Церкви: увидишь, что она для всех неграмотных чад своих, – и монахов, и мирян, – установила заменять псалмопение и молитвословие на келейном правиле молитвою Иисусовою⁴⁰. Что же значит пред единогласным свидетельством Священного Писания и всех святых отцов, пред законоположением Вселенской Церкви о молитве Иисусовой противоречащее учение некоторых слепцов, прославленных и прославляемых подобными им слепцами? Молдавский старец, схимонах Василий, живший в конце прошедшего столетия, изложил учение о молитве Иисусовой с особенною удовлетворительностью в замечаниях к сочинениям преподобных Григория Синаита, Исихия Иерусалимского и Филофея Синайского. Схимонах назвал замечания свои предисловиями или предпутиями. Название очень верное! Чтение замечаний prepares к чтению упомянутых отцов, которых сочинения относятся наиболее к монахам, уже значительно преуспевшим. Замечания изданы Оптиною пустынею вместе с писаниями Паисия Нямецкого, которого Василий был наставником, сподвижником и другом⁴¹. В предисловии на книгу преподобного Григория Синаита старец

Василий говорит: «Некоторые, не знакомые опытно с умным деланием и мнящие о себе, что имеют дар рассуждения, оправдывают себя, или лучше сказать, – отклоняют от обучения сему священному деланию тремя предлогами или изветами: во-первых, отсылая это делание к святым и бесстрастным мужам, думая, что оно принадлежит им, а не и страстным; во-вторых, представляя совершенное оскудение наставников и учителей такому жителству и пути; в-третьих – последующую этому деланию прелесть. Из этих предлогов или изветов первый – непотребен и несправедлив, потому что первая степень преуспевания новоначальных монахов состоит в умалении страстей трезвением ума и блюдением сердца, то есть умною молитвою, подобающе деятельным. Второй – безрассуден и неоснователен, потому что за недостатком наставника и учителя Писание – нам учитель. Третий заключает в себе самообольщение: приводящие его, читая писания о прелести, этим же писанием запинаят себя, криво объясняя его. Вместо того, чтоб из писания познавать прелесть и предостережение от нее, они превращают это писание и представляют его в основание к уклонению от умного делания. Если же ты страшишься этого делания и обучения ему от одного благоговения и простоты сердца, то и я, на этом основании, страшусь, а не на основании пустых басен, по которым волка бояться, так в лес не ходить. И Бога должно бояться, но не убегать и не удаляться от Него по причине этого страха». Далее схимонах объясняет различие между молитвою, совершаемою умом при сочувствии сердца и приличествующею всем благочестивым инокам и христианам, от молитвы благодатной, совершаемой умом в сердце или из сердца и составляющей достояние иноков преуспевших. Получившим и усвоившим себе несчастное предубеждение против молитвы Иисусовой, несколько незнакомым с нею из правильного и длительного упражнения ею было бы гораздо безопаснее воздерживаться от суждения о ней, сознавать свое решительное неведение этого священнейшего подвига, нежели принимать на себя обязанность проповеди против упражнения молитвою Иисусовой: провозглашать, что эта всевятая молитва служит

причиною бесовской прелести и душепогибели. В предостережение им нахожу необходимым сказать, что хуление молитвы именем Иисуса, приписание зловредного действия этому имени равновесны той хуле, которую приносили фарисеи на чудеса, совершаемые Господом (Мф.12:24). Неведение может быть извинено на Суде Божиим гораздо удобнее, нежели упорное предубеждение и основанные на нем возгласы и действия. Будем помнить, что на Суде Божиим мы должны дать отчет за каждое праздное слово (Мф.12:31,36); тем страшнее отчет за слово и слова хульные на основной догмат христианской веры. Учение о Божеской силе имени Иисусова имеет полное достоинство основного догмата и принадлежит к всесвятому числу и составу этих догматов. Невежественное богохульное умствование против молитвы Иисусовой имеет весь характер умствования еретического.

Ученик. Однако святые отцы очень остерегают занимающегося молитвою Иисусовою от прелести.

Старец. Да, предостерегают. Они предостерегают от прелести и находящегося в послушании, и безмолвника, и постника – словом сказать, всякого, упражняющегося какою бы то ни было добродетелью. Источник прелести, как и всякого зла – диавол, а не какая-нибудь добродетель. «Со всею осмотрительностью должно наблюдать, – говорит святой Макарий Великий, – устрояемые врагом (диаволом) со всех сторон козни, обманы и злоковарные действия. Как Святой Дух через Павла всем служит для всех (1Кор.9:22), так и лукавый дух старается злобно быть всем для всех, чтоб всех низвести в погибель. С молящимися притворяется и он молящимся, чтоб по поводу молитвы ввести в высокоумие, с постящимися постится, чтоб обольстить их самомнением и привести в умоисступление; со сведущими Священное Писание и он устремляется в исследование Писания, ища, по-видимому, знания, в сущности же стараясь привести их к превратному разумению Писания; с удостоившимися осияния светом представляется и он имеющим этот дар, как говорит Павел: *«сатана преобразуется во Ангела света»* (2Кор.11:14), чтобы, прельстив привидением как бы света, привлечь к себе. Просто сказать: он принимает на себя

для всех всякие виды, чтобы действием, подобным действию добра, поработить себе подвижника, и, прикрывая себя благовидностью, низвергнуть его в погибель»⁴². Мне случалось видеть старцев, занимающихся исключительно усиленным телесным подвигом и пришедших от него в величайшее самомнение, величайшее самообольщение. Душевные страсти их, гнев, гордость, лукавство, непокорство, получили необыкновенное развитие. Самость и самочиние преобладали в них окончательно. Они с решительностью и ожесточением отвергали все душеспасительные советы и предостережения духовников, настоятелей, даже святителей: они, попирая правила не только смирения, но и скромности, самого приличия, не останавливались выражать пренебрежение к этим лицам самым наглым образом.

Некоторый египетский инок в начале 4 века сделался жертвою ужаснейшей бесовской прелести. Первоначально он впал в высокоумие, потом, по причине высокоумия, поступил под особенное влияние лукавого духа. Дьявол, основываясь на произвольном высокоумии инок, озабочился развить в нем этот недуг, чтобы при посредстве созревшего и окрепшего высокоумия окончательно подчинить себе инок, вовлечь его в душепогибель. Вспомоществуемый демоном инок достиг столь бедственного преуспеяния, что становился босыми ногами на раскаленные угли и, стоя на них, прочитывал всю молитву Господню «Отче наш». Разумеется, люди, не имевшие духовного рассуждения, видели в этом действии чудо Божие, необыкновенную святость инок, силу молитвы Господней и прославляли инок похвалами, развивая в нем гордость и способствуя ему губить себя. Ни чуда Божия, ни святости инок тут не было, сила молитвы Господней тут не действовала; тут действовал сатана, основываясь на самообольщении человека, на ложнонаправленном произволении его; тут действовала бесовская прелесть. Спросишь: какое же значение имела в бесовском действии молитва Господня? Ведь прельщенный читал ее и приписывал действию ее совершавшееся чудо. Очевидно, молитва Господня не принимала тут никакого участия, прельщенный по собственному произволению, по

собственному самообольщению и по обольщению демонскому употребил против себя духовный меч, данный человекам во спасение. Заблуждение и самообольщение еретиков всегда прикрывались злоупотреблением словом Божиим, прикрывались с утонченным лукавством, и в повествуемом событии заблуждение человеческое и бесовская прелесть с той же целью прикрывались коварно молитвою Господней. Несчастный инок полагал, что он стоит на раскаленных углях босыми ногами по действию молитвы Господней за чистоту и высоту своей подвижнической жизни, а он стоял на них по действию бесовскому. Точно таким образом самообольщение и бесовская прелесть прикрываются иногда как бы действием молитвы Иисусовой, а неведение приписывает действию этой святейшей молитвы то, что должно приписывать совокупному действию сатаны и человека, человека, предавшегося руководству сатаны. Упомянутый египетский инок перешел от мнимой святости к необузданному сладострастию, потом к совершенному умоисступлению и, кинувшись в разжженную печь общественной бани, сгорел. Вероятно, или объяло его отчаяние, или представилось ему в печи какое-либо обманчивое привидение⁴³.

Ученик. Что в человеке, какое условие в нем самом, делает его способным к прелести?

Старец. Преподобный Григорий Синаит говорит: «Вообще одна причина прелести – гордость»⁴⁴. В гордости человеческой, которая есть самообольщение, диавол находит для себя удобное пристанище и присоединяет свое обольщение к самообольщению человеческому. Всякий человек более или менее склонен к прелести, потому что самая чистая природа человеческая имеет в себе нечто горделивое⁴⁵. Основательны предостережения отцов! Должно быть очень осмотрительным, должно очень охранять себя от самообольщения и прелести. В наше время, при совершенном оскудении боговдохновенных наставников, нужна особенная осторожность, особенная бдительность над собою. Они нужны при всех иноческих подвигах: наиболее нужны при молитвенном подвиге, который из всех подвигов – возвышеннейший, душеспасительнейший,

наиболее наветуемый врагами⁴⁶. – «Со страхом... жителъствуйте» (1Пет.1:17), – завещает апостол. В упражнении молитвою Иисусовою есть свое начало, своя постепенность, свой конец бесконечный. Необходимо начинать упражнение с начала, а не с середины и не с конца. Святейший Каллист, патриарх Константинопольский, живописуя духовные плоды этой молитвы, говорит: «Никто, из не наученных тайнам или из требующих млека, услыша высокое учение о благодатном действии молитвы, да не осмелится прикоснуться к нему. Возбранена такая несвоевременная попытка. Покусившихся на нее и взыскавших преждевременно того, что приходит в свое время, усиливающих взойти в пристанище бесстрастия в несоответствующем ему устроении, отцы признают не иначе, как находящимися в умопомешательстве. Невозможно читать книгу тому, кто не выучился грамоте»⁴⁷.

Ученик. Что значит упражнение молитвою Иисусовою со середины и конца и что значит начинать это упражнение с начала?

Старец. Начинают с середины те новоначальные, которые, прочитав в отеческих писаниях наставление для упражнения в молитве Иисусовой, данное отцами безмолвникам, то есть монахам, уже весьма преуспевшим в монашеском подвиге, необдуманно принимают это наставление в руководство своей деятельности. Начинают с середины те, которые, без всякого предварительного приготовления, усиливаются взойти умом в сердечный храм и оттуда воссылают молитву. С конца начинают те, которые ищут немедленно раскрыть в себе благодатную сладость молитвы и прочие благодатные действия ее. Должно начинать с начала, то есть совершать молитву со вниманием и благоговением, с целью покаяния, заботясь единственно о том, чтоб эти три качества постоянно соприсутствовали молитве. Так и святой Иоанн Лествичник, этот великий делатель сердечной благодатной молитвы, предписывает находящимся в послушании молитву внимательную, а созревшим для безмолвия молитву сердечную. Для первых он признает невозможною молитву, чуждую рассеянности, а от вторых требует такой молитвы⁴⁸. В обществе человеческом должно

молиться одним умом, а наедине – и умом, и устами, несколько вслух себе одному⁴⁹. Особенное попечение, попечение самое тщательное, должно быть принято о благоустроении нравственности согласно учению Евангелия. Опыт не замедлит открыть уму молящегося теснейшую связь между заповедями Евангелия и молитвою Иисусовою. Эти заповеди служат для этой молитвы тем, чем служит елей для горящего светильника; без елей светильник не может быть возжен; при оскудении елей не может гореть: он гаснет, разливая вокруг себя дым зловонный. Образуется нравственность по учению Евангелия очень удобно при прохождении монастырских послушаний, когда послушания проходятся в том разуме, в каком заповедано проходить их святыми отцами. Истинное послушание служит основанием, законною дверью для истинного безмолвия⁵⁰. Истинное безмолвие состоит в усвоившейся сердцу Иисусовой молитве, – и некоторые из святых отцов совершили великий подвиг сердечного безмолвия и затвора, окруженные молвою человеческою⁵¹. Единственно на нравственности, приведенной в благоустройство евангельскими заповедями, единственно на этом твердом камне евангельском, может быть воздвигнут величественный, священный, невещественный храм богоугодной молитвы. Тщетен труд зиждущего на песке (Мф.7:26), на нравственности легкой, колеблющейся. Нравственность, приведенную в стройный, благолепный порядок, скрепленную навыком в исполнении евангельских заповедей, можно уподобить несокрушимому серебряному или золотому сосуду, который, один только, способен достойно принять и благонадежно сохранить в себе бесценное духовное миро: молитву.

Святой Симеон Новый Богослов, рассуждая о случающейся безуспешности молитвенного подвига и о плевелах прелести, возникающих из него, приписывает причину и безуспешности, и прелести несохранению правильности и постепенности в подвиге. «Хотящие взойти, – говорит Богослов, – на высоты молитвенного преуспевания, да не начинают идти сверху вниз, но да восходят снизу вверх, сперва на первую ступень лестницы, потом на вторую, далее на третью, наконец на

четвертую. Таким образом, всякий может восстать от земли и взойти на небо. Во-первых, он должен подвизаться, чтоб укротить и умалить страсти. Во-вторых, он должен упражняться в псалмопении, то есть в молитве устной: когда умалются страсти, тогда молитва, естественно доставляя веселие и сладость языку, вменяется благоугодно Богу. В-третьих, он должен заниматься умною молитвою». Здесь разумеется молитва, совершаемая умом в сердце: молитву внимательную новоначальных, при сочувствии сердца, отцы редко удостоивают наименования умной молитвы, причисляя ее более к устной. «В-четвертых, он должен восходить к видению. Первое составляет принадлежность новоначальных; второе – возрастающих в преуспевание; третье – достигших крайнего преуспевания; четвертое – совершенных». Далее Богослов говорит, что и подвизающиеся о умалении страстей должны приобщаться к хранению сердца и к внимательной молитве Иисусовой, соответствующей их устройению⁵². В общежитиях Пахомия Великого, произведших возвышеннейших делателей умной молитвы, каждого вновь вступившего в монастырь, во-первых, занимали телесными трудами под руководством старца в течение трех лет. Телесными трудами, частыми наставлениями старца, ежедневною исповедью внешней и внутренней деятельности, отсечением воли обуздывались страсти могущественно и быстро, доставлялась уму и сердцу значительная чистота. При упражнении в трудах преподавалось новонаначальному соответствующее устройению его делание молитвы. По истечении трех лет требовалось от новоначальных изучение наизусть всего Евангелия и Псалтири, а от способных и всего Священного Писания, что необыкновенно развивает устную внимательную молитву. Уже после этого начиналось тайноучение умной молитве: объяснялось оно обильно и Новым, и Ветхим Заветами⁵³. Таким образом монахи вводились в правильное понимание умной молитвы и в правильное упражнение ею. От прочности основания и от правильности в упражнении – дивным было преуспевание⁵⁴.

Ученик. Имеется ли какое верное средство к предохранению себя от прелести вообще при всех подвигах

монашеских и, в частности, при упражнении молитвою Иисусовою?

Старец. Как гордость есть вообще причина прелести, так смирение – добродетель, прямо противоположная гордости, – служит верным предостережением и предохранением от прелести. Святой Иоанн Лествичник назвал смирение погублением страстей⁵⁵. Очевидно, что в том, в ком не действуют страсти, в ком обузданы страсти, не может действовать и прелесть, потому что прелесть есть страстное или пристрастное уклонение души ко лжи на основании гордости.

При упражнении же молитвою Иисусовою и вообще молитвою вполне и со всею верностью предохраняет вид смирения, называемый плачем. Плач есть сердечное чувство покаяния, спасительной печали о греховности и разнообразной, многочисленной немощи человека. Плач есть дух сокрушен: *сердце сокрушенно и смиренно*, которое Бог не уничижит (Пс.50:19), то есть не предаст во власть и поругание демонам, как предается им сердце гордое, исполненное самомнения, самонадеянности, тщеславия. Плач есть та единственная жертва, которую Бог принимает от падшего человеческого духа, до обновления человеческого духа Святым Божиим Духом. Да будет наша молитва проникнута чувством покаяния, да совокупится она с плачем, и прелесть никогда не воздействует в нас. Святой Григорий Синаит в последней статье своего сочинения, в которой изложены им для подвижников молитвы предостережения от душепагубной прелести, говорит: «Немалый труд – достигнуть точно истины и соделаться чистым от всего, сопротивного благодати, потому что обычно диаволу показывать, особливо пред новоначальными, свою прелесть в образе истины, давая лукавому вид духовного. По этой причине подвизающийся в безмолвии достичь чистой молитвы должен шествовать мысленным путем молитвы со многим трепетом и плачем, с испрошением наставления у искусных, всегда плакать о своих грехах, печалясь и боясь, как бы не подвергнуться муче или не отпасть от Бога, не отлучиться от Него в этом или будущем веке. Если диавол увидит, что подвижник живет

плачевно, то не пребывает при нем, не терпя смирения, исходящего от плача... Великое оружие – иметь при молитве и плач. Непрелестная молитва состоит в теплоте с молитвою Иисусовою, которая (молитва Иисусова) и влагает огонь в землю сердца нашего, в теплоте, пожигающей страсти, как терние, производящей в душе веселие и тишину. Теплота эта не приходит с правой или с левой стороны и не сверху, но прозябает в самом сердце, как источник воды Животворящего Духа⁵⁶. Возлюби ее единую найти и стяжать в сердце, соблюдая твой ум приснонемечтательным, чуждым разумений и помышлений, и не бойся. Сказавший: *«Дерзайте: Аз есмь, не бойтесь»* (Мф.14:27), Он – с нами. Он – Тот, Кого мы ищем. Он всегда защитит нас, – и мы не должны бояться или воздыхать, призывая Бога. Если некоторые и совратились, подверглись умоповреждению: то знай, что они подверглись этому от самочиния и высокоумия⁵⁷. Ныне, по причине совершенного оскудения духоносных наставников, подвижник молитвы вынужден исключительно руководствоваться Священным Писанием и писаниями отцов⁵⁸. Это – гораздо труднее. Новая причина для сугубого плача!

Отдел 2. О прелести

Ученик. Дай точное и подробное понятие о прелести. Что такое – прелесть?

Старец. Прелесть есть повреждение естества человеческого ложью. Прелесть есть состояние всех человеков, без исключения, произведенное падением праотцев наших. Все мы – в прелести⁵⁹. Знание этого есть величайшее предохранение от прелести. Величайшая прелесть – признавать себя свободным от прелести. Все мы обмануты, все обольщены, все находимся в ложном состоянии, нуждаемся в освобождении истиною. Истина есть Господь наш Иисус Христос (Ин.8:32, 14:6). Усвоимся этой Истине верою в Нее; возопием молитвою к этой Истине, – и Она извлечет нас из пропасти самообольщения и обольщения демонами. Горестно – состояние наше! Оно – темница, из которой мы молим извести нашу душу, исповедаться имени Господню (Пс.141:8). Оно – та мрачная земля, в которую низвергнута жизнь наша позавидовавшим нам и погнавшим нас врагом (Пс.142:3). Оно – плотское мудрование (Рим.8:6) и лжеименный разум (1Тим.6:20), которыми заражен весь мир, не признающий своей болезни, провозглашающий ее цветущим здравием. Оно – плоть и кровь, которые *«Царствия Божия наследити не могут»* (1Кор.15:50). Оно – вечная смерть, врачуемая и уничтожаемая Господом Иисусом, Который есть *«воскрешение и живот»* (Ин.11:25). Таково наше состояние. Зрение его – новый повод к плачу. С плачем возопием ко Господу Иисусу, чтоб он вывел нас из темницы, извлек из пропастей земных, исторг из челюстей смерти. «Господь наш Иисус Христос, – говорит преподобный Симеон Новый Богослов, – потому и сошел к нам, что восхотел изъять нас из плена и из злейшей прелести»⁶⁰.

Ученик. Это объяснение недовольно доступно для моих понятий: нуждаюсь в объяснении более простом, более близком к моему уразумению.

Старец. В средство погубления человеческого рода употреблена была падшим ангелом ложь (Быт.3:13). По этой

причине Господь назвал диавола ложью, отцом лжи и человекоубийцею искони (Ин.8:44). Понятие о лжи Господь тесно соединил с понятием о человекоубийстве, потому что последнее есть неременное последствие первой. Словом «искони» указывается на то, что ложь с самого начала послужила для диавола орудием к человекоубийству и постоянно служит ему орудием к человекоубийству, к погублению человеков. Начало зол – ложная мысль! Источник самообольщения и бесовской прелести – ложная мысль! Причина разнообразного вреда и гибели – ложная мысль. При посредстве лжи диавол поразил вечной смертью человечество в самом корне его, в праотцах. Наши праотцы прельстились, то есть признали истинною ложь и, приняв ложь под личиною истины, повредили себе неисцельно смертоносным грехом, что засвидетельствовала и праматерь наша. – «Змий прельсти мя, – сказала она, – и ядох» (Быт.3:13). С того времени естество наше, зараженное ядом зла, стремится произвольно и невольно ко злу, представляющемуся добром и наслаждением искаженной воле, извращенному разуму, извращенному сердечному чувству. Произвольно, потому что в нас еще есть остаток свободы в избрании добра и зла. Невольно, потому что этот остаток свободы не действует как полная свобода; он действует под неотъемлемым влиянием повреждения грехом. Мы родимся такими; мы не можем не быть такими, и потому все мы, без всякого исключения, находимся в состоянии самообольщения и бесовской прелести. Из этого воззрения на состояние человеков в отношении к добру и злу, на состояние, которое по необходимости принадлежит каждому человеку, вытекает следующее определение прелести, объясняющее ее со всею удовлетворительностью: прелесть есть усвоение человеком лжи, принятой им за истину. Прелесть действует первоначально на образ мыслей; будучи принята и извратив образ мыслей, она немедленно сообщается сердцу, извращает сердечные ощущения; овладев сущностью человека, она разливается на всю деятельность его, отравляет само тело, как неразрывно связанное Творцом с душою. Состояние прелести есть состояние гибели или вечной смерти.

Со времени падения человека диавол получил к нему постоянно свободный доступ⁶¹. Диавол имеет право на этот доступ: его власти, повиновением ему, человек подчинил себя произвольно, отвергнув повиновение Богу. Бог искупил человека. Искупленному человеку предоставлена свобода повиноваться или Богу, или диаволу, а чтоб свобода эта вынаружилась непринужденно, оставлен диаволу доступ к человеку. Очень естественно, что диавол употребляет все усилия удержать человека в прежнем отношении к себе или даже привести в большее порабощение. Для этого он употребляет прежнее и всегдашнее свое оружие – ложь. Он старается обольстить и обмануть нас, опираясь на наше состояние самообольщения; наши страсти – эти болезненные влечения – он приводит в движение; пагубные требования их облачает в благовидность, усиливается склонить нас к удовлетворению страстям. Верный слову Божию не дозволяет себе этого удовлетворения, обуздывает страсти, отражает нападения врага (Иак.4:7): действуя под руководством Евангелия против собственного самообольщения, укрощая страсти, этим уничтожая мало-помалу влияние на себя падших духов, он мало-помалу выходит из состояния прелести в область истины и свободы (Ин.8:32), полнота которых доставляется осенением Божественной благодати. Неверный учению Христову, последующий своей воле и разуму, подчиняется врагу и из состояния самообольщения переходит к состоянию бесовской прелести, теряет остаток своей свободы, вступает в полное подчинение диаволу. Состояние людей в бесовской прелести бывает очень разнообразно, соответствуя той страсти, которою человек обольщен и порабощен, соответствуя той степени, в которой человек порабощен страсти. Но все, впавшие в бесовскую прелесть, то есть через развитие собственного самообольщения вступившие в общение с диаволом и в порабощение ему, находятся в прелести, суть храмы и орудия бесов, жертвы вечной смерти, жизни в темницах ада.

Ученик. Исчисли виды бесовской прелести, происходящей от неправильного упражнения молитвою.

Старец. Все виды бесовской прелести, которым подвергается подвижник молитвы, возникают из того, что в основание молитвы не положено покаяние, что покаяние не сделалось источником, душою, целью молитвы. «Если кто, – говорит преподобный Григорий Синаит в вышеприведенной статье, – с самонадеянностью, основанною на самомнении⁶², мечтает достигнуть в высокие молитвенные состояния и стяжал ревность не истинную, а сатанинскую, того диавол удобно опутывает своими сетями, как своего служителя». Всякий, усиливающийся взойти на брак Сына Божия не в чистых и светлых одеждах, устрояемых покаянием, а прямо в своем рубище, в состоянии ветхости, греховности и самообольщения, извергается вон, во тьму кромешную: в бесовскую прелесть. *»Совещаю тебе, – говорит Спаситель призванному к таинственному жречеству, – купи от Мене злато разжжено огнем, да обогатишия, и одеяние бело, да облечешия, и да не явится срамота наготы твоя: и коллурием⁶³ слез помажи чувственные очи твои и очи ума, да видиши. Аз, ихже аще люблю, обличаю и наказую: ревнуй убо и покайся»* (Апок.3:18–19). Покаяние и все, из чего оно составляется, как то: сокрушение или болезнование духа, плач сердца, слезы, самоосуждение, памятование и предощущение смерти, Суда Божия и вечных мук, ощущение присутствия Божия, страх Божий – суть дары Божии, дары великой цены, дары первоначальные и основные, залого даров высших и вечных. Без предварительного получения их подаяние последующих даров невозможно. «Как бы ни возвышенны были наши подвиги, – сказал святой Иоанн Лествичник, – но если мы не стяжали болезнующего сердца, то эти подвиги и ложны, и тщетны»⁶⁴. Покаяние, сокрушение духа, плач суть признаки, суть свидетельство правильности молитвенного подвига; отсутствие их – признак уклонения в ложное направление, признак самообольщения, прелести или бесплодия. То или другое, то есть прелесть или бесплодие, составляют неизбежное последствие неправильного упражнения молитвою, а неправильное упражнение молитвою неразлучно с самообольщением.

Самый опасный, неправильный образ молитвы заключается в том, когда молящийся сочиняет силою воображения своего мечты или картины, заимствуя их, по-видимому, из Священного Писания, в сущности же из своего собственного состояния, из своего падения, из своей греховности, из своего самообольщения, – этими картинами льстит своему самомнению, своему тщеславию, своему высокоумию, своей гордости, обманывает себя. Очевидно, что все, сочиняемое мечтательностью нашей падшей природы, извращенной падением природы, не существует на самом деле, – есть вымысел и ложь, столько свойственные, столько возлюбленные падшему ангелу. Мечтатель с первого шага на пути молитвенном исходит из области истины, вступает в область лжи, в область сатаны, подчиняется произвольно влиянию сатаны. Святой Симеон Новый Богослов описывает молитву мечтателя и плоды ее так: «Он возводит к небу руки, глаза и ум, воображает в уме своем, – подобно Клопштоку и Мильтону – Божественные совещания, небесные блага, чины святых Ангелов, селения святых, короче, собирает в воображении своем все, что слышал в Божественном Писании, рассматривает это во время молитвы, взирает на небо, всем этим возбуждает душу свою к Божественному желанию и любви, иногда проливает слезы и плачет. Таким образом мало-помалу кичатся сердце его, не понимая того умом; он мнит, что совершаемое им есть плод Божественной благодати к его утешению, и молит Бога, чтоб сподобил его всегда пребывать в этом делании. Это признак прелести. Такой человек, если и будет безмолвствовать совершенным безмолвием, не может не подвергнуться умоисступлению и сумасшествию. Если же [и] не случится с ним этого, однако ему невозможно никогда достигнуть духовного звания разума и добродетели или бесстрастия. Таким образом прельстились видевшие свет и сияние этими телесными очами, обонявшие благовония обонянием своим, слышавшие гласы ушами своими. Одни из них возбесновались и переходили умоповрежденными с места на место; другие приняли беса, преобразившегося в Ангела светлого, прельстились и пребыли не исправленными даже до

конца, не принимая совета ни от кого из братий; иные из них, подучаемые дьяволом, убили сами себя: иные низверглись в пропасти, иные удавились. И кто может исчислить различные прельщения дьявола, которыми он прельщает и которые неисповедимы? Впрочем, из сказанного нами всякий разумный человек может научиться, какой вред происходит от этого образа молитвы. Если же кто из употребляющих его и не подвергнется ни одному из вышесказанных бедствий по причине сожительства с братией, потому что таким бедствиям подвергаются наиболее отшельники, живущие наедине: но таковой проводит всю жизнь свою безуспешно»⁶⁵.

Все святые отцы, описавшие подвиг умной молитвы, воспрещают не только составлять произвольные мечты, но и преклоняться произволением и сочувствием к мечтам и привидениям, которые могут представиться нам неожиданно, независимо от нашего произволения. И это случается при молитвенном подвиге, особливо в безмолвии. «Никак не прими, – говорит преподобный Григорий Синаит, – если увидишь что-либо, чувственными очами или умом, вне или внутри тебя, будет ли то образ Христа, или Ангела, или какого святого, или если представится тебе свет... Будь внимателен и осторожен! не позволяй себе доверять чему-либо, не вырази сочувствия и согласия, не вверься поспешно явлению, хотя бы оно было истинное и благое; пребывай хладным к нему и чуждым, постоянно сохраняя ум твой безвидным, не составляющим из себя никакого изображения и не запечатленным никаким изображением. Увидевший что-либо в мысли или чувственно, хотя бы то было и от Бога, и принимающий поспешно, удобно впадает в прелесть, по крайней мере обнаруживает свою склонность и способность к прелести, как принимающий явления скоро и легкомысленно. Новоначальный должен обращать все внимание на одно сердечное действие, одно это действие признавать непрелестным, прочего же не принимать до времени вступления в бесстрастие. Бог не прогневается на того, кто опасаясь прелести, с крайней осмотрительностью наблюдает за собой, если он и не примет чего посланного от Бога, не рассмотрев посланное со всей тщательностью;

напротив того, Бог похваляет такого за его благоразумие»⁶⁶. Святой Амфилохий, с юности вступивший в монашество, удостоился в зрелых летах и в старости проводить жизнь отшельническую в пустыни. Заключась в пещеру, он упражнялся в безмолвии и достиг великого преуспевания. Когда совершилось сорок лет его отшельнической жизни, явился ему ночью Ангел и сказал: «Амфилохий! Иди в город и паси духовных овец». Амфилохий пребыл во внимании себе и не обратил внимания на повеление Ангела. На другую ночь снова явился Ангел и повторил повеление, присовокупив, что оно от Бога. И опять Амфилохий не оказал повиновения Ангелу, опасаясь быть обольщенным и вспоминая слова апостола, что и сатана преобразуется в Ангела светлого (2Кор.11:14). На третью ночь снова явился Ангел и, удостоверив о себе Амфилохия славословием Бога, нетерпимым духами отверженными, взял старца за руку, вывел из келлии, привел к церкви, находящейся вблизи. Двери церковные отворились сами собою. Церковь освещалась небесным светом; в ней присутствовало множество святых мужей в белых ризах с солнцобразными лицами. Они рукоположили Амфилохия в епископа города Иконии⁶⁷.

При противоположном поведении преподобные Исаакий и Никита Печерские, новые и неопытные в отшельнической жизни, подверглись ужаснейшему бедствию, опрометчиво вверившись представившемуся им привидению. Первому явилось множество демонов в сиянии: один из демонов принял вид Христа, прочие – вид святых Ангелов. Второго обольстил демон сперва благоуханием и гласом, как бы Божиим, потом представ ему очевидно в виде Ангела⁶⁸. Опытные в монашеской жизни иноки, истинно святые иноки, гораздо более опасаются прелести, гораздо более не доверяют себе, нежели новоначальные, особливо те из новоначальных, которые объаты разгорячением к подвигу. С сердечною любовью предостерегает от прелести преподобный Григорий Синаит безмолвника, для которого написана его книга: «Хочу, чтобы ты имел определенное понятие о прелести: хочу этого с той целью, чтобы ты мог предохранить себя от прелести, чтобы при стремлении, не озаренном должным ведением, ты не причинил

себе великого вреда, не погубил души твоей. Свободное произволение человека удобно преклоняется к общению с противниками нашими, в особенности произволение неопытных, новых в подвиге, как еще обладаемых демонами»⁶⁹. Как это верно! Склоняется, влечется наше свободное произволение к прелести, потому что всякая прелесть льстит нашему самомнению, нашему тщеславию, нашей гордости. «Бесы находятся вблизи и окружают новоначальных и самочинных, распростирая сети помыслов и пагубных мечтаний, устраивая пропасти падений. Город новоначальных – все существо каждого из них – находится еще в обладании варваров... По легкомыслию не вдавайся скоро тому, что представляется тебе, но пребывай тяжким, удерживая благое со многим рассмотрением и отвергая лукавое... Знай, что действия благодати – ясны; демон преподать их не может: он не может преподать ни кротости, ни тихости, ни смирения, ни ненависти к миру; он не укрощает страстей и сластолюбия, как это делает благодать». Действия его: «дмение» – надменность, напыщенность – «высокоумие, страхование, словом, все виды злобы. По действию можешь познать свет, воссиявший в душе твоей, Божий ли он, или от сатаны»⁷⁰. Надо знать, что такое рассмотрение – принадлежность преуспевших иноков, никак не новоначальных. Преподобный Синаит беседует хотя с новоначальным, но с новоначальным по безмолвной жизни, который и по пребыванию в монашестве, и по телесному возрасту был старец, как видно из книги.

Ученик. Не случилось ли тебе видеть кого-либо пришедшего в бесовскую прелесть от развития мечтательности при упражнении молитвою?

Старец. Случалось. Некоторый чиновник, живший в Петербурге, занимался усиленным молитвенным подвигом и пришел от него в необычайное состояние. О подвиге своем и о последствиях его он открывал тогдашнему протоиерею церкви Покрова Божией Матери, что в Коломне. Протоиерей, посетив некоторый монастырь Санкт-Петербургской епархии, просил одного из монашествующих того монастыря побеседовать с чиновником. «Странное положение, в которое чиновник пришел

от подвига, – говорил справедливо протоиерей, – удобнее может быть объяснено жителями монастыря, как более знакомыми с подробностями и случайностями аскетического подвига». Монах согласился. Через несколько времени чиновник прибыл в монастырь. При беседе его с монахом присутствовал и я. Чиновник начал тотчас рассказывать о своих видениях, – что он постоянно видит при молитве свет от икон, слышит благоухание, чувствует во рту необыкновенную сладость и так далее. Монах, выслушав этот рассказ, спросил чиновника: «Не приходила ли вам мысль убить себя?» – «Как же! – отвечал чиновник, – я уже был кинувшись в Фонтанку⁷¹, да меня вытащили». Оказалось, что чиновник употреблял образ молитвы, описанный святым Симеоном, разгорячил воображение и кровь, причем человек делается очень способным к усиленному посту и бдению. К состоянию самообольщения, избранному произвольно, диавол присоединил свое, сродное этому состоянию действие, и человеческое самообольщение перешло в явную бесовскую прелесть. Чиновник видел свет телесными очами; благоухание и сладость, которые он ощущал, были также чувственные. В противоположность этому, видения святых и их сверхъестественные состояния вполне духовны⁷²: подвижник содевается способным к ним не прежде, как по отвержении очей души Божественною благодатью, причем оживают и прочие чувства души, дотоле пребывающие в бездействии⁷³; принимают участие в благодатном видении и телесные чувства святых, но тогда, когда тело перейдет из состояния страстного в состояние бесстрастное. Монах начал уговаривать чиновника, чтоб он оставил употребляемый им способ молитвы, объясняя и неправильность способа, и неправильность состояния, доставляемого способом. С ожесточением воспротивился чиновник совету. «Как отказаться мне от явной благодати!» – возражал он.

Вслушиваясь в поведания чиновника о себе, я почувствовал к нему неизъяснимую жалость, и вместе представлялся он мне каким-то смешным. Например, он сделал монаху следующий вопрос: «Когда от обильной сладости

умножится у меня во рту слюна, то она начинает капать на пол: не грешно ли это?» Точно: находящиеся в бесовской прелести возбуждают к себе сожаление, как не принадлежащие себе и находящиеся, по уму и сердцу, в плену у лукавого, отверженного духа. Представляют они собою и смешное зрелище: посмеянию предаются они овладевшим ими лукавым духом, который привел их в состояние уничижения, обольстив тщеславием и высокоумием. Ни плена своего, ни странности поведения прельщенные не понимают, сколько бы ни были очевидными этот плен, эта странность поведения.

Зиму 1828–1829 годов проводил я в Пловчанской пустыни⁷⁴. В то время жил там старец, находившийся в прелести. Он отсек себе кисть руки, полагая исполнить этим евангельскую заповедь, и рассказывал всякому, кому угодно было выслушать его, что отсеченная кисть руки соделалась святыми мощами, что она хранится и чествуется благолепно в Московском Симонове монастыре, что он, старец, находясь в Пловчанской пустыни, в пятистах верстах от Симонова, чувствует, когда Симоновский архимандрит с братией прикладываются к руке. Со старцем делалось содрогание, причем он начинал шипеть очень громко: он признавал это явление плодом молитвы; но зрителям оно представлялось извращением себя, достойным лишь сожаления и смеха. Дети, жившие в монастыре по сиротству, забавлялись этим явлением и копировали его перед глазами старца. Старец приходил в гнев, кидался то на одного, то на другого мальчика, трепал их за волосы. Никто из почтенных иноков обители не мог уверить прельщенного, что он находится в ложном состоянии, в душевном расстройстве.

Когда чиновник ушел, я спросил монаха: «С чего пришло ему на мысль спросить чиновника о покушении на самоубийство?» Монах отвечал: «Как среди плача по Богу приходят минуты необыкновенного успокоения совести, в чем заключается утешение плачущих; так и среди ложного наслаждения, доставляемого бесовскою прелестью, приходят минуты, в которые прелесть как бы разоблачается и дает вкусить себя так, как она есть. Эти минуты ужасны! Горечь их и производимое этой горечью отчаяние невыносимы. По этому

состоянию, в которое приводит прелесть, всего бы легче узнать ее прельщенному и принять меры к исцелению себя. Увы! начало прелести – гордость, и плод ее – преизобильная гордость. Прельщенный, признающий себя сосудом Божественной благодати, презирает спасительные предостережения ближних, как это заметил святой Симеон. Между тем припадки отчаяния становятся сильнее и сильнее: наконец отчаяние обращается в умоисступление, и увенчивается самоубийством.

В начале нынешнего столетия подвизался в Софрониевой пустыни⁷⁵ схимонах Феодосий, привлекий к себе уважение и братства, и мирян строгим, возвышенным жительством. Однажды представилось ему, что он был восхищен в Рай. По окончании видения он пошел к настоятелю, поведал подробно о чуде и присовокупил выражение сожаления, что он видел в Раю только себя, не видел никого из братий. Эта черта ускользнула из внимания у настоятеля: он созвал братию, в сокрушении духа пересказал им о видении схимонаха и увещал к жизни более усердной и богоугодной. По прошествии некоторого времени начали обнаруживаться в действиях схимонаха странности. Дело кончилось тем, что он [был] найден удавившимся в своей келлии».

Со мною был следующий, достойный замечания случай. Посетил меня однажды афонский иеросхимонах, бывший в России за сбором. Мы сели в моей приемной келлии, и он стал говорить мне: «Помолись о мне, отец: я много сплю, много ем». Когда он говорил мне это, я ощутил жар, из него исходивший, почему и отвечал ему: «Ты не много ешь и не много спишь; но нет ли в тебе чего особенного?», – и просил его войти во внутреннюю мою келлию. Идя пред ним и отворяя дверь во внутреннюю келлию, я молил мысленно Бога, чтоб Он даровал гладной душе моей попользоваться от афонского иеросхимонаха, если он – истинный раб Божий. Точно: я заметил в нем что-то особенное. Во внутренней келлии мы опять уселись для беседы, и я начал просить его: «Сделай милость – научи меня молитве. Ты живешь в первом монашеском месте на земле, среди тысяч монахов: в таком

месте и в таком многочисленном собрании монахов непременно должны находиться великие молитвенники, знающие молитвенное тайнодействие и преподающие его ближним, по примеру Григориев Синаита и Паламы, по примеру многих других афонских светильников». Иеросхимонах немедленно согласился быть моим наставником, – и, о ужас! – с величайшим разгорячением начал передавать мне вышеприведенный способ восторженной, мечтательной молитвы. Вижу: он – в страшном разгорячении! у него разгорячены и кровь, и воображение! он – в самодовольстве, в восторге от себя, в самообольщении, в прелести! Дав ему высказаться, я начал понемногу, в чине наставляемого, предлагать ему учение святых отцов о молитве, указывая его в «Добротолубии» и прося объяснить мне это учение. Афонец пришел в совершенное недоумение. Вижу: он вполне незнаком с учением отцов о молитве! При продолжении беседы говорю ему: «Смотри, старец! будешь жить в Петербурге – никак не квартируй в верхнем этаже; квартируй непременно в нижнем». «Отчего так?» – возразил афонец. «От того, – отвечал я, – что если вздумается Ангелам, внезапно восхитив тебя, перенести из Петербурга в Афон и они понесут из верхнего этажа да уронят, то убьешься до смерти, если же понесут из нижнего и уронят, то только ушибешься». «Представь себе, – отвечал афонец, – сколько уже раз, когда я стоял на молитве, приходила мне живая мысль, что Ангелы восхитят меня и поставят на Афоне!» Оказалось, что иеросхимонах носит вериги, почти не спит, мало вкушает пищи, чувствует в теле такой жар, что зимою не нуждается в теплой одежде. К концу беседы пришло мне на мысль поступить следующим образом: я стал просить афонца, чтобы он, как постник и подвижник, испытал над собою способ, преподанный святыми отцами, состоящий в том, чтоб ум во время молитвы был совершенно чужд всякого мечтания, погружался весь во внимание словам молитвы, заключался и вмещался, по выражению святого Иоанна Лествичника, в слова молитвы⁷⁶. При этом сердце обыкновенно содействует уму душеспасительным чувством печали о грехах, как сказал преподобный Марк Подвижник: «Ум,

неразвлеченно молящийся, утесняет сердце: *сердце же сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*» (Пс.50:19)⁷⁷. «Когда ты испытаешь над собою, – сказал я афонцу, – то сообщи и мне о плоде опыта; для меня самого такой опыт неудобен по развлеченной жизни, проводимой мною». Афонец охотно согласился на мое предложение. Через несколько дней приходит он ко мне и говорит: «Что сделал ты со мной?» – «А что?» – «Да как я попробовал помолиться со вниманием, заключая ум в слова молитвы, то все мои видения пропали, и уже не могу возвратиться к ним». Далее в беседе с афонцем я не видел той самонадеянности и той дерзости, которые были очень заметны в нем при первом свидании и которые обыкновенно замечаются в людях, находящихся в самообольщении, мнящих о себе, что они святы или находятся в духовном преуспеянии. Афонец изъявил даже желание услышать для себя мой убогий совет. Когда я посоветовал ему не отличаться по наружному образу жизни от прочих иноков, потому что такое отличие себя ведет к высокоумию⁷⁸, то он снял с себя вериги и отдал их мне. Через месяц он опять был у меня и сказывал, что жар в теле его прекратился, что он нуждается в теплой одежде и спит гораздо более. При этом он говорил, что на Афонской Горе многие, и из пользующихся славою святости, употребляют тот способ молитвы, который был употребляем им, – научают ему и других. Не мудрено! Святой Симеон Новый Богослов, живший за восемь столетий до нашего времени, говорит, что внимательною молитвою занимаются очень немногие⁷⁹. Преподобный Григорий Синаит, живший в четырнадцатом столетии по Рождестве Христовом, когда прибыл на Афонскую Гору, то нашел, что многочисленное монашество ее не имеет никакого понятия об умной молитве, а занимается лишь телесными подвигами, совершая молитвы лишь устно и гласно⁸⁰. Преподобный Нил Сорский, живший в конце 15 и начале 16 века, посетивший также Афонскую Гору, говорит, что в его время число внимательных молитвенников оскудело до крайности⁸¹. Старец архимандрит Паисий Величковский переместился на Афонскую Гору из Молдавии в 1747 году. Он ознакомился коротко со всеми монастырями и

скитами, беседовал со многими старцами, которых признавало общее мнение Святой Горы опытнейшими и святыми иноками. Когда же он начал вопрошать этих иноков о книгах святых отцов, написавших об умной молитве, – оказалось, что они не только не знали о существовании таких писаний, но даже не знали имен святых писателей; тогда «Добротолюбие» еще не было напечатано на греческом языке⁸². Внимательная молитва требует самоотвержения, а на самоотвержение решаются редкие. Заключение в себя вниманием, находящийся в состоянии недоумения от зренья своей греховности, не способный к многословию и вообще к эффекту и актерству, представляется для не знающих таинственного подвига его каким-то странным, загадочным, недостаточным во всех отношениях. Легко ли расстаться с мнением мира! И миру – как познать подвижника истинной молитвы, когда самый подвиг вовсе не известен миру? То ли дело – находящийся в самообольщении! Не ест, не пьет, не спит, зимою ходит в одной рясе, носит вериги, видит видения, всех учит и обличает с дерзкой наглостью, без всякой правильности, без толку и смыслу, с кровавым, вещественным, страстным разгорячением, и по причине этого горестного, губительного разгорячения. Святой да и только! Издавна замечены вкус и влечение к таким в обществе человеческом: *"приемлете, – пишет апостол Павел к коринфянам, – аще кто вас порабощает, аще кто поядает, аще кто не влепоту проторит, аще кто по лицу бьет вы, аще кто величается"* (2Кор.11:20). Далее святой апостол говорит, что он, бывши в Коринфе, не мог вести себя дерзко и нагло: поведение его было запечатлено скромностью, кротостью и тихостью Христовою (2Кор.10:1). Большая часть подвижников Западной Церкви, провозглашаемых ею за величайших святых – по отпадении ее от Восточной Церкви и по отступлении Святого Духа от нее, – молились и достигали видений, разумеется, ложных упомянутым мною способом. Эти мнимые святые были в ужаснейшей бесовской прелести. Прелесть уже естественно воздвигается на основании богохульства, которым у еретиков извращена догматическая вера. Поведение подвижников латинства, объятых прелестью, было всегда

исступленное, по причине необыкновенного вещественного, страстного разгорячения. В таком состоянии находился Игнатий Лойола, учредитель иезуитского ордена. У него воображение было так разгорячено и изощрено, что, как сам он утверждал, ему стоило только захотеть и употребить некоторое напряжение, как являлись перед его взорами, по его желанию, ад или Рай. Явление Рая и ада совершалось не одним действием воображения человеческого; одно действие воображения человеческого недостаточно для этого: явление совершалось действием демонов, присоединявших свое обильное действие к недостаточному действию человеческому, совокуплявших действие с действием, пополнявших действие действием, на основании свободного произволения человеческого, избравшего и усвоившего себе ложное направление. Известно, что истинным святым Божиим видения даруются единственно по благоволению Божию и действием Божиим, а не по воле человека и не по его собственному усилию, – даруются неожиданно, весьма редко, при случаях особенной нужды, по дивному смотрению Божию, а не как бы случилось⁸³. Усиленный подвиг находящихся в прелести обыкновенно стоит рядом с глубоким развратом. Разврат служит оценкою того пламени, которым разжжены прельщенные. Подтверждается это и сказаниями истории, и свидетельством отцов. «Видящий духа прелести (в явлениях, представляемых им), – сказал преподобный Максим Кавсокаливит, – очень часто подвергается ярости и гневу; благовоение смирения, или молитвы, или слезы истинной не имеет в нем места. Напротив того, он постоянно хвалится своими добродетелями, тщеславствуется и предаётся завсегда лукавым страстям бесстрашно»⁸⁴.

Ученик. Неправильность этого способа молитвы и связь его с самообольщением и прелестью – ясны; предостереги меня и от прочих видов неправильной молитвы и сопряженного с ними ложного состояния.

Старец. Как неправильное действие умом вводит в самообольщение и прелесть, так точно вводит в них неправильное действие сердцем. Исполнены безрассудной гордости желание и стремление видеть духовные видения

умом, не очищенным от страстей, не обновленным и не воссозданным десницею Святого Духа: исполнены такой же гордости и безрассудства желание и стремление сердца насладиться ощущениями святыми, духовными, Божественными, когда оно еще вовсе не способно для таких наслаждений. Как ум нечистый, желая видеть Божественные видения и не имея возможности видеть их, сочиняет для себя видения из себя, ими обманывает себя и обольщает, так и сердце, усиливаясь вкусить Божественную сладость и другие Божественные ощущения и не находя их в себе, сочиняет их из себя, ими льстит себе, обманывает, губит себя, входя в область лжи, в общение с бесами, подчиняясь их влиянию, порабощаясь их власти.

Одно ощущение из всех ощущений сердца, в его состоянии падения, может быть употреблено в невидимом богослужении: печаль о грехах, о греховности, о падении, о гибели своей, называемая плачем, покаянием, сокрушением духа. Это засвидетельствовано Священным Писанием. *«Аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо: всесожжения не благоволиши»* (Пс.50:18): и каждое сердечное ощущение порознь, и все они вместе не благоугодны Тебе, как оскверненные грехом, как извращенные падением. *«Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит»* (Пс.50:19). Эта жертва – жертва отрицательная; с принесением этой жертвы естественно устраняется принесение прочих жертв: при ощущении покаяния умолкают все другие ощущения. Для того чтоб жертвы прочих ощущений соделались благоугодными Богу, нужно предварительно излиться благоволению Божию на наш Сион, нужно предварительно восстановиться стенам нашего разрушенного Иерусалима. Господь Праведен, Всесвят: только праведные, чистые жертвы, к которым способно естество человеческое по обновлении своем, благоприятны Праведному, Всесвятому Господу. К жертвам и всесожжениям оскверненным Он не благоволит. Позаботимся очиститься покаянием! *«Тогда благоволиши жертву правды, возношение и всесожегаемая; тогда возложат на олтарь Твой тельцы»* (Пс.50:21):

новорожденные ощущения обновленного Святым Духом человека.

Первая заповедь, данная Спасителем мира всему без исключения человечеству, есть заповедь о покаянии: *«начат Иисус проповедати и глаголати: покайтесь, приблизися бо Царствие Небесное»* (Мф.4:17). Эта заповедь объемлет, заключает, совмещает в себе все прочие заповеди. Тем человекам, которые не понимали значения и силы покаяния, Спаситель говорил не раз: *«Шедше научитесь, что есть: милости хочу, а не жертвы»* (Мф.9:13). Это значит: Господь, умиловшись над падшими и погибшими человеками, всем даровал покаяние в единственное средство ко спасению, потому что все объаты падением и гибелью. Он не взыскивает, даже не желает от них жертв, к которым они неспособны, а желает, чтоб они умилились над собою, сознали свое бедствие, освободились от него покаянием. К упомянутым словам Господь присовокупил страшные слова: *«не приидох, – сказал Он, – призвати праведники, но грешники на покаяние»*. Кто названы праведниками? Те несчастные, слепотствующие грешники, которые, будучи обмануты самомнением, не находят покаяние существенно нужным для себя и потому или отвергают его, или небрегут о нем. О несчастье! За это отрекается от них Спаситель, утрачивается ими сокровище спасения. *«Горе душе, – говорит преподобный Макарий Великий, – не чувствующей язв своих и мнящей о себе, по причине великого, безмерного повреждения злобою, что она вполне чужда повреждения злобою. Такой души уже не посещает и не врачует Благий Врач, как оставившей произвольно язвы свои без попечения о них и мнящей о себе, что она здрава и непорочна. Не требуют, – говорит Он, – здравии врача, но болящии»* (Мф.9:12)⁸⁵. Ужасная жестокость к себе – отвержение покаяния! Ужасная холодность, нелюбовь к себе – небрежение о покаянии. Жестокий к себе не может не быть жестоким и к ближним. Умиловшись к себе приятием покаяния вместе делается милостивым и к ближним. Из этого видна вся важность ошибки: отнять у сердца заповеданное ему Самим Богом, существенно и логически

необходимое для сердца чувство покаяния, и усиливаться раскрыть в сердце, в противность порядку, в противность установлению Божию, те чувствования, которые сами собою должны явиться в нем по очищении покаянием, но совершенно в ином характере⁸⁶. Об этом характере духовном плотский человек не может составить себе никакого представления, потому что представление ощущения всегда основывается на известных уже сердцу ощущениях, а духовные ощущения вполне чужды сердцу, знакомому с одними плотскими и душевными ощущениями. Такое сердце не знает даже о существовании духовных ощущений.

Всем известно, какое душевное бедствие возникло для иудейских книжников и фарисеев из их неправильного душевного настроения: они сделали не только чуждыми Бога, но и иступленными врагами Его, богоубийцами. Подобному бедствию подвергаются подвижники молитвы, извергшие из своего подвига покаяние, усиливающие возбуждать в сердце любовь к Богу, усиливающие ощущать наслаждение, восторг: они развивают свое падение, соделывают себя чуждыми Бога, вступают в общение с сатаной, заражаются ненавистью к Святому Духу. Этот род прелести ужасен: он одинаково душепагубен, как и первый, но менее явен; он редко оканчивается сумасшествием, самоубийством, но растлевает решительно и ум, и сердце. По производимому им состоянию ума отцы называли его мнением⁸⁷. На этот род прелести указывает святой апостол Павел, когда говорит: *«Никтоже вас да прельщает изволенным ему смиренномудрием и службою Ангелов, яже не уведо уча, без ума дмяся от ума плоти своя»* (Кол.2:18). Одержимый этой прелестью мнит о себе, сочинил о себе «мнение», что он имеет многие добродетели и достоинства, – даже, что обилует дарами Святого Духа. Мнение составляется из ложных понятий и ложных ощущений: по этому свойству своему оно вполне принадлежит к области отца и представителя лжи – дьявола. Молящийся, стремясь раскрыть в сердце ощущения нового человека и не имея на это никакой возможности, заменяет их ощущениями своего сочинения, поддельными, к которым не замедляет присоединиться

действие падших духов. Признав неправильные ощущения, свои и бесовские, истинными и благодатными, он получает соответствующие ощущениям понятия. Ощущения эти, постоянно усваиваясь сердцу и усиливаясь в нем, питают и умножают ложные понятия: естественно, что от такого неправильного подвига образуются самообольщение и бесовская прелесть – «мнение». «Мнение не допускает быть мнимому»⁸⁸, – сказал святой Симеон Новый Богослов. Мнящий о себе, что он бесстрастен, никогда не очистится от страстей; мнящий о себе, что он исполнен благодати, никогда не получит благодати; мнящий о себе, что он свят, никогда не достигнет святости. Просто сказать: приписывающий себе духовные делания, добродетели, достоинства, благодатные дары, льстящий себе и потешающий себя «мнением», заграждает этим «мнением» вход в себя и духовным деланиям, и христианским добродетелям, и Божественной благодати, открывает широко вход греховной заразе и демонам. Уже нет никакой способности к духовному преуспеянию в зараженных «мнением»: они уничтожили эту способность, принеся на алтарь лжи самые начала деятельности человека и его спасения – понятия об истине. Необыкновенная напыщенность является в недугующих этой прелестью: они как бы упоены собою, своим состоянием самообольщения, видя в нем состояние благодатное. Они пропитаны, преисполнены высокоумием и гордостью, представляясь, впрочем, смиренными для многих, судящих по лицу, не могущих оценивать по плодам, как заповедал Спаситель (Мф.7:16; 12:33), тем менее по духовному чувству, о котором упоминает апостол (Евр.5:14). Живописно изобразил пророк Исаия действие прелести «мнения» в падшем архангеле, действие, обольстившее и погубившее этого архангела. *"Ты, – говорит пророк сатане, – рекл еси во уме твоём: на небо взыду, выше звезд небесных поставлю престол мой, сяду на горе висоце, на горах высоких, яже к северу: взыду выше облак, буду подобен Вышнему. Ныне же во ад снидеши и во основания земли»* (Ис.14:13–15).

Зараженного «мнением» обличает Господь так: *«Глаголеши, яко богат есмь и обогатихся и ничтоже требую: и не веси,*

яко ты еси окаянен и беден, и нищ и слеп и наг» (Апок.3:17). Господь увещает прельщенного к покаянию; предлагает купить ни у кого иного, у Самого Господа, необходимые потребности, из которых составляется покаяние (Апок.3:18). Купля настоятельно нужна: без нее нет спасения. Нет спасения без покаяния, а покаяние принимается от Бога только теми, которые, для принятия его, продадут все имущество свое, то есть отрекутся от всего, что им ложно усваивалось «мнением».

Ученик. Не случилось ли тебе встречаться с зараженными этого вида прелестью?

Старец. Зараженные прелестью «мнения» встречаются очень часто. Всякий, не имеющий сокрушенного духа, признающий за собою какие бы то ни было достоинства и заслуги, всякий, не держащийся неуклонно учения Православной Церкви, но рассуждающий о каком-либо догмате или предании произвольно, по своему усмотрению, или по учению инославному, находится в этой прелести. Степень уклонения и упорства в уклонении определяется степень прелести.

Немощен человек! Непременно вкрадывается в нас «мнение» в каком-либо виде своем и, осуществляя наше «я», удаляет от нас благодать Божию. Как нет, по замечанию святого Макария Великого, ни одного человека, совершенно свободного от гордости, так нет ни одного человека, который бы был совершенно свободен от действия на него утонченной прелести, называемой «мнением». Наветовало оно апостола Павла и врачевалось тяжкими пощениями Божиими. *«Не... хотим вас, братие, – пишет апостол к коринфянам, – не ведети о скорби нашей, бывшей нам во Асии, яко по премногу и паче силы отяготихомся, яко не надеялися нам и жити. Но сами в себе осуждение смерти имехом, да не надеющиеся будем на ся, но на Бога, возставляющаго мертвым» (2Кор.1:8–9).* По этой причине должно бдительно наблюдать за собою, чтоб не приписать собственно себе какого-либо доброго дела, какого-либо похвального качества или особенной природной способности, даже благодатного состояния, если человек возведен в него, короче, чтобы не признать собственно за

собою какого-либо достоинства. «Что ты имеешь, – говорит апостол, – чего бы ты не приял (1Кор.4:7) от Бога?» От Бога имеем и бытие, и пакибытие, и все естественные свойства, все способности, и духовные, и телесные. Мы – должники Богу! Долг наш неоплатен! Из такого воззрения на себя образуется само собою для нашего духа состояние, противоположное «мнению», состояние, которое Господь назвал нищетою духа, которое заповедал нам иметь, которое ублажил (Мф.5:3). Великое бедствие – уклониться от догматического и нравственного учения Церкви, от учения Святого Духа, каким-либо умствованием! Это – возношение, взимающееся на разум Божий. Должно низлагать и пленять такой разум в послушание Христово (2Кор.10:5).

Ученик. Имеется ли какая-либо связь между прелестью первого рода и прелестью второго рода?

Старец. Связь между этими двумя видами прелести непременно существует. Первого рода прелесть всегда соединена с прелестью второго рода, с «мнением». Сочиняющий обольстительные образы при посредстве естественной способности воображения, сочетающий при посредстве мечтательности⁸⁹ эти образы в очаровательную картину, подчиняющий все существо свое обольстительному, могущественному влиянию этой живописи, непременно, по несчастной необходимости, мнит, что живопись эта производится действием Божественной благодати, что сердечные ощущения, возбуждаемые живописью, суть ощущения благодатные.

Второго рода прелесть – собственно «мнение» – действует без сочинения обольстительных картин: она довольствуется сочинением поддельных благодатных ощущений и состояний, из которых рождается ложное, превратное понятие о всем вообще духовном подвиге. Находящийся в прелести «мнения» стяжает ложное воззрение на все, окружающее его. Он обманут и внутри себя, и извне. Мечтательность сильно действует в обольщенных «мнением», но действует исключительно в области отвлеченного. Она или вовсе не занимается, или занимается редко живописью в воображении Рая, горних обителей и

чертогов, небесного света и благоухания, Христа, Ангелов и святых; она постоянно сочиняет мнимодуховные состояния, тесное дружество со Иисусом⁹⁰, внутреннюю беседу с Ним⁹¹, таинственные откровения⁹², гласы, наслаждения, зиждет на них ложное понятие о себе и о христианском подвиге, зиждет вообще ложный образ мыслей и ложное настроение сердца, приводит то в упоение собою, то в разгорячение и восторженность. Эти разнообразные ощущения являются от действия утонченных тщеславия и сладострастия: от этого действия кровь получает греховное, обольстительное движение, представляющееся благодатным наслаждением. Тщеславие же и сладострастие возбуждаются высокоумием, этим неразлучным спутником «мнения». Ужасная гордость, подобная гордости демонов, составляет господствующее качество усвоивших себе ту и другую прелесть. Обольщенных первым видом прелести гордость приводит в состояние явного умоисступления; в обольщенных вторым видом она, производя также умоповреждение, названное в Писании растлением ума (2Тим.3:8), менее приметна, облекается в личину смирения, набожности, мудрости, – познается по горьким плодам своим. Зараженные «мнением» о достоинствах своих, особенно о святости своей, способны и готовы на все козни, на всякое лицемерие, лукавство и обман, на все злодеяния. Непримиримою враждою дышат они против служителей истины, с неистовою ненавистью устремляются на них, когда они не признают в прельщенных состояния, приписываемого им и выставляемого на позор слепотствующему миру «мнением».

Ученик. Существуют же и состояния духовные, производимые Божественною благодатью, как то состояние, в котором вкушается духовная сладость и радость, состояние, в котором открываются тайны христианства, состояние, в котором ощущается в сердце присутствие Святого Духа, состояние, в котором подвижник Христов сподобляется духовных видений?

Старец. Несомненно существуют, но существуют только в христианах, достигших христианского совершенства, предварительно очищенных и приуготовленных покаянием. Постепенно действие покаяния вообще, выражаемого всеми

видами смирения, в особенности молитвою, приносимую из нищеты духа, из плача, постепенно ослабляет в человеке действие греха. Для этого нужно значительное время. И дается оно истинным, благонамеренным подвижникам Промыслом Божиим, неусыпно бдящим над нами. Борьба со страстями – необыкновенно полезна: она более всего приводит к нищете духа. С целью существенной пользы нашей, Судия и Бог наш долготерпит о нас и не скоро отмщает (Лк.18:7) сопернику нашему – греху. Когда очень ослабеют страсти, – это совершается наиболее к концу жизни⁹³ – тогда мало-помалу начнут появляться состояния духовные, различающиеся бесконечным различием от состояний, сочиненных «мнением». Во-первых, вступает в душевную храмину благодатный плач, омывает ее и убеляет для принятия даров, последующих за плачем по установлению духовного закона. Плотский человек никак, никаким способом не может даже представить себе состояний духовных, не может иметь никакого понятия и о благодатном плаче: познание этих состояний приобретается не иначе, как опытом⁹⁴. Духовные дарования раздаются с Божественною Премудростью, которая наблюдает, чтобы словесный сосуд, долженствующий принять в себя дар, мог вынести без вреда для себя силу дара. Вино новое разрывает мехи ветхие! (Мф.9:17) Замечается, что в настоящее время духовные дарования раздаются с величайшей умеренностью, сообразно тому расслаблению, которым объято вообще христианство. Дары эти удовлетворяют почти единственно потребности спасения. Напротив того, «мнение» расточает свои дары в безмерном обилии и с величайшей поспешностью.

Общий признак состояний духовных – глубокое смирение и смиренномудрие, соединенное с предпочтением себе всех ближних, с расположением, евангельской любовью ко всем ближним, со стремлением к неизвестности, к удалению от мира. «Мнению» тут мало места, потому что смирение состоит в отречении от всех собственных достоинств, в существенном исповедании Исккупителя, в совокуплении в Нем всей надежды и опоры, а «мнение» состоит в присвоении себе достоинств, данных Богом, и в сочинении для себя достоинств

несуществующих. Оно соединено с надеждою на себя, с хладным, поверхностным исповеданием Испытателя. Бог прославляется для прославления себя, как был прославлен фарисеем (Лк.18:11). Одержимые «мнением» по большей части преданы сладострастию, несмотря на то, что приписывают себе возвышеннейшие духовные состояния, беспримерные в правильном православном подвижничестве; немногие из них воздерживаются от грубого порабощения сладострастию, – воздерживаются единственно по преобладанию в них греха из грехов – гордости.

Ученик. Могут ли от прелести, именуемой «мнением», породиться какие-либо осязательные, видимые несчастные последствия?

Старец. Из этого рода прелести возникли пагубные ереси, расколы, безбожие, богохульство. Несчастнейшее видимое последствие его есть неправильная, вредная для себя и для ближних деятельность, – зло, несмотря на ясность его и обширность, мало примечаемое и мало понимаемое. Случаются с зараженными «мнением» делателями молитвы и несчастья очевидные для всех, но редко, потому что «мнение», приводя ум в ужаснейшее заблуждение, не приводит его к исступлению, как приводит расстроенное воображение.

На Валаамском острове в отдаленной пустынной хижине, жил схимонах Порфирий, которого и я видел. Он занимался подвигом молитвы. Какого рода был этот подвиг, положительно не знаю. Можно догадываться о неправильности его по любимому чтению схимонаха: он высоко ценил книгу западного писателя Фомы Кемпийского о подражании Иисусу Христу и руководствовался ею. Книга эта написана из «мнения». Порфирий однажды вечером, в осеннее время, посетил старцев скита, от которого невдалеке была его пустынь. Когда он прощался со старцами, они предостерегали его, говоря: «Не вздумай пройти по льду: лед только что встал и очень тонок». Пустынь Порфирия отделялась от скита глубоким заливом Ладожского озера, который надо было обходить. Схимонах отвечал тихим голосом, с наружною скромностью: «Я уже легок стал». Он ушел. Через короткое время послышался отчаянный

крик. Скитские старцы встревожились, выбежали. Было темно; не скоро нашли место, на котором совершилось несчастье; не скоро нашли средства достать утопшего: вытащили тело, уже оставленное душою.

Ученик. Ты говоришь о книге «Подражание», что она написана из состояния самообольщения; но она имеет множество читателей даже между чадами Православной Церкви!

Старец. Эти-то читатели в восторге от ее достоинства и высказываются об этом достоинстве, не понимая того. В предисловии русского переводчика к книге «Подражание» – издание 1834 года, напечатанное в Москве, – сказано: «Один высокопросвещенный муж – русский, православный – говаривал: ежели б нужно было мое мнение, то я бы смело после Священного Писания поставил Кемписа о подражании Иисусу Христу»⁹⁵. В этом столь решительном приговоре дается инославному писателю полное предпочтение перед всеми святыми отцами Православной Церкви, а своему взгляду – предпочтение пред определением всей Церкви, которая на святых соборах признала писания святых отцов богодухновенными и завещала чтение их не только в душеназидание всем чадам своим, но и в руководство при решении церковных вопросов. В писаниях отцов хранится великое духовное, христианское и церковное сокровище: догматическое и нравственное предание Святой Церкви. Очевидно, что книга «Подражание» привела упомянутого мужа в то настроение, из которого он выразился так опрометчиво, так ошибочно, так грустно⁹⁶. Это – самообольщение! Это – прелесть! Составилась она из ложных понятий; ложные понятия родились из неправильных ощущений, сообщенных книгою. В книге жительствоует и из книги дышит помазание лукавого духа, льстящего читателям, упоевающего их отравой лжи, услажденною утонченными приправами из высокоумия, тщеславия и сладострастия. Книга ведет читателей своих прямо к общению с Богом, без предпочтения покаянием: почему и возбуждает особенное сочувствие к себе в людях страстных, незнакомых с путем покаяния, не предохраненных от самообольщения и прелести, не наставленных правильному

жительству учением святых отцов Православной Церкви. Книга производит сильное действие на кровь и нервы, возбуждает их и потому особенно нравится людям, поработанным чувственностью: книгою можно наслаждаться, не отказываясь от грубых наслаждений чувственности. Высокоумие, утонченное сладострастие и тщеславие выставляются книгою за действие благодати Божией. Обоняв блуд свой в его утонченном действии, плотские люди приходят в восторг от наслаждения, от упоения, доставляемых беструдно; без самоотвержения, без покаяния, без распятия плоти со страстями и похотями (Гал.5:24), с ласкательством состоянию падения. Радостно переходят они, водимые слепотою своею и гордостью, с ложа любви скотоподобной на ложе любви более преступной, господствующей в блудилище духов отверженных. Некоторая особа, принадлежавшая по земному положению к высшему и образованнейшему обществу, а по наружности к Православной Церкви, выразилась следующим образом о скончавшейся лютеранке, признанной этою особою за святую: «Она любила Бога страстно; она думала только о Боге; она видела только Бога; она читала только Евангелие и “Подражание”, которое второе Евангелие». Этими словами выражено именно то состояние, в которое приводятся читатели и чтители «Подражания».

Тождественно в сущности своей с этой фразой изречение знаменитой французской писательницы г-жи де Севинье о знаменитом французском поэте, Расине старшем. «Он любит Бога, – дозволила себе сказать г-жа Севинье, – как прежде любил своих наложниц». Известный критик Лагарп, бывший сперва безбожником, потом перешедший к неправильно понятому и извращенному им христианству, одобряя выражение г-жи Севинье, сказал: «Сердце, которым любят Творца и тварь – одно, хотя последствия столько же различаются между собою, сколько различны и предметы». Расин перешел от разврата к прелести, называемой «мнением». Эта прелесть выражается со всей ясностью в двух последних трагедиях поэта: «Есфири» и «Гофолии». Высокие христианские мысли и ощущения Расина нашли себе пространное место в храме муз и Аполлона⁹⁷, в

театре, возбудили восторг, рукоплескания. «Гофолия», признаваемая высшим произведением Расина, дана была сорок раз сряду. Дух этой трагедии – один с духом «Подражания».

Мы веруем, что в сердце человеческом имеется вожделение скотоподобное, внесенное в него падением, находящееся в отношении с вожделением падших духов; мы веруем, что имеется в сердце и вожделение духовное, с которым мы сотворены, которым любимся естественно и правильно Бог и ближний, которое находится в гармонии⁹⁸ с вожделением святых Ангелов. Чтоб возлюбить Бога и в Боге ближнего, необходимо очиститься от вожделения скотоподобного. Очищение совершает Святой Дух в человеке, выражающем жизнью произволение к очищению. Собственно и называется сердцем, в нравственном значении, вожделение и прочие душевные силы, а не член плоти – сердце. Силы сосредоточены в этом члене, и перенесено общим употреблением наименование от члена к собранию сил.

В противоположность ощущению плотских людей, духовные мужи, обоняв воню зла, притворившегося добром, немедленно ощущают отвращение от книги, издающей из себя эту воню. Старцу Исаии, иноку, безмолвствовавшему в Никифоровской пустыни⁹⁹, преуспевшему в умной молитве и сподобившемуся благодатного осенения, был прочитан отрывок из «Подражания». Старец тотчас проник в значение книги. Он засмеялся и воскликнул: «О! Это написано из мнения. Тут ничего нет истинного! Тут все – придуманное! Какими представлялись Фоме духовные состояния и как он мнил о них, не зная их по опыту, так и описал их». Прелесть как несчастье представляет собою зрелище горестное; как нелепость она зрелище смешное. Известный по строгой жизни архимандрит Кирилло-Новоезерского монастыря¹⁰⁰ Феофан, занимавшийся в простоте сердца почти исключительно телесным подвигом и о подвиге душевном имевший самое умеренное понятие, сперва предлагал лицам, советовавшимся с ним и находившимся под его руководством, чтение книги «Подражание», за немного лет до кончины своей он начал воспрещать чтение ее, говоря со святою простотою: «Прежде признавал я эту книгу

душеполезною; но Бог открыл мне, что она душевредна». Такого же мнения о «Подражании» был известный деятельною монашескою опытностью иеросхимонах Леонид, положивший начало нравственному благоустройству в Оптиной пустыни¹⁰¹. Все упомянутые подвижники были знакомы мне лично. – Некоторый помещик, воспитанный в духе Православия, коротко знавший так называемый большой свет, то есть мир, в высших слоях его увидел однажды книгу «Подражание» в руках дочери своей. Он воспретил ей чтение книги, сказав: «Я не хочу, чтобы ты последовала моде и кокетничала пред Богом». Самая верная оценка книге.

Ученик. Имеются ли еще какие виды прелести?

Старец. Все частные виды самообольщения и обольщения бесами относятся к двум вышесказанным главным видам и происходят или от неправильного действия ума, или от неправильного действия сердца. В особенности обширное действие «мнения». Не без основания относят к состоянию самообольщения и прелести душевное настроение тех иноков, которые, отвергнув упражнение молитвой Иисусовой и вообще умное делание, удовлетворяются одним внешним молением, то есть неупустительным участием в церковных службах и неупустительным исполнением келейного правила, состоящего исключительно из псалмопения и молитвословия устных и гласных. Они не могут избежать «мнения», как это объясняет упомянутый старец Василий в предисловии к книге святого Григория Синаита, ссылаясь преимущественно на писания преподобных, этого Григория и Симеона Нового Богослова. Признак вкравшегося «мнения» обнаруживается в подвижниках тем, когда они думают о себе, что проводят внимательную жизнь, часто от гордости презирают других, говорят худо о них, поставляют себя достойными, по мнению своему, быть пастырями овец и руководителями их, уподобляясь слепцу, берущемуся указывать путь другим слепцам¹⁰². Устное и гласное моление тогда плодоносно, когда оно сопряжено со вниманием, что встречается очень редко, потому что вниманию научаемся преимущественно при упражнении молитвою Иисусовою¹⁰³.

Отдел 3. Об упражнении молитвою Иисусовою

Ученик. Изложи правильный способ упражнения молитвою Иисусовою.

Старец. Правильное упражнение молитвою Иисусовою вытекает само собою из правильных понятий о Боге, о всесвятom имени Господа Иисуса и об отношении человека к Богу.

Бог есть Существо неограниченно Великое, Всесовершенное, Создатель и Воссоздатель человеков, полновластный Владыка над человеками, над Ангелами, над демонами, над всею тварью видимою и невидимою. Это понятие о Боге научает нас, что мы должны предстоять пред Богом молитвою в глубочайшем благоговении, в величайшем страхе и трепете, устремя к Нему все внимание наше, сосредоточивая во внимании все силы ума, сердца, души, отвергая рассеянность и мечтательность, как нарушение внимания и благоговения, как нарушение правильности в предстоянии Богу, правильности, настоятельно требуемой величием Бога (Ин.4:23–24; Мф.22:37; Мк.12:29–30; Лк.10:27). Прекрасно сказал Исаак Сирский: «Когда припадаешь пред Богом в молитве, будь в помысле твоём, как муравей, как земные гады, как червячок, как лепечущее дитя. Не скажи пред Ним чего-нибудь разумного; младенческим образом мыслей приблизься к Богу»¹⁰⁴.

Стяжавшие истинную молитву ощущают неизреченную нищету духа, когда предстоят пред Богом, славословя Его, исповедуясь Ему, повергая пред Ним прошения свои. Они чувствуют себя как бы уничтожившимися, как бы несуществующими. Это естественно! Когда молящийся ощутит обильно присутствие Божие, присутствие Само-Жизни, Жизни необъятной и непостижимой, тогда его собственная жизнь представляется ему величайшею каплею, сравниваемою с беспредельным океаном. В такое состояние пришел праведный многострадальный Иов, достигши высшего духовного преуспевания. Он почувствовал себя истаявшим (Иов.42:6), как

тает и исчезает снег, когда упадут на него лучи палящего солнца.

Имя Господа нашего Иисуса Христа – Божественно; сила и действие этого имени – Божественны; они – всемогущи и спасительны; они – превыше нашего понятия, недоступны для него. С верою, упованием, усердием, соединенными с великим благоговением и страхом, будем совершать великое дело Божие, преподанное Богом: будем упражняться в молитве именем Господа нашего Иисуса Христа. «Непрестанное призывание имени Божия, – говорит Великий Варсонофий, – есть врачевание, убивающее не только страсти, но и само действие их. Как врач прилагает лекарственные средства или пластыри на рану страждущего, и они действуют, причем больной и не знает, как это делается: так точно и имя Божие, будучи призываемо, убивает все страсти, хотя мы и не знаем, как это совершается»¹⁰⁵.

Наше обычное состояние, состояние всего человечества, есть состояние падения, прелести, гибели. Сознвая и по мере сознания ощущая это состояние, будем молитвенно вопить из него, вопить в сокрушении духа, вопить с плачем и стенаниями, вопить о помиловании. Отречемся от всякого наслаждения духовного, от всех высоких молитвенных состояний, как недостойные их и неспособные к ним. Нет возможности воспеть песнь Господню на земли чуждей (Пс.136:4) – в сердце, обладаемом страстями. Если ж услышим приглашение воспеть ее, то да знаем наверно, что приглашение это делается пленившими нас (Пс.136:3). На реках Вавилонских можно и должно только плакать (Пс.136:1).

Таково общее наставление для упражнения молитвою Иисусовою, извлеченное из Священного Писания и писаний святых отцов, из весьма немногих бесед с истинными молитвенниками. Из частных наставлений, преимущественно для новоначальных, признаю полезным упомянуть нижеследующие.

Святой Иоанн Лествичник советует заключать ум в слова молитвы и, сколько бы раз он ни устранился из слов, опять вводить его¹⁰⁶. Этот механизм особенно полезен и особенно

удобен. Когда ум будет таким образом во внимании, тогда и сердце вступит в сочувствие уму умилением, – молитва будет совершаться совокупно умом и сердцем. Слова молитвы должно произносить очень неспешно, даже протяжно, чтоб ум имел возможность заключаться в слова. Утешая и наставляя общежительных иноков, занимающихся монастырскими послушаниями, ободряя их к усердию и тщанию в молитвенном подвиге, Лествичник говорит: «От монахов, занимающихся послушаниями, Бог не требует молитвы, вполне чистой от развлечения. Не унывай, будучи окрадываем рассеянностью! Благодушествуй и постоянно понуждай ум твой возвращаться к себе. Совершенная свобода от рассеянности – принадлежность Ангелов»¹⁰⁷. «Порабощенные страстям! будем молиться Господу постоянно, неотступно: потому что все бесстрастные перешли» такую молитвою «к состоянию бесстрастия из состояния страстного. Если ты неослабно будешь приобучать ум твой, чтобы он никуда не удалялся» из слов молитвы, «то он и во время трапезования твоего будет при тебе. Если же попущено ему тобою невозбранное скитание повсюду, то он не возможен никогда пребывать у тебя. Великий делатель великой и совершенной молитвы сказал: *“хощу пять словес умом моим глаголати... нежели тмы словес языком”*» (1Кор.14:19). Такая молитва – благодатная молитва ума в сердце, чуждая парения – «не свойственна младенцам: и потому мы, как младенцы, заботясь о качестве молитвы» – о внимании при посредстве заключения ума в слова – «будем молиться очень много. Количество служит причиною качества. Господь дает чистую молитву тому, кто молится безленостно, много и постоянно своею оскверняемою развлечением молитвою»¹⁰⁸. Новоначальные иноки нуждаются в продолжительном времени для обучения молитве. Невозможно, вскоре по вступлении в монастырь или по вступлении в подвиг, достичь этой верховной добродетели. Нужны и время, и постепенность в подвиге, чтоб подвижник созрел для молитвы во всех отношениях. Как цвет и плод произрастают на стебле или древе, которые сами прежде должны быть посеяны и вырасти, так и молитва произрастает на других добродетелях, иначе не может явиться, как на них. Не

скоро инок справится с умом своим: он не скоро приучит ум свой пребывать в словах молитвы, как бы в заключении и затворе. Отвлекаемый усвоившимися ему пристрастиями, впечатлениями, воспоминаниями, попечениями, ум новонаначального непрестанно расторгает спасительные для него узы, оставляет тесный путь, уносится на широкий: любит он странствовать свободно в поднебесной, в стране обольщений, с духами, низверженными с неба, – странствовать без цели, безрассудно, зловредно для себя. Страсти – эти нравственные недуги человека – служат основной причиной развращения при молитве. Соответственно ослаблению страстей уменьшается развращение. Страсти обуздываются и умерщвляются мало-помалу истинным послушанием и истекающими из истинного послушания самоотвержением и смирением. Послушание, самоотвержение и смирение суть те добродетели, на которых зиждется преуспевание в молитве. Непарительность, доступная человеку, даруется Богом в свое время такому подвижнику молитвы, который постоянством и усердием в подвиге докажет искренность своего желания стяжать молитву.

Священноинок Дорофей¹⁰⁹, наш соотечественник, великий наставник духовному подвигу, подходящий этим достоинством своим к святому Исааку Сирскому, советует приобучающемуся к молитве Иисусовой сперва произносить ее гласно. Он говорит, что гласная молитва сама собою переходит в умную¹¹⁰. «От молитвы гласной многой, – говорит священноинок, – истекает молитва умная, а от умной молитвы является молитва сердечная. Произносить молитву Иисусову должно не громким голосом, но тихо, вслух себе одному»¹¹¹. При особенном действии рассеянности, печали, уныния, лености очень полезно совершать молитву Иисусову гласно: на гласную молитву Иисусову душа мало-помалу возбуждается от тяжкого нравственного сна, в который обычно ввергает ее печаль и уныние. Очень полезно совершать молитву Иисусову гласно при усиленном нашествии помыслов и мечтаний плотского вожделения и гнева, когда от действия их разгорячится и закипит кровь, отымутся мир и тишина у сердца, когда ум поколеблется, ослабеет, как бы ниспровергнется и свяжется

множеством непотребных помыслов и мечтаний: воздушные князи злобы, присутствие которых не обличается телесными очами, но познается душою по производимому ими действию на нее, услышав грозное для них имя Господа Иисуса, придут в недоумение и замешательство, устроятся, не замедлят отступить от души. Способ, предлагаемый священноиноком, очень прост и удобен. Его надо соединять с механизмом святого Иоанна Лествичника, то есть произносить молитву Иисусову гласно, вслух себе одному, не спеша и заключая ум в слова молитвы: заключение ума в слова молитвы завещается самим священноиноком¹¹².

Механизм святого Иоанна Лествичника необходимо соблюдать и при способе, который изложен преподобным Нилом Сорским во 2-м слове его «Предания» или «Устава скитского». Преподобный Нил заимствовал способ свой у греческих отцов, Симеона Нового Богослова и Григория Синаита, и несколько упростил. Святой Нил говорит: «Сказанному этими святыми о удерживании дыхания, то есть чтоб не часто дышать, и опыт вскоре научит, что это очень полезно к собранию ума». Некоторые, не поняв этого механизма, придают ему излишнее значение, непомерно удерживают дыхание и тем повреждают легкие, вместе причиняя вред душе усвоением ей понятия неправильного. Все разгоряченные и излишне напряженные действия служат препятствием к преуспеянию в молитве, развивающейся единственно на лоне мирного, тихого, благоговейного настроения по душе и телу. «Все неумеренное – от демонов», – говорил Пимен Великий¹¹³.

Начинающему обучаться молитве Иисусовой очень вспомоществует к обучению ей ежедневное келейное правило из известного числа земных и поясных поклонов, соответственно силам. Полагаются поклоны неспешно, с чувством покаяния, и при каждом поклоне произносится молитва Иисусова. Образец этого моления можно видеть в «Слове о вере» преподобного Симеона Нового Богослова. Описывая ежедневный вечерний молитвенный подвиг блаженного юноши Георгия, святой Симеон говорит: «Он

помышлял, что предстоит Самому Господу и припадает к пречистым ногам Его; он молил Господа со слезами, чтоб Господь умиосердился над ним. Молясь, он стоял неподвижно, подобно некоему столбу, не позволяя себе никакого движения ни ногами, ни другою какою частью тела, не позволяя очам любопытно обращаться на стороны: он стоял с великим страхом и трепетом, не допуская себе дремания, уныния и лености»¹¹⁴. Число поклонов на первый раз может быть ограничено двенадцатью. Соображаясь с силами, с удобством, доставляемым обстоятельствами, это число может постоянно возрастать. При умножении числа поклонов должно строго наблюдать, чтоб качество молитвенного подвига сохранилось, чтоб нам не увлечься к бесплодному, вредному количеству по причине плотского разгорячения. От поклонов тело согревается, несколько утомляется; такое состояние тела содействует вниманию и умилению. Остережемся, остережемся, чтобы это состояние не перешло в плотское разгорячение, чуждое духовных ощущений, развивающее ощущение естества падшего. Количество, столько полезное при правильности настроения и цели, может быть очень вредным, когда оно приводит к плотскому разгорячению. Плотское разгорячение познается по плодам своим, ими оно отличается от духовной теплоты. Плоды плотского разгорячения – самомнение, самонадеянность, высокоумие, превозношение, иначе, гордость в различных видах ее, к которым удобно прививается прелесть. Плоды духовной теплоты – покаяние, смирение, плач, слезы. Правило с поклонами всего удобнее совершать, отходя ко сну: в это время, по окончании дневных попечений, можно совершать правило продолжительнее и сосредоточеннее. Но и утром, и среди дня полезно, особенно юным, полагать умеренное количество поклонов – поклонов 12 и до 20-ти. Этими поклонами поддерживается молитвенное настроение и распятие плоти, поддерживается и усиливается усердие к молитвенному подвигу.

Предложенных мною советов, полагаю, достаточно для новонаначального, желающего обучиться молитве Иисусовой: «Молитва, – сказал преподобный Мелетий Исповедник, –

учителя не требует, но тщания, но рачения и особенного усердия, – и бывает учителем ее Бог»¹¹⁵. Святые отцы, написав много сочинений о молитве, чтоб доставить делателю правильное понятие о ней и верное руководство к упражнению ею, предлагают и поощряют вступить в самый подвиг для получения существенного познания, без которого учение словом, хотя и извлеченное из опытов, мертво, темно, непонятно, как нуждающееся в объяснении и оживлении опытами. Наоборот: тщательно занимающийся молитвою и уже преуспевший в ней должен часто обращаться к писаниям святых отцов о молитве, ими поверять и направлять себя, помня, что и великий Павел, хотя имел благовестию своему превысшее всех свидетельств свидетельство Духа, но ходил в Иерусалим и предложил бывшим там апостолам благовестие, возвещенное им между язычниками, на рассмотрение, – «*да не како вотще теку, или текох*» (Гал.2:2), – говорит он.

Ученик. Какие книги святых отцов должен читать желающий заниматься молитвою Иисусовою под руководством боговдохновенного учения?

Старец. Это зависит от того рода жизни, который проводится подвижником молитвы. Рассмотрим сочинения Каллиста и Игнатия Ксанфопулов о безмолвии и молитве – и увидишь, что оно написано для иноков, пребывающих в затворе или проводящих жизнь отшельническую, подобную жизни иноков Египетского Скита, в котором каждый старец жил в отдельной келлии, имея одного, двух и не более как трех учеников. Проводящих такой род жизни святые отцы называют безмолвниками¹¹⁶. Безмолвник располагает собою и своим временем по собственному усмотрению или по обычаю, заимствованному от его наставников, а иноки, находящиеся в общежитии, обязаны участвовать в общественном богослужении и заниматься монастырскими послушаниями, не имея ни права, ни возможности располагать собою и своим временем своевольно; притом к безмолвию допускаются одни преуспевшие в монашеской жизни, обучившиеся ей предварительно в общежитии, сподобившиеся благодатного осенения, и потому книги святых отцов, написанные для

безмолвников, никак нейдут для новоначальных и вообще для иноков, подвижающихся в монастырях общежительных. Сказанное о книге Ксанфопулов должно сказать и о книгах Григория Синаита, Исаака Сирского, Нила Сорского, священноинока Дорофея. Занимающийся молитвою при занятии монастырскими послушаниями может ознакомиться и с этими книгами, но не для руководства ими, а единственно для знания, наблюдая притом осторожность, чтоб они не повлекли его безвремененно в уединение и затвор или к несвойственному подвигу. Часто случается то и другое к величайшему вреду обманутого ревностью безрассудною. Дети и отроки, когда, по неразумию своему и легкомыслию, покусятся поднять тяжесть, превышающую силу их, то надрываются, нередко губят себя окончательно; так и не созревшие в духовном возрасте подвергаются великим бедствиям от духовного подвига, не соответствующего устроению их, нередко впадают в расстройство неисправимое. Сочинения святых Исихия, Филофея и Феолита, помещенные во второй части «Добротолубия», очень полезны для общежительных и для уединенных иноков. Особенно полезны предисловия схимонаха Василия: в них изложено учение о молитве покаяния, учение столько полезное, столько нужное для нашего времени. Находится много назидательных наставлений о молитве в книге Варсонофия Великого; надо заметить, что в первой половине ее заключаются ответы к безмолвникам, а во второй, с 220-го ответа, к инокам, подвижавшимся в общежитии.

Ученик. Что значит место сердечное, о котором говорят святые Симеон Новый Богослов, Никифор монашествующий и другие отцы?

Старец. Это словесная сила или дух человека, присутствующий в верхней части сердца, против левого сосца, подобно тому, как ум присутствует в головном мозге. При молитве нужно, чтоб дух соединился с умом и вместе с ним произносил молитву, причем ум действует словами, произносимыми одною мыслью или и с участием голоса, а дух действует чувством умиления или плача. Соединение даруется в свое время Божественною благодатью, а для новоначального

достаточно, если дух будет сочувствовать и содействовать уму. При сохранении внимания умом дух непременно ощутит умиление. Дух обыкновенно называется сердцем, как и вместо слова «ум» употребляется слово «голова». Молись со вниманием, в сокрушении духа, помогая себе вышеисчисленными механизмами: при этом само собою откроется опытное познание места сердечного. О нем удовлетворительно объяснено в предисловиях схимонаха Василия.

Ученик. Мне показалось, что ты отвечал неохотно на вопрос мой о сердечном месте и, отослав меня к предисловиям схимонаха Василия, этим уклонился от изложения твоих собственных понятий и взглядов. Умоляю тебя: для пользы моей и других, выскажись откровенно на вопрос мой.

Старец. Вопрос твой навел скорбь на мое сердце. Этот вопрос делали мне многие, – и был он часто выражением состояния самообольщения, состояния душевного повреждения. С трудом исправляется душевное повреждение, произведенное неправильным упражнением в духовных подвигах, – по большей части остается неисправимым. Остается оно неисправимым или по причине гордости повредившихся, или по причине оконченности повреждения. Яд лжи – страшен: с упорством держится он в тех, которые приняли его произвольно; оставляет он смертоносное действие в тех, которые, сознав его, не отвергли его и не извергли из себя с решительным самоотвержением. Зодчие¹¹⁷ воздушных замков, видя здание самовозвышающимся до небес, любят и восхищаются этим обольстительным зрелищем: они не любят напоминания евангельской заповеди, возвещающей, что всякому человеку, зиждущему храмину, подобает ископать, и углубить, и положить основание на камне (Лк.6:48). Камень – Христос. Христос предстоит взорам ума нашего в Евангелии: предстоит Он взорам ума поведением Своим; предстоит взорам ума учением Своим; предстоит взорам ума заповедями Своими; предстоит взорам ума смирением Своим, по причине которого Он послушлив был *«до смерти, смерти же крестная»* (Флп.2:8). Тот возлагает на себя тяжкий труд копания земли и

углубляется в нее, кто, в противность влечению сердца, нисходит в смирение, кто, отвергая свою волю и свой разум, старается изучить с точностью заповеди Христовы и предание Православной Церкви, с точностью последовать им; тот полагает в основание прочные камни, кто прежде и превыше всех других подвигов заботится о том, чтоб исправить и направить свою нравственность сообразно поведению, учению и заветам Господа нашего Иисуса Христа. Нет места для истинной молитвы в сердце, не благоустроенном и не настроенном евангельскими заповедями. Напротив того, прелесть насаждена в каждого из нас падением: «По этому состоянию самообольщения, составляющему неотъемлемую принадлежность каждого из нас, обычно уму, – говорит преподобный Григорий Синаит, – особенно в людях легкомысленных, преждевременно стремиться к усвоению себе высоких молитвенных состояний, чем и малое устроение, данное Богом, утрачивается, а делатель поражается мертвостью ко всему доброму. И потому должно тщательно рассматривать себя, чтобы не искать преждевременно того, что приходит в свое время и чтобы не отвергнуть того, что подается в руки, направившись к исканию другого. Свойственно уму представлять себе мечтанием высокие состояния молитвы, которых он еще не достиг, и извращать их в своей мечте или в своем мнении. Очень опасно, чтоб такой делатель не лишился и того, что дано ему, чтоб не подвергся умоповреждению и сумасшествию от действия прелести»¹¹⁸. Прелесть в большей или меньшей степени есть необходимое логичное последствие неправильного молитвенного подвига.

Монашеское жительство – наука из наук, Божественная наука. Это относится ко всем монашеским подвигам, – в особенности относится к молитве. В каждой науке имеется свое начало, имеется своя постепенность в преподавании познаний, имеются свои окончательные упражнения, – так и в обучении молитве существует свой порядок, своя система. Тщательное последование порядку или, что то же, системе, служит в каждой науке ручательством основательного успеха в ней: так и правильное упражнение в молитве служит ручательством

преуспевания в ней, – того преуспевания, которым благоугодно Богу ущедрит подвижника. Отвержение системы при изучении науки служит источником превратных понятий, источником знания, которое хуже незнания, будучи знанием неправильным, отрицательным: таково и последствие беспорядочного упражнения в молитве. Неизбежное, естественное последствие такого упражнения – прелесть. Самочинное монашество – не монашество. Это – прелесть! Это – карикатура, искажение монашества! Это – насмешка над монашеством! Это – обман самого себя! Это – актерство, очень способное привлечь внимание и похвалы мира, но отвергаемое Богом, чуждое плодов Святого Духа, обильное плодами, исходящими от сатаны.

Многие, ощутив расположение и усердие к духовному подвигу, приступают к этому подвигу опрометчиво и легкомысленно. Они предаются ему со всею ревностью и разгорячением, со всею безрассудностью, не поняв, что эти ревность и разгорячение – наиболее кровавые и плотские; что они преисполнены нечистоты и примеси, не поняв, что при изучении науки из наук – молитвы – нужно самое верное руководство, нужны величайшее благоразумие и осторожность. Увы! скрываются от нас пути Божии, правые; скрываются они от нас по причине слепоты, произведенной и поддерживаемой в нас падением. Избираются нами в руководители преимущественно те наставники, которых мир провозгласил святыми и которые находятся или в глубине прелести, или в глубине неведения. Избираются в руководители книги, написанные инославными подвижниками, находящимися в ужаснейшей бесовской прелести, в общении с бесами. Избираются в руководители писания святых отцов Православной Церкви, изложивших возвышенный молитвенный подвиг преуспевших иноков, подвиг, недоступный для понимания новоначальных, не только для последования ему, – и плодом духовного подвига чудовищно является душевное расстройство, гибель. – *«Посейте пшеницу, а терние пожате»* (Иер.12:13), – говорит с болезнованием Святой Дух человекам, извращающим добро во зло неправильным

употреблением добра. Горестное, точно горестное зрелище! На возвышеннейшем делании ума, на делании, возводящем к Богу того, кто идет по установленным ступеням, стяжается неправильным действом омрачение и растление ума, умоповреждение, умопомешательство, порабощение демонам, гибель. Такое зрелище, зрелище, которое нередко представлялось взорам моим, послужило причиною скорби для сердца моего при вопросе твоём. Не хотелось бы мне слышать его ни от тебя, ни от кого другого из новоначальных. «Не полезно тебе, – сказали отцы, – узнать последующее прежде, нежели стяжешь опытное знание предшествовавшего»¹¹⁹. Такое любопытство – признак праздности и кичащегося разума (1Кор.8:1)¹²⁰. Указал же я на предисловия схимонаха Василия, как на сочинение истинного делателя молитвы, особенно полезное для современности. Сочинение это наставляет непогрешительному пониманию отеческих писаний о молитвенном подвиге, писаний, составленных для преуспевших монахов, преимущественно для безмолвников.

Чтоб исполнить твоё желание, повторю, лишь иными словами, уже сказанное мною. Упражнение молитвою Иисусовою имеет два главнейших подразделения, или периода, оканчивающиеся чистою молитвою, которая увенчивается бесстрастием, или христианским совершенством, в тех подвижниках, которым Богу благоугодно дать его. Святой Исаак Сирский говорит: «Не многие сподобились чистой молитвы, но малые: достигший же к таинству, совершающемуся после нее, и перешедший на другой берег (Иордана) едва встречается один из поколения в поколение, по благодати и благоволению Божию»¹²¹. В первом периоде предоставляется молящемуся молиться при одном собственном усилии; благодать Божия несомненно содействует молящемуся благонамеренно, но она не обнаруживает своего присутствия. В это время страсти, сокровенные в сердце, приходят в движение и возводят делателя молитвы к мученическому подвигу, в котором побеждения и победы непрестанно сменяют друг друга¹²², в котором свободное произволение человека и немощь его выражаются с ясностью¹²³. Во втором периоде благодать Божия

являет ощутительно свое присутствие и действие, соединяя ум с сердцем, доставляя возможность молиться непарительно или, что то же, без развлеченя, с сердечным плачем и теплотою; при этом греховные помыслы утрачивают насильственную власть над умом. На эти два состояния указывают святые отцы. Из них преподобный Нил Сорский, ссылаясь на преподобного Григория Синаита, говорит: «Когда придет действие молитвы, тогда оно удерживает ум при себе, увеселяет его и освобождает от парения»¹²⁴. Для не стяжавших благодатного действия, преподобный признает удержание ума от рассеянности и внимательную молитву подвигом самым трудным, тяжким, неудобным¹²⁵. Чтобы достичь второго состояния, необходимо пройти сквозь первое, необходимо выказать и доказать основательность своего произволения и принести плод в терпении (Лк.8:15). Первое состояние молящегося можно уподобить обнаженным деревьям во время зимы; второе – тем же деревьям, покрывшимся листьями и цветами от действия теплоты весенней. Силу для произведения листьев и цветов деревья накаплиют во время зимы, когда состояние их имеет весь образ состояния страдательного, состояние под областью смерти. Не дозволим себе искушать Господа! Не дозволим себе приступать к Нему легкомысленно, с бесстрашием, с двоедушием, с настроением сомнящейся пытливости, за которую возбраняется вход в землю обетованную (Евр.3:8–11, 18–19). Приступим как погибшие, как существенно нуждающиеся во спасении, которое даруется Богом за истинное покаяние. Душою и целью молитвы в том и другом состоянии должно быть покаяние. За покаяние, приносимое при одном собственном усилии, Бог дарует в свое время покаяние благодатное, – и Дух Святой, вселившись в человека, ходатайствует о нем воздыханиями неизглаголаннами: Он ходатайствует о святых сообразно воле Божией, которую ведает один Он (Рим.8:26,27).

Из этого явствует со всею очевидностью, что для новонаначального искание места сердечного, то есть искание открыть в себе безвременно и преждевременно явственное действие благодати, есть начинание самое ошибочное, извращающее порядок, систему науки. Такое начинание –

начинание гордостное, безумное! Столько же не соответствует новонаначальному употреблению механизмов, предложенных святыми отцами для преуспевших иноков, для безмолвников. Новоначальные должны держаться при упражнении молитвою одного благоговейнейшего внимания, одного заключения ума в слова молитвы, произнося слова очень неспешно, чтоб ум успевал заключаться в них, и производя дыхание тихо, но свободно. Некоторые подумали, что в самом производстве дыхания заключается нечто особенно важное, и, не поняв, что неспешное и тихое дыхание заповедано отцами для удержания ума от рассеянности, начали чрезмерно удерживать дыхание и этим расстроили телесное здоровье, столько способствующее в молитвенном подвиге. «Удерживай, – говорит преподобный Григорий Синаит, – и дыхание, то есть движение ума, смежив несколько уста при совершении молитвы, а не дыхание ноздрей, то есть чувственное, как это делают невежи, чтоб не повредить себя, надываясь»¹²⁶. Не только в процессе дыхания, но и во всех движениях тела должно наблюдать спокойствие, тихость и скромность. Все это очень способствует к удержанию ума от рассеянности. Ум, молящийся внимательно, непременно привлечет сердце в сочувствие себе, в чувство покаяния. Между сочувствием сердца уму и соединением ума с сердцем или схождением ума в сердце – величайшее различие. Святой Иоанн Лествичник признает значительным преуспеянием в молитве то, когда ум будет пребывать в словах ее¹²⁷. Этот великий наставник иноков утверждает, что молитва молящегося постоянно и усердно, при заключении ума в слова молитвы, из чувства покаяния и плача непременно осенится Божественною благодатью¹²⁸. Когда молитва осенится Божественною благодатью, тогда не только откроется сердечное место, но и вся душа повлечется к Богу непостижимою духовною силою, увлекая с собою и тело. Молитва преуспевших в ней произносится из всего существа. Весь человек делается как бы одними устами. Не только сердце обновленного человека, не только душа, но и плоть исполняется духовного утешения и наслаждения: радости «о Боже живе» (Пс.83:3), о Боге, действующем ощутительно и могущественно благодатью Своею.

Вся кости истинного молитвенника рекут: *«Господи, Господи, кто подобен Тебе? Избавляй нища из руки крепльших его, и нища, и убога от расхищающих его»* молитву и надежду: от помыслов и ощущений, возникающих из падшего естества и возбуждаемых демонами (Пс.34:10). К преуспеянию в молитве покаяния должны стремиться все христиане; к упражнению в молитве покаяния и к преуспеянию в ней святые отцы приглашают всех христиан. Напротив того, они строго воспрещают преждевременное усилие взойти умом в святилище сердца для благодатной молитвы, когда эта молитва еще не дана Богом. Воспрещение сопрягается со страшною угрозою. «Умная молитва, – говорит преподобный Нил Сорский, повторяя слова преподобного Григория Синаита, – выше всех деланий, и добродетелей глава, как любовь Божия. Бесстыдно и дерзостно хотящий войти к Богу и чисто беседовать с Ним, нудящийся стяжать Его в себе, удобно умерщвляется бесами»¹²⁹.

Умоляю, умоляю обратить все должное внимание на грозное воспрещение отцов. Мне известно, что некоторые благонамеренные люди, но впадающие в блуд на самом деле, не могущие, по несчастной привычке, воздержаться от падений, покушаются на упражнение в сердечной молитве. Может ли быть что-либо безрассуднее, невежественнее, дерзостнее этого начинания? Молитва покаяния дана всем без исключения, дана и обладаемым страстями, и подвергающимся насильственному падениям. Они имеют все право вопить ко Господу о спасении; но вход в сердце для молитвенного священнодействия возбранен для них: он предоставлен исключительно архиерею таинственному, хиротонисанному законно Божественною благодатью. Поймите, поймите, что единственно перстом Божиим отверзается этот вход: отверзается он тогда, когда человек не только престанет от деятельного греха, но и получит от десницы Божией силу противиться страстным помыслам, не увлекаться и не услаждаться ими. Мало-помалу зиждется сердечная чистота: чистоте постепенно и духовно является Бог. Постепенно! Потому что и страсти умягчаются, и добродетели

возрастают не вдруг: то и другое требует значительного времени.

Вот тебе завет мой: не ищи места сердечного. Не усиливайся тщетно объяснить себе, что значит место сердечное: удовлетворительно объясняется это одним опытом. Если Богу угодно дать тебе познание, то Он даст в свое время, – и даст таким способом, какого даже не может представить себе плотский человек. Занимайся исключительно и со всею тщательностью молитвою покаяния; старайся молитвою принести покаяние: удостоверись в успехе подвига, когда ощутишь в себе нищету духа, умиление, плач. Такого преуспевания в молитве желаю и себе, и тебе. Достижение вышеестественных благодатных состояний было всегда редкостью. Пимен Великий, инок Египетского Скита, знаменитого по высокому преуспеванию его монахов, живший в V веке, в котором особенно процветало монашество, говаривал: «О совершенстве беседуют между нами многие, а действительно достигли совершенства один или два»¹³⁰. Святой Иоанн Лествичник, аскетический писатель VI века, свидетельствует, что в его время очень умалились сосуды Божественной благодати в сравнении с предшествовавшим временем, причину этого святой видит в изменении духа в обществе человеческом, утратившем простоту и заразившемся лукавством¹³¹. Святой Григорий Синаит, писатель XIV века, решился сказать, что в его время вовсе нет благодатных мужей, так сделались они редки; причину этого Синаит указывает в необыкновенном развитии пороков, происшедшем от умножившихся соблазнов¹³². Тем более в наше время делателю молитвы необходимо наблюдать величайшую осторожность. Боговдохновенных наставников нет у нас! Целомудрие, простота, евангельская любовь удалились с лица земли. Соблазны и пороки умножились до бесконечности! Развратом объят мир! Господствует над обществом человеческим, как полновластный тиран, любовь преступная в разнообразных формах! Довольно, предовольно, если сподобимся принести Богу единое, существенно нужное для спасения нашего делание: покаяние.

Ученик. Удобна ли для обучения молитве Иисусовой жизнь в монастыре, посреди более или менее многочисленного братства и молвы, неизбежной в многолюдстве? Не удобнее ли для этого жизнь в безмолвии?

Старец. Жизнь в монастыре, особенно в общежительном, способствует новонаначальному к успешному и прочному обучению молитве, если только он жительствоует правильно. Жительствующему правильно в общежитии представляются непрестанно случаи к послушанию и смирению, а эти добродетели, более всех других, приготавливают и настраивают душу к истинной молитве. «От послушания – смирение», – сказали отцы¹³³. Смирение рождается от послушания и поддерживается послушанием, как поддерживается горение светильника подливаемым елеем. Смирением вводится в душу мир Божий (Флп.4:7). Мир Божий есть духовное место Божие (Пс.75:3), духовное небо; вошедшие в это небо человеки соделываются равноангельными и, подобно Ангелам, непрестанно поют в сердцах своих духовную песнь Богу (Еф.5:19), то есть приносят чистую, святую молитву, которая в преуспевших есть точно песнь и песнь песней. По этой причине послушание, которым доставляется бесценное сокровище смирения, признано единодушно отцами¹³⁴ за основную монашескую добродетель, за дверь, вводящую законно и правильно в умную и сердечную молитву, или, что то же, в истинное священное безмолвие. Святой Симеон Новый Богослов говорит о внимательной молитве: «Как я думаю, это благо проистекает нам от послушания. Послушание, являемое духовному отцу, соделывает всякого беспопечительным. Таковой какою привременною вещью может быть побежден или поработен? Какую печаль и какое попечение может иметь такой человек?»¹³⁵ Попечения и пристрастия, отвлекая постоянно мысль к себе, служат причиною развращения при молитве; гордость служит причиною сердечного ожесточения; гнев и памятозлобие, основывающиеся на гордости, служат причиною сердечного смущения. Послушание служит начальной причиною, уничтожающей рассеянность, от которой молитва бывает бесплодною; оно служит причиною смирения, смирение

уничтожает ожесточение, при котором молитва мертва; прогоняет смущение, при котором молитва непотребна, помазует сердце умилением, от которого молитва оживает, окрыляется, возлетает к Богу. Следовательно, послушание не только действует против рассеянности, но и охраняет сердце от ожесточения и смущения, содержит его постоянно кротким, благим, постоянно способным к умилению, постоянно готовым излиться пред Богом в молитве и плаче, столько искренних, что они по всей справедливости могут назваться и исповеданием души пред Богом (Пс.103:1; 104–106, 110) и духовным явлением Бога душе (там же). Если инок будет вести себя в монастыре подобно страннику, не заводя знакомства вне и внутри монастыря, не ходя по братским келлиям и не принимая братию в свою келлию, не заводя в келлии никаких излишеств, не исполняя своих пожеланий, трудясь в монастырских послушаниях со смирением и добросовестностью, прибегая часто к исповеди согрешений, повинуюсь настоятелю и прочим властям монастырским безропотно, в простоте сердца, то, без сомнения, преуспеет в молитве Иисусовой, то есть получит дар заниматься ею внимательно и проливать при ней слезы покаяния. «Видел я, – говорит святой Иоанн Лествичник, – преуспевших в послушании и не нерадевших по возможности о памяти Божией¹³⁶, действующей умом, как они, внезапно встав на молитву, вскоре преодолевали ум свой и изливали слезы потоками, совершалось это с ними потому, что они были предуготовлены преподобным послушанием»¹³⁷. Святой Симеон Новый Богослов, преподобный Никита Стифат и многие другие отцы обучились молитве Иисусовой и занимались ею в обителях, находившихся в столице Восточной империи, в обширном и многолюдном Константинополе. Святейший патриарх Фотий обучился ей уже в сане патриарха при многочисленных других занятиях, соединенных с этим саном. Святейший патриарх Каллист обучился, проходя послушание повара в лавре преподобного Афанасия Афонского на Афонской Горе¹³⁸. Преподобные Дорофей¹³⁹ и Досифей¹⁴⁰ обучались ей в общежитии святого Серида: первый неся послушание начальника больницы, второй – прислужника в ней.

В общежитии Александрийском, которое описывает святой Иоанн Лествичник, все братии упражнялись в умной молитве¹⁴¹. Этот святой, равно как и Варсонофий Великий, заповедует боримым блудною страстью особенно усиленное моление именем Господа Иисуса¹⁴². Блаженный старец, Серафим Саровский, свидетельствовал, наставленный собственным опытом, что молитва Иисусова есть бич против плоти и плотских похотений¹⁴³. Увядает пламень этих похотений от действия ее. Когда она воздействует в человеке, тогда, от действия ее, плотские похотения утрачивают свободу в действовании своем. Так хищный зверь, посаженный на цепь, сохраняя способность умерщвлять и пожирать людей и животных, теряет возможность действовать соответственно способности.

Святые Симеон и Андрей, юродивые ради Христа, находились в особеннейшем молитвенном преуспении, будучи возведены в него своим полным самоотвержением и глубочайшим смирением. Ничто не доставляет такого свободного доступа к Богу, как решительное самоотвержение, поправление своей гордости, своего «я». Обильное действие сердечной молитвы святого Андрея описано сотаинником его, Никифором, иереем великой церкви царственного Константинополя. Действие это, по особенности своей, достойно быть замеченным. «Он, – говорит Никифор, – принял такой дар молитвы в тайном храме сердца своего, что шепот уст его звенел далеко. Как котел воды, приведенный в движение безмерным кипением, издает из себя пар, так и у него выходил пар из уст от действия Святого Духа. Одни из видевших его говорили, что в нем живет демон и потому выходит из него пар; другие говорили: «Нет! Сердце его, мучимое неприязненным духом, производит такое дыхание». Ни то ни другое мнение не было справедливым: в этом явлении отражалась непрестанная, богоприятная молитва, – и незнакомые с духовным подвигом составили о великом Андрее понятие, подобное тому, какое составлено было некогда при внезапно открывшемся даре знания иностранных языков (Деян.2:13)»¹⁴⁴. Очевидно, что угодник Божий производил

молитву из всего существа своего, соединяя умную и сердечную молитву с гласною. Когда святой Андрей был восхищен в Рай, то, как поведал он иерею, обильная благодать Божия, наполняющая Рай, произвела в нем то духовное действие, которое обыкновенно производится умною молитвою в преуспевших: она привела в соединение ум его и сердце, причем человек приходит в состояние духовного упоения и некоторого самозабвения¹⁴⁵. Это упоение и самозабвение есть вместе ощущение новой жизни. Святой Симеон говорил сотаиннику своему, диакону Иоанну, что посреди самых сильных соблазнов ум его пребывает всецело устремленным к Богу и соблазны остаются без обычного действия своего¹⁴⁶. В тех, которые сподобились благодатного осенения, постоянно восхищается душа из среды греховных и суетных помыслов и ощущений умной молитвою, как бы таинственной невидимой рукою, и возносится горе: действие греха и мира остается бессильным и бесплодным¹⁴⁷.

Во дни новоначала моего некоторый старец в искренней беседе поведал мне: «В мирской жизни, по простоте прошедших времен и господствовавшему тогда благочестивому направлению, узнал я о молитве Иисусовой, занимался ею и ощущал по временам необыкновенное изменение в себе и утешение. Вступив в монастырь, я продолжал заниматься ею, руководствуясь чтением отеческих книг и наставлениями некоторых иноков, которые, казалось, имели понятие о ней. У них я видел и низменный стулец, упоминаемый преподобным Григорием Синаитом, сделанный наподобие тех стульцев, которые употреблялись в Молдавии. В конце прошедшего столетия и начале нынешнего процветало умное делание в разных обителях Молдавии, особливо в Нямецком монастыре. Сначала был я в послушании трапезного: занимаясь послушанием, занимался и молитвою, соединяя ее с содействующими ей смиренномудрыми помышлениями, по наставлению отцов¹⁴⁸. Однажды ставил я блюдо с пищею на последний стол, за которым сидели послушники, и мысленно говорил: «Примите от меня, рабы Божии, это убогое служение». Внезапно в грудь мою впало такое утешение, что я даже

пошатнулся; утешение продолжалось многие дни, около месяца. Другой раз случилось зайти в просфорню; не знаю с чего, по какому-то влечению, я поклонился братиям, трудившимся в просфорне, очень низко, – и внезапно так воздействовала во мне молитва, что я поспешил уйти в келлию и лег на постель по причине слабости, произведенной во всем теле молитвенным действием»¹⁴⁹.

В описании кончины святителя Димитрия Ростовского повествуется, что он найден почившим на молитве. За несколько часов до кончины был у него любимый его певчий; прощаясь с певчим, святитель поклонился ему едва не до земли. Из одного сердечного настроения истекли смирение и молитва. Иноческое общежитие, как уже сказано мною, служит величайшим пособием для обучения молитве Иисусовой в первых степенях ее, доставляя новонаначальному непрестанные случаи к смирению. Удобно может испытать над собою, скоро может увидеть каждый инок действие послушания и смирения на молитву. Ежедневное исповедание духовному отцу или старцу своих помыслов, отречение от деятельности по своему разуму и по своей воле начнет в непродолжительном времени действовать против рассеянности, уничтожать ее, удерживать ум в словах молитвы. Смирение пред старцем и пред всеми братиями немедленно начнет приводить сердце в умиление и содержать в умилении. Напротив того, от деятельности по своей воле и по своему разуму немедленно явится попечительность о себе, предстанут уму различные соображения, предположения, опасения, мечты, уничтожат внимательную молитву. Оставление смирения для сохранения своего достоинства по отношению к ближнему отымет у сердца умиление, ожесточит сердце, убьет молитву, лишив ее существенных свойств ее, внимания и умиления. Каждый поступок против смирения есть наветник и губитель молитвы. На послушании и смирении да зиждется молитва! Эти добродетели – единственно прочное основание молитвенного подвига.

Безмолвие полезно для преуспевших, понявших внутреннюю брань, окрепших в евангельской нравственности основательным навыком к ней, отвергнувших пристрастия¹⁵⁰:

все это должно стяжать предварительно в общежитии. Вступившим в безмолвие без предварительного, удовлетворительного обучения в монастыре, безмолвие приносит величайший вред: лишает преуспеяния, усиливает страсти¹⁵¹, бывает причиною высокоумия¹⁵², самообольщения и бесовской прелести¹⁵³. «Неопытных – не обученных опытно тайнам монашеского жительства – безмолвие губит»¹⁵⁴, – сказал святой Иоанн Лествичник. «К истинному безмолвию, – замечает этот же святой, – способны редкие: те, которые стяжали Божественное утешение в поощрение к трудам и Божественное содействие в помощь при бранях»¹⁵⁵.

Ученик. Ты сказал прежде, что не очищенный от страстей не способен ко вкушению Божественной благодати, а теперь упомянул о молитвенном благодатном утешении в миряnine и новоначальном послушнике. Здесь представляется мне противоречие.

Старец. Научаемые Священным Писанием и писаниями святых отцов, мы веруем и исповедуем, что Божественная благодать действует как прежде, так и ныне в Православной Церкви, несмотря на то, что обретает мало сосудов, достойных ее. Она осеняет тех подвижников Божиих, которых ей благоугодно осенить. Утверждающие, что ныне невозможно христианину сделаться причастником Святого Духа, противоречат Священному Писанию и причиняют душам своим величайший вред, как об этом прекрасно рассуждает преподобный Макарий Великий¹⁵⁶. Они, не предполагая в христианстве никакой особенно высокой цели, не ведая о ней, не стараются, даже нисколько не помышляют о достижении ее: довольствуясь наружным исполнением некоторых добродетелей, лишают сами себя христианского совершенства. Что хуже всего – они, удовлетворяясь своим состоянием и признавая себя, по причине своего наружного поведения, восшедшими на верх духовного жительства, не только не могут иметь смирения, нищеты духовной и сердечного сокрушения, но и впадают в самомнение, в превозношение, в самообольщение, в прелесть, уже нисколько не заботятся об истинном преуспеянии. Напротив того, уверовавшие существованию

христианского совершенства, устремляются к нему всеусердно, вступают в неослабный подвиг для достижения его. Понятие о христианском совершенстве охраняет их от гордости: в недоумении и плаче предстоят они молитвою пред заключенным входом в этот духовный чертог. Введенные Евангелием в правильное самовоззрение, смиренно, уничиженно думают они о себе: признают себя рабами непотребными, не исполнившими назначения, приобретенного и предначертанного Искупителем для искупленных Им человеков¹⁵⁷. Отвержение жительствова по заповедям Евангелия и по учению святых отцов – жительство самовольное, основанное на собственном умствования, хотя бы и очень подвижное или очень благовидное – имеет самое вредное влияние на правильное понимание христианства, даже на догматическую веру (1Тим.1:19). Это доказано со всею ясностью характером тех нелепых заблуждений и того разврата, в которые винулись все отступники, все еретики и раскольники.

Вместе с этим, опять основываясь на Божественном Писании и на писаниях отеческих, мы утверждаем, что ум и сердце, не очищенные от страстей покаянием, неспособны соделаться причастниками Божественной благодати, – утверждаем, что сочиняющие для себя благодатные видения и благодатные ощущения, ими льстящие себе и обманывающие себя, впадают в самообольщение и бесовскую прелесть. Несомненно веруя существованию благодатного действия, столько же несомненно мы должны веровать недостойнству и неспособности человека, в его состоянии страстном, к принятию Божией благодати. По причине этого сугубого убеждения погрузимся всецело, бескорыстно в делание покаяния, предав и вручив себя всесовершенной воле и благодати Божией. «Нет неправды у Бога, – наставляет преподобный Макарий Великий, – Бог не оставит не исполненным того, что Он предоставил исполнять Себе, когда исполним то, что мы обязаны исполнить»¹⁵⁸. – Монах не должен сомневаться в получении дара Божественной благодати, – говорит святой Исаак Сирский, – как сын не сомневается в получении наследства от отца. Наследство принадлежит сыну по закону естества. – Вместе с

этим святой Исаак называет прошение в молитве о ниспослании явного действия благодати начинанием, заслуживающим порицания, прошением, внушенным гордынею и превозношением; он признает желание и искание благодати настроением души неправильным, отверженным Церковью Божиею, душевным недугом. Усвоивших себе такое желание он признает усвоившими гордыню и падение, то есть самообольщение и демонскую прелесть. Хотя сама цель монашества и есть обновление Святым Духом принявшего монашество, но святой Исаак предлагает идти к этой цели покаянием и смирением, стяжать плач о себе и молитву мытаря, столько раскрыть в себе греховность, чтоб совесть наша свидетельствовала нам, что мы – рабы непотребные и нуждаемся в милости. «Божие, – говорит святой, – приходит само собою, в то время, как мы и не помышляем о нем. Ей так! но если место чисто, а не оскверненно»¹⁵⁹.

Что ж касается до упомянутого новоначального, то из самых приведенных случаев с ним видно, что он вовсе не ожидал такого молитвенного действия, какое в нем внезапно открылось, даже не понимал, что оно существует. Это – строение Промысла Божия, постижение которого нам недоступно. Тот же святой Исаак говорит: «Чин (порядок) особенного смотрения (Промысла, Суда Божия) отличается от общего человеческого чина. Ты следуй общему чину и путем, по которому прошли все¹⁶⁰ на высоту духовного пирга (башни)».

Ученик. Мне привелось узнать, что некоторые старцы, весьма преуспевшие в молитве Иисусовой, преподавали новоначальным прямо молитву умную, даже сердечную.

Старец. Знаю это. Такие частные случаи не должно принимать за общее правило или, основываясь на них, пренебрегать преданием Церкви, то есть тем учением святых отцов, которое Церковь приняла в общее руководство. К отступлению от общего правила приведены были упомянутые тобою преуспевшие старцы или по замеченной ими особенной способности новоначальных к упражнению в умной молитве, или по собственной неспособности быть удовлетворительными руководителями других, несмотря на свое молитвенное

преуспеяние. И последнее случается! В Египетском Ските некоторый новоначальный монах просил наставления по одному из случаев иноческого подвижничества у аввы Ивистиона, старца очень возвышенной жизни. Получив наставление, новоначальный нашел нужным поверить наставление советом с преподобным Пименом Великим. Великий устранил наставление аввы Ивистиона, как слишком возвышенное, невыносимое для новоначального и страстного, преподал монаху способ более удобный и доступный, произнеся при этом следующее, достойное внимания изречение: «Авва Ивистион и делание его на небе, с Ангелами: утаилось от него, что мы с тобою на земле и в страстях»¹⁶¹. Очень верно замечает преподобный Григорий Синаит, что находящиеся в молитвенном преуспеянии обучают молитве других сообразно тому, как сами достигли в ней преуспеяния¹⁶². Из опытов я мог убедиться, что получившие благодатную молитву по особенному смотрению Божию скоро и не общим путем поспевают соответственно совершившемуся с ними сообщать новоначальным такие сведения о молитве, которые новоначальными никак не могут быть поняты правильно, понимаются ими превратно и повреждают их. Напротив того, получившие дар молитвы после продолжительной борьбы со страстями, при очищении себя покаянием и при образовании нравственности евангельскими заповедями, преподают молитву с большою осмотрительностью, постепенностью, правильностью. Монахи Молдавского Нямецкого монастыря передавали мне, что знаменитый старец их, архимандрит Паисий Величковский, получивший сердечную благодатную молитву по особенному смотрению Божию, а не общим порядком, по этой самой причине не доверял себе преподавание ее братьям: он поручал это преподавание другим старцам, стяжавшим дар молитвы общим порядком. Святой Макарий Великий говорит, что по неизреченной благодати Божией, снисходящей немощи человеческой, встречаются души, соделавшиеся причастницами Божественной благодати, преисполненные небесного утешения и наслаждающиеся действием в них Святого Духа, – вместе с тем, по недостатку

деятельной опытности, пребывающие как бы в детстве, в состоянии очень неудовлетворительном в отношении к тому состоянию, которые требуется и доставляется истинным подвижничеством¹⁶³. Мне пришлось видеть такое дитя-старца, осененного обильно Божественною благодатью. С ним познакомилась дама цветущих лет и здоровья, громкого имени, жизни вполне светской, и, получив уважение к старцу, сделала ему некоторые услуги. Старец, движимый чувством благодарности, желая вознаградить великим душеназиданием послугу вещественную и не поняв, что этой даме прежде всего нужно было оставить чтение романов и жизнь по романам, преподал ей упражнение молитвою Иисусовою, умною и сердечною, с пособием тех механизмов, которые предлагаются святыми отцами для безмолвников и описаны в 1-й и 2-й частях «Добротолюбия». Дама послушалась святого старца, пришла в затруднительнейшее положение и могла бы повредить себя окончательно, если б другие не догадались, что дитя-старец дал ей какое-нибудь несообразнейшее наставление, не извлекли у ней признания и не отклонили ее от последования наставлению.

Упомянутому здесь старцу говаривал некоторый, близко знакомый ему инок: «Отец! твое душевное устройство подобно двухэтажному дому, которого верхний этаж отделан отлично, а нижний стоит вчерне, отчего доступ и в верхний этаж очень затруднителен». В монастырях употребляется о таких преуспевших старцах изречение: «свят, но не искусен», – и наблюдается осторожность в совещаниях с ними, в совещаниях, которые иногда могут быть очень полезными. Осторожность заключается в том, чтоб не вверяться поспешно и легкомысленно наставлениям таких старцев, чтоб поверять их наставления Священным Писанием и писаниями отцов¹⁶⁴, также беседую с другими преуспевшими и благонамеренными иноками, если окажется возможность найти их. Блажен новоначальный, нашедший в наше время благонадежного советника! «Знай, – восклицает преподобный Симеон Новый Богослов, – что в наши времена появилось много лжеучителей и обманщиков!»¹⁶⁵ Таково было положение христианства и

монашества за восемь столетий до нас. Что ж сказать о современном положении? Едва ли не то, что сказал преподобный Ефрем Сирский о положении тех, которые займутся поиском живого слова Божия во времена последние. Они будут, пророчески предсказывает преподобный, проходить землю от востока к западу и от севера к югу, ища такого слова, – и не найдут его¹⁶⁶. Как истомленным взорам заблудившихся в степях представляются высокие дома и длинные улицы, чем заблудившиеся увлекаются еще в большее, неисходное заблуждение, так и ищущим живого слова Божия в нынешней нравственной пустыне представляются во множестве великолепные призраки слова и учения Божия, воздвигнутые из душевного разума, из недостаточного и ложного знания буквы, из настроения духов отверженных, миродержителей. Призраки эти, льстиво являясь духовным эдемом, преизобилующим пищею, светом, жизнью, отвлекают обманчивым явлением своим душу от истинной пищи, от истинного света, от истинной жизни, вводят несчастную душу в непроницаемый мрак, изнуряют голодом, отравляют ложью, убивают вечной смертью.

Преподобный Кассиан Римлянин повествует, что в современных ему египетских монастырях, в которых особенно процветало монашество и соблюдались с особенной тщательностью и точностью предания духоносных отцов, никак не допускали того инока, который не обучился монашеству правильно, в послушании, к обязанности наставника и настоятеля, хотя бы этот инок и был весьма возвышенной жизни, даже украшенный дарами благодати. Египетские отцы признавали дар руководить братией ко спасению величайшим даром Святого Духа. Не обученный науке монашества правильно, утверждали они, не может и преподавать ее правильно¹⁶⁷. Некоторые были восхищены Божественною благодатью из страны страстей и перенесены в страну бесстрастия, – этим избавлены от тяжкого труда и бедствий, испытываемых всеми, преплывающими бурное, обширное, глубокое море, которым отделяется страна от страны. Они могут поведать подробно и верно о стране бесстрастия, но не могут дать должного отчета о плавании через море, о том плавании,

которое не изведено ими на опыте. Великий наставник монашествующих святой Исаак Сирский, объяснив, что иные, по особенному смотрению Божию, скоро получают Божественную благодать и освящение, решился присовокупить, что, по мнению его, тот, кто не образовал себя исполнением заповедей и не шествовал по пути, по которому прошли апостолы, недостойн называться святым¹⁶⁸. «Кто же победил страсти при посредстве исполнения заповедей и многотрудного жительства в благом подвиге, тот да ведает, что он стяжал здравие души законно»¹⁶⁹. «Порядок предания таков: терпение с понуждением себя борется против страстей для приобретения чистоты. Если страсти будут побеждены, то душа стяжает чистоту. Истинная чистота доставляет уму дерзновение во время молитвы»¹⁷⁰. В послании к преподобному Симеону чудотворцу святой Исаак говорит: «Ты пишешь, что чистота сердца зачалась в тебе и что память Божия, – умная молитва Иисусова, – очень воспламенилась в сердце твоём, разогревает и разжигает его. Если это – истинно, то оно – велико, но я не хотел бы, чтоб ты написал мне это, потому что тут нет никакого порядка»¹⁷¹. «Если хочешь, чтоб сердце твоё было вместилищем таинств нового века, то прежде обогатись подвигом телесным, постом, бдением, служением братии, послушанием, терпением, низложением помыслов и прочим тому подобным. Привяжи ум твой к чтению и изучению Писания; изобрази заповеди пред очами твоими и отдай долг страстям, побеждаясь и побеждая; приучайся к непрестанным молитве и молению, и постоянным упражнением в них исторгни из сердца всякий образ и всякое подобие, которыми грех запечатлел тебя в прежней жизни твоей»¹⁷². «Ты знаешь, что зло вошло в нас при посредстве преступления заповедей: из этого явствует, что здравие возвращается исполнением заповедей. Без делания заповедей нам даже не должно желать очищения души или надеяться на получение его, когда не ходим по тому пути, который ведёт к очищению души. Не скажи, что Бог может и без делания заповедей, благодатью даровать очищение души: это – судьбы Божии, и Церковь воспрещает просить, чтоб совершилось с нами такое чудо. Иудеи, возвращаясь из Вавилона во

Иерусалим, шли обыкновенным путем и в течение определенного на такой путь времени; совершив путешествие, они достигли святого града своего и увидели чудеса Господа. Но пророк Иезекииль сверхъестественно восхищен был действием духовным, поставлен во Иерусалим и по Божественному откровению соделался зрителем будущего обновления. По образу этого совершается и относительно чистоты души. Некоторые входят в чистоту душ и путем, проложенным для всех, путем законным: хранением заповедей в жительстве многотрудном, проливая кровь свою. Иные же сподобляются чистоты по дару благодати. Дивно то, что не дозволено испрашивать молитвою даруемое нам благодатью, оставляя деятельное жительство по заповедям»¹⁷³. «Немощному, нуждающемуся быть вскормленным млеком заповедей, полезно жительство со многими, чтоб он и обучился, и был обуздан, чтоб был заушен многими искушениями, падал и восставал, и стяжал здоровье души. Нет такого младенца, который не был бы вскормлен молоком, – и не может быть истинным монахом тот, кто не воспитан млеком заповедей, исполняя их с усилием, побеждая страсти и таким образом сподобляясь чистоты»¹⁷⁴.

Можно и новонаначальному, и юному преподавать умную и сердечную молитву, если он к ней способен и подготовлен. Такие личности были очень редки и в прежние времена, предшествовавшие времени общего растления нравов. Я был свидетелем, что старец, стяжавший благодатную молитву и духовное рассуждение, преподавал советы об умной и сердечной молитве некоторому новонаначальному, сохранившему девство, предуготовленному с детства к принятию таинственного учения о молитве изучением христианства и монашества, ощутившему уже в себе действие молитвы. Старец объяснил возбуждение молитвенного действия в юноше его девственностью. Совсем другому правилу подлежат и молодые люди, и люди зрелых лет, проводившие до вступления в монастырь жизнь рассеянную, при скудных, поверхностных понятиях о христианстве, стяжавшие различные пристрастия, особливо растлившие целомудрие блудом. Грех блуда имеет то свойство, что соединяет два тела, хотя и незаконно, в одно тело (1Кор.6:16):

по этой причине, хотя он прощается немедленно после раскаяния в нем и исповеди его, при неременном условии, чтоб покающийся оставил его, но очищение и истрезвление тела и души от блудного греха требует продолжительного времени, чтоб связь и единение, установившиеся между телами, насадившиеся в сердце, заразившие душу, изветшались и уничтожились. Для уничтожения несчастного усвоения Церковь полагает впавшим в блуд и в прелюбодеяние весьма значительные сроки для покаяния, после чего допускает их к Причащению Всесвятым Телу и Крови Христовым. Точно так для всех, проводивших рассеянную жизнь, для запечатленных различными пристрастиями, особливо для низвергшихся в пропасть блудных падений, для стяжавших навык к ним, нужно время и время, чтоб предочиститься покаянием, чтоб изгладить из себя впечатления мира и соблазнов, чтоб истрезвиться от греха, чтоб образовать нравственность заповедями Евангелия и таким образом соделать себя способным к благодатной, умной и сердечной молитве. «Каждый да обсуждает душу свою, – говорит преподобный Макарий Великий, – рассматривая и исследуя тщательно, к чему она чувствует привязанность, и если усмотрит, что сердце находится в разногласии с законами Божиими, то да старается всеусильно охранить как тело, так и душу от растления, отвергая общение с нечистыми помыслами, если хочет ввести душу в сожительство и лики чистых дев, по данному обету, – при крещении и при вступлении в иночество, – потому что вселение и хождение Божие обетовано Богом только в душах вполне чистых и утвержденных в правильной любви¹⁷⁵. Рачительный к пашне земледелец сперва обновляет ее и исторгает из нее плевелы, потом уже засеивает ее семенами: так и тот, кто ожидает, чтоб душу его засеял Бог семенами благодати, во-первых, должен очистить душевную ниву, чтоб семя, которое впоследствии повергнет на эту ниву Святой Дух, принесло совершенный и многочисленный плод. Если этого не будет сделано прежде всего и если человек не очистит себя от всякой скверны плоти и духа, то он пребудет плотью и кровью и далеко отстоящим от жизни» в Боге¹⁷⁶. «Кто принуждает себя исключительно и всеусильно к молитве, но не трудится о

приобретении смирения, любви, кротости и всего сонма прочих добродетелей, не внедряет их в себя насильно, тот может достигнуть только до того, что иногда, по прошению его, касается его Божественная благодать, потому что Бог по естественной благодати Своей человеколюбиво дарует просящим то, чего они хотят. Если же получивший не приобучит себя к прочим добродетелям, упомянутым нами, и не стяжет навыка в них, то или лишается полученной благодати, или, вознесшись, ниспадает в гордость, или, оставаясь на низшей степени, на которую взошел, уже не преуспевает более и не растет. Престолом и покоем, так сказать, для Святого Духа служат смирение, любовь, кротость и последовательно все святые заповеди Христовы. Итак, кто захотел бы, совокупляя и собирая в себе все добродетели равно и без исключения, тщательным приумножением их достичь совершенства, тот, во-первых, да насилует себя, как мы уже сказали, и постоянно поборая упорное сердце, да тщится представить его покорным и благоугодным Богу. Употребивший, во-первых, такое насилие над собою и все, что ни есть в душе противодействующего Богу, возвративший как бы укрощенного дикого зверя в покорность повелениям Божиим, в повиновение направлению истинного, святого учения, благоустроивший таким образом свою душу, если будет молиться Богу и просить Бога, чтоб Бог даровал преуспевание начинаниям его, то получит вкупе все просимое, Человеколюбивейший Бог предоставит ему все во всеобилии, чтоб дар молитвы в нем возрос и процвел, будучи услажден Святым Духом»¹⁷⁷. «Впрочем, знай, что во многом труде и в поте лица твоего восприимешь утраченное сокровище твое, потому что беструдное получение блага несообразно с твоею пользою. Полученное без труда ты потерял и предал врагу наследие твое»¹⁷⁸.

Ученик. Когда я молюсь, то уму моему представляется множество мечтаний и помыслов, не допускающих чисто молиться: не может ли возникнуть из этого прелесть или какой другой вред для меня?

Старец. Множеству помыслов и мечтаний естественно возникать из падшего естества. Даже свойственно молитве

открывать в падшем естестве сокровенные признаки падения его и впечатления, произведенные произвольными согрешениями¹⁷⁹. Также диавол, зная, какое великое благо – молитва, старается во время ее возмутить подвижника греховными, суетными помыслами и мечтаниями, чтоб отвратить его от молитвы или молитву сделать бесплодной¹⁸⁰. Из среды помыслов, мечтаний и ощущений греховных, из среды этого порабощения и плинфоделания¹⁸¹ нашего, тем сильнее возопием и будем вопить молитвою ко Господу, подобно израильтянам, возстенавшим от дел и возопившим. *«И взыде, – говорит Писание, – вопль их к Богу от дел. И услыша Бог стенание их»* (Исх.2:23–24).

Общее правило борьбы с греховными начинаниями заключается в том, чтоб отвергать грех при самом появлении его, убивать таинственных вавилонян, доколе они – младенцы (Пс.136:9). «Разумно борющийся, – сказал преподобный Нил Сорский, – отражает мать злого мысленного сонмища, то есть первое прикосновение лукавых мыслей к уму его. Отразивший это первое прикосновение, разом отразил и все последующее за ним сонмище лукавых мыслей»¹⁸². Если же грех, по причине предварившего порабощения ему и навыка к нему, насилует нас, то и тогда не должно унывать и приходить в расслабление и отчаяние; должно врачевать невидимые побеждения покаянием и пребывать в подвиге с твердостью, мужеством, постоянством. Греховные и суетные помыслы, мечтания и ощущения тогда могут несомненно повредить нам, когда мы не боремся с ними, когда услаждаемся ими и насаждаем их в себя. От произвольного содружества с грехом и от произвольного общения с духами отверженными зарождаются и укрепляются страсти; может вкрасться в душу неприметным образом прелесть. Когда же мы противимся греховным помыслам, мечтам и ощущениям, тогда сама борьба с ними доставит нам преуспевание и обогатит нас деятельным разумом. Некоторый старец, преуспевший в умной молитве, спросил другого инок, также занимавшегося ею: «Кто обучил тебя молитве?» Инок отвечал: «Демоны». Старец улыбнулся и сказал: «Какой соблазн произнес ты для не знающих дела! Однако скажи,

каким образом демоны выучили тебя молитве?» Инок отвечал: «Мне попущена была тяжкая и продолжительная брань от лютых помыслов, мечтаний и ощущений, не дававших мне покоя ни днем ни ночью. Я истомился и исхудал неимоверно от тяжести этого неестественного состояния. Угнетенный натиском духов, я прибегал к молитве Иисусовой. Брань достигла такой степени, что привидения начали мелькать в воздухе пред глазами моими чувственно. Я ощущал постоянно, что горло мое перетянута как бы веревкой. Потом, при действии самой брани, я начал чувствовать, что молитва усиливается и надежда обновляется в сердце моем. Когда же брань делалась легче и легче, наконец совсем утихла, – внезапно появилась молитва в сердце моем сама собою».

Будем молиться постоянно, терпеливо, настойчиво. Бог, в свое время, даст благодатную, чистую молитву тому, кто молится без лености и постоянно своею нечистою молитвою, кто не покидает малодушно молитвенного подвига, когда молитва долго не поддается ему. Образец успеха настойчивой молитвы Иисусовой видим в Евангелии. Когда Господь выходил из Иерихона в сопровождении учеников и народного множества, тогда слепец Вартимей, сидевший при пути и просивший милостыни, узнав, что Господь проходит мимо, начал кричать: «*Сыне Давидов Иисусе, помилуй мя*». Ему воспрещали кричать, но он тем более кричал. Последствием неумолкающего крика было исцеление слепца Господом (Мк.10:46–52). Так и мы будем вопить, несмотря на восстающие из падшего естества и приносимые диаволом помыслы, мечтания и ощущения греховные, для воспрепятствования нашему молитвенному воплю, – и несомненно получим милость.

Ученик. Какие истинные плоды молитвы Иисусовой, по которым новоначальный мог бы узнать, что он молится правильно?

Старец. Первоначальные плоды молитвы заключаются во внимании и умирении. Эти плоды являются прежде всех других от всякой правильно совершаемой молитвы, преимущественно же от молитвы Иисусовой, упражнение которою превышает псалмопение и прочего молитвословия¹⁸³. От внимания

рождается умиление, а от умиления усугубляется внимание. Они усиливаются, рождая друг друга; они доставляют молитве глубину, оживляя постепенно сердце; они доставляют ей чистоту, устраняя рассеянность и мечтательность. Как истинная молитва, так и внимание, и умиление суть дары Божии. Как желание стяжать молитву мы доказываем принуждением себя к ней, так и желание стяжать внимание и умиление доказываем понуждением себя к ним. Далее плодом молитвы бывает постепенно расширяющееся зрение своих согрешений и своей греховности, отчего усиливается умиление и обращается в плач. Плачем называется преизобильное умиление, соединенное с болезнованием сердца сокрушенного и смиренного, действующее из глубины сердца и объемлющее душу. Потом являются ощущения присутствия Божия, живое воспоминание смерти, страх суда и осуждения. Все эти плоды молитвы сопровождаются плачем и в свое время осеняются тонким, святым духовным ощущением страха Божия. Страх Божий невозможно уподобить никакому ощущению плотского, даже душевного человека. Страх Божий – ощущение совершенно новое. Страх Божий – действие Святого Духа. От внушения этого чудного действия начинают истаивать страсти, – ум и сердце начинают привлекаться к непрерывному упражнению молитвою. По некотором преуспевании приходит ощущение тишины, смирения, любви к Богу и ближним без различия добрых от злых, терпения скорбей, как попущений и врачеваний Божиих, в которых необходимо нуждается наша греховность. Любовь к Богу и ближним, являющаяся постепенно из страха Божия, вполне духовна, неизъяснимо свята, тонка, смиренна, отличается отличием бесконечным от любви человеческой в обыкновенном состоянии ее, не может быть сравнена ни с какою любовью, движущейся в падшем естестве, как бы ни была эта естественная любовь правильно и священной. Одобряется закон естественный, действующий во времени; но закон вечный, закон духовный настолько выше его, насколько Святой Дух Божий выше духа человеческого. О дальнейших плодах и последствиях моления светлейшим именем Господа Иисуса останавливаюсь говорить: пусть блаженный опыт научит им и

меня, и других. Последствия и плоды эти подробно описаны в «Добротолубии», этом превосходном, боговдохновенном руководстве к обучению умной молитве для преуспевших иноков, способных вступить в пристанище священного безмолвия и бесстрастия. Признавая и себя, и тебя новоначальными в духовном подвиге, имею преимущественно в виду, при изложении правильных понятий о упражнении молитвою Иисусовою, потребность новоначальных, потребность большинства. «Стяжи плач, – сказали отцы, – и он научит тебя всему»¹⁸⁴. Восплачем и будем постоянно плакать пред Богом: Божие не может прийти иначе, как по благоволению Божию, – и приходит оно в характере духовном, в характере новом, в таком характере, о котором мы не можем составить себе никакого понятия в нашем состоянии плотском, душевном, ветхом, страстном¹⁸⁵.

Достоинство особенного замечания то мнение о себе, которое насаждается правильно молитвою Иисусовою в делателя ее. Иеромонах Серафим Саровский достиг в ней величайшего преуспевания. Однажды настоятель прислал к нему монаха, которому благословил начать пустынножитие, с тем, чтоб отец Серафим наставил этого монаха пустынножитию столько, сколько сам знает этот многотрудный образ иноческого жительства. Отец Серафим, приняв инока очень приветливо, отвечал: «И сам я ничего не знаю». При этом он повторил иноку слова Спасителя о смирении (Мф.11:29) и объяснение их святым Иоанном Лествичником через действие сердечной молитвы Иисусовой¹⁸⁶. Рассказывали мне следующее о некотором делателе молитвы. Он был приглашен благотворителями монастыря в губернский город. Посещая их, инок постоянно затруднялся, не находя, что говорить с ними. Однажды был он у весьма благочестивого христороубца. Этот спросил монаха: «Отчего ныне нет беснующихся?» «Как нет? – отвечал монах, – их много». «Да где же они?» – возразил христороубец. Монах отвечал: «Во-первых, вот – я». «Полноте! что вы говорите!» – воскликнул хозяин, посмотрев на монаха с дикою улыбкою, в которой выражались и недоумение, и ужас. «Будьте уверены...» – хотел было продолжать монах. –

«Полноте, полноте!» – прервал хозяин и начал речь с другими о другом, а монах замолчал. *Слово крестное* и самоотвержение *юродство есть* (1Кор.1:18) для непонимающих действия и силы их. Кто, не знающий молитвенного плача и тех таинств, которые он открывает, поймет слова, исшедшие из глубины плача? Достигший самовоззрения посредством духовного подвига видит себя окованным страстями, видит действующих в себе и собою духов отверженных. Брат спросил Пимена Великого, как должен жить безмолвник? Великий отвечал: «Я вижу себя подобным человеку, погрязшему в болото по шею, с бременем на шее, и вопию к Богу: помилуй меня»¹⁸⁷. Этот святой, наученный плачем глубочайшему, непостижимому смиренномудрию, говаривал сожительствовавшим ему братьям: «Поверьте мне: куда ввергнут диавола, туда ввергнут и меня»¹⁸⁸. Воспоминанием о совершенном иноке, о Пимене Великом, заключим нашу беседу о молитве Иисусовой.

Ученик. Мое сердце жаждет слышания: скажи еще что-нибудь.

Старец. Очень полезно для упражняющегося молитвою иметь в келлии иконы Спасителя и Божией Матери, довольно значительного размера. По временам можно обращаться при молитве к иконам, как бы к самим присутствующим тут Господу и Божией Матери. Ощущение присутствия Божия в келлии может делаться обычным. При таком постоянном ощущении мы будем пребывать в келлии со страхом Божиим, как бы постоянно под взорами Бога. Точно: мы находимся всегда в присутствии Бога, потому что Он Вездесущ, – находимся всегда под взорами Бога, потому что Он все и всюду видит. Слава Всемилосердому Господу, видящему нашу греховность и согрешения, долготерпеливо ожидавшему нашего покаяния, даровавшему нам не только дозволение, но и заповедь умолять Его о помиловании.

Воспользуемся неизреченною милостью Божией к нам! Примем ее с величайшим благоговением, с величайшею благодарностью! Возделаем ее во спасение наше с величайшим усердием, с величайшею тщательностью! Милость даруется

Богом во всем обилии, но принять ее или отвергнуть, принять ее от всей души или с двоедушием предоставляется на произвол каждого человека. *«Чадю, от юности твоя избери наказание, и даже до седин обрящещи премудрость. Якоже оряй и сеяй приступи к ней и жди благих плодов ея: в делании бо ея мало потрудишися, и скоро ясти будещи плоды ея»* (Сир.6:18–20). *«В заутрии сей семя твое, и в вечер да не оставляет рука твоя»* (Еккл.11:6)¹⁸⁹. *«Исповедайтесь Господеву и призывайте имя Его... Взыщите Господа и утвердитесь: взыщите лица Его выну»* (Пс.104:1, 4). Этими словами Священное Писание научает нас, что подвиг служения Богу, подвиг молитвы, должен быть совершаем от всей души, постоянно и непрерывно. Скорби внешние и внутренние, долженствующие непременно повстречаться на поприще этого подвига, подобает преодолевать верою, мужеством, смирением, терпением и долготерпением, врачую покаянием уклонения и увлечения. И оставление молитвенного подвига, и промежутки на нем крайне опасны. Лучше не начинать этого подвига, нежели, начавши, оставить. Душу подвижника, оставившего предпринятое им упражнение в молитве Иисусовой, можно уподобить земле обработанной и удобренной, но впоследствии заброшенной: на такой земле с необыкновенной силою вырастают плевелы, пускают глубокие корни, получают особенную дебелисть. В душу, отрекшуюся от блаженного союза с молитвой, оставившую молитву и оставленную молитвою, вторгаются страсти бурным потоком, наводняют ее. Страсти стяжают особенную власть над такою душой, особенную твердость и прочность, запечатлеваются ожесточением и мертвостью сердца, неверием. Возвращаются в душу демоны, изгнанные молитвою, разъяренные предшествовавшим изгнанием, возвращаются они с большим неистовством и в большем числе. *«Последняя человеку тому бывает горша первых»* (Мф.12:45), по определению Евангелия; состояние подвергшегося владычеству страстей и демонов после избавления от них при посредстве истинной молитвы несравненно бедственнее, нежели состояние того, кто не покушался свергнуть с себя иго греховное, кто мечя молитвы не

вынимал из ножен его. Вред от промежутков или от периодического оставления молитвенного подвига подобен вреду, происходящему от совершенного оставления; вред этот тем значительнее, чем промежуток продолжительнее. Во время сна подвижников, то есть во время нерадения их о молитве, приходит враг, не видимый чувственными очами, не примеченный подвижниками, попустившими себе увлечение и рассеянность, насеваает *«плевелы посреде пшеницы»* (Мф.13:25). Сеятель плевелов очень опытен, коварен, исполнен злобы: легко ему посеять плевел самый злокачественный, ничтожный по наружности и в начале своем, но впоследствии обхватывающий и перепутывающий многочисленными отпрысками всю душу. *«Иже несть со Мною, – сказал Спаситель, – на Мя есть, и иже не собирает со Мною, расточает»* (Лк.11:23). Молитва не доверяет себя делателям двоедушным, непостоянным; *«стропотна есть зело ненаказанным, и не пребудет в ней безумный: якоже камень искушения крепок будет на нем, и не замедлит отвреши ея... Слыши, чадо, и приими волю мою, и не отвержи совета моего: и введи нозе твои в оковы ея и в гривну ея выю твою. Подложи рамо твое и носи ю, и не гнушайся узами ея: всею душею твоею приступи к ней и всею силою твоею соблюди пути ея. Изследи и взыщи, и познана ти будет, и емься за ню не остави ея: напоследок бо обрящеши покой ея, и обратится тебе на веселие. И будут ти пута ея на покой крепости, и гривны ея на одеяние славы»* (Сир.6:21–22, 24–30). Аминь.

Слово о поучении, или памяти Божией¹⁹⁰

Под именем поучения, или памяти Божией, святые отцы разумеют какую-либо краткую молитву или даже какую-либо краткую духовную мысль, к которой они приобучились и которую они старались усвоить уму и памяти вместо всякой мысли.

Можно ли заменить одной духовной, краткой мыслью о Боге все прочие мысли? – Можно. Святой апостол Павел говорит: *«Не судих бо ведети что... точию Иисуса Христа, и Сего распята»* (1Кор.2:2). Мысль суетная, земная, постоянно занимая человека, производит в нем оскудение разума, препятствует приобретению полезных и нужных познаний: напротив того, мысль о Боге, усвоившись христианину, обогащает его духовным разумом. Стяжавшему в себе Христа непрестанным воспоминанием о Нем поверяются Божественные тайны, неведомые плотским и душевным человеком, неведомые ученым земным, неприступные для них: *«в Немже (во Христе) суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна»* (Кол.2:3). Соделывается обладателем этих сокровищ стяжавший в себе Господа Иисуса Христа.

Почтение, или память Божия, есть установление Божественное. Оно заповедано самим вочеловечившимся Божиим Словом, подтверждено Святым Духом через посланников Слова (апостолов). *«Бдите убо на всяко время молящися»* (Лк.21:36), – завещал некогда Господь предстоявшим ученикам Его. Завещает Он это и нам, ныне предстоящим Ему и умоляющим Его, да сподобит нас творить волю Его и быть Его учениками, христианами не только по имени, но и по жительству. Сказал Господь приведенные здесь слова, указывая на те нравственные и вещественные бедствия, которыми будет окружено земное странствование каждого ученика Его, – на те страдания и страхи, которые предшествуют смерти каждого из нас, сопровождают ее, последуют за ней, – на те соблазны и горести, которые постигнут мир перед пришествием антихриста и во время его господства, – наконец, на сотрясение и превращение вселенной во время второго

славного и страшного пришествия Христова. *«Бдите убо на всяко время молящися»*, да сподобитесь убежати всех сих, хотящих быти, и стати пред Сыном Человеческим в радости спасения; стати в этой радости и после суда частного, наступающего для каждого человека вслед за разлучением души его от тела, и на суде общем, на котором поставятся избранные одесную Судии, а отверженные ошуюю (Мф.25:32–33). *«Трезвитесь в молитвах, – говорит святой апостол Петр, повторяя верующим заповедь Господа. – Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити, емуже противитесь тверди верою»* (1Пет.4:7; 5:8, 9). Повторяя и подтверждая эту всесвятую, спасительную заповедь, святой апостол Павел говорит: *«Непрестанно молитесь»* (1Фес.5:17). *«Ни о чемже печетесь, но во всем молитвою и молением со благодарением прошения ваша да скажутся Богу»* (Флп.4:6). *«В молитве терпите (пребывайте), бодрствуяще в ней со благодарением»* (Кол.4:2). *«Хощу убо, да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобным руки без гнева и размышления»* (1Тим.2:8). *«Прилепляйся же Господеву непрестанною молитвою, един дух есть с Господем»* (1Кор.6:17). Прилепляющегося к Господу и соединяющегося с Господом непрестанною молитвою Господь избавляет от порабощения и служения греху и диаволу: *«Бог, – возвещает нам Спаситель, – не имать ли сотворити отмщение избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, и долготерпя о них? Глаголю вам, яко сотворит отмщение их вскоре»* (Лк.18:7–8). Признак иноческого совершенства – непрестанная молитва. *«Достигший сего, – говорит святой Исаак Сирский, – достиг высоты всех добродетелей и соделался жилищем Святого Духа»*¹⁹¹. Упражнение в непрестанной молитве, приобучение себя к ней необходимо для всякого инока, желающего достигнуть христианского совершенства. Упражнение в непрестанной молитве и приобучение себя к ней есть обязанность каждого инока, возложенная на него заповедью Божиею и иноческими обетами¹⁹².

Очевидно, что святые апостолы, получившие лично от Господа заповедь о непрестанной молитве, передавшие ее верующим, сами занимались непрестанною молитвою. До приятия Святого Духа они пребывали в одном доме, занимаясь молитвой и молением (Деян.1:13–14). Под именем молитвы здесь разумеются те молитвословия, которые они совершали вместе, а под именем моления – постоянное молитвенное направление их духа, непрестанная молитва. Когда низошел на апостолов Святой Дух, то, соделав их храмами Божиими, соделал вместе храмами непрестанной молитвы, как говорит Писание: «дом... *Мой дом молитвы наречется*» (Ис.56:7). «Дух, когда вселится в кого из человеков, тогда человек тот не престаёт от молитвы, ибо Сам Дух непрестанно молится»¹⁹³. Апостолы имели только два духовных подвига: молитву и проповедь слова Божия. От молитвы они переходили к возвещению человекам слова Божия; от проповеди слова они возвращались к молитве. Они находились в непрестанной духовной беседе: то беседовали молитвою с Богом, то беседовали от лица Божия с человеками. В той и другой беседе действовал один и тот же Святой Дух (Деян.6:2, 4). – Чему мы научаемся из примера святых апостолов? Тому, что вслед за послушанием, послушанием деятельным слову Божию, должно сосредоточить всю деятельность свою в непрестанную молитву, потому что непрестанная молитва приводит христианина в состояние, способное к приятию Святого Духа. Господь, возлагавший на апостолов различные служения, когда соделал их способными приять Святого Духа, то повелел им пребывать «*во граде Иерусалимсте*», во граде мира и безмолвия, вне всякого служения: «*сидите во граде Иерусалимсте*, – сказал Он им, – *дондеже облечетесь силою свыше*» (Лк.24:49). Из писаний преподобных иноков видно, что память Божия, или поучение, были в общем употреблении у иноков первенствующей Церкви Христовой. Преподобный Антоний Великий завещает непрестанное памятование имени Господа нашего Иисуса Христа: «Не предавай забвению, – говорит он, – имени Господа нашего Иисуса Христа, но непрестанно обращай его во уме твоём, содержи в сердце, прославляй языком,

говоря: Господи Иисусе Христе, помилуй меня. Также: Господи Иисусе Христе, помоги мне. Также: славословлю Тебя, Господь мой, Иисус Христос»¹⁹⁴.

Занимались непрестанною молитвой не только безмолвники и отшельники, но и общежительные иноки. Святой Иоанн Лествичник говорит об иноках посещенного им Александрийского общежития, что они «и за самую трапезою не престают от умственного подвига, но условленным и введенным в обычай знаком и мановением, блаженные, напоминают друг другу о молитве, совершаемой в душе. И делают они это не только за трапезою, но и при всякой встрече, при всяком собрании»¹⁹⁵. Преподобный Исаак, безмолвник Египетского Скита, поведал преподобному Кассиану Римлянину, что ему для непрестанной молитвы служит второй стих 69-го псалма: *«Боже, в помощь мою вонми, Господи, помози ми потщися»*¹⁹⁶. Преподобный Дорофей, инок общежительного монастыря аввы Серида в Палестине, преподавал ученику своему преподобному Досифею, – сказано в житии Досифея, – непрестанно упражняться в памяти Божией, заповедав ему постоянно произносить: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя» и: «Сыне Божий, помоги мне»¹⁹⁷. Преподобный Досифей молился попеременно то первыми, то вторыми словами преподаваемой ему молитвы. Она преподава была ему в таком виде по причине новоначала ума его, чтоб ум не уныл от единообразия молитвы. Когда блаженный Досифей тяжело заболел и приближался к кончине, то святой наставник его напоминал ему о непрестанной молитве: «Досифей! заботься о молитве; смотри, чтоб не потерять ее». Когда болезнь Досифея еще более усилилась, опять святой Дорофей говорит: «Что, Досифей? Как молитва? Пребывает ли?» Из этого видно то высокое понятие, которое имели о поучении древние святые иноки. Преподобный Иоанникий Великий непрестанно повторял в уме молитву: «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святой, Троице Святая, слава Тебе»¹⁹⁸. Ученик Иоанникия Великого, преподобный Евстратий, которого святой писатель жития его назвал Божественным, стяжал непрестанную молитву: «Он всегда Господи помилуй в себе

глаголаше», – говорит писатель жития его¹⁹⁹. Некоторый отец Раифской пустыни постоянно сидел в келлии, занимаясь плетением веревок, причем говорил с воздыханием, колебля главою: «Что будет?» – Произнесши эти слова и несколько помолчав, опять повторял: «Что будет?» В таком поучении он провел все дни жизни своей, непрестанно сетуя о том, что последует по исшествии его из тела²⁰⁰. Святой Исаак Сирский упоминает о некотором отце, который в течение сорока лет молился одною следующею молитвою: «Я, как человек, согрешил; Ты, как Бог, прости меня». Другие отцы слышали, что он поучается в этом стихе с печалью: он плакал, не умолкая, и все молитвословия заменяла для него эта одна молитва день и ночь²⁰¹. Большинство монашествующих всегда употребляли для поучения молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Иногда, смотря по надобности, они разделяли ее для новоначальных на две половины и говорили в течение нескольких часов: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного»; потом в течение другого промежутка времени: «Сыне Божий, помилуй мя грешного». Впрочем, не должно часто переменять слов молитвы, потому что деревья, часто пересаживаемые, не укореняются, – замечает святой Григорий Синаит²⁰². Избрание молитвы Иисусовой для поучения весьма основательно как потому, что имя Господа Иисуса Христа содержит в себе особенную Божественную силу, так и потому, что при упражнении молитвой Иисусовой воспоминание о смерти, об истязании от духов воздушных, об изречении Богом окончательного определения, о вечных муках начинает приходить в свое время само собою, и столь живо, что приведет подвижника в обильные непрестанные слезы, в горькое рыдание о себе как о мертвеце, уже погребенном и смердящем, ожидающем оживления от всемогущего Божия слова (Ин.11:39, 43–44).

Польза от поучения, или памяти Божией, неисчислима: она превышает слов, превышает постижения. И те, которые ощутили ее, не в силах вполне объяснить ее. Непрестанная молитва, как заповедь Божия и дар Божий, необъяснима человеческим разумом и словом. – Краткая молитва собирает ум, который,

если не будет привязан к поучению, – сказал некто из отцов, – то не может престать от парения и скитания всюду²⁰³. – Краткую молитву подвижник может иметь на всяком месте, во всякое время, при всяком занятии, особенно телесном. Даже присутствуя при церковном богослужении, полезно заниматься ею, не только при не вполне внятном чтении, но и при чтении отчетливом. Она способствует внимать чтению, особенно когда вкоренится в душе, сделается как бы естественною человеку.

Почтение вообще, в особенности Иисусова молитва, служит превосходным оружием против греховных помыслов. Следующее изречение святого Иоанна Лествичника повторено многими святыми писателями: «Иисусовым именем поражай ратников сопротивного: ибо ни на небеси, ни на земли не найдешь оружия, более крепкого»²⁰⁴. От непрестанной молитвы подвижник приходит в нищету духовную: приучаясь непрестанно просить Божией помощи, он постепенно теряет упование на себя; если сделает что благопоспешно, видит в том не свой успех, а милость Божию, о которой он непрестанно умоляет Бога.

Непрестанная молитва руководствует к стяжанию веры, потому что непрестанно молящийся начинает постепенно ощущать присутствие Бога. Это ощущение мало-помалу может возрасти и усилиться до того, что око ума яснее будет видеть Бога в Промысле Его, нежели сколько видит чувственное око вещественные предметы мира; сердце ощутит присутствие Бога. Узревший таким образом Бога и ощутивший Его присутствие не может не уверовать в Него живую верой, являемой делами. Непрестанная молитва уничтожает лукавство надеждой на Бога, вводит в святую простоту, отучая ум от разнообразных помыслов, от составления замыслов относительно себя и ближних, всегда содержа его в скудости и смирении мыслей, составляющих его поучение. Непрестанно молящийся постепенно теряет навык к мечтательности, рассеянности, суетной заботливости и многопечительности, теряет тем более, чем более святое и смиренное поучение будет углубляться в его душу и вкореняться в ней. Наконец, он может прийти в состояние младенчества, заповеданное

Евангелием, соделаться буим ради Христа, то есть утратить лжеименный разум мира и получить от Бога разум духовный. Непрестанной молитвой уничтожается любопытство, мнительность, подозрительность. От этого все люди начинают казаться добрыми; а от такого сердечного залога к людям рождается к ним любовь. Непрестанно молящийся пребывает непрестанно в Господе, познает Господа как Господа, стяжает страх Господень, страхом входит в чистоту, чистотою в Божественную любовь. Любовь Божия исполняет храм свой дарованиями Духа.

Говорит преподобный авва Исаия Отшельник о поучении: «Благоразумный богач скрывает внутри дома сокровища свои, – сокровище, выставленное наружу, подвергается хищничеству воров и наветуется сильными земли; так и монах смиренномудренный и добродетельный таит свои добродетели, как богач сокровища, не исполняет пожеланий падшего естества. Он укоряет себя ежечасно и упражняется в тайном поучении, по сказанному в Писании: *«согрейся сердце мое во мне, и в поучении моем разгорится огонь»* (Пс.38:4). О каком огне говорит здесь Писание? О Боге: *«Бог наш огонь поядаяй есть»* (Евр.12:29). Огнем растопляется воск и иссушается тина скверных нечистот: так и тайным поучением иссушаются скверные помыслы и истребляются из души страсти; просвещается ум, уясняется и утончается мысль, изливается радость в сердце. Тайное поучение уязвляет бесов, отгоняет злые помыслы: им оживотворяется внутренний человек. Вооружающегося тайным поучением укрепляет Бог, Ангелы преподают ему силу; человеки прославляют его. Тайное поучение и чтение соделывают душу домом, отовсюду затворенным и заключенным, столпом неподвижным, пристанищем тихим и безмятежным. Оно спасает душу, охраняя ее от колебания. Очень смущаются и молвят бесы, когда инок вооружает себя тайным поучением, которое заключается в молитве Иисусовой: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня», – чтением в уединении споспешествует упражнению в поучении. Тайное поучение есть зеркало для ума, светильник для совести. Тайное поучение иссушает блуд,

укрошает ярость, отгоняет гнев, отъемлет печаль, удаляет дерзость, уничтожает уныние. Тайное поучение просвещает ум, отгоняет лень. От тайного поучения рождается умиление, вселяется в тебя страх Божий: оно приносит слезы. Тайным поучением доставляется монаху смиренномудрие неслестное, бдение благоумиленное, молитва несмущенная. Тайное поучение есть сокровище молитвенное: оно отгоняет помыслы, уязвляет бесов, очищает тело. Тайное поучение научает долготерпению, воздержанию; причастнику своему возвещает о геенне. Тайное поучение соблюдает ум немечтательным и приносит ему размышление о смерти. Тайное поучение исполнено всех благих дел, украшено всякою добродетелью, всякого скверного дела непричастно и чуждо»²⁰⁵.

Святой Исаак Сирский: «Кого поучение непрестанно в Боге, тот отгоняет от себя бесов и искореняет семя злобы их. Веселится сердце во откровениях у того, кто непрестанно внимает душе своей. Обращающий зрение ума своего в себя зрит в себе зарю Духа. Возгнушавшийся всяким парением (скитанием, рассеянностью) зрит Владыку во внутренней клети сердца своего... Небо внутри тебя, если будешь чист, и в самом себе увидишь Ангелов со светом их, и с ними Владыку их, и внутри их... Сокровище смиренномудрого внутри его, и оно – Господь... Страсти изгоняются и искореняются непрестанным поучением о Боге: оно – меч, убивающий их... Желаящий увидеть Господа внутри себя старается очистить свое сердце непрестанной памятью Божией: таким образом, светлостью очей ума будет на всякий час зреть Господа. Что приключается рыбе, вынутой из воды, то приключается и уму, исшедшему из памяти Божией и блуждающему в воспоминаниях мира... Страшен бесам, любезен Богу и Ангелам Его тот, кто ночью и днем с горячей ревностью взыскует Бога в сердце своем и искореняет из него прозябающие прилоги врага»²⁰⁶. Без непрестанной молитвы невозможно приблизиться к Богу»²⁰⁷.

Преподобный Кассиан Римлянин: «Моление сим малым стихом (вышеупомянутым вторым стихом 69-го псалма) должно быть непрестанное, чтоб искушения нас не ниспровергли, чтоб в благополучии сохраниться от превозношения. Поучение в сем

малом стихе, говорю, да вращается в персях твоих непрестанно. Не преставай повторять его, в каком бы ни был деле, или послушании, или если б ты находился в путешествии. Поучайся в нем и отходя ко сну, и употребляя пищу, и при исправлении нижайших нужд телесных. Такое упражнение сердца соделается для тебя спасительным правилом, которое не только сохранит тебя неповрежденным при всяком нападении демонов, но и, очистив от всяких телесных страстей, возведет к невидимым и небесным видениям, вознесет к неизреченной, весьма немногим по опыту известной, высоте молитвы. Сей малый стих будет удалять от тебя сон, доколе ты, образовавшись сим неизъяснимым словами упражнением, не приучишься заниматься им и во время сна. Он, когда случится тебе пробудиться, первый будет приходить тебе на мысль, он, когда проснешься, будет предупреждать все прочие помышления; он, когда встанешь с одра твоего, будет занимать тебя, доколе не начнешь коленопреклонений; он будет препровождать тебя ко всякому труду и делу; он во всякое время будет за тобою следовать. В нем поучайся по заповеданию законодателя (то есть Моисея, законодателя израильского), сидя в доме и шествуя по пути, ложась спать и вставая от сна; напиши его на дорогах и на дверях уст твоих; напиши его на стенах дома твоего и во внутренних сокровищах персей твоих, так, чтоб он, когда ты возлежишь, был готовым для тебя псалмопением, когда же встанешь и приступишь к исправлению всего необходимого для жизни, удобной к отправлению и непрестанной молитвой»²⁰⁸.

Святой Иоанн Златоуст: «Братия! Умоляю вас: не допустите себе когда-либо престать от совершения правила сей молитвы или презреть его... Инок употребляет ли пищу или питье, сидит ли или служит, путешествует ли или что другое делает, должен непрестанно вопить: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» – чтоб имя Господа Иисуса, сходя в глубину сердца, смирило змея, обладающего сердечными пажитями, спасло и оживотворило душу. Непрестанно пребывай в имени Господа Иисуса, да поглотит сердце Господа и Господь сердце, и да будут сии два – едино»²⁰⁹.

Брат спросил преподобного Филимона: «Что значит, отец, сокровенное поучение?» Старец отвечал: «Иди, трезвьись в сердце твоём и говори в мысли твоей трезвенно, со страхом и трепетом: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя»»²¹⁰.

Отчего непрестанная молитва или непрестанное памятование Бога названы поучением? Оттого, что подвижники, на делание которых низошла роса Божественной благодати, обрели в повторяемой ими краткой молитве духовный, глубочайший, неисчерпаемый смысл, постоянно привлекавший и усугублявший их внимание своею духовной новизной. И соделывался для них краткий стих обширнейшею наукою, наукою из наук, а занятие им в точном смысле поучением.

Таковы наставления святых отцов, таково было их делание. Не только все дела и слова – все помышления их были посвящены Богу. Вот причина обилия в них дарований Духа. Напротив того, мы небрежем о делах наших; поступаем не так, как повелевают заповеди Божии, но как случится, по первому влечению чувств, по первой представившейся мысли. О словах небрежем еще более, нежели о делах, а на помышления не обращаем никакого внимания; они рассыпаны у нас всюду, они все принесены нами в жертву суете. Ум наш, в противность состоянию ума, огражденного поучением²¹¹, подобен четверовратной храмине, которой все двери отверсты, при которой нет никакой стражи, куда может входить и откуда может выходить всякий желающий, внося и вынося все, что угодно.

Братья! престанем от такового жителства невнимательного и бесплодного. Будем подражать деланию святых отцов, а между прочими деланиями и памятованию Бога, в котором они непрестанно содержали ум свой. Юноша! Сей с прилежанием семена добродетелей, приучайся с терпением и понуждением себя ко всем боголюбезным упражнениям и подвигам, приучайся и к памяти Божией, заключая ум твой в святое поучение. Если увидишь, что он непрестанно ускользает в посторонние и суетные помышления, не приди в уныние. Продолжай с постоянством подвиг: «Старайся возвращать, – говорит святой Иоанн Лествичник, – или правильнее, заключать мысль в слова молитвы. Если она по младенчеству

исторгается (из заключения в слова молитвы), – опять вводи ее (в них). Свойственна уму нестойкость (присноподвижность), но может дать ему стояние Тот, Кто все уставляет. Если постоянно пребудешь в сем подвиге, то придет Полагающий границы морю ума твоего в тебе и скажет ему в молитве твоей: *“До сего дойдешь, и не прейдешь”* (Иов.38:11)»²¹². Поучение по наружности кажется делом странным, сухим, скучным; но в сущности есть дело многоплоднейшее, драгоценнейшее церковное предание, установление Божие, сокровище духовное, достояние апостолов и святых отцов, приявших и предавших его нам по велению Святого Духа. Ты не можешь представить себе тех богатств, которых сделаешься наследником в свое время, стяжав навык непрестанно памятовать Бога. На ум и сердце новонаначального *«не въздоша, яже уготова Бог любящим Его»* (1Кор.2:9) не только в будущем веке, но и в сей жизни (Мк.10:30), в которой они предвкушают блаженство будущего века. «Приуготовляйся, – сказал святой Иоанн Лествичник, – непрестанной молитвой, совершаемой в тайне души твоей, к молитвенному предстоянию, и вскоре преуспеешь»²¹³. В свое время поучение обьмет все существование твое; ты соделаешься от него как бы упоенным, как бы принадлежащим сему миру и вместе не принадлежащим, чуждым ему: принадлежащим по телу, не принадлежащим по уму и сердцу. Упоенный чувственным вином не помнит себя, забывает горе, забывает свой сан, свое благородство и достояние: и упоенный Божественным поучением содевается хладным, бесчувственным к земным похотениям, к земной славе, ко всем земным выгодам и преимуществам. Мысль его непрестанно при Христе, Который поучением действует как священным благоуханием: *“овем как воня смертная в смерть, овем как воня животная в живот”* (2Кор.2:15–16). Поучение умерщвляет в человеке сочувствие к миру и страстям, оживляет в нем сочувствие к Богу, ко всему духовному и святому, к блаженной вечности. *«Что бо ми есть на небеси? – вопиет упоенный поучением. – Ничто. – И от Тебе что восхотех на земли? – Только того, чтоб мне непрестанно прилепляться к Тебе*

молитвою безмолвною. Иным вожделенно богатство, иным слава, но мне вожделенно – прилепятся Богови моему и полагати на Него упование бесстрастия моего» (Пс.72:25, 28)²¹⁴.

Слова поучения первоначально должно произносить языком, весьма тихим голосом, неспешно, со всевозможным вниманием, заключая, по вышеприведенному совету святого Иоанна Лествичника, ум в слова поучения. Мало-помалу молитва устная перейдет в умственную, а потом и в сердечную. Но на переход этот нужны многие годы. Не должно искать его преждевременно; пусть он совершится сам собою, или правильнее, да дарует его Бог в известное Ему время, смотря по духовному возрасту и обстоятельствам подвижника. Смиранный подвижник довольствуется тем, что сподобляется памятовать Бога. И это уже считает он великим благодеянием Создателя для бедной и немощной твари – человека. Он признает себя недостойным благодати, не ищет раскрыть в себе действий ее, познавая из учения святых отцов, что такое искание имеет началом своим тщеславие, от которого – прелесть и падение, что это искание само собой уже есть обольщение, потому что при всеусильном искании получение благодати зависит единственно от Бога²¹⁵. Он жаждет открыть в себе свою греховность и стяжать способность плача о ней. Он предоставляет себя воле Всеблагого и Премилосердного Бога, ведающего, кому полезно даровать благодать и для кого полезно удержать пришествие ее. Многие, получив благодать, пришли в небрежение, высокоумие и самонадеянность; данная им благодать послужила, по причине их неразумия, только к большему осуждению их. Блажен залог сердца в иноке, по которому он, упражняясь в каком бы то ни было подвиге, упражняется вполне бескорыстно, алчет и жаждет единственно исполнить волю Божию, а себя предает со всей верой и простотой, с отвержением своих разумений, власти, воле, управлению Милосердного Господа Бога нашего, желающего *«всем человекам спастись и в разум истины прийти»*. Ему слава во веки веков. Аминь.

Слово о молитве умной, сердечной и душевной²¹⁶

Кто с постоянством и благоговением занимается внимательной молитвою, произнося слова ее громко или шепотом, смотря по надобности, и заключает ум в слова; кто при молитвенном подвиге постоянно отвергает все помыслы и мечтания, не только греховные и суетные, но, по-видимому, и благие, тому Милосердый Господь дарует в свое время умную, сердечную и душевную молитву.

Брат! Неполезно тебе преждевременное получение сердечной, благодатной молитвы! неполезно тебе преждевременное ощущение духовной сладости! Получив их преждевременно, не преобретши предварительных сведений, с каким благоговением и с какою осторожностью должно хранить дар благодати Божией, ты можешь употребить этот дар во зло, во вред и гибель души твоей²¹⁷. Притом собственными усилиями раскрыть в себе благодатную, умную и сердечную молитву невозможно, потому что соединить ум с сердцем и душою, разъединенные в нас падением, принадлежит единому Богу. Если же будем безрассудно принуждать себя и искать раскрытия одним собственным усилием тех даров, которые ниспосылаются единственно Богом, то понесем труды тщетные. И хорошо, если б вред ограничивался потерей трудов и времени! Часто гордостные искатели состояний, свойственных обновленному естеству человеческому, подвергаются величайшему душевному бедствию, которое святые отцы называют прелестью. Это логично: сама основная точка, от которой они начинают действие, ложна. Как же от ложного начала не быть и последствиям ложным? Таковые последствия, называемые прелестью, имеют различные виды и степени. Прелесть бывает по большей части прикрыта, а иногда и явна; нередко поставляет человека в состояние расстроенное и вместе смешное и самое жалостное, нередко приводит к самоубийству и конечной гибели душевной²¹⁸. Но прелесть, понятная для многих в ее явных последствиях, должна быть изучаема, постигаема в самом ее начале: в мысли ложной,

служащей основанием всех заблуждений и бедственных душевных состояний, в ложной мысли ума уже существует все здание прелести, как в зерне существует и то растение, которое должно произойти из него по насаждении его в землю. Сказал святой Исаак Сирин: «Писание говорит: *“Не приидет Царствие Божие с соблюдением”* (Лк.17:20) ожидания. Те, которые подвизались с таким душевным залогом, подверглись гордыни и падению. Но мы установим сердце в делах покаяния и в жительстве, благоугодном Богу. Дары же Господа приходят сами собой, если сердечный храм будет чист, а не осквернен. То, чтоб искать с наблюдением, говорю, высоких Божиих дарований, отвергнуто Церковью Божией. Предпринявшие это подверглись гордыне и падению. Это не признак, что кто-либо любит Бога, но недуг души. И как нам домогаться высоких Божиих дарований, когда Божественный Павел хвалится скорбями и признает высшим Божиим даром общение в страданиях Христовых»²¹⁹.

Положись в молитвенном подвиге твоём вполне на Бога, без Которого невозможно ни малейшее преуспевание. Каждый шаг к успеху в этом подвиге есть дар Божий. Отвергнись себя, отдайся Богу, да творит с тобою, что с тобою, что хочет. А хочет Он, Всеблагий, даровать тебе то, что ни на ум, ни на сердце наше не взыде (1Кор.2:9); хочет даровать толикие блага, каких наш ум и сердце, в падшем их состоянии, не могут даже представить себе. Невозможно, невозможно не стяжавшему чистоты получить о духовных дарах Божиих ни малейшего понятия, ни посредством воображения, ни посредством сличения с приятнейшими душевными ощущениями, какие только известны человеку! С простотою и верою возложи попечение свое на Бога. Не послушайся представлений лукавого, который еще в Раю говорил праотцам нашим: «*будете яко бози*» (Быт.3:5). Ныне же он предлагает тебе безвременное и гордостное стремление к приобретению духовных дарований сердечной молитвы, которые, повторяю, подает один Бог, которым определено свое время и свое место. Это место – весь сосуд, как душевный, так и телесный, очищенный от страстей.

Позаботимся освободить храм – душу и тело – от идолов, от жертвоприношений идолам, от идоложертвенного, от всего, что принадлежит к кумирслужению. Как святой пророк Илия свел на поток Кисонов всех жрецов и пророков Бааловых и там предал их смерти, так и мы погрузимся в плач покаяния и на блаженном потоке этом умертвим все начала, принуждающие сердце наше приносить жертвы греху, все оправдания, которыми оправдывается, извиняется такое жертвоприношение. Омоем алтарь и все, что окружает его, слезами; удвоим, утроим омовение, потому что нечистота душевная для омытия своего требует обильнейших слез. Алтарь да будет устроен из камней во имя Господне, из ощущений, заимствованных единственно из Евангелия; да не будет тут места для ощущений ветхого человека, как бы они ни казались невинными и изящными (3Цар.18). Тогда Великий Бог низведет Свой всесвятый огонь в сердца наши и соделает наши сердца храмом благодатной молитвы, как Он изрек Божественными устами Своими: «Храм Мой храм молитвы наречется» (Мф.21:13).

Сперва обратим внимание на страсти телесные, на употребление пищи и на наиболее зависящие от излишества при сем употреблении блудные стремления наши. Постараемся мудро устроить состояние плоти нашей, давая ей столь много пищи и сна, чтоб она не изнемогла излишне и оставалась способной к подвигам; давая их столь мало, чтоб она постоянно носила в себе мертвость, не оживая для движений греховных. По замечанию отцов, при употреблении пищи и сна много значит сделанный навык, почему очень полезно приучить себя заблаговременно к умеренному, малому по возможности их употреблению²²⁰. Святой Исаак Сирский так выразился о посте и бдении: «Кто возлюбил общение с этими двумя добродетелями в течение всего жития своего, тот соделается наперсником целомудрия. Как начало всех зол есть удовлетворение чрева и расслабление себя сном, возжигающие блудную страсть, так и святой Божий путь и основание всех добродетелей есть пост, и бдение, и бодрствование в службе Божией при распятии тела в течение целой ночи отъятием у него сладости сна. Пост есть ограждение всякой добродетели,

начало подвига, венец воздержников, красота девства и освящение, светлость целомудрия, начало христианского пути, мать молитвы, источник целомудрия и разума, учитель безмолвия. Он предшествует всем добрым делам. Как последует здравью очей желание света, так посту, совершаемому с рассуждением, последует желание молитвы. Когда кто начнет поститься, тогда от поста приходит в желание беседы с Богом во уме своем. Не терпит тело постящегося провести на постели всю ночь. Когда печать пощений наложена на уста человека, тогда помысл его поучается в умилении, сердце его источает молитву, лице его облечено сетованием, далеко отстоят от него помышления постыдные. Веселье не видится в глазах его; он – враг прихотям и суетным беседам. Никогда не было видно, чтоб постящийся с рассуждением был поработен злым пожеланиям. Пост с рассуждением есть великий храм всех добродетелей. Нерадящий о нем не оставляет не потрясенною ни одной добродетели. Пост есть заповедь, с самого начала данная естеству нашему во охранение его при вкушении пищи; от нарушения поста пало созданное начало бытия нашего. Откуда истекла пагуба, оттуда обратно начинают подвижники шествовать к страху Божию, когда они начнут хранить закон Божий»²²¹. Предающийся излишнему сну и чревоугодию не может не оскверняться сладострастными движениями. Доколе волнуются этими движениями душа и тело, доколе ум услаждается плотскими помыслами, дотоле человек неспособен к новым и неведомым ему движениям, которые возбуждаются в нем от осенения его Святым Духом.

Сколько нужен пост для желающего заняться и преуспеть в умной молитве, столько нужно для него и безмолвие или крайнее уединение, – вообще возможное удаление от скитания. Живя в монастыре, выходи из монастыря как можно реже; при отлучках из монастыря как можно скорее возвращайся в монастырь; посещая город и село, со всею внимательностью храни свои чувства, чтоб не увидеть, не услышать чего-либо душевредного, чтоб не получить нечаянной и непредвиденной смертоносной раны. В монастыре знай церковь, трапезу и свою

келлию; в келлии к другим братьям ходи только по уважительной причине, – если можно, отнюдь не ходи; посещай келлию твоего наставника и духовного отца, если ты так счастлив, что в наши времена нашел наставника; и то посещай своевременно и по требованию нужды, а никак не от уныния и не для празднословия. Приучи себя к молчанию, чтоб ты мог безмолвствовать и среди людей. Говори как можно меньше, и то по крайней нужде. Тяжко претерпевать злострадание безмолвия для привыкшего к рассеянности, но всякий желающий спастись и преуспеть в духовной жизни непременно должен подчинить себя этому злостраданию и приучить себя к уединению и безмолвию. После кратковременного труда безмолвие и уединение соделаются вожделенными по причине плодов, которые не замедлит вкусить душа благоразумного безмолвника. Преподобный Арсений Великий, находясь в миру, молил Бога, чтоб Бог наставил его, как спастись, и услышал голос, провещавший ему: «Арсений! беги от человеков, и спасешься». Когда преподобный поступил в Египетский Скит, в котором проводили жительство великие по святости иноки, он снова молил Бога: «Научи меня спастись», – и услышал голос: «Арсений! беги, молчи, безмолвствуй: это корни безгрешия». Святой Исаак Сирский говорит о преподобном Арсении Великом: «Молчание помогает безмолвию. Как же это? Живя в многолюдной обители, невозможно нам не встречаться с кем-либо. Не мог избежать этого и равноангельский Арсений, более других возлюбивший безмолвие. Невозможно не встречаться с отцами и братьями, живущими с нами; встреча эта прилучается неожиданно, в то время, когда кто идет в церковь или в какое другое место. Когда достоблаженный тот муж (преподобный Арсений) увидел все это – что ему, как жительствовавшему близ селения человеческого (хотя он и жил в Египетском Скиту, наполненном совершенными иноками), невозможно было избежать по большей части сближения с мирскими людьми и иноками, обитавшими в тех местах, тогда он научился от благодати сему способу – постоянному молчанию. Если по необходимости он отверзал дверь келлии своей для некоторых, то они утешались только лицезрением его: беседа и

потребность ее оставались излишними»²²². Говорит тот же святой Исаак: «Более всего возлюби молчание: оно приближает тебя к плоду. Язык недостаточен к изложению тех благ, которые рождаются от молчания. Во-первых, понудим себя к молчанию: тогда от молчания рождается в нас нечто, наставляющее нас родившему его молчанию. Да дарует тебе Бог ощутить нечто, рождаемое молчанием. Если ты начнешь жить сим жительством, то не умею и сказать, коликий свет воссияет тебе отсюда. Не подумай, брат, что дивный Арсений – как сказывают о нем, что когда входили к нему отцы и братия, приходившие видеть его, то он принимал их молча и отпускал молча – поступал так только потому, что хотел: он поступал так потому, что сначала понудил себя на это делание. Сладость некоторая рождается по времени в сердце от обучения деланию сему и с понуждением наставляет тело пребывать в безмолвии. В сем жительстве рождается нам множество слез и видение дивное»²²³. Святой Исаак в 75-м слове говорит: «В течение многого времени будучи искушаем десными и шуими, сам искусив себя многократно следующими двумя образами жительства, приняв от противника (диавола) бесчисленные язвы, сподобившись великих таинственных заступлений, я, вразумленный благодатью Божиею, приобрел многими годами и опытами опытное, нижеследующее познание. Основание всех добродетелей, воззвание души из плена вражия, путь, ведущий к Божественному свету и животу, заключается в сих двух образах жительства: в том, чтоб в одном месте собрать себя в себя и непрестанно поститься. Это значит: установить себе премудро и разумно правило воздержания чрева в постоянном, неисходном жилище, при непрестанном упражнении и поучении о Боге. Отсюда проистекает покорность чувств, отсюда трезвение ума, отсюда укрощение свирепых страстей, движущихся в теле, отсюда кротость помыслов, отсюда движение светлых мыслей, отсюда тщание к деланию добродетелей, отсюда высокие и тонкие разумения, отсюда безмерные слезы во всякое время и памятование смерти; отсюда то чистое целомудрие, которое отстоит от всякого мечтания, искушающего ум; отсюда быстрозрение и острота

уразумения далеко отстоящих (то есть добра и зла, могущих быть отдаленными последствиями всякого делания); отсюда глубочайшие таинственные разумения, которые постигает ум силою Божия слова, и внутреннейшие движения, возникающие в душе, и различение и рассуждение духов от святых сил и истинных видений от суетных мечтаний; отсюда страх путей и стезь в море мысли, отсекающий нерадение и небрежение, отсюда пламень ревности, попирающий всякую беду, возвышающий превыше всякого страха, – та горячность, которая презирает всякую похоть и истребляет ее из мысли, производит забвение всякого воспоминания о преходящем и о всем, принадлежащем сему миру и веку. Короче сказать: отсюда свобода истинного человека, радость и воскресение душ и упокоение ее со Христом в Царстве Небесном.

Если же кто вознерадит о сих двух образах жительства, тот да знает, что он не только лишит себя всего вышесказанного, но и потрясает презрением сих двух добродетелей основание всех добродетелей. Как сии две добродетели суть начало и глава Божественного делания в душе, дверь и путь ко Христу, если кто удержит их и претерпит в них, так, напротив, если кто оставит их и отступит от них, тот приходит к двум противоположным им образам жительства, то есть к телесному скитанию и к бесстыдному чревообъядению. Это – начала противному сказанного выше, и устрояют место в душе для страстей.

Первое из этих начал прежде всего разрешает чувства, уже пришедшие в повиновение, от уз, которыми они удерживались. Что же делается от этого? Отсюда неподобающие и неожиданные приключения, близкие к падениям²²⁴; восстание сильных волн; лютое разжжение, возбуждаемое зрением, овладевающее телом и содержащее его в своей власти; удобные поползновения в (принятом благочестивом) образе мыслей; неудержимые помыслы, влекущие к падению; охлаждение теплоты к делам Божиим и постепенное изнеможение в любви к безмолвию, наконец, совершенное оставление начатого образа жизни; обновление забытых зол и научение новым, дотоле неизвестным, по причине

непрестанных новых встреч, невольно и многообразно представляющихся зрению при переселении из страны в страну, из места в другое место. Страсти, благодатью Божиею уже умерщвленные в душе и истребленные в уме забвением воспоминания о них, опять начинают приходить в движение и понуждать душу к деланию их. Вот что – не исчисляю подробно всего прочего – открывается (в иноке) от первого начала, то есть от скитания тела, по отвержении терпеливого злострадания в безмолвии.

Что же бывает и от другого начала, то есть когда начато будет дело свиней? В чем заключается дело свиней, как не в оставлении чрева без устава для него, как не в непрестанном насыщении его, без определенного времени для удовлетворения потребности его, в противоположность обычаю словесных? Что последует за этим? Тяжесть головы, значительное отягчение тела с ослаблением плеч. От сего делается необходимым упущение в службе Божией; является лень, недопускающая творить поклонов при молитвенном правиле; нерадение об обычных коленопреклонениях; помрачение и хладность мысли; дебелость ума, нерассудительность его по причине возмущения и особенного помрачения помыслов; дебелый и густой мрак, распростертый на всей душе; обильное уныние при всяком деле Божиим, равно и при чтении, по причине неспособности ко вкушению сладости слова Божия; оставление нужнейших упражнений; неудержимый ум, парящий по всей земле; накопление обильной влаги во всех членах; нечистые мечтания ночью, представляющие душе скверные и непотребные образы, исполненные похоти и в самой душе исполняющие свое нечистое хотение. Постеля окаянного сего, одеяния его и само тело оскверняются множеством постыдного истицания, истощающегося из него, как из источника. И это случается с ним не только ночью, но и днем; тело постоянно точит нечистоты и оскверняет мысль; так что человек по причине сих обстоятельств лишается надежды сохранить целомудрие, ибо сладость скоктаний²²⁵ действует во всем теле его с непрестанным и с нестерпимым разжжением, и пред ним образуются обольстительные мысленные образы,

изображающие пред ним красоту, раздражающие его во всякое время, и склоняют ум к сочетанию с собою (с этими мысленными образами красоты). Без сомнения, он сочетается с ними размышлением о них и похотением их, по причине омрачения рассудительности его. Сие-то и есть, о чем сказал пророк: «Таково воздаяние сестры твоея Содомы, которая наслаждалась, вкушая хлеб до сытости», и проч. (Иез.16:49)²²⁶. Но и следующее было сказано некоторым из великих мудрецов: если кто будет питать тело свое, доставляя ему наслаждение, тот ввергает душу свою в великую брань (борение). Таковой, если когда и придет в себя, захочет понудить себя и удержать, то не возможен (сего сделать) по причине чрезмерного разжжения телесных движений, по причине насилия и могущества раздражений и обольщений, пленяющих душу похотениями своими. Видишь ли здесь тонкость безбожных сил? Опять тот же говорит: наслаждение тела, при его мягкости и влажности юношеских, соделывается причиною скорого стяжания душою страстей; ее обымает смерть, и таким образом она подпадает под суд Божий.

Напротив того, душа, непрестанно поучающаяся в памятовании своих обязанностей, поживает в свободе своей; попечения ее умалены; она не заботится ни о чем (временном), заботится о добродетели, обуздывая страсти и храня добродетели; она находится постепенно в преуспевании, в беспопечительной радости, в животе благом и пристанище безбедном. Телесное же наслаждение не только укрепляет страсти и восстанавливает их на душу, но даже искореняет ее из ее оснований. Притом возжигается им чрево к невоздержанию и к блудным бесчинным ощущениям. Они побуждают безвременно употреблять пищу. Ратуемый им не хочет потерпеть небольшого голода, чтобы возобладать собою, потому что он в плену у страстей»²²⁷. Подобным образом рассуждают все святые отцы, которых мы не приводим здесь, чтоб не очень распространить слово.

Оградив наше жительство снаружи воздержанием от излишества и наслаждения при употреблении пищи и питья, оградив его зависящим от нас уединением, то есть

безвыходным пребыванием в монастыре и уклонением от знакомства вне и внутри монастыря, обратим внимание на душевные страсти. Обратим внимание прежде всего, по заповеди Господа, на гнев (Мф.5:22), имеющий основанием своим гордость²²⁸. Простим отцам и братьям нашим, близ и далече пребывающим, живым и отшедшим, все оскорбления и обиды, нанесенные ими нам, как бы эти обиды тяжки ни были. Завещал нам Господь: *«Егда стоите молящися, отпускайте, аще что имате на кого, да и Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша: аще ли же вы не отпускаете, ни Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших»* (Мк.11:25–26). Прежде всего помолись о врагах твоих и благослови их (Мф.5:44), как орудия Божественного Промысла, которыми воздано тебе за грехи твои во время кратковременной земной жизни, чтоб избавить тебя от заслуженного тобою воздаяния в вечности адскими муками. Когда ты будешь поступать так, когда возлюбишь врагов своих и будешь молить о них, чтоб им дарованы были все блага, временные и вечные, тогда только низойдет к тебе Бог на помощь, и ты будешь почитать молитвою твоею всех супостатов твоих, вступишь умом в сердечный храм для поклонения Отцу духом и истиною (Ин.4:24). Но если попустишь сердцу твоему ожесточиться памятозлобием и оправдаешь гнев твой гордостью твоею, то отвратится от тебя Господь Бог твой и предан будешь в поправление под ноги сатане. Всеми скверными помыслами и ощущениями он будет топтать тебя: ты не будешь в силах воспротивиться ему²²⁹. Если же Господь сподобит положить тебе в основание молитвенного подвига незлобие, любовь, неосуждение ближних, милостивое извинение их, тогда с особенною легкостью и скоростью победишь противников твоих, достигнешь чистой молитвы.

Знай, что все страсти и все падшие духи находятся в ближайшем сродстве и союзе между собой. Это сродство, этот союз – грех. Если ты подчинился одной страсти, то через подчинение этой одной страсти ты подчинился и всем прочим страстям. Если ты попустил пленить тебя одному духу злобы, собеседованием с влагаемыми им помыслами и увлечением

этими помыслами или мечтаниями, то ты поступил в рабство ко всем духам. По побеждении твоём они будут передавать тебя друг другу, как пленника²³⁰. Этому научают святые отцы, этому научает самый опыт. Замечай за собою и увидишь, что, допустив себе в чем-либо победиться произвольно, вслед за тем в совсем ином, в чем бы ты и не хотел уступить победы, будешь побеждаться невольно, дотоле, доколе тщательным покаянием не восстановишь своей свободы. Положив в основание молитвенному подвигу безгневие, любовь и милость к ближним, заповеданные Евангелием, с решительностью отвергни всякую беседу с помыслами и всякое мечтание. Навстречу всем помыслам и мечтаниям говори: «Я всецело предал себя воле Бога моего, и потому нет для меня никакой нужды разглагольствовать, предполагать, предугадывать, ибо Господь близ. *“Ни о чемже пецываетеся, – завещает Дух Святой мне вкупе со всеми истинно верующими во Христа, – но во всем молитвою и молением со благодарением прошения ваша да сказуются к Богу”*» (Флп.4:6). *«Уцеломудритесь, – то есть отвергните пресыщение и наслаждение, отвергните обманчивые помыслы и мечтания, – и трезвитесь в молитвах... все попечение ваше возвергше Нань (на Бога), яко Той печется о вас»* (1Пет.4:7; 5:7). *«Хощу убо, да молитвы творят мужие, – то есть христиане, усовершенствовавшиеся в молитвенном подвиге, – на всяком месте, воздеюще преподобныя руки, – ум и сердце, очищенные от страстей, исполненные смирения и любви, – без гнева и размышления»*, – то есть будучи чужды всякой злобы на ближнего, чужды сложения с помыслами и услаждения мечтаниями (1Тим.2:8). Возненавидь *«всяк путь неправды»*, и направишься ко всем заповедям Господним (Пс.118:128). Путь неправды – беседа с помыслами и мечтание. Отвергший эту беседу и мечтание может наследовать все заповеди Божии, может волю Божию совершить посреди сердца своего (Пс.39:9), непрестанно прилепляясь молитвой ко Господу, окрыляя молитву свою смирением и любовью. *«Любящии Господа, ненавидите злая»* (Пс.96:10), – увещает нас Дух Святой.

Делателю молитвы необходимо узнать и увидеть действие страстей и духов на кровь его. Не без причины говорит

Священное Писание, что не только плоть, но и «*кровь Царствия Божия наследити не могут*» (1Кор.15:50). Не только грубые плотские ощущения ветхого человека, но и ощущения более тонкие, иногда очень тонкие, происходящие от движения крови, отвергнуты Богом. Тем более этот предмет нуждается во внимании подвижника, что утонченное действие страстей и духов на кровь тогда только делается ясным, когда сердце ощутит в себе действие Святого Духа. Ощущение объясняется ощущением. Стяжав духовное ощущение, подвижник со всею ясностью внезапно усматривает действие крови на душу, усматривает, каким образом страсти и духи, действуя посредством крови самым тонким образом на душу, содержат душу в порабощении у себя. Тогда он поймет и убедится, что всякое действие крови на душу, не только грубое, но и утонченное, мерзостно перед Богом, составляет жертву, оскверненную грехом, недостойно быть помещенным в области духовной, недостойно быть сопричисленным к действиям и ощущениям духовным. До явления действий Духа в сердце утонченное действие крови остается или вовсе непонятным, или малопонятным и даже может быть признано за действие благодати, если не будет принята надлежащая осторожность. Предосторожность эта заключается в том, чтобы до времени очищения и обновления Духом не признавать никакого сердечного ощущения правильным, кроме ощущения покаяния, спасительной печали о грехах, растворенной надеждою помилования. От падшего естества принимается Богом только одна жертва сердца, одно ощущение сердца, одно его состояние: «*Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*» (Пс.50:19).

Действие крови на душу вполне очевидно при действии страсти гнева и помыслов гнева на кровь, особливо в людях, склонных к гневу. В какое исступление приходит человек, воспламененный гневом! Он лишается всей власти над собою: поступает во власть страсти, во власть духов, жаждущих его гибели и желающих погубить его, употребив во орудие злодеяния его же самого; он говорит и действует, как лишенный рассудка. Очевидно также действие крови на душу, когда кровь

воспалится страстью блудной. Действие прочих страстей на кровь менее явно, но оно существует. Что такое печаль? Что – уныние? Что – леность? Это разнообразные действия на кровь разных греховных помыслов. Сребролюбие и корыстолюбие непременно имеют влияние на кровь: услаждение, которое производят на человека мечты об обогащении, что иное, как не обольстительное, обманчивое, греховное играние крови? Духи злобы, неусыпно и ненасытно жаждущие погибели человеческой, действуют на нас не только помыслами и мечтаниями, но и разнообразными прикосновениями, осязая нашу плоть, нашу кровь, наше сердце, наш ум, стараясь всеми путями и средствами влить в нас яд свой²³¹. Нужна осторожность, нужна бдительность, нужно ясное и подробное знание пути мысленного, ведущего к Богу. На этом пути множество татей, разбойников, убийц. При виде бесчисленных опасностей восплачем пред Господом Богом и будем умолять Его с постоянным плачем, чтобы Он Сам руководил нас по пути тесному и прискорбному, ведущему в живот. Разнообразные воспаления крови от действия различных помыслов и мечтаний демонских составляют то пламенное оружие, которое дано при нашем падении падшему херувиму, которым он вращает внутри нас, возбраняя нам вход в таинственный Божий рай духовных помышлений и ощущений²³².

Особенное внимание должно обратить на действие в нас тщеславия, которого действие на кровь очень трудно усмотреть и понять. Тщеславие почти всегда действует вместе с утонченным сладострастием и доставляет человеку самое тонкое греховное наслаждение. Яд этого наслаждения так тонок, что многие признают наслаждение тщеславием и сладострастием за утешение совести, даже за действие Божественной благодати. Обольщаемый этим наслаждением подвижник мало-помалу приходит в состояние самообольщения; признавая самообольщение состоянием благодатным, он постепенно поступает в полную власть падшего ангела, постоянно принимающего вид Ангела светлого, – делается орудием, апостолом отверженных духов. Из этого состояния написаны целые книги, восхваляемые

слепотствующим миром и читаемые не очистившимися от страстей людьми с наслаждением и восхищением. Это мнимодуховное наслаждение есть не что иное, как наслаждение утонченными тщеславием, высокоумием и сладострастием. Не наслаждение – удел грешника, удел его – плач и покаяние. Тщеславие растлевает душу точно так же, как блудная страсть растлевает душу и тело. Тщеславие делает душу неспособной для духовных движений, которые тогда начинаются, когда умолкнут движения душевных страстей, будучи остановлены смирением. Потому-то святыми отцами предлагается в общее делание всем инокам, в особенности занимающимся молитвою и желающим преуспеть в ней, святое покаяние, которое действует прямо против тщеславия, доставляя душе нищету духовную. Уже при значительном упражнении в покаянии усматривается действие тщеславия на душу, весьма сходное с действием блудной страсти. Блудная страсть научает стремиться к непозволительному совокуплению с посторонней плотью и в повинующихся ей, даже одним услаждением нечистыми помыслами и мечтаниями, изменяет все сердечные чувствования, изменяет устройство души и тела; тщеславие влечет к противозаконному приобщению славе человеческой и, прикасаясь к сердцу, приводит в нестройное сладостное движение кровь, – этим движением изменяет все растворение (расположение) человека, вводя в него соединение с дебелим и мрачным духом мира и таким образом отчуждая его от Духа Божия. Тщеславие в отношении к истинной славе есть блуд. «Оно, – говорит святой Исаак Сирский, – на естество вещей блудным видением взирает»²³³. Сколько оно омрачает человека, как делает для него приближение и усвоение Богу затруднительным, это засвидетельствовал Спаситель: *«Како вы можете веровати, – сказал Он тщеславным фарисеям, искавшим похвалы и одобрения друг от друга и от слепотствующего человеческого общества, – славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от Единого Бога, не ищите?»* (Ин.5:44) Так называемое преподобными Иоанном Лествичником и Нилом Сорским²³⁴ гордостное усердие к преждевременному исканию того, что приходит в свое время,

можно непогрешительно отнести к страсти тщеславия при непереносимом содействии крови; кровь разгорячают и приводят в движение тщеславные помыслы, а тщеславие, обратно, растит и размножает обольстительные мечты и напыщенное мнение о себе, именуемое апостолом дмением плотского ума, без ума дмящегося (Кол.2:18).

Из всего вышесказанного можно усмотреть и время, приличествующее для умной, сердечной молитвы. Для занятия ею приличествует возраст зрелый, при котором уже естественно укрощаются в человеке порывы. Не отвергается юность, когда она имеет качество зрелости, в особенности когда имеет руководителя. Но для зрелости недостаточно одного числа лет от рождения или от вступления в монастырь; зрелость должна наиболее истекать из продолжительного предварительного рассматривания себя, рассматривания не произвольного, но о Господе Иисусе Христе, при свете Евангелия, в котором изображен новый человек и все оттенки недугов ветхого, – при изучении писаний святых отцов Православной Восточной Церкви, наставляющих непогрешительно пользоваться светом Евангелия. Чем более человек вникает в себя, чем более познает себя, чем более познает свои страсти, их разнообразное действие, средства борения, свою немощь, чем более старается истребить в себе свойства греховные, привитые падением, и стяжать свойства, указуемые Евангелием, тем основание для здания молитвы будет прочнее. Не должно торопиться при выводе основания; напротив того, должно позаботиться, чтоб оно имело удовлетворительные глубину и твердость. Мало – изучить страсти с их многоплетенными отраслями в чтении книг отеческих: надо прочитать их в живой книге душевной и стяжать знание о них опытное. Очевидно, что нужны многие годы для того, чтоб таковое упражнение было плодоносно, особливо в наше время, когда беструдное получение какого-либо духовного знания от человека – редко, когда должно доискиваться в книгах до каждого такого познания и потом усмотреть в книгах же порядок, постепенность духовных знаний, деланий, состояний. Не позаботившиеся достаточно о прочности основания увидели в

здании своем многие недостатки и неудобства, значительные трещины и другие повреждения, а часто видели они и горестное разрушение самого здания. Братия! не будем спешить: по совету Евангелия (Лк.6:48), ископаем, углубим, положим в основание твердые, тяжеловесные камни. Копание и углубление есть подробное исследование сердца, а твердые камни – утвержденные долгим временем и деланием – навыки в евангельских заповедях.

Когда подвижник Христов, по силе своей, возобладает движениями крови и ослабит действия ее на душу, тогда в душе начнут мало-помалу возникать духовные движения; начнут являться уму тонкие Божественные разумения, привлекать его к рассматриванию их и отвлекать от скитания всюду, сосредоточивая в себе²³⁵; сердце начнет сочувствовать уму обильным умилением. От действий духовных окончательно ослабевают действия крови на душу: кровь вступает в отправление своего естественного служения в телесном составе, перестав служить, вне естественного своего назначения, орудием греху и демонам. Святой Дух согревает человека духовно, вместе орошая и прохлаждая душу, доселе знакомую только с разнообразными разгорячениями крови²³⁶. При явлении мысленного Солнца Правды отходят мысленные звери в свои логовища и подвижник исходит из мрака и плена, в котором держали его грех и падшие духи, на духовное делание в преуспевание до самого вечера земной жизни, до преселения в вечную, невечернюю жизнь (Пс.103:22–23). От блаженного действия Святого Духа в человеке сперва начинает веять в нем необычная тишина, является мертвость к миру, к наслаждению его суетностью и греховностью, к служениям посреди его. Христианин примиряется ко всему и ко всем при посредстве странного, смиренного и вместе высокого духовного рассуждения, неизвестного и недоступного плотскому и душевному состоянию. Он начинает ощущать сострадание ко всему человечеству и к каждому человеку в частности. Сострадание переходит в любовь. Потом начинает усугубляться внимание при молитве его: слова молитвы начинают производить сильное, необычное впечатление на душу,

потрясать ее. Наконец, мало-помалу сердце и вся душа двинутся в соединение с умом, а за душою повлечется в это соединение и само тело. Такая молитва называется:

умною, когда произносится умом с глубоким вниманием, при сочувствии сердца;

сердечною, когда произносится соединенными умом и сердцем, причем ум как бы нисходит в сердце и из глубины сердца воссылает молитву;

душевною, когда совершается от всей души, с участием самого тела, когда совершается из всего существа, причем все существо содействуется как бы едиными устами, произносящими молитву.

Святые отцы в Писаниях своих часто заключают под одно именование умной молитвы и сердечную, и душевную, а иногда различают их. Так, преподобный Григорий Синайский сказал: «Непрестанно зови умне или душевне». Но ныне, когда учение из живых уст об этом предмете крайне умалилось, весьма полезно знать определительное различие. В иных более действует умная молитва, в других сердечная, а в иных душевная, смотря по тому, как каждый наделен Раздаятелем всех благ, и естественных, и благодатных²³⁷; иногда же в одном и том же подвижнике действует то та, то другая молитва. Такая молитва весьма часто и по большей части сопутствуется слезами. Человек тогда отчасти познает, что значит блаженное бесстрастие. Он начинает ощущать чистоту, а от чистоты живой страх Божий, снедающий дебелость плоти наводимым странным, доселе незнакомым человеку ужасом, от ясного ощущения предстояния своего пред Богом, как пред Богом. Христианин вступает в новую жизнь и новый подвиг, соответствующие его обновленному душевному состоянию: прежнее млеко для питания его нейдет. Все делания его стекаются во одно – «в блаженное непрестанное покаяние». Разумевай да разумевай: сказано нужнейшее, душеспасительнейшее, величайшей важности сведение для истинного делателя, хотя слова и просты. Это состояние изобразил Великий Пимен в ответе своем на вопрос, как должен вести себя внимательный безмолвник. Великий отвечал:

«Подобно человеку, который погряз в тину по выю, который имеет бремя на вые и вопиет к Богу: помилуй меня»²³⁸. Глубокий плач, плач духа человеческого, подвигнутого к плачу Духом Божиим, есть неотъемлемый спутник сердечной молитвы; духовным ощущением страха Божия, благоговения и умиления сопутствуется молитва душевная. В совершенных христианах оба эти ощущения переходят в любовь. Но и эти ощущения принадлежат к разряду благодатных. Они – дары Божии, подаваемые в свое время, чуждые даже постижению подвижающегося в области их, хотя бы он и подвизался правильно. Сердечная молитва действует наиболее при молении именем Господа Иисуса; душевною молитвой молятся получившие сердечную молитву, когда они занимаются молитвословием и псалмопением.

Умная, сердечная, душевная молитва заповедана человеку Богом и в Ветхом, и в Новом Завете. *«Возлюбиши Господа Бога твоего, – повелевает Бог, – всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем умом твоим, и всею крепостию твоею: сия есть первая заповедь»* (Мк.12:30; Втор.6:5). Очевидно, что исполнения величайшей, возвышеннейшей заповеди из всех заповедей невозможно иначе достигнуть, как умною, сердечною и душевною молитвой, которою молящийся отделяется от всей твари, весь, всем существом своим, устремляется к Богу. Находясь в этом устремлении к Богу, молящийся внезапно соединяется сам с собою и видит себя исцелевшим от прикосновения к нему перста Божия. Ум, сердце, душа, тело, доселе рассеченные грехом, внезапно соединяются воедино о Господе. Так как соединение произошло о Господе, произведено Господом, то оно есть вместе и соединение человека с самим собою, и соединение его с Господом. За соединением, или вместе с соединением, последует явление духовных дарований. Правильнее: соединение – дар Духа. Первое из духовных дарований, которым и производится чудное соединение, есть мир Христов²³⁹. За миром Христовым последует весь лик даров Христовых и плодов Святого Духа, которые апостол исчисляет так: *«любь, радость... долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость,*

воздержание» (Гал.5:22–23). Молитва исцеленного, соединенного, примиренного в себе и с собою, чужда помыслов и мечтаний бесовских. Пламенное оружие падшего херувима престаёт действовать: кровь, удержанная силою свыше, престаёт кипеть и волноваться. Это море делается неподвижным; дыхание ветров – помыслы и мечтания бесовские – уже на него не действуют. Молитва, чуждая помыслов и мечтаний, называется чистою²⁴⁰, непарительною. Подвижник, достигший чистой молитвы, начинает посвящать упражнению в ней много времени, часто сам не замечая того. Вся жизнь его, вся деятельность обращается в молитву. Качество молитвы, сказали отцы, непременно приводит к количеству. Молитва, объявши человека, постепенно изменяет его, соделывает духовным от соединения со Святым Духом, как говорит апостол: *«Прилепляйся же Господеву един дух есть с Господем»* (1Кор.6:17). Наперснику Духа открываются тайны христианства.

Благодатный мир Христов, которым подвижник вводится в чистую молитву, совершенно отличен от обыкновенного спокойного, приятного расположения человека: вселившись в сердце, он оковывает возмутительные движения страстей, отъемлет страх не удалением страшного, но блаженным доблестным состоянием о Христе, при котором страшное не страшно, как Господь сказал: *«Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не якоже мир дает, Аз даю вам. Да не смущается сердце ваше, ни устрашает»* (Ин.14:27). В мире Христовом сокровенно жительствоует такая духовная сила, что он попирает ею всякую земную скорбь и напасть. Эта сила заимствуется из Самого Христа: *«во Мне мир имате. В мире скорбни будете: но дерзайте, яко Аз победих мир»* (Ин.16:33). Призываемый сердечною молитвою, Христос ниспосылает в сердце духовную силу, называемую миром Христовым, непостижимую умом, невыразимую словом, непостижимо постигаемую одним блаженным опытом. *«Мир Божий, – говорит апостол христианам, – превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе»* (Флп.4:7). Такова сила мира Христова. Он – *«превосходяй всяк ум»*. Это значит: он превышает всякого

ума созданных, и ума человеческого, и ума Ангелов света, и ума ангелов падших. Он, как действие Божие, властительно, Божественно распоряжается помышлениями и чувствами сердечными. При появлении его отбегают все помышления демонские и зависящие от них ощущения, а помышления человеческие вместе с сердцем поступают под его всесвятое управление и водительство. Отселе он делается царем их и соблюдает их, то есть хранит неприкосновенными для греха, о Христе Иисусе. Это значит: он содержит помышления неисходно в евангельском учении, просвещает ум таинственным истолкованием этого учения, а сердце питает хлебом насущным, сходящим с неба и дающим жизнь всем, причащающимся его (Ин.6:33). Святой мир, при обильном действии своем, наводит молчание на ум и к блаженному вкушению себя влечет и душу, и тело. Тогда прекращается всякое движение крови, всякое ее влияние на состояние души: бывает тишина велия. Веет во всем человеке некий тонкий холод, и слышится таинственное учение. Христианин, держимый и хранимый святым миром, соделывается неприступным для супостатов: он прилеплен к наслаждению миром Христовым и, упиваясь им, забывает наслаждения не только греховные, но все вообще земные, и телесные, и душевные. Целительный напиток! Божественное врачевство! Блаженное упоение! Точно: какое может быть другое начало обновления человека, как не благодатное ощущение мира, которым составные части человека, разделенные грехом, соединяются опять воедино! Без этого предварительного дара, без этого соединения с самим собою человек может ли быть способным к какому-либо духовному, Божественному состоянию, создаемому Всеблагим Святым Духом? Разбитый сосуд, прежде нежели он будет исправлен, может ли быть вместилищем чего-либо? Ощущение о Христе мира, как и всех вообще благодатных дарований, начинает прежде всего проявляться при молитве, как при том делании, в котором подвижник бывает наиболее приготовлен благоговением и вниманием к приятию Божественных впечатлений. Впоследствии, соделавшись как бы принадлежностью христианина, он постоянно сопутствует ему,

постоянно и повсюду возбуждая его к молитве, совершаемой в душевной клетке, указуя издали мысленных врагов и наветников, отражая и поражая их всеильною десницею своею.

Величие духовного дара, мира Христова, его явление в избранном народе Божиим, новом Израиле, христианах, силу его исцелять души, силу поддерживать здоровье душ, начало этого дара от Богочеловека, подаяние этого дара Богочеловеком описано святым пророком Исаией так: *«Бог Крепкий, – говорит пророк о вочеловечившемся Господе, – Властелин, Князь мира, Отец будущего века: приведу бо мир на князи, – на преуспевших христиан, побеждающих страсти и потому заслуживших название князей, – мир и здоровье Ему. И велие начальство Его, и мира Его несть предела на престоле Давидове, и на царстве Его, исправити е, и заступити Его в суде и правде, от ныне и до века: ревность Господа Саваофа сотворит сия»* (Ис.9:6,7). *«Возсияет во днех Его правда и множество мира»* (Пс.71:7), *«Господь благословит люди Своя (христиан) миром»* (Пс.28:11), *«кротцыи... наследят землю и насладутся о множестве мира»* (Пс.36:11). Как Святой Дух возвещает Сына (Ин.16:14), так действие в человеке Святого Духа, мир Христов, возвещает, что помыслы человека вступили во все святую область Божественной Правды и Истины, что Евангелие принято его сердцем: *«милость и истина сретостися, правда и мир облобызастся»* (Пс.84:11). Действие мира Христова в человеке есть признак пребывания его в заповедях Христовых, вне заблуждения и самообольщения: напротив того, смущение, самое тончайшее, какими бы оно ни прикрывалось оправданиями, служит верным признаком уклонения с тесного пути Христова на путь широкий, ведущий в погибель²⁴¹. Не осуждай ни нечестивого, ни явного злодея: *«своему Господеву стоит (он), или падает»* (Рим.14:4). Не возненавидь ни клеветника твоего, ни ругателя, ни грабителя, ни убийцы: они распинают тебя одесную Господа, по непостижимому устроению судеб Божиих, чтоб ты от сердечного сознания и убеждения мог сказать в молитве твоей Господу: *«Достойное по делам приемлю, помяни мя, Господи, в Царстве Твоем»*. Уразумей из попускаемых тебе скорбей твое

несказанное благополучие, твое избрание Богом и помолись теплейшею молитвою о тех благодетелях твоих, посредством которых доставляется тебе благополучие, руками которых ты отторгаешься от мира и умерщвляешься для него, руками которых ты возносишься к Богу. Ощути к ним милость по подобию той милости, которую ощущает к несчастному, утопающему в грехах человечеству Бог, Который предал Сына Своего в искупительную жертву за враждебное создание Создателю, ведая, что это создание в большинстве своем посмеется и этой Жертве, пренебрежет ею. Такая милость, простирающаяся до любви к врагам, изливающаяся в слезных молитвах о них, приводит к опытному познанию Истины. Истина есть слово Божие, Евангелие; Истина есть Христос. Познание Истины вводит в душу Божественную правду, изгнав из души падшую и оскверненную грехом правду человеческую: вшествие свое в душу Божественная правда свидетельствует Христовым миром. Мир Христов соделывает человека и храмом, и священником Бога Живого: *«в мире место Его (Божие), и жилище Его в Сионе. Тамо сокруши крепости луков, оружие, и меч, и брань»* (Пс.75:3–4).

О блаженном соединении человека с самим собою от действия мира Христова свидетельствуют величайшие наставники иночества. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Воззвах всем сердцем моим, то есть телом, душою и духом: идеже бо два сии последние соединены, тамо и Бог посреди их» (Пс.118,145; Мф.18:20)²⁴². Преподобный Исаия Отшельник: «Если ты, подобно мудрым девам, знаешь, что сосуд твой исполнен елея, и ты можешь войти в чертог, а не должен остаться вне; если ты ощутил, что дух твой, душа и тело соединились непорочно и восстали нескверными в день Господа нашего Иисуса Христа; если совесть не обличает и не осуждает тебя; если ты соделался младенцем по слову Спасителя, сказавшего: *«Оставьте детей, и не возбраняйте им приити ко Мне: таковых бо есть Царство Небесное»* (Мф.19:14), то воистину ты соделался невестою (Христовою); Святой Дух почил на тебе, хотя ты и находишься еще в теле»²⁴³. Святой Исаак Сирский: «Не сравни творящих

знамения, чудеса и силы посреди мира с безмолвствующими разумно. Возлюби праздность безмолвия больше, нежели насыщение алчущих в мире и обращение многих язычников к поклонению Богу. Лучше тебе разрешить себя от уз греха, нежели освободить рабов от работы. Лучше тебе умириться с душою своею во единомыслие имеющейся в тебе троицы – говорю тела, души и духа, – нежели умирать учением твоим разномыслящих»²⁴⁴. – Святой мир есть то недвижение ума, рождающееся от исполнения евангельских заповедей, упоминаемое святым Исааком Сирским в 55-м слове, которое ощутили святой Григорий Богослов и святой Василий Великий и, ощутив, удалились в пустыню. Там занявшись внутренним своим человеком и окончательно образовав его Евангелием, они соделались зрителями таинственных видений Духа. Очевидно, что недвижение ума, или непарительность (уничтожение рассеянности), стяжается умом по соединении его с душою. Без этого он не может удержаться от парения и скитания всюду. Когда ум, действием Божественной благодати, соединится с сердцем, тогда он получает молитвенную силу, о которой говорит преподобный Григорий Синайский: «Если б Моисей не принял от Бога жезла силы, то не поразил бы им Бог фараона и Египет: так и ум, если не будет иметь в руке молитвенной силы, то не возможет сокрушить грех и сопротивные силы»²⁴⁵. С необыкновенною ясностью и простотою изображено учение о Христовом мире, показана высота и важность этого дара в духовных наставлениях иеромонаха Серафима Саровского; там все снято прямо с сердечного святого опыта: «Когда ум и сердце будут соединены в молитве и помыслы души не рассеяны, тогда сердце согревается теплотою духовною, в которой просиял свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека»²⁴⁶. «Ничтоже лучше есть во Христе мира, в нем же разрушается всякая брань воздушных и земных духов... Приznak разумной души, когда человек погружает ум внутрь себя и имеет делание в сердце своем. Тогда благодать Божия приосеняет его и он бывает в мирном устроении, а посредством сего и в премирном: в мирном, то есть с совестью благою; в премирном

же, ибо ум созерцает в себе благодать Святого Духа, по слову Божию: в мире место Его (Пс.75:3)... Когда кто в мирном устроении ходит, тот как бы лжицею черпает духовные дары... Когда человек приидет в мирное устроение, тогда может от себя и на прочих издавать свет просвещения разума... Сей мир, как некое бесценное сокровище, оставил Господь наш Иисус Христос ученикам Своим пред смертью Своею, глаголя: *“Мир оставляю вам, мир Мой даю вам”* (Ин.14:27)... Мы должны все свои мысли, желания и действия сосредоточивать к тому, чтоб получить мир Божий, и с Церковью всегда вопиять: *“Господи Боже наш, мир даждь нам”* (Ис.26:12). Всеми мерами надобно стараться, чтоб сохранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других: для сего нужно всячески стараться удерживать гнев и посредством внимания ум и сердце соблюдать от непристойных движений... оскорбления от других переносить должно равнодушно и приобучаться к такому расположению духа, как бы их оскорбления относились не к нам, а к кому-либо из лиц, чуждых нам. Таковое упражнение может доставить тишину сердцу человеческому и соделать его обителью Самого Бога... Каким образом побеждать гнев, сие можно видеть из жития Паисия Великого²⁴⁷. Он просил явившегося ему Господа Иисуса Христа, чтоб освободил его от гнева. И рече ему Христос: *“Аще гнев и ярость купно победита хочеши, ничесоже возжелай, ни возненавиди кого, ни уничижи”*. – Чтоб сохранить мир душевный, должно отдалять от себя уныние и стараться иметь радостный дух, а не печальный, по слову Сираха: *“многи бо печаль уби, и несть пользы в ней”* (Сир.30:25)... Для сохранения мира душевного должно всячески избегать осуждения других. Неосуждением и молчанием сохраняется мир душевный: когда в таком устроении бывает человек, то получает Божественные откровения»²⁴⁸. – *«Царство Божие... правда и мир и радость о Дусе Святе. Иже бо сими служит Христови, благоугоден есть Богови»* (Рим.14:17–18).

Мир Христов есть источник непрестанной умной, сердечной, душевной, благодатной, духовной молитвы, молитвы, приносимой из всего существа человеческого, действием

Святого Духа; мир Христов есть постоянный источник благодатного, превышающего ум человеческий, смирения Христова. Не погрешит тот, кто скажет, что благодатная молитва есть благодатное смирение, и благодатное смирение есть непрестанная молитва. Признаем необходимым изложить здесь теснейший союз молитвы со смирением. Что – смирение? «Смирение, – сказали отцы, – божественно и непостижимо»²⁴⁹. Не то ли же это значит, что и сказанное апостолом: «мир Божий, превосходяй всяк ум» (Флп.4:7)? Мы безошибочно определим смирение, если скажем: смирение есть непостижимое действие непостижимого мира Божия, непостижимо постигаемое одним блаженным опытом. К составлению такого определения смирению мы имеем руководителем Самого Господа. «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененныи, – сказал Господь, – и Аз упокою вы. Возьмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирнен сердцем: и обрящете покой душам вашим» (Мф.11:28–29). Преподобный Иоанн Лествичник, объясняя эти слова Спасителя, говорит: «Научитесь не от Ангела, не от человека, не из книги, но от Мене, то есть из Моего в вас пребывания, осияния и действия, яко кроток есмь и смирнен сердцем, и помыслом, и усвоенным образом мыслей, и обрящете покой от браней и облегчение от страстных помыслов душам вашим»²⁵⁰. Это научение – деятельное, опытное, благодатное! Далее в слове о смирении святой Иоанн Лествичник, исчислив разные признаки смирения, которые могут быть известны и постижимы не только обладателю сего духовного сокровища, но и его присным и друзьям о Господе, присовокупляет: «Имеются признаки для обладателя сим великим богатством (смирением) в душе его (по которым он может познать, что соделался обладателем смирения), превысшие всех вышесказанных. Ибо те все, за исключением сего, могут быть усмотрены посторонними зрителями. Ты уразумеешь и не обманешься, что в тебе это преподобное (смирение) присутствует, по множеству неизреченного света и по несказанному рачению к молитве»²⁵¹. Святой Исаак Сирский на вопрос: «Какие отличительные признаки смирения?» – отвечал: «Как возношение души есть ее

расточение, понуждающее ее парить (при посредстве производимого им мечтания) и не препятствующее ей воскрыляться облаками своих помыслов, на которых она обтекает всю тварь, так (в противоположность возношению) смирение собирает душу в безмолвие; при посредстве смирения душа сосредоточивается в себе самой. Как душа неведома и невидима телесными очами, так смиренномудрый не познается, находясь среди людей. Как душа сокрыта внутри тела от видения человеками и от общения с ними, так истинно смиренномудрый не только не хочет быть видим и понят человеками по причине своего удаления и отречения от всего, но даже он желал бы и от самого себя погрузиться внутрь себя, жить и пребывать в безмолвии, вполне забыв прежние свои помышления и чувствования, соделаться каким-то несуществующим и не начинавшим существовать, даже неизвестным для самой души своей. Таковой насколько сокровен, скрыт и отлучен от мира, настолько весь бывает в своем Владыке»²⁵². Какое это состояние, как не состояние, производимое благодатною, умною, сердечною и душевною молитвою? Можно ли пребывать в Господе иначе, как не соединясь с Ним чистою молитвой? В этом же слове помещен ответ святого Исаака на вопрос: «Что есть молитва?» – Святой сказал: «Молитва есть упразднение и праздность мысли от всего здешнего и сердце, совершенно обратившее взоры свои к уповаемому будущему». И так не то ли же, по действиям и последствиям, и истинная молитва, и истинное смирение? Молитва есть мать добродетелей и дверь ко всем духовным дарам. Тщательною с терпением и понуждением себя совершаемою, внимательною молитвой приобретаются и благодатная молитва, и благодатное смирение. Податель их – Дух Святой; Податель их – Христос: как им не быть столько сходственными между собою, когда источник их один? Как из такого источника не явиться всем вообще добродетелям, в чудном согласии и соотношении между собою? Внезапно они являются в том христианине, во внутреннюю клетку которого вошел Христос для внимания плачу заключенного в клетки и для отъятия причин плача. «Молитва есть мать добродетелей, –

сказал преподобный Марк Подвижник, – она рождает их от соединения со Христом»²⁵³. Святой Иоанн Лествичник назвал молитву матерью добродетелей, а смирение – губителем страстей²⁵⁴.

Надо объяснить и сделать сколько-нибудь понятным соединение ума, души и тела для не ощущавших его, чтоб они познали его, когда оно, по милости Божией, начнет проявляться в них. Это соединение вполне явственно, вполне ощутительно, – не какое-либо мечтательное или усвояемое обольстительным мнением. Оно может несколько объясниться из противоположного состояния, в котором обыкновенно все мы находимся. Противоположное состоянию разделению ума, души и тела, несогласное их действие, часто обращающееся в противодействие одного другому, есть горестное следствие нашего падения в праотцах наших²⁵⁵. Кто не видит в себе этого разногласного действия? Кто не ощущает внутренней борьбы и производимого ею мучения? Кто не признает этой борьбы, этого мучения – часто невыносимых – нашим недугом, признаком, убедительным доказательством падения? Ум наш молится или находится в размышлении и намерении благочестивом, а в сердце и теле движутся различные порочные пожелания, различные страстные стремления, влекут с насилием ум от его упражнения и по большей части увлекают! Сами телесные чувства, в особенности зрение и слух, противодействуют уму: доставляя ему непрестанные впечатления вещественного мира, они приводят его в развлечение и рассеянность. Когда ж, по неизреченному милосердию Божию, ум начнет соединяться в молитве с сердцем и душою, тогда душа, сперва мало-помалу, а потом и вся начнет устремляться вместе с умом в молитву. Наконец устремится в молитву и само бренное наше тело, сотворенное с вожделением Бога, а от падения заразившееся вожделением скотоподобным. Тогда чувства телесные остаются в бездействии: глаза смотрят и не смотрят; уши слышат и вместе не слышат²⁵⁶. Тогда весь человек бывает объят молитвой: сами руки его, ноги и персты несказанно, но вполне явственно и ощутительно участвуют в молитве и бывают исполнены необъяснимой словами силы. Человек, находясь в

состоянии мира о Христе и молитвы, недоступен ни для каких греховных помыслов, – тот самый человек, для которого прежде всякое сражение с грехом было верным победением. Душа ощущает, что приближается к ней супостат; но молитвенная сила, ее наполняющая, не попускает врагу приблизиться и осквернить храм Божий. Молящийся знает, что приходил к нему враг, но не ведает, с каким помыслом, с каким видом греха. Сказал святой Иоанн Лествичник: *«Уклоняющагося от Мене лукаваго не познах (Пс.100:4), ни как он приходил, ни для чего приходил, ни как отошел; но в таковых случаях пребываю без всякого ощущения, будучи соединен с Богом ныне и всегда»*²⁵⁷.

При соединении ума с душою всего удобнее заниматься памятью Божией, в особенности молитвой Иисусовою: при ней чувства телесные могут оставаться в бездействии, а такое бездействие их крайне способствует глубочайшему вниманию и его последствиям. Чтение молитвенное псалмов и прочих молитвословий не только можно, но и должно производить при соединении, как особенно способствующем ко вниманию. Но как при псалмопении уму представляются разнообразные мысли, то он при псалмопении не может быть так чист от рассеянности, как при краткой единообразной молитве. При чтении Священного Писания и книг отеческих также должно соединять ум с душою: чтение будет гораздо плодоноснее. «Требуется от ума, – говорит святой Иоанн Лествичник, – при каждой его молитве (а потому и при чтении, которым питается молитва и которое составляет отрасль молитвы и умного делания) изъявление той силы, которая дарована ему Богом: почему должно внимать»²⁵⁸.

Брат! Если ты еще не ощутил соединение ума, души и тела, то занимайся внимательной молитвою, соединяя устную и по временам гласную с умною. Пребывай в евангельских заповедях, с терпением и долготерпением борясь против страстей, не приходя в уныние и безнадёжие при победении твоём помыслами и ощущениями греховными; впрочем, и не попускай себе произвольно победения. Упав, вставай; опять упав, опять вставай, – доколе не научишься ходить без преткновения. Чаша немощи имеет свою пользу: до известного

времени она попускается Промыслом Божиим подвижнику для очищения от гордости, гнева, памятозлобия, осуждения, высокоумудрия и тщеславия. Особенно важно усмотреть в себе действие тщеславия и обуздать его. Доколе оно действует, доколе человек не способен вступить в страну жительства духовного, в которое вход есть беспристрастие, даруемое пришествием мира Христова.

Если же ты ощутил, что соединился ум твой с душой и телом, что ты уже не рассечен грехом на части, но составляешь нечто единое и целое, что святой мир Христов возвеял в тебе, то храни со всевозможным тщанием дар Божий. Да будет главным твоим делом молитва и чтение святых книг; прочим делам давай второстепенное значение, а к делам земным будь хладен, – если можно, чужд их. Священный мир, как веяние Святого Духа, тонок, – немедленно отступает от души, ведущей себя неосторожно в присутствии его, нарушающей благоговение, нарушающей верность послаблением греху, позволяющей себе нерадение. Вместе с миром Христовым отступает от недостойной души благодатная молитва и вторгаются в душу, как гладные звери, страсти, начинают терзать самопредавшуюся жертву, предоставленную самой себе отступившим от нее Богом (Пс.103:20–21). Если ты пресытишься, в особенности упиешься, – святой мир престанет в тебе действовать. Если разгневаешься, – надолго прекратится его действие. Если позволишь себе дерзость, – он престанет действовать. Если возлюбишь что земное, заразишься пристрастием к вещи, к какому-либо рукоделию или особенным расположением к человеку, – святой мир непременно отступит от тебя. Если попустишь себе услаждение блудными помыслами, – он надолго, весьма надолго оставит тебя, как не терпящий никакого зловония греховного, в особенности блудного и тщеславного. Поищешь его и не обрящешь. Восплачешь о потере его, но он не обратит никакого внимания на плач твой, чтоб ты научился давать дару Божию должную цену и хранить его с подобающими тщательностью и благоговением.

Возненавидь все, влекущее тебя долу, в развлечение, в грех. Распнись на кресте заповедей евангельских; непрестанно содержи себя пригвожденным к нему. Мужественно и бодренно отвергай все греховные помыслы и пожелания; отсекай попечения земные; заботься об оживлении в себе Евангелия ревностным исполнением всех его заповедей. Во время молитвы снова распинайся, распинайся на кресте молитвы. Отклоняй от себя все воспоминания, самые важнейшие, приходящие тебе во время молитвы, – пренебрегай ими. Не богословствуй, не увлекайся в рассматривании мыслей блестящих, новых и сильных, если они начнут внезапно плодиться в тебе. Священное молчание, наводимое на ум во время молитвы ощущением величия Божия, вещает о Боге возвышеннее и сильнее всякого слова. «Если ты истинно молишься, – сказали отцы, – то ты богослов»²⁵⁹.

Имеешь сокровище! Видят это невидимые тати, – угадывают о нем по утрате своего влияния на тебя²⁶⁰. Они алчут похитить у тебя дар Божий! Они искусны, – богаты и опытностью, и изобретательностью злою. Будь внимателен и осторожен. Храни в себе и расти чувство покаяния; не любуйся своим состоянием: взирай на него как на средство к стяжанию истинного покаяния. Нищета духовная сохранит в тебе дар благодати и оградит от всех вражеских козней и обольщений: *«сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит»* (Пс.50:19) преданием его во власть врагу и лишением спасения и благодати. Аминь.

Слово о молитве Иисусовой²⁶¹

Начиная говорить о молитве Иисусовой, призываю в помощь скудоумию моему Всеблагого и Всемогущего Иисуса. Начиная говорить о молитве Иисусовой, вспоминаю изречение о Господе праведного Симеона: «Се лежит Сей на падение и на востание многим во Израили, и в знамение пререкаемо» (Лк.2:34). Как Господь был и есть истинным знамением, знамением пререкаемым, предметом несогласия и спора между познавшими и не познавшими Его, так и моление всесвятым именем Его, будучи, в полном смысле, знамением великим и дивным, соделалось, с некоторого времени, предметом несогласия и спора между занимающимися таким молением и незанимающимися им. Справедливо замечает некоторый отец, что отвергают этот способ моления только те, которые не знают его, отвергают по предубеждению и по ложным понятиям, составленным о нем²⁶². Не внимая возгласам предубеждения и неведения, в надежде на милость и помощь Божию, мы предлагаем возлюбленным отцам и братьям наше убогое слово о молитве Иисусовой на основании Священного Писания, на основании церковного предания, на основании отеческих писаний, в которых изложено учение об этой всесвятой и всеильной молитве. *«Немы да будут устны льстивыя, глаголющия на праведнаго (и на великолепное имя его) беззаконие, гордынею своею»*, своим глубоким неведением и соединенным с ними уничижением чуда Божия. Рассмотрев величие имени Иисусова и спасительную силу моления им, мы воскликнем в духовной радости и удивлении: *«Коль многое множество благодати Твоя, Господи, уже скрыл еси боящимся Тебе, соделал еси уповающим на Тя, пред сыны человеческими»* (Пс.30:19–20). *«Сии на колесницах, и сии на конех, – на плотском и суетном умствовании своем, – мы же, – с простотою и верою младенцев, – имя Господа Бога нашего призовем»* (Пс.19:8).

Молитва Иисусова произносится так: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». Первоначально

произносилась она без прибавки слова «грешного»; слово это присовокуплено к прочим словам молитвы впоследствии. Это слово, заключающее в себе сознание и исповедание падения, замечает преподобный Нил Сорский, нам прилично, благоприятно Богу, заповедавшему воссылать молитвы к Нему из сознания и исповедания своей греховности²⁶³. Для новоначальных, снисходя к их немощи, отцы позволяют разделять молитву на две половины, иногда говорить: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешного», а иногда: «Сыне Божий, помилуй мя грешного». Впрочем, это – только дозволение и снисхождение, а отнюдь не приказание и не установление, требующее непременно исполнения. Гораздо лучше творить постоянно единообразную, цельную молитву, не занимая и не развлекая ума переменю и заботою о переменах. И тот, кто находит необходимость для немощи своей в перемене, не должен допускать ее часто. Примерно: можно одной половиною молитвы молиться до обеда, другой после обеда. Воспрещая частую перемену, преподобный Григорий Синаит говорит: «Не укореняются те деревья, которые пересаживаются часто»²⁶⁴.

Моление молитвой Иисусовой есть установление Божественное. Установлено оно не через посредство пророка, не через посредство апостола, не через посредство Ангела; установлено Самим Сыном Божиим и Богом. После Тайной Вечери, между прочими возвышеннейшими, окончательными заповеданиями и завещаниями, Господь Иисус Христос установил моление Его именем, дал этот способ моления как новый, необычный дар, дар цены безмерной. Апостолы уже знали отчасти силу имени Иисуса: они исцеляли им неисцелимые недуги, приводили к повиновению себе бесов, побеждали, связывали, прогоняли их. Это могущественнейшее, чудное имя Господь повелевает употреблять в молитвах, обещая от него особенную действительность для молитвы. *«Еже аще что просите, – сказал Он святым апостолам, – от Отца во имя Мое, то сотворю, да прославится Отец в Сыне. И аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю» (Ин.14:13–14).* *«Аминь, аминь глаголю вам, яко елика аще чесо просите от*

Отца во имя Мое, даст вам. Доселе не просите ничего во имя Мое: просите, и примите, да радость ваша исполнена будет» (Ин.16:23–24). О, какой дар! Он – залог нескончаемых, безмерных благ! Он истек из уст Неограниченного Бога, облекшегося в ограниченное человечество, нарекшегося именем человеческим – Спаситель²⁶⁵. Имя, по наружности своей ограниченное, но изображающее собою Предмет Неограниченный, Бога, заимствующее из Него неограниченное, Божеское достоинство, Божеские свойства и силу. Податель бесценного, нетленного дара! Как нам, ничтожным, бранным, грешным, принять дар? Неспособны для этого ни руки наши, ни ум, ни сердце. Ты научи нас познать, по возможности нашей, и величие дара, и значение его, и способ принятия, и способ употребления, чтоб не приступить нам к дару погрешительно, чтоб не подвергнуться казни за безрассудство и дерзость, чтоб, за правильное познание и употребление дара, приять от Тебя другие дары, Тобою обетованные, Тебе единому известные.

Из Евангелия, Деяний и Посланий апостольских мы видим неограниченную веру во имя Господа Иисуса и неограниченное благоговение к этому имени святых апостолов. Именем Господа Иисуса они совершали поразительнейшие знамения. Нет случая, из которого можно было бы научиться, каким образом они молились именем Господа; но они молились им непременно. Как могли они не молиться им, когда это моление было преподано и заповедано Самим Господом, когда заповедание укреплено двукратным повторением и подтверждением его? Если умалчивает о сем Писание, то умалчивает единственно потому, что моление это было в общем употреблении, не нуждаясь в особенном внесении в Писание по известности своей и общеупотребительности. Общеупотребительность и общеизвестность молитвы Иисусовой явствует со всей очевидностью из постановления Церкви, которым повелевается неграмотным заменять для себя все молитвословия молитвой Иисусовою²⁶⁶. Древность этого постановления – несомненна. Впоследствии оно пополнялось по мере появления новых молитвословий в Церкви. Святой Василий Великий изложил молитвенное правило на письме для своей паствы, почему

некоторые приписывают ему само учреждение правила. Оно – отнюдь не изобретение и не учреждение великого святителя; святитель лишь заменил устное предание письменным, точно так же, как написал чин Литургии, чин, который существовал в Кесарии от времен апостольских, не был изложен письменно, а передавался по преемству устно, чтоб великое священнодействие охранить от кощунства язычников. Правило монашеское заключается наиболее в молитве Иисусовой. В таком виде преподается это правило вообще для всех монахов Православной Церкви²⁶⁷; в таком виде преподано оно Ангелом преподобному Пахомию Великому для его общежительных монахов. Преподобный жил в 4 веке; в правиле говорится о молитве Иисусовой точно так, как о молитве Господней, о пятидесятом псалме и о Символе Веры, как об общеизвестных и общепринятых. Преподобный Антоний Великий, отец III и IV веков, завещает ученикам своим тщательнейшее упражнение молитвой Иисусовою, говоря о ней как о предмете, не нуждающемся в каком-либо объяснении. Объяснение этой молитвы начало появляться впоследствии, по мере оскудения живого познания о ней. Подробнее учение о молитве Иисусовой изложено отцами XIV и XV столетий, когда упражнение в ней начало почти забываться даже между монахами.

В дошедших до нас исторических памятниках первых времен христианства не говорится о молении именем Господа отдельно, но лишь упоминается о нем при изложении других обстоятельств. В жизнеописании святого Игнатия Богоносца, епископа Антиохийского, увенчавшегося в Риме мученической кончиной при императоре Траяне, повествуется следующее: «Когда его вели на съедение зверям и он непрестанно имел в устах имя Иисуса Христа, то спросили его нечестивые: для чего он непрестанно воспоминает это имя? Святой отвечал, что он, имея в сердце своем имя Иисуса Христа написанным, устами исповедует Того, Кого в сердце всегда носит. После того как святой съеден был зверями, при оставшихся его костях, по изволению Божию, сохранилось целым сердце. Неверные, нашедши его и вспомнив слова святого Игнатия, разрезали это сердце на две половины, желая узнать, справедливо ли

сказанное святым. Они нашли внутри, на обеих половинах разрезанного сердца, надпись золотыми буквами: Иисус Христос. Таким образом, священномученик Игнатий был именем и делом Богоносец, всегда нося в сердце своем Христа Бога, написанного богомыслием ума, как бы тростью». Богоносец был учеником святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова и сподобился в детстве своем видеть Самого Господа Иисуса Христа. Это тот блаженный отрок, о котором сказано в Евангелии, что Господь поставил его среди апостолов, препиравшихся о первенстве, обнял и сказал: *«Аминь глаголю вам, аще не обратитесь, и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное: иже убо смирится яко отроча сие, той есть болий во Царствии Небеснем»* (Мф.18:3–4; Мк.9:36)»²⁶⁸. Конечно, святой Игнатий научен был молитве Иисусовой святым евангелистом и занимался ею в эти цветущие времена христианства подобно всем прочим христианам. Тогда молитве Иисусовой обучали всех христиан, во-первых, по великому значению этой молитвы, потом по редкости и дороговизне рукописных священных книг, по редкости грамотности (большая часть апостолов были неграмотными), по удобству, удовлетворительности, по особеннейшим действию и силе Иисусовой молитвы. «Имя Сына Божия, – сказал Ангел святому Ерму, непосредственному ученику апостолов, – велико и неизмеримо: оно держит весь мир». Услышав это учение, Ерм спросил Ангела: «Если все творение держится Сыном Божиим, то поддерживает ли Он тех, которые призваны Им, носят имя Его и ходят в заповедях Его?» – Ангел отвечал: «Он поддерживает тех, которые от всего сердца носят имя Его. Он Сам служит для них основанием и с любовью держит их, потому что они не стыдятся носить имя Его»²⁶⁹.

В церковной истории читаем следующее повествование. Воин, по имени Неокора, уроженец Карфагенский, находился в римском отряде, охранявшем Иерусалим, в то время как Господь наш Иисус Христос претерпел вольные страдания и смерть для искупления рода человеческого. Видя чудеса, совершившиеся при смерти и воскресении Господа, Неокора уверовал в Господа и был крещен апостолами. По окончании

срока службы Неокора возвратился в Карфаген и сокровище веры сообщил всему семейству своему. В числе принявших христианство находился Каллистрат, внук Неокоры. Каллистрат, достигши надлежащего возраста, вступил в войско. Отряд воинов, в который он был помещен, состоял из идолопоклонников. Они присматривали за Каллистратом, заметив, что он не поклоняется кумирам, а по ночам, в уединении, совершает продолжительные молитвы. Однажды они подслушивали его при молитве его и, услышав, что он непрестанно повторяет имя Господа Иисуса Христа, донесли об этом воеводе. Святой Каллистрат, исповедовавший Иисуса наедине и при темноте ночи, исповедал Его и при свете дня, всенародно, – исповедание запечатлел кровью²⁷⁰.

Писатель V века, преподобный Исихий Иерусалимский, уже жалуется, что упражнение в этой молитве очень оскудело среди монахов²⁷¹. Оскудение это с течением времени более и более усиливалось, почему святые отцы писаниями своими старались поддержать его. Последний писатель об этой молитве был блаженный старец иеромонах Серафим Саровский. Не сам старец написал наставления, украшенные его именем; они были записываемы со слов его одним из наставлявшихся у него иноков; они отмечены благодатным помазанием²⁷². Ныне упражнение молитвою Иисусовою почти оставлено монашествующими. Преподобный Исихий приводит в причину оставления нерадение: надо сознаться, что обвинение справедливо.

Благодатная сила молитвы Иисусовой заключается в самом Божественном имени Богочеловека, Господа нашего, Иисуса Христа. Хотя многочисленные свидетельства Священного Писания возведают нам величие имени Божия, но с особеннейшей определенностью объяснил значение этого имени святой апостол Петр перед синедрионом иудейским, когда синедрион допрашивал апостола, коею силою или коим именем даровано им исцеление хромоте от рождения. *«Петр, исполнився Духа Свята, рече: князи людстии и старцы Израилеви, аще мы днесь истязуемы есмы о благодеянии человека немощна, о чесом сей спасеся: разумно буди всем вам*

и всем людем Израилевым, яко во имя Иисуса Христа Назореа, егоже вы распясте, егоже Бог воскреси от мертвых, о Сем сей стоит пред вами здрав. Сей есть камень укоренный от вас зиждущих, бывый во главу угла, и несть ни о едином же ином спасения: несть бо иного имене под небесем, даннаго в человецех, о немже подобает спастися нам» (Деян.4:8–12). Это свидетельство – свидетельство Святого Духа: уста, язык, голос апостола были только орудиями Духа. И другой орган Святого Духа, апостол языков, издает подобное провещение. "Всяк, – говорит он, – иже... призовет имя Господне, спасется» (Рим.10:13). Христос Иисус «смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя. Темже и Бог Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене, да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних» (Флп.2:8–10).

Воспел предвидевший дальнейшее будущее Давид, праотец Иисуса по плоти, воспел величие имени Иисуса, живописно изобразил действие этого имени, борьбу при посредстве его с началами греха, силу его при освобождении молящегося им из плена страстей и бесов, благодатное торжество одержавших победу именем Иисуса. Послушаем, послушаем Боговдохновенного Давида!

С необыкновенною ясностью, описывая долженствующее совершиться через тысячу лет установление духовного царства Христова на земле, царь-пророк говорит, что владычество Богочеловека будет распростираться «от моря до моря, и от рек до конец вселенныя... поклонятся Ему вси царие земстии, вси языцы поработают Ему... честно имя Его пред ними... и помолятся о Нем выну, весь день благословят Его... Будет имя Его благословено во веки, прежде солнца пребывает имя Его: и благословятся в Нем вся колена земная, вси языцы ублажат Его... благословено имя славы Его во век и в век века: и исполнится славы Его вся земля» (Пс.71:8, 11, 14, 15, 17, 19). Великое служение молитвы, вводящей человек в ближайшее общение с Богом, появилось на земле, в обширнейшем размере, со времени примирения человек с Богом при посредстве Богочеловека. Служение это объяло вселенную.

Оно водворилось в городах и селениях; оно процвело в диких, не обитаемых дотоле пустынях; оно воссияло в темных вертепах, в ущельях, в пропастях и на вершинах гор, в глуши лесов дремучих. Имя Богочеловека получило в служении молитвенном важнейшее значение, будучи именем Спасителя человеков, Творца человеков и Ангелов, будучи именем вочеловечившегося Бога, Победителя возмущившихся рабов и созданий – демонов. *"Пред Ним, – Господом и Искупителем нашим, – припадут ефиопляне, бесы, и врази Его (падшие духи) персть полижут»* (Пс.71:9). *«Господи Господь наш, яко чудно имя Твое по всей земли, яко взятыя великолепие Твое превыше небес. Из уст младенец и ссущих совершил еси хвалу, враг Твоих ради, еже разрушити врага и местника»* (Пс.8:2–3). Точно! Величие имени Иисуса превыше постижения разумных тварей земли и неба: постижение его непостижимо приемлется младенческой простотою и верою. С таким же бескорыстным настроением должно приступать к молению именем Иисуса и пребывать в этом молении; постоянство и тщательность в молении должны быть подобны непрестанному стремлению младенца к сосцам матери, тогда моление именем Иисуса может увенчаться полным успехом, невидимые враги могут быть поправлены, окончательно может быть сокрушен враг и местник (отмститель). Враг назван местником, потому что у молящихся, особенно по временам, а не постоянно, он старается отнять после молитвы то, что приобретено ими во время молитвы²⁷³. Для решительной победы необходима непрестанная молитва и непрерывающаяся бдительность над собою. По такому значению моления именем Иисуса Давид приглашает всех христиан к этому молению. *«Хвалите отроцы Господа, хвалите имя Господне. Буди имя Господне благословено от ныне и до века. От восток солнца до запад хваляно имя Его»* (Пс.112:1–3). *«Принесите Господеву славу имени Его: поклонитесь Господеву во дворе святем Его»* (Пс.28:2); молитесь так, чтоб в молитвах ваших явилось величие имени Иисуса, и вы, силою Его, вошли в нерукотворенный сердечный храм для поклонения духом и истиною; молитесь тщательно и постоянно; молитесь в страхе и

трепете пред величием имени Иисуса, *«и да уповают на Тя, Всемогущего и Всеблагого Иисуса, знающии имя Твое, – по блаженному опыту своему, – яко не оставил еси взыскающих Тя, Господи»* (Пс.9:11). – Только нищий духом, непрестанно прилепляющийся молитвою ко Господу по причине непрестанного ощущения нищеты своей, способен раскрыть в себе величие имени Иисуса. *«Не возвратится смиренный посрамлен»* с предстояния молитвы своей, но принесет ее всецело Богу, не расхищенною развлечением: *«нищ и убог восхвалита имя Твое»* (Пс.73:21). *«Блажен муж, ему же есть имя Господне упование его, и не призре в суеты и неистовления ложная»* (Пс.39:5): он не обратит внимания, при молитве своей, на обольстительное действие суетных попечений и пристрастий, покушающихся осквернить и растлить молитву. – Ночное время особенно способствует, по тишине и мраку своим, к упражнению Иисусовою молитвою; ночью занимался великий подвижник молитвы, Давид, памятью Божией: *«Помянух в нощи имя Твое, Господи, – говорит он, – ночью настраивал я душу мою Божественным настроением и, стяжав это настроение, в деятельности последующего дня, – сохраних закон Твой»* (Пс.118:55). «Ночью, – советует преподобный Григорий Синаит, ссылаясь на святого Иоанна Лествичника, – многое время отдавай молитве, малое же псалмопению»²⁷⁴. В тяжелой борьбе с невидимыми врагами спасения нашего превосходнейшим оружием служит молитва Иисусова. *«Вси языцы, – язычниками названы многоглаголивые и многокозненные демоны, – обыдоша мя, – говорит Давид, – и именем Господним противляхся им: обышедше обыдоша мя, и именем Господним противляхся им: обыдоша мя яко пчелы сот, и разгорешася яко огонь в тернии: и именем Господним противляхся им»* (Пс.117:10–12). «Именем Иисуса бей сопостатов, потому что ни на небе, ни на земле нет оружия, более крепкого»²⁷⁵. *«О Тебе, – Господи Иисусе, – враги наша избодем роги, и о имени Твоем уничижим востающия на ны. Не на лук бо мой уповаю, и меч мой не спасет мене: спасл бо еси нас от стужающих нам, и ненавидящих нас посрамил еси. О Бозе похвалимся весь день, и о имени Твоем исповемыся во*

век» (Пс.43:6–9). – Ум, победив и разогнав врагов именем Иисуса, сопричисляется блаженным духам, входит для истинного богослужения в сердечный храм, который доселе был затворен для него, воспевая новую, духовную песнь, воспевая таинственно: *«Исповемся Тебе, Господи, всем сердцем моим, и пред Ангелы воспою Тебе, яко услышал еси вся глаголы уст моих: поклонюся ко храму святому Твоему, и исповемся имени Твоему о милости Твоей и истине Твоей, яко возвеличил еси над всем имя Твое святое. В оньже аще день призову Тя, скоро услыши мя: умножиши мя в души моей силою Твоею»* (Пс.137:1–3). – Святой Давид исчисляет чудные действия страшного и святого имени (Пс.110:9) Иисусова. Оно действует подобно принятому врачевству, которого образ действия неизвестен больному и непостижим для него, а само действие очевидно по производимому исцелению. Ради имени Иисусова, употребляемого молящимся, нисходит к нему помощь от Бога и даруется ему отпущение грехов; по этой причине святой Давид, представляя воззрению Бога опустошение и бедственное состояние души всякого человека, произведенное греховной жизнью, умоляет от лица всех человеков о помиловании, говорит: *«Помози нам, Боже, Спасителю наш, славы ради имене Твоего: Господи, избави ны и очисти грехи наша имене ради Твоего»* (Пс.78:9). – Ради имени Господня бывает услышана молитва наша, даруется нам спасение; на основании убеждения в этом опять молится Давид: *«Боже, во имя Твое спаси мя, и в силе Твоей суди ми. Боже, услыши молитву мою, внуши глаголы уст моих»* (Пс.53:3–4). Силою имени Иисусова освобождается ум от колебания, укрепляется воля, доставляется правильность ревности и прочим свойствам душевным; мыслям и чувствованиям богоугодным, мыслям и чувствованиям, принадлежащим непорочному естеству человеческому, только таким мыслям и чувствованиям дозволяется пребывать в душе; нет в ней места для мыслей и чувствований чуждых, *«яко Бог спасет Сиона, и созиждутся гради Иудейстии, и вселятся тамо и наследят и: и семя рабов Твоих удержит и, и любящии имя Твое вселятся в нем»* (Пс.68:36–37). – Во имя Господа Иисуса даруется оживление

душе, умерщвленной грехом. Господь Иисус Христос – жизнь (Ин.11:25), и имя Его – живое: оно оживотворяет вопиющих им к Источнику жизни, Господу Иисусу Христу. *«Имене ради Твоего, Господи, живиши мя правдою Твоею» (Пс.142:11); «не отступим от Тебе: оживиши ны, и имя Твое призовем» (Пс.79:19).* – Когда силою и действием имени Иисуса услышана будет молитва, когда низойдет Божественная помощь к человеку, когда отражены будут и отступят от него враги, когда сподобится он отпущения грехов, когда он будет исцелен и возвращен к непорочному естественному состоянию, когда дух его будет восстановлен во власти своей, тогда последует подаяние, во имя Господа, благодатных даров, духовного имущества и сокровища, залога блаженной вечности, *«яко Ты, Боже, услышал еси молитвы моя, дал еси достояние боящимся имене Твоего. Дни на дни царевы приложиши, лета его до дне рода и рода. Пребудет в век пред Богом» (Пс.60:6–8).* Тогда человек делается способным воспеть Господеви песнь нову, он исключается из числа плотских и душевных, сопричисляется к духовным и восхваляет Господа в церкви преподобных. Дух Святой, доселе приглашавший и возбуждавший его единственно к плачу и покаянию, приглашает его, *«да возвеселится Израиль о Сотворшем его, и сынове Сиони возрадуются о Царе своем. Да восхвалят имя Его в лице, в тимпане и псалтыри да поют Ему» (Пс.149:1–3),* потому что, по обновлении души, силы ее, приведенные в чудное согласие и стройность, делаются способными, при прикосновении к ним Божественной благодати, издавать звуки и гласы духовные, восходящие на Небо, пред Престол Божий, благоприятные Богу. *«Да возвеселится сердце мое бояться имене Твоего. Исповеся Тебе, Господи Боже мой, всем сердцем моим, и прослаблю имя Твое в век: яко милость Твоя велия на мне, и избавил еси душу мою от ада преисподнейшаго» (Пс.85:11–13).* *«Праведнии исповедятся имени Твоему, и вселятся правии с лицем Твоим» (Пс.139:14),* потому что, по отгнании врагов, причиняющих рассеянность, ослабляющих и оскверняющих молитву, ум входит во мрак невидения ничего и предстоит лицу Божию без всякого

посредства. Мысленный мрак есть тот покров, тот занавес, которым покрыто лицо Божие. Покров этот – непостижимость Бога для всех сотворенных умов. Умиление сердца содеывается тогда столько сильным, что оно названо исповеданием. – Благодатное действие молитвы Иисусовой в преуспевшем христианине Давид изображает так: *«Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его»* (Пс.102:1). Точно! При обильном действии молитвы Иисусовой все силы души и само тело принимают участие в ней. – Упражнение молитвой Иисусовой святой Давид, точнее же Дух Святой устами Давида, предлагает всем христианам, без исключения: *«Царие земстии и вси людие, князи и вси судии земстии: юноши и девы, старцы с юнотами. Да восхвалят имя Господне: яко вознесется имя Того единого»* (Пс.148:11–13). Буквальное понимание исчисленных здесь состояний будет вполне непогрешительным; но существенное значение их – духовное. Под именем людей разумеются все христиане; под именем царей – христиане, сподобившиеся получить совершенство; под именем князей – достигшие весьма значительного преуспевания; судьями названы те, которые еще не стяжали власти над собою, но ознакомлены с Законом Божиим, могут различать добро от зла и, по указанию и требованию Закона Божия, пребывать в добре, отвергая зло. Девую обозначается беспристрастное сердце, столько способное к молитве. Старцами и юношами изображены степени деятельного преуспевания, которое очень отличается от преуспевания благодатного, хотя и первое имеет свою весьма знаменательную цену; достигший совершенства в благочестивой деятельности назван старцем, возведенный в благодатное совершенство – царем.

Между непостижимыми, чудными свойствами имени Иисуса находится свойство и сила изгонять бесов. Это свойство объявлено Самим Господом. Он сказал, что верующие в Него именем Его *«бесы ижденут»* (Мк.16:17). На это свойство имени Иисуса необходимо обратить особенное внимание, потому что оно имеет важнейшее значение для упражняющихся молитвой Иисусовой. – Во-первых, нужно сказать несколько слов о

пребывании бесов в человеках. Это пребывание бывает двоякое: одно может быть названо чувственным, другое – нравственным. Чувственно пребывает сатана в человеке, когда существом своим вселится в тело его и мучит душу и тело. Таким образом в человеке может жить и один бес, могут жить и многие бесы. Тогда человек называется беснующимся. Из Евангелия видим, что Господь исцелял беснующихся; равным образом исцеляли их и ученики Господа, изгоняя бесов из человеков именем Господа. Нравственно пребывает сатана в человеке, когда человек сделается исполнителем воли диавола. Таким образом в Иуду Искаротского «*вниде сатана*» (Ин.13:27), то есть овладел его разумом и волей, соединился с ним в духе. В этом положении были и находятся все не верующие во Христа, как и святой апостол Павел говорит христианам, перешедшим к христианству из язычества: *«и вас сущих прегрешеньми мертвых и грехи вашими: в нихже иногда ходисте по веку мира сего, по князю власти воздушным, духа, иже ныне действует в сынех противления, в нихже и мы всихом иногда в похотех плоти нашея, творяще волю плоти и помышлений, и бехом естеством чада гнева, якоже и прочии»* (Еф.2:1–3). В этом положении находятся более или менее, смотря по степени греховности, крестившиеся во Христа, но отчуждившиеся от Него согрешениями. Так понимаются святыми отцами слова Христовы о возвращении диавола с другими семью лютейшими духами в душевный храм, из которого удалился Святой Дух (Мф.12:43–45)²⁷⁶. Вшедшие таким образом духи снова изгоняются молитвою Иисусовой, при жительстве в постоянном и тщательном покаянии. Предпримем спасительный для нас подвиг! Позаботимся изгнать духов, вошедших в нас по причине небрежения нашего, молитвой Иисусовой²⁷⁷. Она имеет свойство оживлять умерщвленных грехом, она имеет свойство изгонять бесов. "Аз есмь, – сказал Спаситель, – *воскрешение и живот: веруяй в Мя, аще и умрет, оживет*» (Ин.11:25). «*Знамения... веровавшим сия последуют: именем Моим, бесы ижденут*» (Мк.16:17). Молитва Иисусова и открывает присутствие бесов в человеке, и изгоняет их из человека. При этом совершается нечто подобное тому, что

совершилось при изгнании беса из беснующегося отрока после преображения Господня. Когда отрок увидел пришедшего Господа, *дух стрясе* отрока, *«и пад на земли, ваяшесе пены теща»*. Когда Господь повелел духу выйти из отрока, дух, от злобы и лютости движения, при которых он вышел, возопил, сильно и продолжительно потрясал отрока, отчего отрок сделался как бы мертвым (Мк.9:17–27)²⁷⁸. Сила сатаны, пребывающая в человеке при его рассеянной жизни непримечаемой и непонимаемой, когда услышит имя Господа Иисуса, призываемое молящимся, приходит в смятение. Она воздвигает все страсти в человеке, посредством их приводит всего человека в страшное колебание, производит в теле различные странные болезни. В этом смысле сказал преподобный Иоанн пророк: «Нам немощным остается только прибегать к имени Иисуса: ибо страсти, как сказано, суть демоны и исходят от призывания сего имени»²⁷⁹. Это значит: действие страстей и демонов – совокупное; демоны действуют посредством страстей. Когда увидим при упражнении Иисусовой молитвою особенное волнение и воскипение страстей, не придем от этого в уныние и недоумение. Напротив того, ободримся и уготовимся к подвигу, к тщательнейшему молению именем Господа Иисуса, как получившие явственное знамение, что молитва Иисусова начала производить в нас свойственное ей действие. Говорит святой Иоанн Златоустый: «Памятование имени Господа нашего Иисуса Христа раздражает на брань врага. Ибо нудящаяся в молитве Иисусовой душа все может обрести этою молитвою, и злое, и благое. Во-первых, она может усмотреть зло во внутренности сердца своего, а потом добро. Молитва эта может привести в движение змия, и молитва эта может смирить его. Молитва эта может обличить живущий в нас грех, и молитва эта может истребить его. Молитва эта может привести в движение всю силу врага в сердце, и молитва эта может победить и искоренить ее мало-помалу. Имя Господа Иисуса Христа, сходя в глубину сердца, смирит владеющего пажитями его змея, а душу спасет и оживотворит. Непрестанно пребывай в имени Господа Иисуса, да поглотят сердце Господа и Господь сердце, и да будут сии два воедино. Впрочем, это

дело совершается не в один день и не в два дня, но требует многих годов и времени: много нужно времени и подвига, чтоб был изгнан враг и вселился Христос»²⁸⁰. Очевидно, что здесь описано то делание, с ясным указанием на орудие делания, о котором говорит и к которому приглашает преподобный Макарий Великий в 1-м слове своем: «Вниди ты, кто бы ни был, сквозь непрестанно возрастающие в тебе помышления к военнопленной и рабе греха душе твоей, и рассмотри до дна мысли твои и глубину помышлений твоих исследуй; и узришь в недрах души твоей ползающего и гнездящегося змея, убившего тебя отравой частей души твоей. Неизмеримая бездна – сердце. Если убьешь змея, то похвались пред Богом чистотою твоею; если же нет, то смири себя, молясь, как немощный и грешный, о тайных твоих Богу»²⁸¹. Тот же великий угодник Божий говорит: «Царство тьмы, то есть злой князь духов, пленивши изначала человека, обложил и облек душу его властью тьмы. Этот злой властелин облек грехом душу и все ее существо, всю ее осквернил, всю пленил в свое царство; он не оставил свободным от порабощения себе ни помышлений, ни разума, ни плоти, наконец, ни одного состава ее; всю ее одел хламидою тьмы... Этот злой враг всего человека, душу и тело осквернил и обезобразил; он облек человека в ветхого человека, оскверненного, нечистого, богопротивного, не повинующегося закону Божию, то есть облек его в самый грех, чтоб человек уже не видел, как хочет, но видел страстно, чтоб слышал страстно, чтоб ноги имел устремленными к злым делам, руки к творению беззакония, сердце к помышлениям злым. Но мы помолимся Богу, чтоб Он совлек с нас ветхого человека, так как Он один может отъять от нас грех, потому что пленившие нас и держащие в своей власти крепче нас, а Он обещовал освободить нас от этого рабства»²⁸². На основании этих понятий святые отцы дают молящемуся молитвою Иисусовой следующее душеспасительнейшее наставление: «Душа, если не поболезнует весьма значительно о неотвязчивости греха, то не возможет обильно возрадоваться о благодати правосудия. Желаящий очистить сердце свое, да разжигает его непрестанно памятью Господа Иисуса, имея

единственно это непрерывающимся поучением и делом. Те, которые хотят отвергнуть свою ветхость, не должны иногда молиться, а иногда нет, но непрестанно пребывать в молитве блюдением ума, хотя бы они и находились вне молитвенных храмов. Намеревающиеся очистить золото, если и на короткое время попустят угаснуть огню в горниле, то производят вновь отверждение в чистящемся веществе: подобно этому памяत्वующий иногда Бога, а иногда непамяत्वующий, погубляет праздностью то, что мнит стяжать молитвою. Любодобродетельному мужу свойственно постоянно истреблять память Божиею земляностью сердца, чтоб таким образом зло мало-помалу потреблялось огнем памяти о благе и душа совершенно возвратилась в естественную свою светлость с великою славой. Таким образом, ум, пребывая в сердце, чисто и непрелестно молится, как тот же святой (Диадок) сказал: «Тогда молитва бывает истинной и непрелестной, когда ум, в то время как молится, соединен с сердцем»²⁸³. Не усташимся, делатели молитвы Иисусовой, ни ветров, ни волнения! Ветрами называю бесовские помыслы и мечтания, а волнением – мятеж страстей, возбужденных помыслами и мечтами. Из среды свирепеющей бури с постоянством, мужеством и плачем будем вопиять ко Господу Иисусу Христу: Он воспретит ветрам и волнам, а мы, опытно узнав всемогущество Иисуса, воздадим Ему должное поклонение, глаголюще: *«воистинну Божий Сын еси»* (Мф.14:33). Мы сражаемся за спасение наше. От победы или побеждения наших зависит наша вечная участь. «Тогда, – говорит преподобный Симеон Новый Богослов, – то есть при упражнении Иисусовой молитвой, бывает брань; лукавые бесы ратуют с великим возмущением, производят действием страстей мятеж и бурю в сердце, но именем Господа Иисуса Христа потребляются и разрушаются, как воск от огня. Опять: когда они будут прогнаны и отступят от сердца, то не престают от брани, но возмущают ум внешними чувствами отвне. По этой причине ум не очень скоро начинает ощущать тишину и безмолвие в себе, потому что бесы, когда не имеют силы возмутить ум в глубине, то возмущают его отвне мечтаниями. И потому невозможно освободиться вполне от брани и не быть

ратуему лукавыми духами. Это свойственно совершенным и тем, которые удалились вполне от всего и постоянно пребывают во внимании сердца»²⁸⁴. Первоначально и само делание представляется необыкновенно сухим, не обещающим никакого плода. Ум, усиливаясь соединиться с сердцем, сперва встречает непроницаемый мрак, жесткость и мертвость сердца, которое не вдруг возбуждается к сочувствию уму²⁸⁵. Это не должно приводить делателя к унынию и малодушию, и упоминается здесь с той целью, чтоб делатель был предуведомлен и предостережен. Терпеливый и тщательный делатель непременно будет удовлетворен и утешен: он возрадуется о безмерном обилии таких духовных плодов, о которых и понятия себе составить не может в плотском и душевном состоянии своем. В действии молитвы Иисусовой имеется своя постепенность: сперва она действует на один ум, приводя его в состояние тишины и внимания, потом начнет проникать к сердцу, возбуждая его от сна смертного и знаменуя оживление его явлением в нем чувств умиления и плача. Углубляясь еще далее, она мало-помалу начинает действовать во всех членах души и тела, отовсюду изгонять грех, повсюду уничтожать владычество, влияние и яд демонов. По этой причине при начальных действиях молитвы Иисусовой «бывает сокрушение неизреченное и болезнь души неизглаголанная», – говорит преподобный Григорий Синаит. Душа болеет как болящая и рождающая, по Писанию (Сир.48:21): *«живо бо слово Божие и действенно, и острейше паче всякаго меча обоюду остра»*, то есть Иисус проходит, как свидетельствует апостол, *«даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судително помышлением и мыслем сердечным»* (Евр.4:12), проходит, истребляя греховность из всех частей души и тела²⁸⁶.

Когда семьдесят меньших апостолов, посланных Господом на проповедь, возвратились к Нему по совершении возложенного на них служения, то с радостью возвестили Господу: *«Господи, и беси повинуются нам о имени Твоем»* (Лк.10:17). О, как эта радость была справедлива! как она была основательна! Более пяти тысяч лет господствовал диавол над человеками, уловив их в рабство себе и в родство с собою при

посредстве греха, а ныне слышит имя Иисуса – и повинуются человекам, доселе повиновавшимся ему, связывается связанными им, попирается попранными. В ответ ученикам, радующимся о низложении власти бесов над людьми и о приобретении власти людьми над бесами, Господь сказал: *«Се даю вам власть наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражю: и ничесоже вас вредит»* (Лк.10:19). Дана власть, но предоставлена свобода пользоваться властью и попать змей и скорпионов или пренебречь даром и произвольно подчиниться им. Под именем змей святые отцы понимают начинания явно греховные, а под именем скорпий – прикрытые наружностью непорочности и даже добра. Власть, данная Господом семидесяти ученикам Его, дана всем христианам (Мк.16:17). Пользуйся ею, христианин! Посекай именем Иисусовым главы, то есть начальные проявления греха в помыслах, мечтаниях и ощущениях; уничтожь в себе владычество над тобою диавола; уничтожь все влияние его на тебя; стяжи духовную свободу. Основание для подвига твоего – благодать святого Крещения, оружие – моление именем Иисуса. Господь, даровав ученикам Своим власть попирать змей и скорпионов, присовокупил: *«Обаче о сем не радуйтесь, яко дуси вам повинуются: радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небесех»* (Лк.10:20). «Радуйтесь не столько о том, – говорит блаженный Феофилакт, – что бесы вам повинуются, сколько о том, что имена ваши написаны на небе, не чернилами, – Божественною благодатью и Божиею памятью»²⁸⁷, молитвою Иисусовой. Таково свойство молитвы Иисусовой: она возводит с земли на небо делателя своего и включает его в состав небожителей. Пребывание умом и сердцем на небе и в Боге – вот главный плод, вот цель молитвы; отражение и попрание врагов, противодействующих цели, – дело второстепенное: не должно оно привлекать к себе всего внимания, чтоб сознанием и созерцанием победы не дать входа в себя высокоумию и самомнению, не претерпеть страшного поражения по поводу самой победы. Далее повествует Евангелие: *«В той час возрадовася духом Иисус и рече: исповедаются, Отче, Господи небесе и земли, яко утаил еси*

сия от премудрых и разумных, и открыл еси та младенцем: ей, Отче, яко тако бысть благоволение пред Тобою. И обращаеши ко учеником, рече: вся Мне предана быша от Отца Моего: и никтоже весть, кто есть Сын, токмо Отец» (Лк.10:21–22). Радуется Господь непостижимой радостью Бога о преуспевании человек; возвещает, что таинства веры христианской открываются не мудрым и превознесенным мира, но младенцам в гражданском отношении, каковы были ученики Господа, взятые из среды простого народа, неученые, неграмотные. Чтоб быть учеником Господа, должно соделаться младенцем и с младенческой простотой и любовью приять Его учение. К соделавшимся уже учениками обращается Господь с изложением таинственнейшего учения, открывает, что Сын, несмотря на принятие Им человечества, пребывает превышим постижения всех разумных тварей. Превыше постижения их – и Его всесвятое имя. С простотою и доверчивостью младенцев примем учение о молитве именем Иисуса; с простотою и доверчивостью младенцев приступим к упражнению этой молитвою: един Бог, ведающий вполне таинство ее, преподает нам его в доступной для нас степени. Возрадуем Бога трудом и преуспеванием в служении, которое Им же преподано и заповедано нам.

Молитва Иисусова была во всеобщем употреблении у христиан первых веков, как мы уже сказали выше. Иначе и не могло быть. Именем Господа Иисуса Христа совершались поразительнейшие знамения пред лицом всего христианского общества, что возбуждало питать во всем обществе христианском веру в неограниченную силу имени Иисуса. Преуспевшие понимали эту силу из преуспевания своего. Об этой силе, обильно развивающейся в святых Божиих, преподобный Варсонофий Великий выражается так: «Знаю одного раба Божия в нашем роде, в настоящее время и в сем благословенном месте, который и мертвых может воскрешать во имя Владыки нашего Иисуса Христа, и демонов изгонять, и неизлечимые болезни исцелять, и делать другие чудеса, не менее апостольских, как свидетельствует Давший ему дарование или, точнее сказать, дарования. Да и что это значит

в сравнении с тем, что можно сделать о имени Иисуса!»²⁸⁸ Имея пред глазами чудеса, в памяти заветное Господа, в сердце пламенную любовь ко Господу, верные первенствующей Церкви постоянно, тщательно, с огненной ревностью Херувимов и Серафимов упражнялись в молении именем Иисуса. Таково свойство любви! Она непрестанно помнит о любимом; она непрестанно наслаждается именем любимого; она хранит его в сердце, имеет в уме и на устах. Имя Господа – паче всякого имени: оно источник наслаждения, источник радости, источник жизни; оно – Дух; оно – животворит, изменяет, переплавляет, боготворит. Для неграмотных оно со всей удовлетворительностью заменяет молитвословие и псалмопение; грамотные, преуспев в молитве Иисусовой, оставляют разнообразие псалмопения, начинают преимущественно упражняться в молитве Иисусовой ради присущих в ней преизобильных силы и питания. Все это явствует из писаний и постановлений святых отцов. Святая Восточная Православная Церковь предлагает всем неграмотным вместо всех молитвословий молитву Иисусову²⁸⁹, предлагает не как нововведение, но как упражнение общеизвестное. Это постановление вместе с другими преданиями Восточной Церкви перешло из Греции в Россию, и многие из простого народа, малограмотные или даже неграмотные, напитались силою молитвы Иисусовой во спасение и жизнь вечную, многие достигли великого преуспевания духовного. Святой Иоанн Златоуст, советуя тщательное и постоянное упражнение молитвой Иисусовой, особенно монахам, говорит о ней как о предмете общеизвестном. «И у нас, и у нас, – говорит он, – имеются духовные заклинания: имя Господа нашего Иисуса Христа и сила крестная. Заклинание это не только гонит дракона из норы его и ввергает в огонь, но даже исцеляет от нанесенных им ран. Если же многие произносили это заклинание и не исцелились, произошло это от маловерия их, а не от недействительности произнесенного. Многие, хотя неотступно ходили за Христом и теснили Его, но не получили пользы, а у кровоточивой жены, прикоснувшейся не к телу, но к краю одежды Его, остановились

долговременные токи крови. Имя Иисуса Христа страшно для демонов, для душевных страстей и недугов. Им украсим, им оградим себя. Им и Павел (апостол) стал велик, хотя и был одного с нами естества»²⁹⁰. Преподобному Пахомию Великому для подведомственного ему многочисленного общества монахов Ангел Божий преподал молитвенное правило. Иноки, подчиненные духовному руководству преподобного Пахомия, должны были каждый час совершать правило; от исполнения правила освобождены были достигшие совершенства и соединенной с ним непрестанной молитвы. Правило, преподанное Ангелом, состояло из Трисвятого, молитвы Господней, 50-го псалма, Символа Веры и ста молитв Иисусовых²⁹¹. В правиле говорится о молитве Иисусовой так же, как и о молитве Господней, то есть как об общеизвестных и общеупотребительных. Преподобный Варсонофий Великий повествует, что монахи Египетского Скита преимущественно занимались молитвою, что видно и из жития преподобного Памвы, инока и аввы горы Нитрийской, недалеко от Скита, в которой, подобно Скиту, монахи проводили жизнь безмолвническую²⁹². Из упомянутых в этом слове угодников Божиих, упражнявшихся или писавших о молитве Иисусовой, святой Игнатий Богоносец жил в Антиохии, скончался в Риме; святой мученик Каллистрат был уроженцем и жителем Карфагена; преподобный Пахомий Великий жил в Верхнем Египте; скитские и нитрийские монахи, равно как и преподобный Исаия, в Нижнем; святой Иоанн Златоуст жил в Антиохии и в Константинополе; святой Василий Великий – в восточной половине Малой Азии, в Каппадокии; святой Варсонофий Великий – в окрестностях Иерусалима; святой Иоанн Лествичник – на Синайской горе и некоторое время в Нижнем Египте, близ Александрии. Из этого видно, что моление именем Господа Иисуса было повсеместным, общеупотребительным во Вселенской Церкви. Кроме упомянутых отцов писали о молитве Иисусовой нижеследующие: преподобный Исихий, иерусалимский пресвитер, ученик святого Григория Богослова, писатель V века, уже жалующийся на оставление монахами упражнения Иисусовой молитвой и трезвения; преподобные:

Филофей Синаит, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит, Феодит Филадельфийский, Григорий Палама, Каллист и Игнатий Ксанфопулы и многие другие. Сочинения их большей частью помещены в обширном сборнике аскетических писателей, в «Добротолубии». Из российских отцов имеются сочинения о ней преподобного Нила Сорского, священноинока Дорофея, архимандрита Паисия Величковского, схимонаха Василия Поляномерульского и иеромонаха Серафима Саровского. Все упомянутые писания отцов достойны глубокого уважения по обилию живущих в них и дышащих из них благодати и духовного разума; но сочинения российских отцов, по особенной ясности и простоте изложения, по большой близости к нам относительно времени доступнее для нас, нежели писания греческих светильников. В особенности писания старца Василия можно и должно признать первую книгой, к которой в наше время желающему успешно заняться Иисусовой молитвой необходимо обратиться²⁹³. Таково и назначение ее. Старец назвал свои писания предпутиями, предисловиями, или таким чтением, которое приготавливает к чтению греческих отцов. Превосходна книга преподобного Нила Сорского. Чтением ее должно также предварять чтение греческих писателей; она, постоянно ссылаясь на них и объясняя их, приготавливает к чтению и правильному пониманию этих глубокомысленных, святых учителей, нередко витий, философов, поэтов.

Все вообще творения святых отцов о монашеской жизни и в особенности об Иисусовой молитве составляют для нас, монахов последнего времени, неоцененное сокровище. Во времена преподобного Нила Сорского, за три века до нас, живые сосуды Божественной благодати были крайне редки, «до зела оскудели», по его выражению; ныне они так редки, что можно не останавливаясь и безошибочно сказать: их нет. За особеннейшую милость Божию признается, если кто, истомившись душою и телом в монашеском жительстве, к концу этого жительства неожиданно найдет где-либо в глуши сосуд, избранный нелицеприятным Богом, униженный пред очами человеков, возвеличенный и превознесенный Богом. Так Зосима нашел в заиорданской безлюдной пустыне, сверх всякого

чаяния, великую Марию²⁹⁴. По такому конечному оскудению в духоносных наставниках отеческие книги составляют единственный источник, к которому может обратиться томимая голодом и жаждою душа для приобретения существенно нужных познаний в подвиге духовном. Книги эти – дражайшее наследие, оставленное святыми отцами их иноческому потомству, нам нищим. Книги эти – крохи, упавшие к нам и составляющие нашу долю, крохи с духовной трапезы отцов, богатых духовными дарованиями. Заметно, что время написания большого числа книг об умном делании совпадает с временем особенного оскудения в монашестве умного делания. Преподобный Григорий Синаит, живший в XIV веке, когда прибыл на Афонскую Гору, то нашел там, между тысячами монахов, только трех, которые имели некоторое понятие об умном делании. К XIV и XV векам относится большинство писаний о Иисусовой молитве. «Движимые тайным Божественным вдохновением, – говорит Паисий Величковский, – многие отцы изложили в книгах святое учение, исполненное премудрости Святого Духа, об этой Божественной умной молитве, на основании Божественных Писаний Ветхого и Нового Заветов. Это устроилось по особенному Божию Промыслу, чтоб Божественное делание не пришло во всеконечное забвение. Многие из этих книг, по попущению Божию, за грехи наши, истреблены магометанами, поработившими себе греческое государство; некоторые же рассмотрением Божиим сохранены до нашего времени»²⁹⁵. Возвышеннейшее умное делание необыкновенно просто, нуждается для принятия в младенческой простоте и вере, но мы сделали так сложными, что эта-то простота и неприступна, непостижима для нас. Мы хотим быть умными, хотим оживлять свое «я», не терпим самоотвержения, не хотим действовать верою. По этой причине нам нужен наставник, который бы вывел нас из нашей сложности, из нашего лукавства, из наших ухищрений, из нашего тщеславия и самомнения, в широту и простоту веры. По этой причине случается, что на поприще умного делания младенец достигает необыкновенного преуспевания, а мудрец сбивается с пути и низвергается в мрачную пропасть прелести. «В древние времена, – говорит

Паисий Величковский, – всесвятное делание умной молитвы сияло на многих местах, где пребывали святые отцы, и много тогда было наставников этому духовному подвигу: по этой причине и святые отцы тех времен, пиша о нем, объясняли только неизреченную духовную пользу, происходящую от него, не имея, как я полагаю, нужды писать о той части делания, которая приличествует новоначальным. Писали они отчасти и об этом, что очень ясно для имеющих опытное знание подвига; но для не имеющих его оно остается прикрытым. Когда некоторые из отцов увидели, что истинные и непрелестные наставники этого делания начали очень умаляться, то, будучи подвижники Божиим Духом, чтоб не оскудело истинное учение о начале этой мысленной молитвы, изложили письменно о самом начале и приемах, как должно обучаться новоначальным, входить умом в страну сердечную, там истинно и непрелестно совершать умом молитву»²⁹⁶.

Мы видели, что святой пророк Давид приглашает всех, без исключения, людей Божиих к молению именем Господа и что постановлением святой Церкви законополагается всем неграмотным и не знающим Священного Писания наизусть заменять молитвословия и псалмопения молитвой Иисусовою. Святой Симеон, архиепископ Солунский, заповедует и советует архиереям, священникам, всем монахам и мирским на всякое время и час произносить эту священную молитву, имея ее как бы дыхание жизни²⁹⁷; при пострижении в монашество, когда новопостриженному даются четки, постригающий говорит: «Приими, брате, меч духовный, иже есть глагол Божий, его же и носяй во устех твоих, уме же и сердце, глаголи непрестанно: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя»²⁹⁸. Но преподобный Нил Сорский наставляет, что «память Божия, то есть умная молитва, выше всех деланий, добродетелей глава, как любовь Божия. Кто бесстыдно и дерзко захочет войти к Богу и беседовать с Ним часто, кто нудится стяжать Его в себе, тот удобно умерщвляется бесами, если будет попущено, как взыскавший достигнуть того дерзостно и гордостно, превыше своего достоинства и устроения»²⁹⁹. При поверхностном взгляде завещание преподобного Нила может представиться

противоречащим законоположению Священного Писания, святых отцов и преданию Церкви. Тут нет противоречия; тут говорится о молитве Иисусовой в ее высшей степени. Всем христианам можно и должно заниматься молитвой Иисусовой с целью покаяния и призывания Господа на помощь, заниматься со страхом Божиим и верою, с величайшим вниманием к мысли и словам молитвы, с сокрушением духа; но не всем дозволяется приступать к молитвенному священнодействию умом в сердечной клетке. Первым образом могут и должны заниматься Иисусовою молитвой не только монахи, живущие в монастырях и занятые послушаниями, но и миряне. Такая внимательная молитва может назваться и умною, и сердечною, как совершаемая часто одним умом, и в тщательных делателях всегда при участии сердца, выражающемся чувством плача и слезами по причине умиления. Молитвенное священнодействие ума в сердце требует предварительного упражнения в первом образе моления, удовлетворительного преуспеяния в этом молении. Благодать Божия сама собою, в известное ей время, по ее благоволению, переводит подвижника молитвы от первого образа молитвы ко второму. Если благоугодно Богу оставить подвижника при молитве покаяния, то да остается он при ней, да не ищет высшего состояния, да не ищет его в твердом убеждении, что оно не приобретается человеческим усилием, – даруется Богом. Пребывание в покаянии есть залог спасения. Будем довольны этим состоянием; не будем искать состояния высшего. Такое искание есть верный признак гордости и самомнения; такое искание приводит не к преуспеянию, а к преткновениям и гибели. Святой Нил, основываясь на учении всех святых отцов, воспрещает преждевременно стремиться к низведению ума в сердце, к наружному и внутреннему безмолвию, к ощущению сладости и прочих высоких молитвенных состояний, которые открываются тогда, когда будет принята Богом молитва покаяния и враги отступят от души. Сказал Псалмопевец: *«отступите от Мене вси делующии беззаконие, яко услыша Господь глас плача моего, услыша Господь моление мое, Господь молитву мою прият»* (Пс.6:9–10). Утешение, радость, наслаждение, подаяние даров

суть последствия примирения. Искание их прежде примирения есть начинание, исполненное безрассудства.

Для стяжания глубокой сердечной молитвы нужно значительное предуготовление: оно должно состоять в удовлетворительном изучении опыта монашеской жизни, в приобщении себя к деятельности по евангельским заповедям; святая молитва основывается на устроении души, производимом деятельностью по заповедям, почивает в этом устроении, не может пребыть в душе, когда она не находится в таком устроении. Приготовление должно состоять в удовлетворительном изучении Нового Завета и отеческих писаний о молитве. Тем необходимее последнее приуготовление, что за неимением духовных руководителей единственным руководителем нашим должны быть отеческие писания и молитвенный плач пред Богом. Вожденна сердечная молитва; вожденно сердечное безмолвие; вожденно келейное неисходное безмолвие и жительство в уединеннейшей пустыни, как особенно способствующие к развитию сердечной молитвы и сердечного безмолвия. «Но и самые эти благие и благолепные делания, – говорит преподобный Нил Сорский, – должно проходить с рассуждением, в приличное время, по достижении надлежащей меры преуспевания, как говорит Василий Великий: “Всякому деланию должно предшествовать рассуждение: без рассуждения и благое дело обращается в злое по безвременности и неумеренности. Когда же рассуждением определяется время и мера благому, тогда бывает чудный прибыток”. И Лествичник, заимствовав слова из Писания, говорит: *“время всякой вещи под небесем”* (Еккл.3:1), между всеми же, сказал он, и в нашем святом жительстве есть время каждому занятию. И, продолжая, говорит: «Есть время безмолвию, и время немятежной молве; есть время непрестанной молитве, и время нелицемерному служению. Не будем прельщаться гордостным усердием и искать прежде времени того, что приходит в известное время. В противном случае не получим ничего и в должное время. Есть время сеять труды, и время пожинать колосья неизреченной благодати»³⁰⁰. В

особенности преподобный Нил воспрещает безрассудное стремление к отшельничеству, а такое стремление почти всегда появляется у личностей, не понимающих ни себя, ни монашества: потому-то преткновения и самообольщения при этом роде жизни случаются самые тяжкие. Если монахам воспрещается безвременное стремление к молитве, приносимой умом в сердечном храме, тем более воспрещается оно мирянам. Имели глубочайшую сердечную молитву святой Андрей юродивый и некоторые другие, весьма немногие миряне: это – исключение и величайшая редкость, которая никак не может служить правилом для всех. Причисление себя к этим исключительным личностям есть не что иное, как обольщение себя самомнением, скрытая прелесть прежде явной прелести. Паисий Величковский в письме к старцу Феодосию говорит: «Отеческие книги, в особенности те из них, которые научают истинному послушанию, трезвению ума и безмолвию, вниманию и умной молитве, то есть той, которая совершается умом в сердце, исключительно приличествуют только одному монашескому чину, а не всем вообще православным христианам. Богоносные отцы, излагая учение об этой молитве, утверждают, что ее начало и непоколебимое основание есть истинное послушание, от которого рождается истинное смирение, а смирение хранит подвижащегося в молитве от всех прелестей, последующих самочинникам. Истинного монашеского послушания и совершенного во всем отсечения своих воли и разума отнюдь не возможно стяжать мирским людям. Как же возможно будет мирским людям, без послушания, по самочинию, которому последует прелесть, понуждаться на столь страшное и ужасное дело, то есть на таковую молитву, без всякого наставления? Как им избежать многообразных и многообразных прелестей вражиих, наводимых на эту молитву и ее делателей прековарно? Так страшна эта вещь, то есть молитва – молитва, не просто умная (умственная), то есть совершаемая умом нехудожно, но действующая художественно умом в сердце, – что и истинные послушники, не только отсекившие, но и совершенно умертвившие волю свою и рассуждение пред отцами своими,

истинными и преискусными наставниками деланию этой молитвы, всегда находятся в страхе и трепете, боясь и трепеща, чтоб не пострадать в этой молитве какой-нибудь прелести, хотя и хранит их всегда от нее Бог, за истинное смирение их, которое они стяжали благодатью Божией при посредстве истинного послушания своего. Тем более мирским людям, жительствовавшим без послушания, если они от одного чтения таких книг понудятся на молитву, предстоит опасность впадения в какую-либо прелесть, приключающуюся начинающим самочинно подвиг этой молитвы. Эту молитву святые называли художеством художеств: кто ж может научиться ей без художника, то есть без искусного наставника? Эта молитва есть духовный меч, дарованный от Бога, на заклятие врага наших душ. Молитва эта просияла как солнце, только среди иноков, особенно в странах Египетских, также в странах Иерусалимских, в горе Синайской и Нитрийской, во многих местах Палестины и на иных многих местах, но не повсюду, как явствует из жития святого Григория Синаита. Он обошел всю Святую (Афонскую) Гору и, сделав тщательное разыскание делателей этой молитвы, не нашел в ней ни одного, который бы имел хотя малое понятие о этой молитве³⁰¹. Отсюда явствует: если в таком святом месте преподобный Григорий не нашел ни одного делателя молитвы, то и во многих местах делание этой молитвы было неизвестно между иноками. А где и занимались им, где она сияла между иноками подобно солнцу, там хранилось делание этой молитвы, как великая и неизреченная тайна, известная лишь Богу и ее делателям. Мирскому народу делание этой молитвы было вполне неизвестно. Но ныне, по напечатании отеческих книг, узнают о нем не только иноки, но и все христиане. По поводу этого боюсь и трепещу, чтоб по вышесказанной причине, то есть за самочинное вступление в подвиг этой молитвы без наставника, таковые самочинники не подверглись прелести, от которой Христос Спаситель да избавит Своею благодатью всех, хотящих спастись»³⁰².

Признаем обязанностью своею изложить здесь, по мере скудного разума нашего и скудной опытности, учение святых отцов о художественном возделании молитвы Иисусовой, с

ясным обозначением, какой образ упражнения молитвой и какого вида умная и сердечная молитва приличествует всем без исключения христианам и новоначальным инокам и какой образ делания свойствен преуспевшим, возведенным в преуспеяние Божиим благоволением и Божией благодатью.

Без всякого сомнения, первое место между всеми способами должно дать способу, предлагаемому святым Иоанном Лествичником, как особенно удобному, вполне безопасному, нужному, даже необходимому для действительности молитвы, приличествующему всем благочестиво жительствовавшим и ищущим спасения христианам, и мирянам, и инокам. Великий наставник иночествующих дважды говорит об этом способе в своей «Лествице», возводящей от земли на небо: в слове о послушании и в слове о молитве. Уже то, что он излагает свой способ в изложении учения о послушании общежительных иноков, с очевидностью показывает, что этот способ назначается и для новоначальных иноков. Предложение способа повторяется в отдельном, пространном учении о молитве, после наставления для безмолвников, следовательно, повторяется для преуспевших иноков: это показывает с очевидностью, что способ очень хорош и для безмолвников, и для преуспевших иноков. Повторяем: величайшее достоинство способа заключается в том, что он, при всей удовлетворительности своей, вполне безопасен. – В слове о молитве святой Иоанн Лествичник говорит: «Подвизайся возвращать, – точнее, заключать мысль в слова молитвы. Если по причине младенченности, она изнеможет и уклонится, опять введи ее. Свойственна уму нестойкость. Может же установить его Тот, Кто уставляет все. Если стяжешь это делание и постоянно будешь держаться его, то придет Определяющий в тебе границы морю твоему и скажет ему при молитве твоей: *«до сего дойдешь и не преjdeши»* (Иов.38:11). Невозможно связывать дух, но где присутствует Создатель этого духа, там все покоряется Ему³⁰³. Начало молитвы – помыслы, отгоняемые молитвою при самом их начале, середина – когда ум пребывает в одних словах, произносимых гласно или умом, конец – восхищение ума к Богу»³⁰⁴. В слове о послушании

святой Иоанн говорит: «Борись с мыслью непрестанно, возвращая ее к себе, когда она улетает: Бог не требует от послушников молитвы непарительной. Не скорби, будучи окрадаем, но благодушествуй, постоянно возвращая ум к самому себе»³⁰⁵. Здесь преподан способ внимательно молиться, молиться и гласно, и одним умом. Во внимательной молитве не может не принять участия сердце, как сказал преподобный Марк: «Ум, молящийся без развличения, утесняет сердце»³⁰⁶. Таким образом, кто будет молиться по способу, предложенному святым Иоанном Лествичником, тот будет молиться и устами, и умом, и сердцем; тот, преуспев в молитве, стяжет умную и сердечную молитву, привлечет в себя Божественную благодать, как видно из приведенных слов великого наставника иноков. Чего желать более? Нечего. При таком образе упражнения молитвою какая может быть прелесть? Лишь одно увлечение в рассеянность: погрешность, вполне явная, в новоначальных неизбежная, способная к немедленному уврачеванию чрез возвращение мысли в слова, уничтожаемая милостью и помощью Божией в свое время, при постоянном подвиге. – Спросят: неужели такой великий отец, живший в то время, когда умное делание процветало, ничего не говорит о молитве, совершаемой умом в сердце? Говорит, но так прикрито, что одни знакомые опытно с деланием молитвы могут понять, о чем говорится. Так поступил святой, будучи руководим духовной мудростью, с которой написана вся книга его. Изложив о молитве самое верное и удовлетворительное учение, могущее возвести делателя в благодатное состояние, Лествичник выразился приточно о том, что совершается по осенении молитвенного подвига благодатью. «Иное, – сказал он, – обращаться часто к сердцу, а иное – быть по уму епископом сердца, князем и архиереем, приносящим Христу словесные жертвы»³⁰⁷. Иное – молиться со вниманием, при участии сердца; иное – нисходить умом в сердечный храм и оттуда приносить таинственную молитву, исполненную силы и благодати Божественных. Второе происходит от первого. Внимание ума при молитве привлекает сердце к сочувствию; при усилении внимания сочувствие сердца уму обращается в

соединение сердца с умом, наконец, при внимании, усвоившемся молитве, ум нисходит в сердце для глубочайшего молитвенного священнослужения. Все это совершается под водительством благодати Божией, по ее благоволению и усмотрению. Стремление ко второму прежде стяжания первого не только бесполезно, но может быть причиной величайшего вреда; для отвращения этого вреда прикрито молитвенное таинство от любопытства и легкомыслия в книге, назначенной для общего употребления монашествующих. В те блаженные времена при обилии живых сосудов благодати могли прибегать к совету их при всех особенных случаях нуждавшиеся в совете.

Между раифскими иноками, для которых написана блаженным Иоанном «Лествица», процветала умная молитва под руководством опытного духовного наставления. Об этом святой писатель опять выражается приточно и прикровенно в слове к пастырю. Выражается он так: «Прежде всего, о честный отец, потребна нам духовная сила, чтоб тех, которых мы возжелали ввести во Свята Святых, которым вознамерились показать Христа, почивающего на их таинственной и сокровенной трапезе – в особенности, доколе они находятся в преддверии у этого входа, и когда увидим, что их теснит и угнетает толпа с целью возбранить им желанный вход – мы могли, взяв за руку, как младенцев, освободить от сей толпы, т.е. от бесовских помыслов. Если же младенцы крайне голы и немощны, то необходимо нам поднять их на рамена и возносить на раменах, доколе они пройдут чрез дверь входа, точно знаю: обычно там быть всевозможной тесноте и давке. Почему и сказал некто об этой тесноте: *“сие труд есть предо мною, дóндеже вниду во свято Божие”* (Пс.72:16–17), – и труд простирается только до вшествия»³⁰⁸. «Желающий видеть Господа внутри себя старается очистить сердце свое непрестанной памятью Божией. Мысленная страна чистого душою – внутри его. Солнце, сияющее в ней, – свет Святой Троицы. Воздух, которым дышат жители ее, – Всесвятый Дух. Жизнь, радость и веселие этой страны – Христос, Свет от Света – Отца. Это – Иерусалим и Царство Божие, сокровенное внутри нас, по слову Господа (Лк.17:21). Эта страна – облак славы

Божией: одни чистые сердцем войдут в нее, чтоб увидеть лицо своего Владыки и чтоб озарились умы их лучом света Его»³⁰⁹. «Постарайся войти в клеть, которая внутри тебя, и увидишь клеть небесную. Та и другая – одно: одним входом вступишь в обе. Лестница к Царству Небесному – внутри тебя: она устроена таинственно в душе твоей. Погрузи себя в себя от греха и найдешь там ступени, которыми можешь взойти на небо»³¹⁰. Вводил учеников своих в святилище сердечной благодатной молитвы и в состояния, производимые ею, преподобный Варсонофий, инок, достигший высшей степени духовного преуспеяния. Между наставлениями его читаем и следующее, данное некоторому безмолвнику, состоявшему под его руководством: «Единый Безгрешный Бог, спасающий надеющихся на Него, да укрепит любовь твою служить Ему в преподобии и правде во все дни живота твоего, во храме и жертвеннике внутреннего человека, где приносятся духовные жертвы Богу, злато, ливан и смирна, где жрется телец упитанный, кропится Честная Кровь непорочного Агнца, где раздаются согласные восклицания святых Ангелов: *“тогда возложат на алтарь Твой тельцы”* (Пс.50:21). Тогда – когда? – Когда придет Господь наш, этот великий Архиерей, приносящий и приемлющий бескровную жертву; когда, во имя Его, хромой, сидящий у красных ворот, сподобится услышать радостный глас: *“востани и ходи”* (Деян.3:6). Хромой входит тогда во святилище, ходя, и скача, и хваля Бога. Тогда прекращается сон нерадения и невежества; тогда отъемлется дремание уныния и лени от веждей; тогда пять мудрых дев вжигают светильники свои (Мф.25:4) и ликуют с Женихом в святом чертоге, воспевая согласно, безмолвно: *“вкусите и видите, яко благ Господь: блажен муж, иже уповае на Нань”* (Пс.33:9), тогда прекращаются и брани, и осквернения, и движения; тогда водворяется святой мир Святой Троицы, печатлеется сокровище и пребывает некрадомым. Помолись, чтоб уразуметь, и достигнуть, и возрадоваться о Христе Иисусе Господе нашем»³¹¹. Внушается величайшее благоговение к молитвенному сердечному священнодействию величественным изображением его, сделанным отцами. Это благоговение и само благоразумие

требует от нас, чтоб мы отреклись от преждевременного, самочинного, гордостного, безрассудного усилия войти в таинственное святилище. И благоговение, и благоразумие научают нас пребывать внимательной молитвою, молитвой покаяния, при дверях храма. Внимание и сокрушение духа – вот та клеть, которая дана в пристанище кающимся грешникам. Она – преддверие святилища. В ней будем укрываться и заключаться от греха. Да соберутся в эту Вифезду все страждущие нравственной хромотою, все прокаженные, все слепые и глухие, словом – все недугующие грехом, чающие движения воды (Ин.5:3) – действия милости и благодати Божией. Сам и Един Господь, в известное Ему время, дарует исцеление и вход во святилище, единственно по своему непостижимому благоволению. *«Аз вем, ихже избрах»* (Ин.13:18), – говорит Спаситель. *«Не вы Мене избрасте, – говорит он избранным Своим, – но Аз избрах вас, и положих вас, да вы идете и плод принесете... да егоже аще просите от Отца во имя Мое, даст вам»* (Ин.15:16).

Весьма хорош способ обучения Иисусовой молитве, предлагаемый священноиноком Дорофеем, российским подвижником и аскетическим писателем. «Кто молится устами, – говорит священноинок, – а о душе небрежет и сердца не хранит, такой человек молится воздуху, а не Богу, и всеу трудится, потому что Бог внимает уму и усердию, а не многоречию. Молиться должно от всего усердия своего: от души, и ума, и сердца своего, со страхом Божиим, от всей крепости своей. Умная молитва не попускает входить во внутреннюю клеть ни парению, ни скверным помыслам. Хочешь ли научиться деланию умной и сердечной молитвы? Я научу тебя. Внимай прилежно и разумно, послушай меня, любимый мой. Сначала должно тебе творить молитву Иисусову голосом, то есть устами, языком и речью, вслух себе одному. Когда насытятся уста, язык и чувства молитвою, произносимой гласно, тогда гласная молитва прекращается и начинается она произноситься шепотом. После этого должно поучаться умом, принимать и прилежать всегда к гортанному почувению. Тогда умная и сердечная молитва начнет манием³¹², самовластно,

непрестанно воздвигаться, обноситься и действовать, на всякое время, при всяком деле, на всяком месте»³¹³.

Блаженный старец, иеромонах Серафим Саровский, завещает новонаначальному, по прежде существовавшему общему обычаю в Саровской пустыни, творить непрестанно молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». «При молитве, – наставляет старец, – вникай себе, то есть собирай ум и соединяй его с душою. Сначала день, два и более твори эту молитву одним умом, отдельно, внимай каждому слову особо. Когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своей и соединит тебя во един дух, тогда потечет в тебе эта молитва непрестанно и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя»³¹⁴. Это-то и значат слова, сказанные пророком Исаиею: *«роса, яже от Тебе, исцеление им есть»* (Ис.26:19). Когда же будешь содержать в себе эту пищу душевную, то есть беседу с Господом, то зачем ходить по келлиям братий, хотя кем и будешь призываем? Истинно сказываю тебе, что празднословие есть и празднолюбие. Если себя не понимаешь, то можешь ли рассуждать о чем и учить других? Молчи, непрестанно молчи; помни всегда присутствие Бога и имя Его. Ни с кем не вступай в разговор; но вместе и остерегайся осуждать разговаривающих и смеющихся. Будь в этом случае глух и нем. Что бы о тебе ни говорили, все пропускай мимо ушей. В пример себе можешь взять Стефана Нового, которого молитва была непрестанна, нрав кроток, уста молчаливы, сердце смиренно, дух умилен, тело с душою чисто, девство непорочно, нищета истинная и нестяжание пустынноническое; послушание его было безропотливое, делание – терпеливо, труд – усерден. Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, сколько кто ест, но внимай себе, питая душу молитвою»³¹⁵. Старец, дав такое наставление новонаначальному иноку, проводящему деятельную жизнь в монастырских трудах, и преподав ему упражнение молитвой, приличествующей деятельному, воспрещает преждевременное безрассудное стремление к жительству умозрительному и к соответствующей этому жительству молитве. «Всякому, – говорит он, – желающему проходить жизнь духовную, должно начинать с

деятельной жизни, а потом уже переходить к умозрительной, потому что без деятельной жизни в умозрительную прийти невозможно. Деятельная жизнь служит к очищению нас от греховных страстей и возводит нас на степень деятельного совершенства, а тем самым пролагает нам путь к умозрительной жизни. К сей могут приступать только очистившиеся от страстей и стяжавшие полное обучение в деятельной жизни, как это можно видеть из слов Священного Писания: «Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят» (Мф.5:8), и из слов святого Григория Богослова: «К умозрению могут приступать только совершеннейшие по своей опытности (в деятельной жизни)». К умозрительной жизни должно приступать со страхом и трепетом, с сокрушением сердца и смирением, со многим испытанием святых Писаний и под руководством искусного старца, если такового можно найти, а не с дерзостью и самочинием. Дерзостный и презорливый³¹⁶, по словам Григория Синаита, не по достоинству своему взыскав (высокого духовного состояния), с кичением усиливается достигнуть его преждевременно. И опять: если кто мечтает по мнению своему достигнуть высокого состояния и стяжал желание сатанинское, а не истинное, того диавол уловляет своими мрежами, как слугу своего»³¹⁷. Предостерегая таким образом от гордостного стремления к высоким молитвенным состояниям, старец настаивает, можно сказать, на необходимости для всех вообще иноков, никак не исключая и самых новоначальных послушников, внимательной жизни и непрестанной молитвы. Замечено, что по большей части то направление, которое примется при вступлении в монастырь, остается господствующим в иноке на всю его жизнь. «Благодатные дарования, – утверждает Серафим, – получают только те, которые имеют внутреннее делание и бдят о душах своих»³¹⁸. «Истинно решившиеся служить Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве ко Господу Иисусу Христу, говоря умом: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». Таковым упражнением, при охранении себя от рассеянности и при соблюдении мира совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним.

Иначе, как непрестанною молитвой, по словам святого Исаака Сирского, приблизиться к Богу мы не можем»³¹⁹. Монахам и послушникам, произволяющим заниматься молитвою Иисусовой, для удобнейшего избежания рассеянности и пребывания во внимании Серафим советует стоять в церкви при молитвословиях с закрытыми глазами и открывать их только тогда, когда будут отягощать сон и дремание. Тогда советует он устремлять взоры к святым иконам, что также охраняет от рассеянности и возбуждает к молитве³²⁰. Новоначальный с особенным удобством приучается к молитве Иисусовой на продолжительных монастырских молитвословиях. Присутствуя на них, к чему бесплодно и душевредно скитаться мыслями повсюду? А этого невозможно избежать, если ум не будет привязан к чему-либо. Займись молитвой Иисусовой: она удержит ум от скитания; ты сделаешься гораздо сосредоточеннее, глубже; гораздо лучше будешь внимать чтению и песнопениям церковным, – вместе неприметным образом и постепенно обучишься умной молитве. – Желаящему проводить внимательную жизнь, Серафим завещает не вникать посторонним слухам, от которых голова наполняется праздными и суетными помышлениями и воспоминаниями; завещает не обращать внимания на чужие дела, не размышлять, не судить и не говорить о них; завещает избегать беседований, вести себя странником, встречающихся отцов и братьев почитать поклонами в молчании, при хранении себя от внимательного воззрения на них³²¹, потому что такое воззрение производит непременно в душе какое-либо впечатление, которое будет причинять ей развлечение, привлекая к себе внимание ее и отвлекая его от молитвы. Вообще, проводящему внимательную жизнь не должно смотреть ни на что пристально и не слушать ничего с особенным тщанием, но видеть как бы не видя и слышать мимоходно, чтоб память и сила внимания были всегда свободными, чуждыми впечатлений мира, способными и готовыми к приятию впечатлений Божественных.

Очевидно, что способы, предложенные священноиноком Дорофеем и старцем Серафимом, тождественны со способом, предложенным святым Иоанном Лествичником. Но святой

Иоанн изложил свой способ с особенной ясностью и определенностью. Этот отец принадлежит к древнейшим и величайшим наставникам иночества, признан таким Вселенскою Церковью; позднейшие святые писатели ссылаются на него как на достовернейшего учителя, как на живой сосуд Святого Духа: на этом основании мы со всей благонадежностью предлагаем его способ во всеобщее употребление возлюбленным отцам и братьям, не только жительствующим в монастырях, но и жительствующим посреди мира, имеющим искреннее желание непритворно, успешно и богоугодно молиться. Этот способ не может быть устранен: устранение его из молитвы было бы устранением из нее внимания, а без внимания молитва – не молитва. Она мертва! Она – бесполезное, душевредное, оскорбительное для Бога пустословие! Внимательно молящийся непременно молится более или менее этим способом. Если внимание умножится и усилится при молитве, непременно явится образ моления, предлагаемый Божественным Иоанном. «Проси плачем, – говорит он, – ищи послушанием, толцы долготерпением: *“такو просяй приемлет, и ищай обретае, и толкущему отверзетсѧ”* (Мф.7:7–8)»³²².

Опыт не замедлит показать, что при употреблении способа, в особенности сначала, должно произносить слова с крайней неспешностью, чтоб ум успевал вмещаться в слова, как в формы; этого нельзя достигнуть при поспешном чтении. Способ святого Иоанна весьма удобен и при упражнении молитвой Иисусовой, и при келейном чтении молитвословий, даже при чтении Писания и отеческих книг. Приучаться к нему должно, как бы читая по складам, – с такою неспешностью. Прибучившийся к этому способу стяжал молитву устную, умную и сердечную, свойственную всякому, проводящему деятельную жизнь. Святейший Каллист, патриарх Константинопольский, так рассуждает о молитве: «Непрестанная молитва состоит в непрестанном призывании имени Божия. Беседует ли кто, сидит ли, ходит, делает ли что, ест ли или занимается чем другим, должен во всякое время и на всяком месте призывать имя Божие, по завету Писания: *«Непрестанно молитесь»* (1Фес.5:17). Таким образом уничтожаются покусения на нас

врага. Молиться должно сердцем; молиться должно и устами, когда мы одни. Если же кто находится на торжище или в обществе с другими, тот не должен молиться устами, но одною мыслью. Должно наблюдать за зрением и всегда смотреть вниз для охранения себя от развлечения и от сетей врага. Совершенство молитвы заключается в том, когда она произносится к Богу без уклонения ума в развлечение, когда все мысли и чувствования человека собираются во едино моление. Молитва и псалмопение должны совершаться не только умом, но и устами, как говорит пророк Давид: *«Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою»* (Пс.50:17). И апостол, показывая, что требуются и уста, сказал: *«Приносим жертву хваления выну Богу, сиречь плод у стен исповедающихся имени Его»* (Евр.13:15)»³²³. Преподобный Варсонофий Великий священноиноку, вопросившему его о том, как должно молиться, отвечал: «Должно несколько упражняться в псалмопении, несколько молиться изустно; нужно время и на то, чтоб испытывать и блюсти свои помыслы. У кого на обеде много разных снедей, тот ест много и с услаждением, а кто каждый день употребляет одну и ту же пищу, тот не только вкушает ее без услаждения, но иногда, может быть, чувствует и отвращение от нее. Так бывает и в нашем состоянии. В псалмопении и молитве устной не связывай себя, но делай, сколько Господь даст тебе. Не оставляй также чтения и внутренней молитвы. Несколько того, несколько другого – и так проведешь день, угождая Богу. Совершенные отцы наши не имели определенного правила, но в течение целого дня исполняли свое правило: несколько упражнялись в псалмопении, несколько читали изустно молитвы, несколько испытывали помыслы, – мало, но заботились и о пище; все же это делали со страхом Божиим»³²⁴. Так рассуждал и наставлял брата преподобный отец, бывший в великом молитвенном преуспевании. Опыт научит всякого упражняющегося в молитве, что произнесение несколько вслух молитвы Иисусовой и вообще всех молитвословий очень способствует к удержанию ума от расхищения развлечением. При усиленном вражеском нападении, когда ощутится ослабление произволения и

омрачение ума, необходима гласная молитва. Внимательная гласная молитва есть вместе и умная, и сердечная.

Убогим словом нашим мы не уклоняем и не устраним возлюбленных отцов и братьев наших от молитвенного, возвышенного преуспевания; напротив того, всеусердно желаем им его. Да будут все иноки подобны Ангелам и Архангелам, которые не имеют покоя день и ночь от возбуждающей их Божественной любви и по причине ее непрестанно и ненасытно насыщаются славословием Бога. Именно для того, чтобы получено было неизреченное богатство сердечной молитвы в свое время, дается предостережение от действования преждевременного, ошибочного, дерзостного. Воспрещается безрассудное, разгоряченное стремление к открытию в себе благодатной сердечной молитвы; воспрещается это стремление потому, что причина его – неведение или недостаточное знание и гордostное признание себя способным к благодатной молитве и достойным ее; воспрещается это стремление потому, что раскрытие в себе благодатной молитвы одними собственными усилиями – невозможно; воспрещается это стремление, ломящееся неистово во врата таинственного Божиего храма, чтоб оно не воспрепятствовало благодати Божией когда-либо умилосердиться над нами, признать недостойных достойными, дать дар не чающим дара, обрекшим себя на вечные казни в узилищах ада. Дар дается смирившемуся и уничившему себя пред величием дара; дар дается отрешившемуся своей воли и предавшемуся воле Божией; дар дается укрощающему и умерщвляющему в себе плоть и кровь, укрощающему и умерщвляющему в себе плотское мудрование заповедями Евангелия. Жизнь начинает сиять соответственно степени умерщвления. Пришедши неожиданно, единственно по благоволению своему, она довершает и совершает умерщвление, предначатое произвольно. Неосторожные, особливо упорные, водимые самомнением и самочинием, искатели высокого молитвенного состояния, всегда бывают запечатлены печатью отвержения, по определению духовного закона (Мф.22:12–13). Снятие этой печати очень затруднительно, – по большей части невозможно. Какая тому

причина? – Вот она: гордость и самомнение, вводящие в самообольщение, в общение с демонами и в порабощение им, не дают видеть неправильности и опасности своего положения, не дают видеть ни горестного общения с демонами, ни бедственного, убийственного порабощения им. «Оденься прежде листьями, а потом, когда повелит Бог, принесешь и плоды», – сказали отцы³²⁵. Стяжи сперва внимательную молитву: предочищенному и предуготовленному внимательною молитвою, образованному, скрепленному заповедями Евангелия, основанному на них в свое время Бог, Всемиловитый Бог, дарует молитву благодатную.

Молитвы учитель – Бог; истинная молитва – дар Божий³²⁶. Молящемуся в сокрушении духа, постоянно, со страхом Божиим, с вниманием, Сам Бог дает постепенное преуспеяние в молитве. От внимательной и смиренной молитвы являются духовное действие и духовная теплота, от которых оживает сердце. Ожившее сердце привлекает к себе ум, делается храмом благодатной молитвы³²⁷ и сокровищницей доставляемых ею, по ее свойству, духовных даров. «Потрудись, – говорят великие подвижники и учителя молитвы, – сердечным болезнованием приобрести теплоту и молитву, и Бог даст тебе иметь их всегда. Забвение изгоняет их; само же оно рождается от нерадения»³²⁸. – Если хочешь избавиться от забвения и пленения, то не можешь иначе достигнуть этого, как стяжавши в себе духовный огонь: только от его теплоты исчезают забвение и пленение. Приобретается же этот огонь стремлением к Богу. Брат! Если сердце твое день и ночь с болезнью не будет искать Господа, то ты не можешь преуспеть. Если же, оставив все прочее, займешься этим, то достигнешь, как говорит Писание: *«упразднитесь и разумеите»* (Пс.45:11)³²⁹. «Брат! *“Умоли благость Того, Который всем человеком хочет спастися, и в разум истины прийти”* (1Тим.2:4), чтоб Он даровал тебе духовное бодрствование, возжигающее духовный огонь. Господь, Владыка неба и земли, пришел на землю для низведения на нее этого огня (Лк.12:49). Вместе с тобою, по силе моей, буду молиться и я, чтоб это бодрствование даровал тебе Бог, Который подает благодать всем, просящим с трудом и

усердием. Она, пришедши, наставит тебя на истину. Она просвещает очи, исправляет ум, прогоняет сон расслабления и нерадения, возвращает блеск оружию, покрывшемуся ржавчиной в земле лени, возвращает светлость одеждам, оскверненным в плену у варваров, влагает ненависть к мерзостным мертвечинам, составляющим пищу варваров, влагает желание насытиться великою жертвой, приносимой нашим Великим Архиереем. Это та жертва, о которой было открыто пророку, что она очищает грехи и отъемлет беззакония (Ис.6:7), плачущих прощает, *“смирненным дает благодать”* (Притч.3:34), является в достойных, – и ею они наследуют живот вечный, о имени Отца и Сына и Святого Духа»³³⁰. «Духовное бодрствование или трезвение есть духовное художество, совершенно избавляющее человека, с помощью Божией, от греховных дел и страстных помыслов и слов, когда оно проходится в течение долгого времени и усердно. Оно – сердечное безмолвие; оно – хранение ума; оно – внимание себе, чуждое всякого помысла, всегда, непрерывно и непрестанно призывающее Христа Иисуса, Сына Божия и Бога, Им дышащее, с Ним мужественно ополчающееся на врагов, Ему исповедающееся». Такое определение духовному бодрствованию делает святой Исихий Иерусалимский³³¹. Согласны с ним и прочие отцы³³².

«Огонь, пришедши в сердце, восстановил молитву. Когда же она восстала и вознеслась на небо, тогда совершилось сошествие огня в горницу души»³³³. Слова эти принадлежат светильнику Синайскому, Иоанну Лествичнику. Очевидно, что святой говорит из своего блаженного опыта. Подобное случилось и с преподобным Максимом Кавсокаливитом. «Я, – поведал он преподобному Григорию Синаиту, – от юности моей имел великую веру к Госпоже моей, Богоматери, и молился ей со слезами, чтоб Она подала мне благодать умной молитвы. Однажды пришел я по обычаю в храм Ее и усердно молился Ей об этом. Приступил я и к иконе Ее, начал целовать с благоговением изображение Ее и внезапно ощутил я, что впала в грудь мою и в сердце теплота, не опалявшая внутренности, напротив того, услаждавшая и орошавшая, побуждавшая душу

мою к умилению. С этого времени сердце мое начало внутри себя пребывать в молитве и ум мой услаждаться памятью Иисуса моего и Богоматери и непрестанно Его, Господа Иисуса, иметь в себе. С этого времени молитва никогда не прекращалась в сердце моем»³³⁴. Благодатная молитва явилась внезапно, неожиданно, как дар от Бога; душа преподобного была предуготовлена к получению дара молитвы усердной, внимательной, смиренной постоянной молитвою. Благодатная молитва не осталась в преподобном без своих обычных последствий, вовсе не известных и не свойственных плотскому и душевному состоянию. Обильное явление духовного огня в сердце, огня Божественной любви, описано Георгием, задонским затворником, из собственного опыта. Но прежде этого послан ему был Божественный дар покаяния, предочистивший сердце для любви, дар, действовавший как огонь, истребивший все, оскверняющее двory Господа Святого и Сильного³³⁵, и повергший само тело в изнеможение. «Святой и пренебесный огонь, – говорит святой Иоанн Лествичник, – одних опалает по причине недостаточной чистоты их; других, напротив того, просвещает, как достигших совершенства. Один и тот же огонь называется и огнем поядающим, и светом просвещающим. По этой причине одни исходят от молитвы своей как бы из жарко натопленной бани, ощущая некоторое облегчение от скверны и вещественности; другие же выходят просвещенные светом и одеянными в сугубую одежду смирения и радования. Те же, которые после молитвы своей не ощущают ни которого из этих двух действий, молятся еще телесно, а не духовно»³³⁶. Духовной молитвой названа здесь молитва, движимая Божественной благодатью, а телесной – молитва, совершаемая человеком при собственном усилии, без явственного содействия благодати. Необходима второго рода молитва, как утверждает тот же Иоанн Лествичник, чтоб дарована была в свое время молитва благодатная³³⁷. Чем же ознаменовывает свое пришествие молитва благодатная? – Она ознаменовывает свое пришествие плачем вышеестественным, – и входит человек во врата святилища Божия, своего сердца, во исповедании неизреченном.

Прежде нежели приступим к описанию способа, предлагаемого святыми отцами почти исключительно безмолвникам, признаем нужным несколько приуготовить читателя. – Писания отцов можно уподобить аптеке, в которой находится множество целительнейших лекарств; но больной, незнакомый с врачебным искусством и не имея руководителем врача, очень затруднится в выборе лекарства, приличествующего болезни его. Если же по самонадеянности и легкомыслию, не справясь основательно, за неимением врача, с врачебными книгами, больной торопливо решится сам на выбор и принятие лекарства, то выбор этот может быть самым неудачным. Лекарство, само собою целительное, может оказаться не только бесполезным, но и очень вредным. В положение, подобное положению такого больного, поставлены мы, за неимением духоносных руководителей по отношению к писаниям святых отцов о тайнодействии сердечной молитвы и ее последствиях. Учение о молитве в дошедших до нас отеческих книгах изложено с удовлетворительными полнотой и ясностью; но мы, будучи поставлены при неведении нашем пред этими книгами, в которых изображены, в величайшем разнообразии, делания и состояния новоначальных, средних и совершенных, находим себя в крайнем затруднении при избрании делания и состояния, нам свойственных. Несказанно счастлив тот, кто поймет и ощутит эту затруднительность. Не поняв ее, при поверхностном чтении святых отцов, поверхностно ознакомясь с предлагаемыми ими деланиями, многие приняли на себя делание, несвойственное себе, и нанесли себе вред. Святой Григорий Синаит в сочинении своем, написанном для весьма преуспевшего безмолвника, Лонгина, говорит: «Иное дело – безмолвия, и иное – общежития. Каждый, пребывая в том жительстве, к которому призван, спасется. И потому я опасаюсь писать по причине немощных, видя, что жительствоешь посреди их, ибо всякий, проходящий излишне усиленный подвиг молитвы от слышания или учения, погибает, как не стяжавший руководителя»³³⁸. Святые отцы упоминают, что многие, принявшись за делание молитвы неправильно, по

способам, для которых они не созрели и были неспособны, впали в самообольщение и умоповреждение.

Не только от чтения отеческих книг, при недостаточном понимании их, происходит величайший вред, но и от общения с величайшими угодниками Божиими, от слышания святого учения их. Так случилось с сирским монахом Малпатом. Он был учеником преподобного Иулиана. Сопутствуя старцу, Малпат посетил преподобного Антония Великого и сподобился слышать от него возвышеннейшее учение о монашеском жителстве: о самоумерщвлении, об умной молитве, о чистоте души, о видении. Не поняв должным образом учения, разгорячившись вещественным жаром, Малпат возложил на себя строжайший подвиг в неисходном затворе, с надеждой достигнуть того высокого духовного состояния, о котором он слышал от Великого Антония, которое видел и осязал в Великом Антонии. Последствием такого делания было ужаснейшее самообольщение. Соответственно сильному деланию образовалась сильная прелесть, а самомнение, объявшее душу несчастного, соделало эту душу неприступной для покаяния, а потому и для исцеления: Малпат явился изобретателем и главою ереси евхитов³³⁹. О, горестное событие! О, горестнейшее зрелище! Ученик великого святого, услышав учение величайшего из святых, по причине неправильного приложения этого учения к своей деятельности погиб. Погиб в те времена, когда по причине множества святых, способных и руководить, и исцелять, было очень мало погибавших от прелести. Говорится это для нашего предостережения. При сиянии бесчисленных светил путь внутреннего монашества, – таинственного, молитвенного уединения и безмолвия ума в сердце – признавался обстановленным опасностями: тем опаснее этот путь при наступившей темной ночи. Мглою и густыми облаками сокрыты светила небесные. Путешествовать должно с крайней неспешностью, ощупью. Изучение отеческих книг, предоставленных Промыслом Божиим в нравственное руководство современному монашеству, отнюдь не малозначащий подвиг. Чтоб совершить его, нужно самоотвержение, нужно оставление житейских попечений, – не

говоря уже о развлечениях, увеселениях и наслаждениях; нужно жителство по евангельским заповедям, нужна чистота ума и сердца, которую одной усматривается и понимается духовное, святое, таинственное учение Духа, соответственно степени очищения. Тот, кто узнал, что в настоящие времена сокровище спасения и христианского совершенства скрыто в словах, изреченных Святым Духом или под влиянием Его, то есть в Священном Писании и писаниях святых отцов, да возрадуется духовно о приобретении существенно полезного познания, да скроется всецело от мира в благочестивую жизнь, да *«идет, и вся, елика иматъ, продает, и купует село»*, на котором сокровенно спасение и совершенство (Мф.13:44). Для основательного изучения Писания, при соответствующей деятельности, нужно продолжительное время. По основательном изучении Писания, с величайшей осторожностью, испрашивая постоянно помощь Божию молитвою и плачем, из нищеты духа, можно касаться и тех деланий, которые ведут к совершенству. Некоторый святой инок поведал о себе, что он в течение двадцати лет изучал писания отцов, ведя обыкновенную жизнь общежительного монаха; по истечении этого времени он решился деятельно ознакомиться с глубоким монашеским деланием, теоретическое познание которого стяжал чтением и, вероятно, по свойству того времени, из бесед с преуспевшими отцами³⁴⁰. Преуспеяние иноческое при руководстве чтением идет несравненно медленнее, нежели при руководстве духоносным наставником.

Написанное каждым святым писателем написано из его благодатного устройства и из его деятельности, соответственно его устройству и его деятельности. На это должно обратить особенное внимание. Не будем увлекаться и восхищаться книгою, написанной как бы огнем, говорящей о высоких деланиях и состояниях, нам несвойственных. Чтение ее, разгорячив воображение, может повредить нам, сообщив познание и желание подвигов, для нас безвременных и невозможных. Обратимся к книге отца, по умеренности своего преуспеяния, наиболее близкого к нашему состоянию. При таком взгляде на отеческие книги в первоначальное чтение

инока, желающего ознакомиться с внутренним молитвенным подвигом, можно предложить наставления Серафима Саровского, сочинения Паисия Нямецкого и друга его, схимонаха Василия. Святость этих лиц и правильность их учения – несомненны. После изучения этих писаний можно обратиться к книге преподобного Нила Сорского. Мала эта книга по наружности, но духовный объем ее необыкновенной величины. Трудно найти вопрос об умном делании, который не был бы разрешен в ней. Все изложено с необыкновенною простотой, ясностью и удовлетворительностью. Так изложен и способ упражнения молитвой Иисусовою. Впрочем, как способ, так и вся книга предназначены для иноков, уже способных к безмолвию.

Преподобный Нил завещает молчать мыслью, не только не допуская помышлять себе о чем-либо греховном и суетном, но и о полезном, по-видимому, и о духовном. Вместо всякой мысли, он повелевает непрестанно взирать в глубину сердца и говорить: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Молиться можно и стоя, и сидя, и лежа; крепкие по здоровью и силам молятся стоя и сидя, немощные могут молиться и лежа, потому что в этой молитве господствует не подвиг тела, а подвиг духа. Должно давать телу такое положение, которое бы предоставляло духу всю свободу к свойственному ему действию. Помнить надо, что здесь говорится о делании иноков, которые достаточным телесным подвигом привели в должный порядок свои телесные влечения и по причине преуспевания своего перешли от телесного подвига к душевному. Преподобный Нил повелевает затворять ум в сердце и приудерживать по возможности дыхание, чтоб не часто дышать. Это значит: надо дышать очень тихо. Вообще все движения крови должно удерживать и содержать душу и тело в спокойном положении, в положении тишины, благоговения и страха Божия. Без этого духовное действие появиться в нас не может: оно появляется тогда, когда утихнут все кровяные движения и порывы. Опыт скоро научит, что удерживание дыхания, то есть нечастое и негрубое производство дыхания, очень способствует к приведению себя в состояние тишины и к

собранию ума от скитания. «Много добродетельных деланий, – говорит святой Нил, – но все они частные: сердечная же молитва – источник всех благ; она напаяет душу, как сады. Это делание, состоящее в блюдении ума в сердце, вне всяких помыслов, для необучившихся ему крайне трудно; трудно оно не только для новоначальных, но и для долго трудившихся делателей, которые еще не прияли и не удержали внутри сердца молитвенной сладости от действия благодати. Из опыта известно, что для немощных это делание представляется очень тяжким и неудобным. Когда же кто приобретет благодать, тогда молится без труда и с любовью, будучи утешаем благодатью. Когда придет действие молитвы, тогда оно привлекает ум к себе, веселит и освобождает от парения»³⁴¹. Чтобы приучиться к способу, предлагаемому преподобным Нилом Сорским, очень хорошо присоединять его к способу святого Иоанна Лествичника, молясь очень неспешно. В преподавании своего способа преподобный Нил ссылается на многих отцов Восточной и Вселенской Церкви, преимущественно же на преподобного Григория Синаита.

Писания преподобного Григория Синаита, имея полное духовное достоинство, уже не так доступны и ясны, как писания преподобного Нила Сорского. Причина тому образ изложения, понятия того времени о разных предметах, для нас чуждые, особенно же духовное преуспевание как лица, написавшего книгу, так и того лица, для которого написана книга. Способ моления, предлагаемый Синаитом, почти тот же, какой предложен и Нилом, заимствовавшим учение молитвы как из чтения и учения книги Синаита, так и из устных бесед с учениками Синаита при посещении Востока. «*В заутрии сей, – говорит преподобный Григорий, ссылаясь на премудрого Соломона, – семя твое, – то есть молитвы, – и в вечер да не оставляет рука твоя*”, чтоб всегдашность молитвы, прерываемая расстояниями, не лишалась того часа, в который могла бы быть услышана: *“яко не веси, кое произыдет сие или оно”* (Еккл.11:6). С утра, сев на стулец, высотой в пядь, низведи ум от головы в сердце и держи его в нем, наклонившись болезненно и очень болезнуя грудью, плечами и шеею,

непрестанно взывай умом или душою: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя». Удерживай несколько и дыхание, чтоб не дышать неосторожно»³⁴². Относительно учения о том, что должно приудерживать дыхание, Синаит ссылается на преподобных Исаию Отшельника, Иоанна Лествичника и Симеона Нового Богослова. «Если хотим безошибочно найти истину и познать ее, – говорит Синаит, – то постараемся иметь единственно сердечное действие, вполне безвидное, никак не допуская свободы воображению, не позволяя мечтанию изобразить вид какого-либо святого или свет, потому что обычно прелести, особливо в начале подвига, прельщают ум неискусных такими ложными мечтаниями. Потщимся иметь в сердце действующим одно действие молитвы, согревающее и веселящее ум, распалющее душу к неизреченной любви Божией и человеческой. Тогда от молитвы является значительное смирение и сокрушение, потому что молитва в новоначальных есть приснодвижимое умное действие Святого Духа. Действие это в начале подобно огню, прозябающему из сердца, в конце же подобно свету благоухающему»³⁴³. Под именем новоначальных здесь разумеются новоначальные в безмолвии; и вся книга преподобного Григория Синаита назначена для наставления безмолвников. Опять говорит святой Синаит: «Иные, преподавая учение о молитве, предлагают ее творить устами, а другие одним умом: я предлагаю и то и другое. Иногда ум, унывая, изнемогает творить молитву, а иногда уста: и потому должно молиться обоими, и устами, и умом. Однако должно вопиять безмолвно и несмущенно, чтоб голос не смутил чувства и внимания ума и не воспрепятствовал молитве. Ум, обывнув в делании, преуспеет и примет от Духа силу крепко и всеми образами молиться. Тогда он не понуждается творить молитву устами и не возмогает, будучи вполне удовлетворяем молитвой умною»³⁴⁴. Предлагая по временам молитву устную, святой Григорий соединяет свой способ со способом святого Иоанна Лествичника. В сущности, это – один и тот же способ; но святой Григорий говорит о нем в его известной степени преуспевания. Тщательно занимающийся по способу Лествичника достигнет в свое время того молитвенного состояния, о котором

говорит Синаит. Молитве, по весьма основательному, практическому мнению Синаита, должно особенно содействовать терпение. «Безмолвствующий должен по большей части сидеть при совершении молитвы, по причине трудности этого подвига, иногда же на короткое время ложиться и на постель, чтоб дать телу некоторое отдохновение. В терпении же должно быть твое сидение во исполнение завещания, что в молитве должно терпеть (Кол.4:2) и не скоро вставать, малодушествуя по причине весьма трудной болезни, умного взывания и постоянного углубления ума в сердце. Так говорит пророк: *“объята мя болезни аки раждающая”* (Иер.8:21). Но опустив голову вниз и ум собирая в сердце – если отверзлось тебе твое сердце, – призывай в помощь Господа Иисуса. Боля плечами и часто подвергаясь головной боли, претерпевай это с постоянством и ревностью, взыскуя в сердце Господа, потому что Царство Небесное есть достояние понуждающих себя, и понуждающие себя *“восхищают е”* (Мф.11:12). Господь указал, что истинное тщание заключается в претерпении этих и им подобных болезней. Терпение и пождание во всяком делании есть родитель болезней душевных и телесных»³⁴⁵. Под словом болезни здесь по преимуществу разумеется сокрушение духа, плач духа, болезнование и страдание его от ощущения греховности своей, от ощущения вечной смерти, от ощущения порабощения падшим духам. Страдание духа сообщается сердцу и телу, как неразрывно связанным с духом и по естественной необходимости принимающим участие в его состояниях. В немощных по телу сокрушение духа и плач его вполне заменяют телесный труд³⁴⁶; но от людей сильного телосложения непременно требуется утеснение тела: в них без утеснения тела само сердце не стяжет блаженной печали, которая рождается в немощных от ощущения и сознания немощи. «Всякое делание, – говорит преподобный Григорий, – телесное и духовное, не имеющее болезни или труда, никогда не приносит плода проходящему его, потому что *“Царствие Небесное нудится, – сказал Господь, – и нуждницы восхищают е”* (Мф.11:12). Под понуждением разумей телесное во всем болезненное чувство.

Многие, в течение многих лет, неболезненно делали или делают, но как они трудятся без болезни и теплого усердия сердца, то и пребывают непричастными чистоты и Святого Духа, отвергнув лютость болезней. Совершающие делание в небрежении и слабости трудятся, по-видимому, как они думают, много, но не пожинают плода за неболезненность, будучи всячески неболезненны. Свидетель этому – говорящий: “Если и все виды жительства нашего возвышенны, а болезнующего сердца не имеем, то они не истинны и бесполезны”³⁴⁷. Свидетельствует и великий Ефрем, говоря: «Трудясь, трудись неболезненно, чтоб тебе устранить от себя болезни суетных трудов. Если, по пророку, чресла наши не истают от слабости, будучи измождены постным подвигом, и страданиями болезни не зачнем, как рожающая младенца, болезненным водружением сердца, то не родим духа спасения на земли сердечной» (Ис.21:3; 26:18), как ты слышал, но будем только (достойно сожаления и смеха) хвалиться, мнясь быть нечто по причине бесполезной пустыни и расслабленного безмолвия. Во время исхода из сей жизни все несомненно познаем весь плод»³⁴⁸. Учение преподобного Синаита о болезненности, сопровождающей истинное делание умной молитвы безмолвника, может показаться странным, как оно и показалось, для плотского и душевного разума, незнакомого с опытами монашеской жизни. Приглашая таковых обратить внимание на сведения, обретенные опытностью, мы свидетельствуем, что не только делание умной молитвы, но и внимательное чтение глубоких о ней отеческих писаний производит головные боли. Сердечное сокрушение по причине открываемой молитвой греховности, плена и смерти так сильно, что оно производит в теле страдания и болезни, о существовании и о возможности существования которых вовсе не известно незнакомому с молитвенным подвигом. Когда сердце исповедуется Господу в греховности своей, в своем бедственном состоянии, тогда тело распинается. *“Пострадах, – говорит опытный в молитвенном подвиге Давид, – и слякохся до конца, весь день сетуя хождах: яко лядвия моя наполнишася поруганий, и несть исцеления в*

плоти моей. Озлоблен бых и смирихся до зела, рыках от воздыхания сердца моего” (Пс.37:7–9).

В учении святого Григория о молитве замечается та особенность, что он уставляет ум сосредоточивать в сердце. Это и есть то делание, которое отцы называют художественным деланием молитвы, которое они воспевают новоначальным инокам и мирянам, к которому нужно значительное предуготовительное обучение, к которому и предуготовленные иноки должны приступать с величайшим благоговением, страхом Божиим и осторожностью. Повелев сосредоточивать ум в сердце, преподобный присовокупляет: если отверзлось твое сердце. Это значит: соединение ума с сердцем есть дар Божественной благодати, подаемый в свое время, по усмотрению Божию, а не безвременно и не по усмотрению подвижащегося. Дар внимательной молитвы обыкновенно предшествуется особенными скорбями и потрясениями душевными, низводящими дух наш в глубину сознания нищеты и ничтожности своей³⁴⁹. Привлекается дар Божий смирением и верностью Богу, выражаемой ревностным отвержением всех греховных помыслов, при самом появлении их. Верность – причина чистоты. Чистоте и смирению вручаются дарования Духа.

Художественное делание умной молитвы изложено с особенной ясностью и полнотой блаженным Никифором, иноком, безмолвствовавшим в святой Афонской Горе. Справедливо называет он молитвенное делание художеством из художеств и наукою из наук, как доставляющее уму и сердцу познания и впечатления, истекающие из Духа Божия, между тем как все прочие науки доставляют познания и впечатления только человеческие. Умное делание есть высшее училище богословия³⁵⁰. – «Это великое из величайших деланий, – говорит великий наставник безмолвников, – стяжают многие или и все от научения. Редкие, будучи не научены, усиленным деланием и теплотою веры получают его от Бога, но редкость – не закон. По этой причине нужно искать непрелестного наставника, чтоб назиданием его нам поучаться и наставляться при случающихся в упражнении вниманием десным и шуиим

умалениям и превосхождениям, вводимым злохитростью лукавого, потому что наставник обличает нас их, зная их по собственным опытам, которым он подвергался. Он достоверно показывает этот умственный путь, и мы под руководством его удобно совершаем этот путь. Если нет наставника, нам известного, то должно искать его всеусердно. Если же и при таком искании не найдется наставник, то, призвав Бога в сокрушении духа и со слезами, в нестяжании, и помолившись Ему, поступай, как скажу тебе. Знаешь, что дыхание, которым дышим, составляется из воздуха; производим же дыхание сердцем, не иным чем. Оно – орудие жизни и теплоты телесной. Сердце втягивает в себя воздух, чтоб дыханием выпустить вон из себя теплоту свою, а себе доставить прохлаждение. Причина этого механизма или, точнее, служитель – легкое, которое Бог создал редким, почему оно удобно вводит и изводит содержимое им. Таким образом, сердце, привлекая в себя дыханием прохладу и извергая им теплоту, неупустительно соблюдает тот порядок, в котором оно устроено для содержания жизни. И так ты, севши и собрав твой ум, введи в ноздренный путь, которым дыхание входит в сердце; приведи дыхание в (самое тихое) движение и понудь ум сойти со вдыхаемым воздухом в сердце. Когда он взойдет туда, то последующее за этим будет исполнено для тебя веселия и радости. Как некоторый муж, отлучавшийся из своего дому, когда возвратится, не помнит себя от радости, что сподобился увидаться с женою и детьми, так и ум, когда соединится с душою, исполняется неизреченных сладости и веселия. Брат! приучи ум твой не скоро выходить оттуда, потому что сначала он очень унывает от внутренних заключения и тесноты. Когда же привыкнет к ним, то не возлюбит скитаться вне, потому что Царство Небесное – внутри нас. Рассматривая его там и взыскав чистой молитвою, ум признает все внешнее мерзостным и ненавистным. Если сряду же, как сказано, ты взойдешь умом в сердечное место, которое тебе мною показано, то воздай благодарение Богу, и прославь, и взыграй, и всегда держись этого делания, а оно научит тебя тому, чего ты не ведаешь. Надо тебе и то знать, что ум твой, находясь там, не

должен молчать и оставаться в праздности, но иметь непрестанным деланием и поучением, никогда не преставая от него, молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Эта молитва, содержа ум невысящимся, соделывает его неприступным и неприкосновенным для прилогов врага, возводит к ежедневному преуспеянию в любви и желании Божественного. Если же, много потрудившись, о брат, не сможешь взойти в страны сердца, как мы повелели тебе, то делай, что скажу, и найдешь искомое при содействии Божиим. Знаешь, что словесность каждого человека находится в его персях. Внутри персей, при молчании уст наших, говорим, совещаемся, совершаем молитвы, псалмопение. Этой словесности, отняв у нее всякий помысл – можешь это сделать, если захочешь, – предоставь говорить: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». И понудься вопиять это внутри персей вместо всякой другой мысли. Когда же некоторое время будешь поступать таким образом, тогда, при посредстве этого, отверзется тебе, без всякого сомнения, и вход в сердце, как мы написали, узнав это из опыта. Придет же к тебе, с многожелательным и сладостным вниманием, и весь лик добродетелей: любовь, радость, мир, и прочее; ими оно исполнит все прошения твои о Христе Иисусе, Господе нашем»³⁵¹. Здесь, во-первых, должно обратить внимание на устройство блаженного отца и на устройство, которое он видел в наставляемом им иноке. Это явствует из статей его слова, предшествующих изложению художества, из которых видно, по ссылке на житие святого Саввы, что наставление о сердечном безмолвии, для которого и в соответствии которому предоставляется и наружное безмолвие по телу, приличествует тем инокам, которые вполне изучили правила монашеского жительства, могут бороться с сопротивными помыслами и блюсти свой ум. Наставляемому лицу блаженный Никифор говорит: «Знаешь, что словесность каждого человека находится в его персях. Там, при молчании уст, мы говорим, совещаемся, совершаем молитвы и псалмопение». Явственное ощущение силы словесности в персях так, чтоб там можно было совершать молитвы и псалмопение, имеют очень редкие,

значительно преуспевшие, занимавшиеся продолжительное время молением по способу святого Иоанна Лествичника, стяжавшие в значительной степени непарительность и очень внимательной молитвой возбуждавшие дух, названный здесь словесностью, к обильному сочувствию уму. У человеков, в обыкновенном их состоянии, дух, пораженный падением, спит сном непробудным, тождественным со смертью: он не способен к духовным упражнениям, указанным здесь, и пробуждается для них лишь тогда, когда ум постоянно и усиленно займется возбуждением его при посредстве животворящего имени Иисусова. Способ, предлагаемый блаженным Никифором, – превосходен. В изложении его видна для понимающего дело и та постепенность, которую должно восходить к нему, и то, что стяжание его – дар Божий. Как этот способ объяснен с особенною подробностью в сочинении Ксанфопулов о молитве и безмолвии, то мы и переходим к упомянутому сочинению.

Святой Каллист Ксанфопул был учеником преподобного Григория Синаита, монашествовал в Афонской Горе, обучаясь первоначально монашескому жителю в общежитии; впоследствии он перешел к жизни безмолвной, когда оказался созревшим для нее. Умной молитве научился он, находясь в послушании монастырского повара; он имел и ученость мира сего, что ясно видно из составленной им книги. Уже в преклонных летах святой Каллист возведен в сан патриарха Константинопольского. Святой Игнатий был его ближайшим другом и участником в иноческих подвигах. Оба они достигли великого молитвенного преуспевания.

Книга их исключительно написана для безмолвников. К механизму, изложенному блаженным Никифором, они присовокупляют, что при употреблении его должно иметь уста закрытыми. Они говорят, что новоначальный по отношению к безмолвной жизни должен заниматься молитвою Иисусовой, по способу блаженного Никифора, непрестанно вводя ее в сердце тихо, при посредстве ноздренного дыхания, столько же тихо испускаемого, имея притом уста закрытыми³⁵². Очень важно знать значение, которое дают святые наставники умной молитвы предлагаемому ими механизму, который, как

вещественное пособие, никак не должно смешивать с собственным действием молитвы, которому никак не должно придавать особенной важности, как будто от него истекает все преуспевание молитвы. В молитвенном преуспевании действует сила и благодать Божия; они совершают все: пособия остаются пособиями, в которых нуждается наша немощь, и отвергаются как ненужные и излишние по стяжанию преуспевания. Возложение упования на эти пособия очень опасно: оно низводит к вещественному, неправильному пониманию молитвы, отвлекая от понимания духовного, единого истинного. От ложного понимания молитвы всегда происходит или бесплодное, или душевредное упражнение ею. «И то знай, брат, – говорят Ксанфопулы, – что всякое художество и всякое правило, если же хочешь, и разнообразное делание, предначертаны и правильно установлены по той причине, что мы не можем еще чисто и непарительно молиться в сердце. Когда же это совершится благоволением и благодатью Господа нашего Иисуса Христа, тогда мы, оставив многое, и различное, и разнообразное, соединяемся непосредственно, превыше слова, с Единым, единственным и соединяющимся³⁵³. – От пребывания в вышеизложенном художестве сердечной, чистой и непарительной молитвы – впрочем, она может быть отчасти нечистою и не чуждою развлечения по причине, очевидно, восстающих на возбранение ей помыслов и воспоминаний преждевременного – подвизающийся приходит в навыкновение молиться без понуждения, непарительно, чисто и истинно, то есть приходит в такое состояние, при котором ум пребывает в сердце, а не только вводится в него с понуждением, малодушно, посредством вдыхания, и потом опять отскакивает, при котором сам ум постоянно обращается к себе, с любовью пребывает в сердце и непрестанно молится»³⁵⁴. Подвиг умной и сердечной молитвы «исправляется умом от осенения его помощью Божественной благодати и от единомысленного³⁵⁵, сердечного, чистого, непарительного, с верою призывания Господа нашего Иисуса Христа, а не от одного простого, вышеизложенного естественного художества чрез ноздренное дыхание или от сидения при упражнении

молитвою в безмолвном и темном месте, – да не будет! Это изобретено божественными отцами не для чего иного, как в некоторое пособие к собранию мысли от обычного парения, к возвращению ее к самой себе и ко вниманию³⁵⁶. Прежде всех благодатных даров даруется уму непарение Господом нашим Иисусом Христом и призыванием в сердце святого Его имени с верою. Вспомоществует же этому несколько и естественное художество, способствующее низводить ум в сердце при посредстве ноздренного дыхания, сидение в безмолвном и неслепом месте и другое тому подобное»³⁵⁷. Ксанфопулы строго воспрещают преждевременное стремление к тому, чему, по духовной системе монашеского жития, назначено свое известное время. Они желают, чтоб инок действовал в установленном для него порядке, по законам, преподанным Божественною благодатью. «И ты, – говорят они, – желая обучиться путеводствующему к небу безмолвию, последуй мудро постановленным законам и, во-первых, с радостью возлюби послушание, потом безмолвие. Как деяние есть восхождение к видению, так и послушание к безмолвию. *“Не прелагай предел вечных, – по Писанию, – яже положиша отцы твои”* (Притч.22:28); *“горе... единому”* (Еккл.4:10). Таким образом, положив благое основание началу, можешь со временем возложить благославнейший покров на началоздание Духа. Как все отвержено у того, у кого, по сказанному, начало неискусно, так, напротив, у того все благолепно и благочинно, у кого начало искусно, хотя и случается иногда противное этому»³⁵⁸. Вообще признано, что до стяжания непарительности, необманчивой или кратковременной, но постоянной и существенной, полезно упражняться молитвой Иисусовой в иноческом обществе, вспомоществуя упражнению молитвою деятельным исполнением евангельских заповедей или, что то же, смирением. После же получения дара непарительности дозволяется касаться и безмолвия. Так поступили святые Василий Великий и Григорий Богослов. Они, по поведению святого Исаака Сирского, сперва занимались исполнением тех заповедей, которые относятся к живущим в обществе человеческом, проходя и молитву, соответствующую этому

положению; от этого жительства ум их начал ощущать недвижение или непарительность, тогда они удалились в уединение пустыни, там занялись деланием во внутреннем человеке и достигли умозрения³⁵⁹. Совершенное безмолвие в наше время очень неудобно, почти невозможно: Серафим Саровский, Игнатий Никифоровский, Никандр Бабаевский, иноки, весьма преуспевшие в умной молитве, пребывали по временам то в безмолвии, то в обществе иноков; особливо последний никогда не уединялся в приметное для людей безмолвие, будучи по душе великим безмолвником. Способ безмолвия, которым руководствовался преподобный Арсений Великий, был всегда превосходным, – ныне должен быть признан наилучшим. Этот отец постоянно наблюдал молчание, по братским келлиям не ходил, в свою келлию принимал лишь в случаях крайней необходимости, в церкви стоял где-либо за столпом, не писал и не принимал писем, вообще удалялся от всех сношений, могущих нарушить его внимание, имел целью жизни и всех действий сохранение внимания³⁶⁰. Образ жительства и безмолвия, которым преподобный Арсений достиг великого преуспевания, очень похвывается и предлагается к подражанию святым Исааком Сирским, как образ весьма удобный, мудрый и многоплодный³⁶¹. – В заключение извлечений наших из творений Ксанфопулов приведем их опытное мнение, согласное с мнением прочих святых отцов, что для достижения непарительной сердечной молитвы нужно и много времени, и много усилий. «То, чтоб постоянно внутри сердца молиться, – говорят они, – так, как и высшие этого состояния, приводится в исполнение не просто, не как бы случилось, не при посредстве малого труда и времени, хотя и это изредка встречается по непостижимому смотрению Божию, но требует оно и долгого времени, и немалого труда, подвига душевного и телесного, многого и продолжительного понуждения. По превосходству дара и благодати, которых надеемся причаститься, должны быть по силе равны и соответственны подвиги, чтобы, по таинственному священному учению, изгнан был из пажитей сердца враг и вселился в него явственно Христос». Говорит святой Исаак: «Желающий увидеть

Господа тщится художественно очистить свое сердце памятью Божией и, таким образом, светлостью мысли своей будет ежечасно видеть Господа». И святой Варсонофий: «Если не внутреннее делание Божиею благодатью поможет человеку, то тщетно трудится он по внешности. Внутреннее делание, в соединении с болезнью сердца, приносит чистоту, а чистота – истинное безмолвие сердца; таким безмолвием доставляется смирение, а смирение содействует человеку жилищем Божиим. Когда же вселится Бог, тогда бесы и страсти изгоняются и содействуется человек храмом Божиим, исполненным освящения, исполненным просвещения, чистоты и благодати. Блажен тот, кто зрит Господа во внутреннейшей сокровищнице сердца, как в зеркале, и с плачем изливает моление свое пред благостью Его». – Преподобный Иоанн Карпафийский: «Нужно много времени и подвига в молитвах, чтоб найти в нестужаемом устроении ума некоторое иное сердечное небо, где живет Христос, как говорит апостол: *“Или не знаете... яко Иисус Христос в вас есть? Разве точию чим неускусни есте”* (2Кор.13:5)»³⁶².

Этим извлечениями из святых отцов, как удовлетворительно объясняющими делание молитвы Иисусовой, мы довольствуемся. В прочих отеческих писаниях изложено то же самое учение. Признаем нужным повторить возлюбленным отцам и братьям нашим предостережение, чтоб они не устремлялись к чтению отеческих писаний о возвышенных деланиях и состояниях иноческих, хотя к этому чтению влечет любознательность, хотя это чтение производит наслаждение, восторг. Наша свобода, по свойству времени, должна быть особенно ограничена. Когда имелись благодатные наставники, тогда увлечения новоначальных удобно замечались и врачевались. Но ныне некому ни уврачевать, ни заметить увлечения. Часто пагубное увлечение признается неопытными наставниками великим преуспеянием; увлеченный поощряется к большему увлечению. Увлечение, подействовав на инок и не будучи замечено, продолжает действовать, уклонять его более и более от направления истинного. Можно безошибочно сказать: большинство находится в разнообразном увлечении; отвергших

свое увлечение и увлечения очень мало, неувлекавшихся не существует. По этой причине, когда отеческие книги остались нам в единственное средство руководства, должно с особенною осторожностью и разборчивостью читать их, чтоб единственное средство к руководству не обратить в средство к неправильной деятельности и проистекающему из нее расстройству. «Будем искать, – говорит святой Иоанн Лествичник о выборе наставника, – не предведущих, не прозорливых, но паче всего точно смиренномудрых, наиболее соответствующих объемлющему нас недугу, по нравственности своей и месту жительства»³⁶³. То же должно сказать и о книгах, как уже и сказано выше: должно избирать из них никак не возвышеннейшие, но наиболее близкие к нашему состоянию, излагающие делание, нам свойственное. «Великое зло, – сказал святой Исаак Сирский, – преподавать какое-либо высокое учение тому, кто еще находится в чине новоначальных и по духовному возрасту – младенец»³⁶⁴. Плотский и душевный человек, слыша духовное слово, понимает его соответственно своему состоянию, извращает, искажает его и, следуя ему в его извращенном смысле, стяжает ложное направление, держится этого направления с упорством, как направления, данного святым словом. Некоторый старец достиг христианского совершенства, по особенному смотрению Божию, вступив вопреки правилам в безмолвие с юности своей. Сперва он безмолвствовал в России в лесу, живя в землянке, а потом в Афонской Горе; по возвращении в Россию он поместился в общежительный заштатный монастырь. Многие из братий, видя в старце несомненные признаки святости, обращались к нему за советом. Старец давал наставления из своего устроения и повреждал души братий. Некоторый хорошо знакомый старцу монах говорил ему: «Отец! Ты говоришь братии о деланиях и состояниях, недоступных для их понятия и устроения, а они, объясняя твои слова по своему и действуя согласно этому объяснению, наносят себе вред». Старец отвечал со святою простотой: «Сам вижу! Да что ж мне делать? Я считаю всех высшими меня и, когда спросят, отвечаю из своего состояния». Старцу был неизвестен общий монашеский путь. Не только

пагубен для нас грех, но пагубно и само добро, когда делаем его не вовремя и не в должной мере: так пагубны не только голод, но и излишество в пище, и качество пищи, не соответствующее возрасту и сложению. *«Не вливают вина нова в мехи ветхи: аще ли же ни, то просадятся меси, и вино пролиется, и меси погибнут: но вливают вино ново в мехи новы, и обое соблюдетсѧ»* (Мф.9:17). Это сказал Господь о делах добродетели, которые непременно должны соответствовать состоянию делателя, иначе они погубят делателя и сами погибнут, то есть предприняты будут бесплодно, во вред и гибель души, противоположно своему назначению.

Кроме вышеизложенных пособий, для вспомоществования новоначальным в упражнении молитвой Иисусовой имеются разные другие пособия. Исчисляем главные из них: 1) Четки или лестовка. Четки состоят обыкновенно из ста зерен, а лестовка из ста ступеней, так как правило, совершаемое с молитвой Иисусовой, обыкновенно исчисляется сотнею молитв. По четкам считаются поклоны, также и сидя иноки упражняются молитвою Иисусовой первоначально по четкам. Когда же при молитве усилится внимание, тогда прекращается возможность молиться по четкам и исчислять произносимые молитвы – все внимание обращается к молитве. 2) Очень полезно обучаться молитве Иисусовой, совершая ее с поклонами земными и поясными, полагая эти поклоны неспешно и с чувством покаяния, как полагал их блаженный юноша Георгий, о котором повествует святой Симеон Новый Богослов, в «Слове о вере»³⁶⁵. 3) В церкви и вообще при упражнении молитвой Иисусовой полезно иметь глаза закрытыми и 4) держать левую руку у персей, над левым сосцом груди, несколько повыше его: последний механизм способствует к ощущению силы словесности, находящейся в персях. 5) Безмолвствующим отцы советуют иметь несколько темную келлию, с завешенными окошками, для охранения ума от развращения и для вспомоществования ему сосредоточиваться в сердце. 6) Безмолвствующим советуют сидеть на низком стуле, во-первых, потому, что внимательная молитва требует спокойного положения, а во-вторых, по образу

слепого нищего, упоминаемого в Евангелии, который, сидя при пути, вопиял ко Господу: «*Сыне Давидов Иисусе, помилуй мя*» (Мк.10:47), был услышан и помилован. Также этот низкий стул изображает собою гноище, на котором был повержен Иов, вне града, когда диавол поразил его с ног до головы лютою болезнью (Иов.2:8). Инок должен видеть себя изувеченным, искаженным, истерзанным греховностью, извергнутым ею из естественного состояния, повергнутым в противоестественное, и из этого бедственного состояния вопиять ко Всемиловитому и Всемогущему Иисусу, Обновителю человеческого естества: «помилуй мя». Низкий стул очень удобен для упражнения молитвой Иисусовой. Этим не отвергается стояние при ней; но как почти все время истинного безмолвника посвящено молитве, то и предоставляется ему заниматься ею и сидя, а иногда и лежа. Особливо больные и престарелые должны остерегаться от излишнего телесного подвига, чтоб он не истощал сил их и не отнимал возможности заниматься подвигом душевным. Сущность делания в Господе и в имени Его. Расслабленный был свешен на одре своем пред Господом сквозь покров дома и получил исцеление (Мк.2:4). Исцеление привлекается смирением и верою. 7) Подвижники умного делания иногда имеют нужду помогать себе обливанием холодною водою или прикладыванием к местам прилива крови намоченных водою полотенец. Вода должна быть летняя – никак не самая холодная, потому что последняя усиливает разгорячение. Вообще умственные занятия имеют свойство производить жар в известных сложениях. Такой жар чувствовал в себе преподобный авва Дорофей, когда занимался науками, почему и прохлаждал себя водою³⁶⁶. Такой жар непременно должны ощутить те, которые будут очень понуждать себя к соединению ума с сердцем при помощи вещественных пособий, давая им излишнее значение и не давая должного значения духовным пособиям. При особенном вещественном усилии к сердечной молитве начинает действовать в сердце теплота. Эта теплота есть прямое следствие такого подвига³⁶⁷: всякий член человеческого тела, подвергаемый трению, разгорячается; то же делается и с сердцем от постоянного, продолжительного

напряжения его. Теплота, являющаяся от усиленного, вещественного подвига, также вещественна. Это – теплота плотская, кровяная, в области падшего естества³⁶⁸. Неопытный подвижник, ощутив эту теплоту, непременно возмнит о ней нечто, найдет в ней приятность, услаждение, в чем начало самообольщения³⁶⁹. Не только не должно думать чего-либо особенного об этой теплоте; но, напротив того, должно принять особенные меры предосторожности при появлении ее. Предосторожность необходима по той причине, что эта теплота, как кровяная, не только переходит по разным местам груди, но и очень легко может упасть на нижние части чрева, произвести в них сильнейшее разжжение. Естественно, что при этом начинает действовать плотское вожделение, свойственное этим частям в состоянии разгорячения. Некоторые, пришедши в это состояние и не понимая совершающегося с ними, вдалились в смущение, в уныние, в отчаяние, как это известно из опыта. Признавая свое состояние бедственным, они прибегли к знаменитым старцам, ища в их советах врачевания душам своим, растерзанным горестью и недоумением. Старцы, услышав, что при призывании имени Иисуса явилось сильнейшее разжжение, соединенное с действием вожделения, ужаснулись козням дьявола. Они признали тут страшную прелесть: страждущим воспретили упражнение молитвой Иисусовой как причину зла; многим другим подвижникам поведали это обстоятельство как замечательное бедственное последствие упражнения этой молитвой. И многие поверили произнесенному суду по уважению к громкому имени старцев, поверили суду, как выведенному из самого опыта. Между тем эта страшная прелесть есть не что иное, как прилив крови, происшедший от усиленного, невежественного употребления вещественных пособий. Этот прилив легко может уврачеваться в два, три дня прикладыванием к воспалившимся частям полотна, напитанного летней водой. Гораздо опаснее, гораздо ближе к прелести, когда подвижник, ощутив кровяную теплоту в сердце или груди, сочтет ее за благодатную, возмнит о ней, а потому и о себе нечто, начнет сочинять себе наслаждение, омрачать, обманывать, опутывать, губить себя самомнением. Чем более

понуждения и напряжения в подвижнике по телу, тем кровяная теплота разгорается сильнее. Оно так и быть должно! Чтоб умерить эту теплоту, чтоб предупредить падение ее вниз, должно не нажимать ума с особенным усилием в сердце, должно не утруждать сердца, не производить в нем жару чрезмерным удерживанием дыхания и напряжением сердца; напротив того, должно и дыхание приудерживать тихо, и ум приводить к соединению с сердцем очень тихо; должно стараться, чтоб молитва действовала в самой вершине сердца, где пребывает словесная сила по учению отцов и где, по этой причине, должно быть отправляемо богослужение. Когда Божественная благодать осенит молитвенный подвиг и начнет соединять ум с сердцем, тогда вещественная кровяная теплота совершенно исчезнет. Молитвенное священнодействие тогда вполне изменяется: оно делается как бы природным, совершенно свободным и легким. Тогда является в сердце другая теплота, тонкая, невещественная, духовная, не производящая никакого разжжения, – напротив того, прохлаждающая, просвещающая, орошающая, действующая как целительное, духовное, умащающее помазание, влекущая к неизреченному люблению Бога и человеков: так поведает об этой теплоте преподобный Максим Кавсокаливит из своего блаженного опыта³⁷⁰. Предлагаю отцам и братьям убогий совет, умоляя их не отвергнуть убогого совета моего: не понуждайте себя преждевременно к открытию в себе сердечного молитвенного действия. Нужна, нужна благоразумная осторожность, особливо в наше время, когда уже почти невозможно встретить удовлетворительного наставника для этих предметов, когда подвижник должен пробираться сам, ощупью, при руководстве писаниями святых отцов, в сокровищницу знаний духовных и также ощупью, сам, выбирать из них свойственное себе. При жительстве по евангельским заповедям займитесь внимательною Иисусовой молитвою по способу святого Иоанна Лествичника, соединяя молитву с плачем, имея началом и целью молитвы покаяние. В свое время, известное Богу, откроется само собой действие сердечной молитвы. Такое действие, открываемое

прикосновением перста Божия, превосходнее достигаемого усиленным принуждением себя при посредстве вещественных пособий. Превосходнее оно во многих отношениях: оно гораздо обширнее, обильнее; оно вполне безопасно от прелести и других повреждений; получивший таким образом видит в получении единственно милость Божию, дар Божий, а достигший при усиленном употреблении вещественных пособий, видя дар Божий, не может не видеть своего подвига, не может не видеть самого механического способа, им употребленного, не может не приписывать ему особенной важности. Это на тонком мысленном пути – значительный недостаток, значительное претыкание, значительное препятствие к развитию духовного преуспеяния. Для развития духовного преуспеяния нет ни конца, ни пределов. Ничтожное, незаметное упование на что-либо, вне Бога, может остановить ход преуспеяния, в котором и вождь, и ноги, и крылья – вера в Бога. «Христос для верующего – все», – сказал святой Марк³⁷¹. Из употреблявших с особенным тщанием вещественные вспомогательные средства достигли преуспеяния весьма редкие, а расстроились и повредились весьма многие. При опытном наставнике употребление вещественных пособий мало опасно, но при руководстве книгами оно очень опасно по удобности впадения, по неведению и неблагоразумию, в прелесть и другие роды душевного и телесного расстройства. Так, некоторые, увидев вредные последствия безрассудного подвига и имея о молитве Иисусовой и сопутствующих ей обстоятельствах лишь поверхностное и сбивчивое понятие, приписали эти последствия не неведению и безрассудству, но самой всесвятой молитве Иисусовой. Может ли что быть печальнее, бедственнее этой хулы, этой прелести?

Святые отцы, научая сердечной молитве, не дали точного наставления, в которой части сердца она должна быть совершаема, вероятно, по той причине, что в те времена не встречалось нужды в этом наставлении. Святой Никифор говорит как об известном предмете, что словесность находится в персях и что когда возбуждётся словесность к участию в молитве, то вслед за нею возбуждётся к такому участию и

сердце. Трудно знающим что-либо со всею подробностью и основательностью предвидеть и предупредить решением все вопросы, которые могут возникнуть из совершенного неведения: в чем неведение видит темноту, в том для знания нет ничего неясного. В последующие времена неопределенное указание в писаниях отеческих на сердце послужило причиной важного недоумения и ошибочного упражнения молитвой в тех, которые, не имея наставника, не исследовав с должною тщательностью отеческих писаний, на основании наскоро схваченных чтением, поверхностных понятий решились заняться художественной сердечной молитвою, возложив все упование на вещественные пособия к ней. Определенное объяснение этого предмета сделалось, таким образом, необходимостью. Сердце человеческое имеет вид продолговатого мешца, кверху расширяющегося, книзу суживающегося. Оно верхней оконечностью, находящеюся против левого сосца груди, прикреплено, а нижняя его часть, нисходящая к оконечности ребер, свободна; когда она придет в колебание, это колебание называется биением сердца. Многие, не имея никакого понятия об устройстве сердца, признают свое сердце там, где чувствуют биение его. Приступая самочинно к упражнению сердечной молитвой, они устремляют дыхание, вводя его в сердце, к этой части сердца, приводят ее в плотское разгорячение, причем биение сердца очень усиливается, призывают к себе и навязывают себе неправильное состояние и прелесть. Схимонах Василий и старец Паисий Величковский повествуют, что из современников их многие повредились, злоупотребляя вещественным пособием³⁷². И впоследствии примеры расстройства от такого действия встречались нередко; встречаются они и поныне, хотя расположение к упражнению молитвой Иисусовой умалилось до крайности. Нельзя им не встречаться: они должны быть непременно последствием неведения, самочиния, самомнения, безвременного и гордостного усердия, – наконец – совершенного оскудения опытных наставников. Схимонах Василий, ссылаясь на святого Феофилакта и других отцов, утверждает, что три силы души (словесная, сила ревности и сила желания) расположены так: в

персях и в верхней части сердца присутствует словесная сила, или дух человека; в средней – сила ревности; в нижней – сила желания, или естественное вожделение. Старающийся привести в движение и разгорячить нижнюю часть сердца приводит в движение силу вожделения, которая, по близости к ней половых частей и по свойству своему, приводит в движение эти части. Невежественному употреблению вещественного пособия последует сильнейшее разжжение плотского вожделения. Какое странное явление! По-видимому, подвижник занимается молитвой, а занятие порождает похотение, которое должно бы умерщвляться занятием, и неведение, злоупотребившее вещественным пособием, приписывает Иисусовой молитве то, что должно приписать злоупотреблению. Сердечная молитва происходит от соединения ума с духом, разъединенных падением, соединяемых благодатью искупления. В духе человеческом сосредоточены ощущения совести, смирения, кротости, любви к Богу и ближнему и других подобных свойств: нужно, чтоб при молитве действие этих свойств соединялось с действием ума. На это должно быть обращено все внимание делателя молитвы. Соединение совершается перстом Божиим, единым могущим исцелить язву падения; делатель же молитвы доказывает искренность произволения своего получить исцеление постоянным пребыванием в молитве, заключением ума в слова молитвы, деятельностью внешней и внутренней по заповедям Евангелия, содействующею дух способным к соединению с молящимся умом. При этом несколько способствует художественное направление ума к словесности и к верхней части сердца. Вообще излишнее напряжение при употреблении этого вещественного пособия, как возбуждающее вещественную теплоту, вредно: теплота плоти и крови не должна иметь места в молитве.

По душеспасительнейшему действию на нас молитвы вообще и памяти Божией, или молитвы Иисусовой, в особенности, как средства к пребыванию в непрестанном соединении с Богом и к постоянному отражению нападений врага, – занятие молитвой Иисусовой особенно ненавистно диаволу. Упражняющиеся молением именем Господа Иисуса

подвергаются особенным гонениям диавола. «Весь подвиг и все тщание нашего супостата, – говорит преподобный Макарий Великий, – заключается в том, чтоб мысль нашу отвратить от памятования Бога и от любви к Нему; для этого он употребляет прелести мира и отвлекает от истинного блага к мнимым, несущественным благам»³⁷³. По этой причине посвятивший себя в истинное служение Богу непрестанной молитвою Иисусовой должен особенно хранить себя от рассеянности мыслей, никак не позволять себе празднословия мысленного, но, оставляя без внимания являющиеся мысли и мечтания, постоянно возвращаться к молению именем Иисуса, как бы в пристанище, веруя, что Иисус неусыпно печется о том рабе Своем, который находится непрестанно при Нем неусыпным памятованием о Нем. «Лукавые бесы, – говорит преподобный Нил Синайский, – ночью стараются возмущать духовного делателя чрез самих себя, а днем чрез человеков, окружая его клеветами, напастями и злоключениями»³⁷⁴. Этот порядок в бесовской брани скоро усмотрится на опыте всяким делателем молитвы. Бесы искушают помыслами, мысленными мечтаниями, воспоминанием о нужнейших предметах, размышлениями, по-видимому, духовными, возбуждением заботливости, различных опасений и другими проявлениями неверия³⁷⁵. При всех многообразных бесовских бранях ощущение смущения служит всегда верным признаком приближения падших духов, хотя бы производимое ими действие имело вид праведности³⁷⁶. Подвижникам, уединенно и усиленно молящимся, бесы являются в виде страшилищ, в виде соблазнительных предметов, иногда в виде светлых Ангелов, мучеников, преподобных и Самого Христа: угроз бесовских бояться не должно, а ко всем вообще явлениям должно быть весьма недоверчивым. В таких случаях, которые, однако ж, бывают нечасты, первейшая обязанность наша прибегнуть к Богу, предаваясь всецело Его воле и прося Его помощи; на явления не обращать внимания и не входить в сношение и собеседование с ними, признавая себя немощными для сношения с духами враждебными, недостойными сношения с духами святыми.

Особенным скорбям и гонениям подвергается истинный, богоугодный подвижник молитвы от братии своей, человеков. И в этом, как мы сказали уже, главные деятели – демоны: они употребляют в свое орудие как тех человеков, которые деятельность свою слили воедино с деятельностью бесовскою, так и тех, которые не понимают браней бесовских и потому удобно делаются орудиями бесов, – даже и тех, которые, понимая лукавство врага, недостаточно внимательны к себе и осторожны и потому допускают себя быть обманутыми. Разительнейший и ужаснейший пример того, какую страшной ненавистью к Богу, к Слову Божию, к Духу Божию могут заразиться человеки, слившие настроение своего духа с настроением демонов, видим в иудейских первосвященниках, старцах, книжниках и фарисеях, совершивших величайшее преступление между преступлениями человеческими – Богоубийство. Святой Симеон Новый Богослов говорит, что по внушению бесов иноки, проводящие лицемерную жизнь, завидуют истинным подвижникам благочестия, употребляют все меры расстроить их или изгнать из обители³⁷⁷. Даже благонамеренные иноки, но проводящие жителство наружное и не имеющие понятия о жителстве духовном, соблазняются на духовных делателей, находят их поведение странным, осуждают и злословят их, делают им различные оскорбления и притеснения. Великий делатель молитвы Иисусовой, блаженный старец Серафим Саровский, много претерпел неприятностей от невежества и плотского воззрения на монашество своих собратий, потому что те, которые читают Закон Божий телесно, полагают исполнять его одними внешними делами, без мысленного подвига, *«не разумеющее ни яже глаголют, ни о нихже утверждают»* (1Тим.1:7)³⁷⁸. «Проходя путь внутренней, умозрительной жизни, – наставляет и утешает Серафим, почерпая наставление и утешение из своей духовной опытности, – не должно ослабевать, не должно оставлять его потому, что люди, прилепившиеся к внешности и чувственности, поражают нас противностью своих мнений в самое сердечное чувство и всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути, поставляя нам на нем различные

препятствия. Никакими противностями в прохождении этого пути колебаться не должно, утверждаясь в этом случае на слове Божиим: страха их не убоимся, ниже смутимся, яко с нами Бог. Господа Бога нашего освятим в сердечной памяти Его Божественного имени, и Той будет нам в страх (Ис.8:12, 12:13)»³⁷⁹. Когда преподобный Григорий Синаит – его в 14 веке Промысл Божий употребил в орудие восстановления между иноками забытого ими умного делания – прибыл на Афонскую Гору и начал сообщать богодарованное ему знание благочестивым, ревностным и разумным подвижникам, но понимавшим богослужение лишь телесно, то они сначала очень воспротивились ему, – такую странность представляется учение о духовном подвиге для не имеющих понятия ни о нем, ни о существовании его, для давших телесному подвигу значение, ему не принадлежащее. Еще большею странностью представляется умное делание для плотского и душевного разума, особливо, когда он заражен самомнением и ядом ереси. Тогда ненависть духа человеческого, вступившего в общение с сатаной, к Духу Божию выражается с чудовищным неистовством. Чтоб объяснить это и вообще чтоб представить с очевидностью, как превратно плотский и душевный разум понимает все духовное, искажает его соответственно мраку падения, в котором находится, несмотря на свою земную ученость, изложим здесь вкратце клеветы и злоречие на умное делание латинского монаха Варлаама и некоторых западных писателей. Преосвященный Иннокентий в своей церковной истории повествует, что Варлаам, калабрийский монах, в XV веке прибыл в Селунь, город Восточной греческой империи. Здесь, чтобы действовать в пользу Западной Церкви под покровом Православия, он отвергся латинства. Написав несколько сочинений в доказательство правоты Восточной Церкви, заслужил этим похвалу и доверие императора Кантакузена; зная же, что греческое монашество служит главным подкреплением Церкви, он хотел ослабить его, даже сокрушить, чтоб поколебать всю Церковь. С этою целью он выказал желание проводить самую строгую иноческую жизнь и лукаво склонил одного афонского пустынника открыть ему

художественное упражнение Иисусовой молитвой. Получив желаемое, поверхностно, бессмысленно поняв открытое, Варлаам принял за единственную сущность дела вещественное пособие, которое отцы, как мы видели, называют лишь некоторым пособием, а духовные видения за видения вещественные, зримые одними телесными очами. Он донес об этом императору как о важном заблуждении. Созван был Собор в Константинополе. Святой Григорий Палама, афонский инок и великий делатель умной молитвы, вступил в прение с Варлаамом, силою благодати Божией победил его. Варлаам и хулы его преданы анафеме. Он возвратился в Калабрию и латинство, оставил во многих греках, поверхностных христианах, доверие к своему учению, принес его на Запад, где хулы и нелепые клеветы его приняты как исповедание истины³⁸⁰. Историк Флери, описывая действия Варлаама, подобно ему, сосредоточивает все делание умной молитвы в вещественном пособии, искажая его. Флери делает выписку о механизме из слова святого Симеона Нового Богослова о трех образах молитвы, находящегося в «Добротолубии», – утверждает будто бы Симеон научает, сев в углу келлии, обратить глаза и всю мысль к середине чрева, то есть к пупу, удерживать дыхание, даже носом, и так далее. Трудно б было поверить, что умный и ученый Флери написал такую нелепость, если б она не читалась на страницах его истории³⁸¹. Бержье, другой, весьма умный и ученый писатель, говорит, что греческие иноки-созерцатели от усилия к созерцанию помешались в рассудке и впали в фанатизм (прелесть). Чтоб прийти в состояние восторга, они упирали глаза в пуп, удерживая дыхание, тогда им представлялось, что они видят блестящий свет, и так далее³⁸². Искажая образ моления умных делателей Восточной Церкви и кощунствуя над ним, латиняне не останавливаются кощунством и над благодатными состояниями, производимыми молитвою, не останавливаются хулить действие Святого Духа. Предоставим суду Божию клеветы и хулу еретиков; с чувством плача, а не осуждения отворим внимание от произносимых ими нелепостей; что говорит о видении света Христова наш блаженный делатель молитвы

Иисусовой, Серафим Саровский: «Чтоб приять и узреть в сердце свет Христов, надобно, сколько возможно, отвлечь себя от видимых предметов; предочистив душу покаянием, добрыми делами и верою в Распявшегося за нас, закрыть телесные очи, погрузить ум внутрь сердца, где вопиать призыванием имени Господа нашего, Иисуса Христа; тогда по мере усердия и горячности духа к Возлюбленному находит человек в призываемом им имени услаждение, которое возбуждает желание искать высшего просвещения. Когда чрез таковое упражнение укоснит ум в сердце, тогда воссияет свет Христов, освящая храмину души своим Божественным осиянием, как говорит пророк Малахия: *“и возсияет вам боящимся имене Моего солнце правды”* (Мал.4:2). Этот свет есть вместе и жизнь по евангельскому слову: *“в Том живот бе, и живот бе свет человеком”* (Ин.1:4)»³⁸³. Из этого видно, в противность пониманию калабрийского Варлаама и латинян, что свет этот не вещественный, а духовный, что он отверзает душевные очи, созерцается ими, хотя вместе и действует на телесные глаза, как то случилось со святым апостолом Павлом (Деян.9). Преподобный Макарий Великий, подробно и с особенною ясностью излагая учение об этом свете в 7-м слове, говорит, что «он есть существенное осияние в душе силы Святого Духа; чрез него открывается всякое знание и истинно познается Бог душою достойною и любимую»³⁸⁴. Согласно с Великим свидетельствуют и все святые отцы Восточной Церкви, опытно познавшие христианское совершенство и изобразившие его в своих писаниях свойственным этому неизобразимому таинству изображением в стране вещества. Очень полезно знать, что плодом чистой, непарительной молитвы бывает обновление естества, что обновленное естество снабжается и украшается дарами Божественной благодати; но стремление к преждевременному стяжанию этих даров, стремление, которым, по побуждению самомнения, предупреждается благоволение о нас Бога, крайне вредно и ведет лишь к прелести. По этой причине все отцы очень кратко говорят о дарах благодати, говорят очень подробно о стяжании чистой молитвы, последствие которой – благодатные дары. Подвиг молитвы

нуждается в тщательном обучении, а благодатные дары являются сами собою, как свойства естества обновленного, когда это естество, по очищении покаянием, будет освящено осенением Духа.

Старец Паисий Величковский, живший в конце прошедшего XVIII столетия, написал свиток об умной молитве в опровержение хулений, произнесенных против нее некоторым суетноумным философом-монахом, пребывавшим в Мошенских горах, современником Паисия³⁸⁵. «Во дни наши, – говорит Паисий в письме к старцу Феодосию, – некоторый инок, философ суетноумный, увидев, что некоторым ревнителям этой молитвы, хотя и не по разуму, воспоследствовала некоторая прелесть по причине их самочиния и невежественного руководства наставниками, неискусными в этой молитве, не возложил вины на самочиние и неискусное наставление, но вооружился хулою на эту святую молитву, вооружился, возбуждаемый дьяволом, столько, что далеко превзошел и древних, трижды проклятых еретиков, Варлаама и Акиндина, хуливших эту молитву. Не боясь Бога, не стыдясь человеков, он воздвиг страшные и срамные хуления на эту святую молитву, на ее ревнителей и делателей, хуления, невыносимые для целомудренного слуха человеческого. Сверх того он воздвиг такое величайшее гонение на ревнителей этой молитвы, что некоторые из них, оставив все, перебежали в нашу страну и проводят в ней богоугодно пустынное житие. Другие же, будучи слабоумны, дошли до такого безумия от растленных слов философа, что и имевшиеся у них отеческие книги потопили, как мы слышали, в реке, привязав их к кирпичу. Так возмogli его хуления, что некоторые старцы воспретили чтение отеческих книг при угрозе лишиться благословения за чтение. Философ, не довольствуясь устным хулением, вознамерился изложить эти хуления письменно: тогда, пораженный наказанием Божиим, он ослеп, чем и было пресечено его богоборное предприятие». Вообще плотский и душевный разум, как бы ни был богат премудростью мира, смотрит очень дико и недоброжелательно на умную молитву. Она – средство единения духа человеческого с духом Божиим и потому особенно странна и

ненавистна для тех, которые благоволят пребыванию своего духа в сонме духов падших, отверженных, враждебных Богу, не сознающих своего падения, провозглашающих и превозносящих состояние падения как бы состоянием высшего преуспевания. Слово крестное, возвещаемое устами апостолов всем человекам, погибающим юродство есть; оно пребывает юродством, когда возвещается умом сердцу и всему существу ветхого человека молитвою; но для спасаемых оно сила Божия есть (1Кор.1:18). Еллины, не познавшие христианства, и еллина, возвратившиеся от христианства к еллинству, ищут сообразной настроению своему премудрости в умной молитве и находят безумие, но истинные христиане немощным и малозначащим по наружности подвигом умной молитвы обретают Христа, Божию силу и Божию премудрость: *«зане бует Божие премудрее человек есть, и немощное Божие крепчае человек есть»* (1Кор.1:22–25). Немудрено, что и наши ученые, не имея понятия об умной молитве по преданию Православной Церкви, а прочитав о ней только в сочинениях западных писателей, повторили хуления и нелепости этих писателей³⁸⁶.

Духовный друг старца Паисия Величковского упоминает и о других современных ему иноках, которые отвергали упражнение Иисусовой молитвой по трем причинам: во-первых, признавая это упражнение свойственным для одних святых и бесстрастных мужей; во-вторых, по причине совершенного оскудения наставников этому деланию; в-третьих, по причине последующей иногда умному подвигу прелести. Неосновательность этих доводов рассмотрена нами в своем месте³⁸⁷. Здесь достаточно сказать, что отвергающие по этим причинам упражнение умною молитвой занимаются исключительно молитвою устной, не достигая и в ней должного преуспевания. Они, отвергая опытное познание умной молитвы, не могут стяжать и в устной молитве должного внимания, доставляемого преимущественно умной молитвой. Псалмопение, совершаемое гласно и устно, без внимания, при значительном развлечении, неотступном от телесных делателей, небрежущих об уме, действует на душу очень слабо, поверхностно, доставляет плоды, сообразные действию.

Весьма часто, когда оно совершается неупустительно и в большом количестве, порождает самомнение с его последствиями. «Многие, – говорит схимонах Василий, – не зная опытно умного делания, погрешительно судят, что умное делание приличествует одним бесстрастным и святым мужам. По этой причине, держась, по внешнему обычаю, одного псалмопения, тропарей и канонов, препочивают в этом одном своим внешнем молении. Они не понимают того, что такое песненное моление предано нам отцами на время, по немощи и младенчеству ума нашего, чтоб мы, обучаясь мало-помалу, восходили на степень умного делания, а не до кончины нашей пребывали в псалмопении. Что младенственнее этого, когда мы, прочитав устами наше внешнее моление, увлекаемся радостным мнением, думая о себе, что делаем нечто великое, потешая себя одним количеством и этим питая внутреннего фарисея!»³⁸⁸

«Да отступит от неправды всяк именуяй имя Господне», – завещает апостол (2Тим.2:19). Это завещание, относясь ко всем христианам, в особенности относится к вознамерившимся упражняться непрестанным молением именем Господа Иисуса. Пречистое имя Иисуса не терпит пребывать посреди нечистоты: оно требует, чтоб из сосуда душевного было извергнуто и извергаемо все нечистое; входя в сосуд по степени чистоты его, оно само начинает действовать в нем и совершать дальнейшее очищение, для которого собственные усилия человека недостаточны и которое требуется для того, чтобы сосуд соделался достойным вместилищем духовного сокровища, всесвятой святыни. Устранимся от пресыщения и даже насыщения; положим себе в правило умеренное постоянное воздержание в пище и питии; откажем себе в наслаждении вкусными яствами и питиями; будем упокоевать себя сном удовлетворительно, но не чрезмерно; откажемся от празднословия, смеха, шуток, кощунства; прекратим ненужные выходы из келлии к братьям и прием братий в келлию под предлогом любви, именем которой прикрываются пустые беседы и занятия, опустошающие душу. Откажемся от мечтательности и суетных помышлений, возникающих в нас по

причине нашего неверия, по причине безрассудной попечительности, по причине тщеславия, памятозлобия, раздражительности и других страстей наших. С полнотой веры возложим все на Господа и многомыслие наше, наши пустые мечты заменим непрерывающеюся молитвою ко Господу Иисусу. Если мы окружены еще врагами, то будем вопиять с сильным плачем и воплем к Царю царей, как вопиют обиженные и угнетенные из толпы народной; если же мы допущены во внутренний чертог Царя, то будем приносить Ему жалобу и просить Его милости с величайшей тихостью и смирением, из самой глубины душевной. Такая молитва – особенно сильна: она – вполне духовна, произносится непосредственно к самому слуху Царя, к Его сердцу.

Необходимое, существенное условие преуспевания в молитве Иисусовой есть пребывание в заповедях Господа Иисуса. *«Будите в любви Моей»*, – сказал Он ученикам Своим (Ин.15:9). Что значит пребывать в любви ко Господу? – Значит, непрестанно памятовать о Нем, непрестанно пребывать в единении с Ним по духу. Первое без последнего мертво и даже не может осуществиться. *«Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей»* (Ин.15:10); если будем постоянно соблюдать заповеди Господа, то духом нашим соединимся с Ним. Если соединимся с Ним духом, то устремимся к Нему всем существом нашим, будем непрестанно памятовать о Нем. Направь поступки твои, все поведение твое по заповедям Господа Иисуса, направь по ним слова твои, направь по ним мысли и чувствования твои, – и познаешь свойства Иисуса. Ощувив в себе эти свойства действием Божественной благодати и из этого ощущения стяжав опытное познание их, ты усладишься сладостью нетленной, не принадлежащей миру и веку сему, сладостью тихой, но сильной, уничтожающей расположение сердца ко всем земным наслаждениям. Усладившись свойствами Иисуса, возлюбишь Его и возжелаешь, чтоб Он вполне обитал в тебе; без Него сочтешь себя погибающим и погибшим. Тогда будешь непрестанно вопиять, вопиять из полноты убеждения, от всей души: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Молитва Иисусова заменит для тебя все прочие молитвословия. И все они какую могут вместить и изложить мысль, более обширную мысли о помиловании грешных Иисусом? Положи себе единственной целью жизни исполнение воли Иисусовой во всяком обстоятельстве, как бы оно по видимости ни было важно или мелочно; старайся делать дела, единственно благоугодные Иисусу, и все дела твои будут одинаково достойны неба. Возлюби волю Иисуса паче пожеланий плоти твоей, паче спокойствия и удобств твоих, паче жизни, паче души твоей. Как можно чаще читай Евангелие, изучай в нем волю Господа и Спаса твоего. Не оставь без внимания ни малейшей черты из Евангелия, никакой маловажной, по наружности, заповеди. Обуздывай и умерщвляй все движения собственные свои, не только греховные, но по видимости и добрые, принадлежащие падшему человеческому естеству, часто весьма развитые у язычников и еретиков, отстоящие от добродетелей евангельских, яко Запад от Востоков. Да молчит в тебе все ветхое твое! Да действует в тебе един Иисус святейшими заповедями Своими, помышлениями и ощущениями, истекающими из этих заповедей. Если будешь жить таким образом, то непременно процветет в тебе молитва Иисусова, независимо от того, пребываешь ли ты в глубокой пустыне или посреди молв общежития, потому что место вселения и покой этой молитвы – ум и сердце, обновленные познанием, вкушением, исполнением воли Божией, благой, угодной и совершенной (Рим.12:2). Жительство по евангельским заповедям есть единый и истинный источник духовного преуспевания, доступный для каждого, искренно желающего преуспеть, в какое бы наружное положение он ни был поставлен неведомым Промыслом Божиим.

Упражнение молитвой Иисусовой по самому свойству этого упражнения требует непрерывного бодрствования над собою. «Благоговейная осторожность, – говорит старец Серафим, – здесь нужна по той причине, что сие море, то есть сердце со своими помыслами и пожеланиями, которое должно очистить посредством внимания, велико и пространно: *“тамо гади, ихже*

несть числа” (Пс.103:25), то есть многие помыслы суетные, неправые и нечистые, порождения злых духов»³⁸⁹. Непрестанно должно наблюдать за собою, чтоб не подкрался каким-либо образом грех и не опустошил души. Этого мало: непрестанно должно наблюдать, чтоб ум и сердце пребывали в воле Иисусовой и следовали Его святым велениям, чтоб плотское мудрование не вытеснило какою злохитростью мудрования духовного, чтоб не увлечься каким-либо разгорячением крови, чтоб пребывать по возможности в непрестанной мертвости, в некотором тонком хладе (3Цар.19:12). Когда явится ощущение этого тонкого хлада, тогда из него усматривается яснее воля Божия и исполняется свободнее. Когда усмотрится яснее воля Божия, тогда с особенной силою возбуждается алчба и жажда правды Божественной, – и подвижник, в глубоком сознании нищеты своей и в плаче, с новым усилием старается раскрыть в себе эту правду внимательнейшей, благоговейнейшей молитвою. «Как эта Божественная молитва, – говорит старец Паисий, – есть высший из всех монашеских подвигов, верх исправлений по определению отцов, источник добродетелей, тончайшее и невидимое делание ума во глубине сердца, так сообразно этому поставляются невидимым врагом против нее невидимые, тонкие, едва постижимые для ума человеческого сети многообразных прелестей и мечтаний»³⁹⁰.

Положить другого основания для моления именем Иисуса, кроме положенного, невозможно: оно есть Сам Господь наш, Иисус Христос, Богочеловек, непостижимо прикрывший неограниченное естество Божие ограниченным естеством человека и из ограниченного человеческого естества проявляющий действия неограниченного Бога. По младенчеству же нашему святые отцы преподают некоторые пособия, как выше сказано, для удобнейшего приобщения себя молитве Иисусовой. Эти пособия суть не что иное, как только пособия, не заключающие в себе ничего особенного. На них не должно останавливаться с излишним вниманием; им не должно придавать излишней важности. Вся сила и все действие молитвы Иисусовой истекают из поклоняемого и всемогущего имени Иисус, имени, единого «под небесем... о немже

подобает спастися нам». Чтоб соделаться способными к открытию этого действия в нас, мы должны быть возделаны евангельскими заповедями, как и Господь сказал: «Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное, – и в то, которое ожидает нас по блаженной кончине, и в то, которое раскрывается в нас во время земной жизни нашей, – но творяй волю Отца Моего, Иже на небесех» (Мф.7:21). Для преуспевших не нужны никакие внешние пособия: среди шумящего многолюдства они пребывают в безмолвии. Все препятствия к преуспеянию духовному – в нас, в одних нас! Если же что извне действует, как препятствие, то это только служит обличением нашего немощного произволения, нашего двоедушия, нашего повреждения грехом. Не были бы нужными никакие внешние пособия, если б мы жительствоваали, как должно жить. Жительство наше расслаблено, произволение шатко, ничтожно, и потому мы нуждаемся во внешних пособиях, как больные ногами в костылях и посохе. Милосердые отцы, видя, что я желаю заняться Иисусовой молитвой, притом видя, что я вполне жив для мира, что он сильно действует на меня чрез мои чувства, советуют мне для моления войти в уединенную, темную келлию, чтобы таким образом чувства мои пришли в бездействие, прервано было мое сообщение с миром, облегчено было мне углубление в себя. Они советуют сидеть во время упражнения молитвою Иисусовою на низком стуле, чтобы я, по телу, имел положение нищего, просящего милостыню, и удобнее ощутил нищету души моей. Когда я присутствую при богослужении и во время его занимаюсь молитвой Иисусовой, отцы советуют мне закрывать глаза для сохранения себя от рассеянности, потому что мое зрение живо для вещества, и едва открою глаза, как начнут тотчас напечатлеваться на уме моем видимые мною предметы, отвлекут меня от молитвы. Много и других внешних пособий, найденных делателями молитвы для вещественного вспомоществования духовному подвигу. Эти пособия могут быть употреблены с пользою, но при употреблении их должно соображаться с душевными и телесными свойствами каждого: какой-либо механический способ, весьма хорошо идущий для

одного подвижника, для другого может быть бесполезным и даже вредным. Преуспевшие отвергают вещественные пособия, как исцеливший от хромоты кидает костыль, как младенец, достигший некоторого возраста, отлагает пелены, как от выстроенного дома снимаются леса, при помощи которых он строился.

Для всех и каждого существенно полезно начинать обучение молению именем Господа Иисуса с совершения молитвы Иисусовой устно при заключении ума в слова молитвы. Заключением ума в слова молитвы изображается строжайшее внимание к этим словам, без которого молитва подобна телу без души. Предоставим Самому Господу преобразовать внимательную устную молитву нашу в умную, сердечную и душевную. Он непременно совершит это, когда узрит нас сколько-нибудь очищенными, воспитанными, возвращенными, приуготовленными деланием евангельских заповедей. Благоразумный родитель не даст острого меча младенцу, сыну своему. Младенец не в состоянии употребить меча против врага: он будет играть мечом грозным, скоро и легко пронзит себя им. Младенец по духовному возрасту неспособен к дарованиям духовным: он употребит их не во славу Божию, не в пользу свою и ближних, не для поражения невидимых супостатов; употребит их для поражения себя самого, возмечтав о себе, исполнясь пагубного превозношения, пагубного презорства к ближним. И чуждые дарований духовных, исполненные смрадных страстей, мы гордимся и величаемся, мы не престаем осуждать и уничижать ближних, которые во всех отношениях лучше нас! Что было бы, если б нам поверилось какое-либо духовное богатство, какое-либо духовное дарование, отделяющее обладателя своего от братьев его, свидетельствующего о нем, что он – избранник Божий? Не соделалось ли бы оно для нас причиной страшного душевного бедствия? Потщимся усовершиться в смирении, которое состоит в особенном блаженном настроении сердца и является в сердце от исполнения евангельских заповедей. Смирение есть тот единственный жертвенник, на котором дозволяется нам законом духовным приносить жертву молитвы, на котором

принесенная жертва молитвы восходит к Богу, является лицу Его. Смирение есть тот единственный сосуд, в который влагаются перстом Божиим благодатные дарования. Займемся молитвой Иисусовой бескорыстно, с простотой и прямою намерения, с целью покаяния, с верою в Бога, с совершенной преданностью воле Божией, с упованием на премудрость, благость, всемогущество этой святой воли. При избрании механических способов постараемся поступить со всевозможной осмотрительностью и благоразумием, не увлекаясь пустой пытливостью, безотчетною ревностью, которая неопытным представляется добродетелью, а святыми отцами названа гордостною дерзостью, разгорячением безумным. Будем преимущественно обращаться к способам простейшим и смиреннейшим, как к безопаснейшим. Повторяем: все механические пособия должно считать не иным чем, как только пособиями, соделывавшимися для нас полезными по причине немощи нашей. Не возложим упования нашего ни на них, ни на количество делания нашего, чтоб не похищено было у нас таким образом упование на Господа, чтоб по сущности дела мы не оказались уповающими на себя или на что-либо вещественное и суетное. Не будем искать наслаждения, видений: мы – грешники, недостойные духовных наслаждений и видений, неспособные к ним по ветхости нашей. Внимательной молитвою взыщем обратить взоры ума на самих себя, чтоб открыть в себе нашу греховность. Когда откроем ее, – встанем мысленно пред Господом нашим Иисусом Христом в лике прокаженных, слепых, глухих, хромым, расслабленных, беснующихся; начнем пред Ним из нищеты духа нашего, из сердца, сокрушенного болезнованием о греховности нашей, плачевный молитвенный вопль. Этот вопль да будет неограниченно обилен! да окажется всякое многословие и всякое разнообразие слов неспособным к выражению его. По обилию и невыразимости его да облекается он непрестанно, да облекается он в малословную, но обширного значения молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Аминь.

Схимонах Василий Поляномерульский

Предисловия

Предисловие, или предпутие, желающим читать книгу святого отца нашего Григория Синаита и не погрешать против ее смысла³⁹¹

Многие, читая эту святую книгу святого Григория Синаита и не зная опытно умного делания, погрешают против здравого разума, думая, что умное делание принадлежит одним бесстрастным и святым мужам.

По этой причине, держась, по внешнему обычаю, одного псалмопения, тропарей и канонов, препочивают в этом одном внешнем молении. Они не понимают того, что такое песненное моление предано нам отцами на время, по немощи и младенчеству ума нашего, чтобы мы, обучаясь мало-помалу, восходили на степень умного делания, а не до кончины нашей пребывали в песненном молении. Ибо что младенченнее того (Григорий Синаит, гл. 19), когда мы, прочитав устами внешнее наше моление, увлекаемся радостным мнением, думая о себе, что творим нечто великое, потешая себя одним количеством и этим питая внутреннего фарисея.

Отводя нас от такой, подлинно младенческой немощи, как младенцев от сосцов млекопитательных, святые отцы показывают нам грубость этого делания, сравнивая гласовое языком пение с пением язычников. Ибо надлежит, говорит святой Макарий Египетский (гл. 6), по образу жизни нашей ангельскому быть и пению нашему, а не плотскому, да не скажу языческому. Если же и дозволено нам петь голосом, то ради лености и неведения нашего – с тем, чтобы мы возводились к истинному молению. Какой же бывает плод такого внешнего моления, показал святой Симеон Новый Богослов во втором образе внимания, говоря:

«Второй же образ внимания и молитвы таков: когда кто собирает ум свой в себе, отвлекая его от всего чувственного, и хранит чувства свои, и собирает все помыслы свои, чтоб не скитались в суетных вещах мира сего, и то исследует помыслы свои, то внимает словам произносимой им молитвы, в иной час собирает в себе все помыслы свои, плененные диаволом и

превращенные в лукавые и суетные, в иной же час снова со многим трудом и усилием приходит в самого себя, быв охвачен и побежден какою-либо страстью.

И имея этот подвиг и брань внутри себя, не может он никогда быть мирным или найти время заняться деланием добродетелей и получить венец правды. Ибо таковой подобен ведущему брань с врагами своими ночью в темноте. Он слышит голоса врагов и принимает раны от них, но не может ясно видеть, кто они такие, откуда пришли, как и почему одолевают его. Потому что тьма, которая находится в уме его, и буря, которую он имеет в помыслах, приносят ему сию тщету. И он никак не может освободиться от своих мысленных врагов, чтобы не сокрушали его. Он и труд подъемлет, награды же лишается, ибо вкрадывается тщеславием, не сознавая того, думает о себе, что он внимателен, многократно от гордости презирает других, и оуждает их, и считает себя достойным, по своему мечтанию, быть пастырем овец и путеводительствовать их, уподобляясь слепцу, покушающемуся водить других слепцов».

Как же можно внешними чувствами хранить ум или собирать его от тех, кои по естеству сами собой растекаются и парят по чувственным вещам: зрение, рассматривая прекрасное или безобразное; слух, слушая приятное или противное; обоняние, обоняя благовонное или смрадное; вкус, вкушая сладкое или горькое; осязание, касаясь доброго или злого, и таковыми, подобно листьям от ветра, сотрясаясь и колеблясь; уму же, единому, всем этим смущающемуся и размышляющему об их действиях, можно ли когда-либо быть свободным от помыслов правых и левых? Никак и никогда.

Если же внешние чувства не могут оградить ум от помыслов, то, конечно, возникает нужда бежать уму от чувств в час молитвы внутрь к сердцу и стоять там глухим и немым от всех помыслов. Ибо если кто внешним только образом удалится зрения, слуха и глаголения, получает некоторую тишину от страстей и помыслов злых, но в значительно большей степени он насладится покоем от злых помыслов, когда удалит ум свой от пяти внешних чувств, заключая его во внутренней и

естественной клетки, или пустыни, и вкусит духовной радости, приходящей от умной молитвы и сердечного внимания.

Как обоюдоострый меч, куда бывает обращаем, сечет своей остротой встретившееся, так и молитва Иисус Христова, обращаемая иногда на злые помыслы и страсти, иногда же за грехи или памятью смерти, суда и мук вечных действуется. Если же кто помимо умной молитвы песненным молением и внешними чувствами с прекословием захочет отразить прилог вражий и противостать какой-либо страсти и лукавому помыслу, тот скоро одолен бывает много раз, ибо бесы, одолевая его сопротивляющегося и снова добровольно ему покоряясь, как бы побеждаемые его сопротивлением, издеваются над ним и склоняют его мысли к тщеславию и гордости, называя его учителем и пастырем овец.

И, зная это, святой Исихий говорит: «Не может ум наш победить мечтание бесовское сам собою только и да не надеется когда-либо на это, ибо бесы, будучи коварными, лицемерно покоряются и притворяются побежденными, запиная тебя тщеславием с другой стороны. И не терпят, чтобы ты хотя бы даже на один час умудрился призыванием Иисуса Христа». И снова: «Берегись, да не вознесешься, по примеру древнего Израиля, и предан будешь и ты мысленным врагам. Тот, будучи избавлен Богом всяческих от египтян, задумал сделать себе помощником идола перстного. Под идолом же перстным разумеи наш немощный ум, который, пока молит Иисуса Христа против лукавых духов, легко их отгоняет и художным искусством побеждает невидимые ратные силы врага. Когда же бессмысленно станет всячески надеяться на себя, тогда, подобно так называемому быстрокрылому, разбивается и падает дивным падением».

Из сказанного достаточно познается сила и мера умного делания, то есть молитвы и пения. Не думай же того, благочестивый читатель, что святые отцы, отводя нас от многого внешнего пения и повелевая обучаться умному деланию, наносят ущерб псалмам и канонам. Да не будет, ибо от Духа Святого предано все это Святой Церкви, в которой все священнодействия возглавляются хиротониею, и все таинство

домостроительства Бога Слова, даже до второго Его пришествия, вместе же и нашего воскресения, в себе заключают. И нет ничего человеческого в чине церковном, но все – дело благодати Божией, не возрастающее от наших достоинств, не умаляющееся от наших грехов. Но у нас речь идет не о чинах Святой Церкви, но об особом правиле и образе жизни каждого из монахов, то есть об умной молитве, которая старанием и сердечною правотой обычно привлекает благодать Святого Духа, а не одними словами псаломскими, помимо умного внимания, устами только и языком поемыми. Как сказал апостол: «Хочу пять слов сказать умом моим, чем тьму языком». Ибо следует сначала этими пятичисленными словами очищать ум и сердце, говоря непрестанно в глубине сердечной: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя» – и таким образом восходить на разумное пение. Потому что всякий новоначальный и страстный может сию молитву разумно, в блюдении сердца, действовать, пения же никак, прежде чем не предпочистится умной молитвою. Поэтому святой Григорий Синаит, всех святых жития и писания, и искусство духовное более всех живущим в нем Святым Духом до тонкости испытал и рассудив, устанавливает все старание иметь о молитве. Также и святой Симеон, Солунский архиепископ, имея тот же Дух и дар, заповедует и советует архиереям, священникам, монахам и всем мирским во всякое время и час произносить и дышать сию священную молитву, ибо нет, говорит он с апостолом, крепчайшего оружия ни на небе, ни на земле больше имени Иисуса Христа.

Да будет же известно тебе, добрый ревнитель священного сего умного делания, и то, что не только в пустыне или в уединенном отшельничестве, но наиболее в самых тех великих лаврах, находившихся среди городов, были учителя и многочисленные делатели сего умного священнодействия. И достойно удивления, как святейший патриарх Фотий, будучи взят на патриаршество от сенаторского звания, не монах, обучился на таком высоком посту этому умному деланию и настолько преуспел, что лицо его сияло, подобно второму Моисею, от пребывавшей в нем благодати Святого Духа, –

говорит святой Симеон Солунский. И свидетельствует о нем, что он и книгу написал всепремудрым философским искусством об этом умном делании. Говорит также, что и Иоанн Златоуст, Игнатий же и Каллист, святейшие патриархи того же Цареграда, написали свои книги о том же внутреннем делании. И чего еще тебе недостает, христоролюбивый читатель, чтобы, отложив всякое сомнение, приступить к обучению умного внимания? Если скажешь: не имею жития уединенного, – пример тебе – святой патриарх Каллист, который обучился умному деланию в великой Лавре Афонской, проходя поварскую службу. Если сомневаешься, что не находишься в глубокой пустыне, второй тебе пример – святой патриарх Фотий, обучившийся искусству сердечного внимания уже в патриаршем сане. Если под предлогом послушания ленишься приступить к умному трезвению, – за это посмеянию подлежишь, так как ни пустыня, ни уединенное житие не приносят в такой мере преуспеяние в этом делании, как послушание в разуме, – говорит святой Григорий Синаит. Или еще с правой стороны окрадываешься, будто не имеешь учителя таковому деланию, – повелевает тебе Сам Господь учиться от Писания, говоря: «Испытайте Писания и в них обрящете живот вечный». Или от левой стороны увлекаешься, смущаясь, не находя места безмолвного, – и в этом тебя опровергает Петр Дамаскин, говоря: «В том состоит начало спасения человеку, да оставит свои хотения и разумения, исполнит же Божии хотения и разумения, и тогда не найдется во всем мире вещи, или начинания, или места, которое могло бы воспрепятствовать ему». Наконец, если еще изобретая благословнейшую причину, претыкаешься неоднократными словами святого Григория Синаита, много говорящего о прелести, случающейся в сем делании, то исправляет тебя сам этот святой, говоря: «Мы не должны бояться или сомневаться, Бога призывая. Если же некоторые и совратились, будучи повреждены умом, то знай, что они потерпели это от самочиния и высокоумия». Кто же в послушании, с вопрошением и смиренномудрием ищет Бога, никогда не потерпит вреда благодатью Христа. Ибо кто право живет и непорочно жительствоует, и удаляется от самоугодия и

высокоумия, тому весь бесовский полк, хотя бы и бесчисленные против него поднял искушения, не может повредить, как говорят отцы. Которые же самонадеянно и самовольно ходят, эти в прелесть впадают. Если же некоторые, претыкаясь о камень Священного Писания, принимают указания нам пути прелести поводом к возбранению умного делания, то таковые пусть знают, что они превращают «горняя долу и дольняя горе». Не на возбранение умного делания, но предостерегая нас от прелести указывают нам святые отцы причины, по которым прелесть приходит.

Подобным образом и сей святой Григорий Синаит, повелевая не бояться и не сомневаться обучающемуся в молитве, приводит две причины прелести: самочиние и высокоумие. И святые отцы, желая сохранить нас невредимыми от них, повелевают исследовать Священное Писание, научаясь от него, имея брат брата добрым советником, как говорит Петр Дамаскин. Если нельзя найти искусного делом и словом старца, по примеру святых отец, знающего хорошо отеческое писание, то, пребывая наедине, в безмолвии, всеми силами должно стараться иметь духовное наставление от учений и наставлений святых отец, вопрошая о всякой вещи и добродетели. Такую меру и порядок следует сохранять и нам, читая писания, а не уклоняться от их учения и наставления, подобно тому, как некоторые, не зная опыта умного делания и считая себя имеющими дар рассуждения, тремя причинами или доводами уклоняются, лучше бы сказать, отводят себя от обучения сему священному деланию. Во-первых, они считают, что это делание подобает лишь одним святым и бесстрастным мужам, а не и страстным. Во-вторых, указывают совершенное оскудение наставников и учителей таковому жителству и пути. В-третьих, последующую таковому деланию прелесть.

Первая из этих причин, или доводов, никуда не годна и несправедлива, потому что первая степень для новоначальных монахов состоит в том, чтобы умять страсти умным трезвением и сердечным блюдением, то есть умною молитвою, подобающе деятельным. Вторая – безрассудна и неосновательна, потому что, за отсутствием наставника и

учителя, Писание нам учитель, как сказано выше. Третья же самопрельстительна, ибо, читая писание о прелести, этим же писанием сами себя запинаят, криво рассуждая о нем. Вместо того, чтобы принимать писание как предостережение к познанию прелести, они придумывают и находят причину уклоняться от умного делания. Подобно тому, как полководец, получив известие, что неприятели устроили засаду на пути, намереваясь хитростью и тайным нападением одолеть его, не имея силы открыто с ним бороться, он же, будучи нерассудительным, вместо того, чтобы перехитрить врага и одержать победу нечаянным нападением на его тайную засаду, страшится страха, идеже не бе страх, и обращается в бегство, покрывая себя вечным позором пред царем и его вельможами.

Если же ты страшишься этого делания и обучения от одного благоговения и простоты сердца твоего, то и я еще больше вместе с тобою устрашаюсь, но не на основании пустых басен, по которым волка бояться – в лес не ходить. И Бога должно бояться, но не убегать и не отрекаться от Него по причине этого страха. Воистину, страха и трепета, сокрушения и смирения, и многого испытания Священного Писания, и совета единоклубных братий требует это делание, но не бегства и отказа и тем более не дерзости и самочиния. Ибо дерзкий, сказано, и самонадеянный, порываясь к тому, что выше его достоинства и устроения, в гордости стремится достигнуть преждевременно зрительной молитвы. И еще: если кто мечтает мнением достигнуть высокого, будучи охвачен сатанинским, а не истинным желанием, такового сатана удобно опутывает своими сетями, как раба своего. И что нам стремиться к высокому преуспеянию в умной и священной молитве, которой, по слову святого Исаака, едва сподобляется один из тьмы?!

Довольно, довольно для нас, страстных и немощных, хоть след умного безмолвия познать, то есть делательную умную молитву, при помощи которой прилоги вражьи и злые помыслы прогонимы бывают от сердца и которая есть подлинное дело новоначальных и страстных монахов, каковым они востекают, аще Бог восхощет, в зрительную и духовную молитву. И не следует нам унывать о том, что немногие сподобляются

зрительной молитвы, ибо нет неправды у Бога. Только да не ленимся идти путем, ведущим к этой священной молитве, то есть делательной молитвой сопротивляться прилогам, страстям и злым помыслам. И, таким образом, скончавшимся нам на пути святых, удостоимся и жребия их, хотя бы здесь и не достигли совершенства, говорит святой Исаак и многие святые.

И еще опять удивления и ужаса достойно и то, как некоторые, знающие Писание, не испытуют его, другие же, и не зная, и не вопрошая, дерзают своим разумом на сие умное внимание и притом еще и говорят, будто вниманием стоять и молитву творить должно в желательной части: «То бо, – глаголют, – есть среда чрева и сердца». Это есть первая и самоизвольная прелесть. Не только молитвы и внимания не следует в этой части действовать, но и саму ту теплоту, которая приходит от похотной части на сердце в час молитвы, ни в каком случае не принимать. Средою же чрева, по святому Феофилакту, называется само то сердце, и она не при пупе, не посреди груди, но под левым сосцом имеет свое место. Ибо так распределяются три силы души: словесная в персях; яростная, или ревностная, в сердце; желательная же в чреслах при пупе, куда и диавол имеет удобный вход, по Иову, возмущая и разжигая ее, как пиявка и жабы в болотном озере, и имея пищей и наслаждением похотную сладость. Поэтому говорит Григорий Синаит: «Немалый труд постигнуть истину явственно и быть чисту от того, что противно благодати, ибо под видом истины диавол обычай имеет, особенно в новоначальных, показывать свою прелесть, преображает лукавое свое как бы в духовное: одно вместо другого изображая внутри естественных чресл, мечтательно преобразуя, как хочет, и вместо теплоты наводит свое жжение, вместо веселия приносит радость бессмысленную и сладость мокротную».

Полезно же, думается, и о том знать делателю, что жжение, или теплота, исходит от чресл к сердцу иногда сама по себе, естественно, помимо помыслов блудных. И это не от прелести, а от естества, – говорит святой Каллист Патриарх. Если же кто принимает и это за проявление благодати, а не естества, то это, несомненно, есть прелесть. Каково же все это есть,

подвизающемуся не следует обращать внимания, но отвергать. Иногда же диавол, смешавши свое жжение с похотью нашей, вовлекает ум в блудные помыслы. И это есть несомненная прелесть. Если же все тело растепливается и ум остается чистым и бесстрастным и, как бы прилепленный, покрывается во глубине сердца, начиная и кончая молитву в сердце, – это есть несомненно от благодати, а не от прелести. Бывает же некоторым подвижникам немалым препятствием к этому священному деланию и телесная немощь: не будучи в силах выдержать в должной мере и все сверхъестественных трудов и постов, каковые имели святые, они полагают, что невозможно им помимо этого начать подвиг умного делания. И таковую их ошибку приводя в должную меру, Василий Великий так учит: «Воздержание, – говорит он, – каждому по его телесной силе определяется. И потому, я думаю, прекрасно наблюдать за тем, чтобы, разрушивши безмерным воздержанием телесную силу, не сделать тело слабым и не способным к добрым делам. Ибо следует иметь тело деятельным, не расслабленным никакою безмерностью. Если бы хорошо было человеку быть расслабленным телом и лежать как бы мертвым, едва дышащим, то таковыми, конечно, с самого начала нас и сотворил бы Бог. Если же Он не сотворил нас такими, то погрешают те, кто добре сотворенное не хранят таким, как оно есть. И потому об одном подвижник благочестия пусть заботится: не злоба ли, по причине лени, нашла себе место в душе, не ослабло ли в чем-либо трезвение и прилежное восхождение мысли к Богу, не омрачилось ли как-либо освящение духовное и происходящее от него просвещение души? Ибо если сказанное доброе возрастает, то и телесные страсти не будут иметь времени восставать, когда душа упражняется в горнем и не оставляет телу времени обуреваться страстями. При таком устройстве души принимающий пищу ничем не различается от невкушающего: и не только пост, но и всегдашнее неядение таковой выполнил и имеет похвалу за особенное попечение о теле, ибо умеренное житие не распаляет похоти». И святой Исаак, согласно с этим, сказал: «Если понудишь немощное тело свыше силы его, то причиняешь душе

смущение на смущение». И святой Иоанн Лествичник говорит: «Видел я враждебницу сию (утробу) упокоеваемую – и подающую уму бодрость». И еще: «Видел ее изнуряемую постом – и производящую истечение, дабы мы надеялись не на себя, но на Бога Живого». С этим согласуется и история, о которой преподобный Никон вспоминает, что в наши уже времена был найден в пустыни один старец, не видевший человека тридцать лет, не евший хлеба, кроме кореньев, и исповедавший, что все это время был обуреваем блудным бесом. И рассудили отцы, что не гордость, не пища были причиной такой брани, а то обстоятельство, что не научен был старец умному трезвению и противоборству вражеским искушениям. По этому поводу сказал святой Максим: «Дай телу твоему по силе его и весь подвиг твой обрати на умное делание». И еще святой Диадок говорит: «Пост имеет похвалу по себе, а не по Богу, ибо он есть орудие благоустрояющее к целомудрию желающих». Посему подвижникам благочестия не подобает высокоумствовать о нем, но в вере Божией ожидать конца нашей мысли. Ибо и мастера какого-либо искусства не от орудия хвалятся добрым окончанием дела, но ожидают исполнения, и оно уже обнаруживает достоинство искусства.

Имея таковое установление о принятии пищи, не все усердие и надежду возлагай на один пост, но в меру и по силе своей постясь, стремись к умному деланию. И если имеешь в себе достаточно силы питаться хлебом и водой, добро есть. Ибо не укрепляют, сказано, прочие снеди тела так, как хлеб и вода. Однако не думай, что совершаешь добродетель, так постясь, но ожидай от поста приобретения целомудрия. И такой пост будет разумным, – сказал святой Дорофей. Если же ты немощен, повелевает тебе святой Григорий Синаит, если хочешь иметь спасение, есть литр хлеба и воды или вина пить в день три или четыре чаши и от прочих снедей, какие прилучатся, вкусить от всех понемногу, не допуская насыщения, дабы вкушением от всего ты возмог избегнуть кичения и вместе с тем не возгнушался весьма добрых Божиих творений, за все благодаря Бога. Таково рассуждение благоразумных. Если же, вкушая всех случающихся брашен и пия мало вина,

сомневаешься в твоём спасении, это есть неверие и немощь помысла. Мера принятия пищи безгрешно и по Богу на три чина полагается: воздержание, доволь и сытость. Воздержание есть – когда при еде чувствуется еще алкание; доволь – когда нет ни алкания, ни отягощения; сытость – когда есть малое отягощение. А по насыщении и еще есть, дверь есть чревобесия, коею входит блуд. Ты же, сия рассмотрев, по силе твоей избери приличное, не преступая установленного: совершенным же свойственно и то, по апостолу, чтобы и насыщаться, и алкать, и во всем мощным быть.

Все это тебе, о ревнитель умного внимания, от самых подлинных слов великих и святых отцов показано, и в чем состоит мера воздержания и рассудительного поста, и как преуспевать во внимании.

Предисловие к главам блаженного Филофея Синайского

«Несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным» (Еф.6:12).

Воины земного царя носят меч, будучи готовы и искусны на борьбу с врагами, носят же такой меч и не воины, по одному лишь обычаю, а не для приготовления к борьбе, и не зная даже, как должно противоборствовать врагам. Сказанное по всему есть совершенное подобие и нашей духовной брани, о которой ныне предлагается слово. Ибо всякий отрекающийся от мира и становящийся монахом принимает вместе с тем и меч духовный, как воин Христов, и выходит на брань против духов злобы. К нему-то и обращены слова в час пострижения: «Приими, брат, меч духовный, который есть слово Божие,нося его в устах твоих, уме и сердце, говори непрестанно: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя».

Но о, время наше! Как многие, не говоря уже все, носят этот меч по одному только обычаю, а не как необходимый для брани! Не научившись как следует с ним обращаться пред лицом врагов и пожигать их, как пламенем, употребляют его просто, и грубо, и бездейственно, то есть вычитывая за одну «Славу» Псалтири одну вервицу (одну сотню четок), а за кафизму вычитывая три, ограничивают этим внешнее моление. Многие же, совершенно отложив этот глагол Божий, лучше же сказать, пламенное оружие, охраняющее врата сердца, довольствуются одним псалмопением, канонами и тропарями, преданными Церковью, думая, что эта пятисловная молитва вменена за правило только простым и некнижным монахам. Опровергая и исправляя такое их неправильное мнение, святой Симеон, архиепископ Солунский, преподает и узаконивает всем архиереям, архимандритам, игуменам, иеромонахам, иереям, диаконам, монахам и мирским людям всякого звания и занятия, вместо всякого правила, как свое дыхание и жизнь, выполнять эту святую молитву Иисусову в уме и устах на каждый час и

время, если даже они и не могут познавать ее художного действия, ибо то есть дело, по его словам, одних монахов, отрехшихся от мира. Если же и повелевает Василий Великий неученому монаху сею молитвою Иисусовой совершать правило, ограничиваясь численным ее произношением, и не художно, то это следует понимать так, что он узаконивает это, как необученным, так и мирским с тем, чтобы и они все по мере своих сил славословили Бога, а не пребывали праздными.

Кто носит меч свой, или слово, разумно, по внутреннему вниманию, тот знает время, когда обращать его на врага и молиться на прилоги злые, и страсти, и помыслы или за грехи свои. Если же иногда, по каким-либо обстоятельствам или по невниманию поползнется словом или гневом, а иногда и похотью или тщеславием и мнением и т.п., и по этой причине будет укоряем своею совестью, то, не перенося ее обличения, обращается к Богу, каяся и моляся от сердца и ума, ища помилования. Все правило такового бывает в одном покаянии и внимании сердечном, по примеру той вдовицы, которая не отступала от судии день и ночь, прося отмщения своему сопернику. И это есть порядок умного делания, подобающего страстным: пусть никто не приходит в смущение от этого слова, что обуреваемым такими грехами можно при помощи Божией обучаться умному деланию.

Представь себе пять состояний, действующих по страсти: а) впадая в гнев и досаду, оставаться всегда злобствующим на оскорбившего; б) будучи опечаленным, помнить зло в течение многих дней; в) гневаться одну неделю; г) один только день помнить и д) враждуя, досаждая, смущая и смущаясь, в тот же час измениться. Вот сколько различных устроений, однако все они находятся под адом до тех пор, пока действует страсть, как сказал святой Дорофей, и таким не должно касаться умного делания, ибо они подобны человеку, который, будучи ранен стрелою от врага своего, берет ее собственными руками и вонзает в свое сердце; о них сказал Богослов: *«творяй грех от диавола есть»* (1Ин.3:8).

Возьми и пять других состояний: а) оскорбившегося и скорбящего не потому, что потерпел досаждение, но потому, что

не перетерпел его; б) поучающегося всегда терпению, но в конце концов побеждающегося увлечением; в) не хотящего отвечать злом за зло, но увлекающегося силою привычки; г) старающегося отнюдь не произносить зла, но скорбящего о полученной обиде, упрекающего себя и кающегося в этом и д) не скорбящего о полученной обиде, но и не радующегося ей. Эти все суть сопротивляющиеся страсти, так как произволением борются со страстью и не хотят действовать по ней, но и скорбят, и подвизаются. Таковые подобны находящемуся под обстрелом врага, но облеченному в броню и неуязвимому, – говорит тот же святой Дорофей. Им во всяком случае можно и должно обучаться умному деланию, потому что они очищаются вседневною благодатью Христовой чрез умную молитву и ежечасное покаяние; и о них сказал тайновидец: *«Если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя... Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды»* (1Ин.1:8–9).

Известно и то, что эта священная молитва Иисусова для многих в древности и ныне являлась камнем преткновения и соблазна. И хотя многие, может быть, даже и все, молятся этой молитвой просто и внешне, и никто против этого не восстает, однако художного ее действия, то есть блюдения сердца умом в молитве, мало кто знает. И самому Григорию Синаиту сопротивлялись сначала самые словеснейшие отцы Горы Афонской, когда он начал учить их этому. И если эти отцы, удалившиеся из городов, так претыкались об это делание, то что же сказать о сдружившихся с миром монахах? Однако желающему спасти свою душу должно повиноваться Священному Писанию и учению святых отец, а не плотским человекам. Ведь не в каком-нибудь углу, но среди самого царствующего града процвело это священное умное делание, и не у одних только простых монахов, но даже сами патриархи Константинопольские были делателями и учителями его. Имею в виду Иоанна Златоуста, Фотия, Каллиста, бывших один за другим преемниками патриаршего престола, о которых пишет святой Симеон Солунский, что они сочинили целые книги об

одном этом делании умной молитвы, проникнутые глубокой мудростью и искусством. Впрочем, не следует удивляться тому, что теперь об этом учении и писании даже и одного слова не произносится среди монахов. Каждый ведь может, если только пожелает, монах или мирянин, петь псалмы и каноны, преданные Святой Церкви святыми отцами для общего моления, Господа же Иисуса Христа никто не может умом назвать, как только Духом Святым, по апостолу. Поэтому святые отцы, будучи делателями и учителями умного делания, уподобляют внешнее пение малому отроку, молитву же умную – мужу совершенному. И как для отрока нет ничего укоризненного в том, что он по времени хочет быть мужем и старцем, так и внешнему пению и молению, по немощи младенчества нашего от Бога нам данному, нет укора и поношения, если кто-либо обращает все усердие на умную молитву и весьма мало поет псалмов, канонов и тропарей, надеясь чрез умную молитву обрести разумное пение, от которого опять востекает на зрительную молитву, по сравнению с которой пение ему кажется отроком перед мужем совершенным, и, опять уделив немного времени пению, больше уделяет молитве, да и не может снова таковой много петь, ибо внешне поющие и не постигающие чувством того, что поют, те могут петь много, говорит святой Григорий Синаит. По этой-то причине он уподобляет пение деннице (утренней звезде), молитву же умную – солнцу. И как денница видима бывает какой-нибудь час или два, солнце же весь день сияет, так должно разуместь и о пении и молитве. И не говори мне, что многие из святых придерживались многого пения, но разумеи и веруй, что те же отцы предписывают нам непременно от пения восходить к молитве. Таковым был и святой Григорий Синаит, который сначала, по неведению лучшего, придерживался одного пения, будучи же наставлен одним критянином, заменил многое пение умною молитвою и, на опыте познав, что не бывает такого быстрого и легкого успеха от пения, как от молитвы, повелел всем иметь все старание о молитве, петь же немного из-за уныния.

Впредь и ты без всякого сомнения поступай так же, чтобы и тебе не было сказано за противление твое словами апостола,

который говорит: *«благоволение убо моего сердца и молитва, яже к Богу по Израили, есть во спасение. Свидетельствую бо им, яко ревность Божию имут, но не по разуму. Не разумеюще бо Божия правды и свою правду ищуще поставити, правде Божией не повинушася»* (Рим.10:1–3). Что же говорит Писание? Близ тебя слово в устах твоих и в сердце твоём... если исповедуешь устами твоими Господа Иисуса... спасешься, ибо всякий, кто призывает имя Господне, спасется (Рим.10:8–9, 13). Все же это: слово, исповедание и призывание – следует понимать как пребывание внутри тебя Христа, вселившегося через святое Крещение. И ты должен непрестанно призывать, и говорить, и исповедовать Его, иногда сердцем, иногда же устами, говоря: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя».

Будь же внимателен, человек, к себе и к твоему упорству, да не пошлет на тебя Бог за это дух ожесточения: очами не видеть и ушами не слышать, как свидетельствует против тебя Священное Писание, подобно тому, как свидетельствовал Илия на Израиля к Богу, Которому и ты сопротивляешься. Не надейся же и не верь, что успеешь достигнуть чего-либо духовного, если не покоришься призывать Иисуса Христа на каждый злой помысл и на всю силу вражью, как говорит святой Исихий: «Не найдешь крепчайшего оружия на врагов ни на небе, ни на земле, кроме имени Христова». И невозможно тебе избежать горького напоения злыми помыслами или перестать вкушать хлеб из отрубей до тех пор, пока не поревнуешь вкушать чистого хлеба, сшедшего с неба, вкушающие который не будут алкать во веки, получая веселие и радость, а не страх или неразумное утешение, или, что то же, радостное самомнение. Ибо как закон, не будучи в силах сам по себе сделать человека безгрешным, отсылал всех ко Христу и к Нему сам стремился, как бы умаляя тем свое значение, так и внешнее пение, сообщив делателю первоначальное обучение, передает его Христу, то есть умной молитве Иисусовой, как не имеющий сил сам собою возвести его в духовное действо, хотя при этом само то пение из-за молитвы сокращается и отходит на второе место. Если же и не все хотят обратиться от пения ко Христу, то нет в

этом вины самого пения, как нет и вины закона в противлении иудеев, но виною тому один только их плотский ум и неведение силы, сокровенной в Священном Писании. Ибо они думают, что растягивать сладкие гласы и изливать языком красивые слова – это есть начало и конец молитвы. Они не поняли сказанного Господом: *«Яко веруяй в Мя... реки от чрева его истекут воды живы»* (Ин.7:38). Всякий крещающийся принимает свыше эту воду таинственно в глубине своего сердца, и о ней пишется в житии святого Игнатия Богоносца, когда неверные разрезали сердце его, говоря: «Как он носит Бога своего в сердце своем?» И нашли внутри сердца золотом написанные слова: «Иисус Христос». Это же было знамением в посрамление неверных и для уверения всех верных в том, что всякий во святом Крещении принимает внутрь себя Христа. Потому-то совершеннейшие и глубочайшие в дарованиях духовных святые отцы прежде всего повелевают нам очищаться от страстей умным и сердечным призыванием имени Иисуса Христа на всякий злой помысл, брань и прилог вражий; и это есть моление, произносимое с чувством, а не просто только по обычаю, каковое не грешно назвать и мертвым. Положивши нам твердое начало таковому разумному вниманию и молению, блаженные отцы поучают нас пребывать в нем до смерти, сражаясь с врагами и страстями своими, и, хотя бы и тысячу ран принимали бы мы каждый день, мы не должны никогда прекращать этого живоносного делания, то есть призывания Иисуса Христа, живущего в сердцах наших, как уже и было об этом сказано выше.

И, таким образом, если усмотрит Бог в том пользу нашу, возводит, кого хочет и знает, чрез таковое доброе начало и на зрительную умную молитву. Некоторые же, которых следует назвать легкомысленными, слыша, что через эту делательную умную молитву достигается скорейшее преуспевание, стремятся преждевременно достичь в зрительную молитву, полагая, что она находится в руках желающих. Другие же, узнав, что зрительной молитвы не все удостоиваются, но только немногие, ослабевают, а иногда и совершенно нерадят о делательной умной молитве, без которой никто не может избежать действия

страстей и приятия лукавых помыслов, за которые будут истязаны в час смерти и дадут ответ на Страшном Суде. Таковые должны понимать, что мы отнюдь не осудимся за зрительную молитву, если не удостоимся ее по немощи нашей, об умном же и сердечном хранении, каковым можно противостать диаволу и злым помыслам, побеждая их не своею силою, а страшным именем Христовым, должны будем воздать ответ Богу, ибо, нося Христа внутри себя по дару святого Крещения, не умеем, вернее же сказать, не хотим научиться, как призывать Его на помощь в час брани, и за это именно укоряет нас апостол, говоря: *«не весте ли... яко Иисус Христос в вас есть?»* (1Кор.6:15; 2Кор.13:5). Неужели еще не опытные, не обучены действовать умом в сердце имя Христово? И хотя многие из древних, а не только нынешние, умерли, не сподобившись при жизни зрительной молитвы, это не должно вызывать сомнения, ибо нет места неправде у Бога, и Он, во всяком случае за труды их, которыми они потрудились, идя истинным отеческим путем делательной молитвы, дает им в час смерти или по смерти действие зрительной молитвы, с которой они, как пламень огненный, проходят воздушные мытарства, по слову святого Исихия. И получают они жребий свой с теми святыми, которые, по апостолу, не приявши здесь обетования, трудились всю жизнь свою во уповании.

Изложив все это, с указанием свидетельства Священного Писания, о единой делательной и подобающей еще страстным умной молитве, скажем по необходимости и о бывающей при этом прелести. Прежде всего, говорит святой патриарх Каллист, приходит теплота от почек, как бы опоясывая их, и она кажется прелестью, но это не прелесть, а естественное действие, порождаемое свойством подвига. Если же кто-нибудь думает, что эта теплота от благодати, то это воистину прелесть. Но какова бы она ни была, подвизающийся должен не принимать ее, но отгонять. Приходит и другая теплота от сердца, и, если ум снисходит в блудные помыслы, это несомненная прелесть. Если же все тело от сердца растепливается, ум же чист и бесстрастен и как бы прилепился во внутреннейшей глубине

сердца, то это есть поистине действие благодати, а не прелести.

Видя это, следует с самого начала обучать ум в час молитвы, чтобы он находился в верху сердца и зрел в глубину его, а не был бы на половине сбоку или на конце снизу. Причина же, по которой следует так поступать, такова: когда ум стоит сверху сердца и внутри его творит молитву, тогда, как царь, сидящий на высоте, взирает совершенно свободно на все пресмыкающиеся внизу злые помыслы и разбивает их о камень имени Христова, как вторых вавилонских младенцев. Притом же, будучи столь удален от чресл, может во всяком случае избежать похотного жжения, существующего в естестве нашем через преступление Адама. Если же кто начинает творить внимание в молитве на половине сердца от персей, то или от случающегося оскудения теплоты сердечной, или же по изнеможению ума и притуплению зрения под влиянием частого действия молитвы, или по причине воздвигнутой врагом брани, ум сам по себе ниспадает к чреслам и смешивается с похотною теплотой, хотя и невольно, по причине сближения с ней при совершении молитвы на половине сердца.

Некоторые же, по наивной нерассудительности, или, лучше сказать, не зная, что такое верх или середина сердца и что такое половина и конец его, начинают творить молитву снизу, на конце сердца, при чреслах, и, таким образом, касаясь умом частью сердца и частью чресл, по собственной вине вызывают прелесть, как обаятели змею, ибо невозможно избежать общения с врагом тем, кто таким образом держит внимание.

Другие же, страдая окончательным неразумием и грубостью, не знают даже самого места сердечного, находящегося под левым сосцом и боком, но, полагая его среди пупа чревного, дерзают – увы их прелести! – там совершать умом молитву. Научаясь из этих примеров, следует, как сказано, совершать умом внимание и молитву внутри сердца сверху от сосца, а не на половине от персей и тем более не снизу от чресл.

Также необходимо распознавать умным чувством и теплоту в молитве: какая изливается в сердце от Бога, как миро

благовонное, чрез святое Крещение, и какая привзошла к нам от преступления прародителей, и какая возбуждается диаволом.

Первая теплота только в самом сердце с молитвою начинается и в сердце же оканчивается с молитвою, подавая душе удостоверение и плоды духовные. Вторая же имеет начало и конец в почках, принося душе жесткость, студеность и смущение. Третья, возникая от смешения с похотным жжением, распаляет сердце и члены блудным сладострастием, пленяя ум в скверные помыслы и привлекая к блудному совокуплению, что каждый тщательный делатель может скоро заметить и распознать. И хотя враг, – говорит Григорий Синаит, – внутрь чресл и покушается по своему желанию призрачно представлять духовное, вместо теплоты духовной наводя свое жжение, вместо веселия возбуждая радость бессмысленную и сласть мокротную, и побуждает принимать обольщение как действительную благодать, но время, опыт и чувство научают его распознавать.

«Если же прелесть познается временем, опытом и чувством, то не следует страшиться или сомневаться, призывая Бога», – говорит тот же святой. Если же некоторые и совратились, повредившись в уме, то знай, что они потерпели это от высокоумия и самочиния. Не для устрашения или отгнания нашего от священного делания умной молитвы написали святые отцы много о прелести, под различными видами и предложениями постигающей делателей, но в предостережение наше и для распознавания прелести и лукавого действия сатаны, и ради этого и повелевают всем борющимся со страстями держаться непадательного пути царского, живя в пустыни вдвоем или втроем, где, имея брат брата добрым советником и исследуя день и ночь Священное Писание, могут благодатью Христовою непрестанно обучаться этому умному деланию.

Некоторым же из многих неизвестно, откуда пришло в голову, будто бы нынешним монахам уже не подаются действия Святого Духа, как прежним: уже прошли, говорят, те времена. Но это только преткновение так говорящих: ибо так сказали

святые отцы о знамениях и чудесах, ради которых бывает некоторое умаление веры, по слову Христа, «*блажени не видевшии и веровавшие*» (Ин.20:29), а не о прекращении действий Святого Духа. Эти дары всякому верному несомненно подаются во святом Крещении и неистребимо в нас пребывают, если даже мы и не чувствуем их, будучи умерщвлены грехами. И должны мы соблюдением заповедей и призыванием Иисуса Христа, живущего в сердцах наших, воспринять сие дарование и видеть умом сказанное нами прежде, что закон духовный мы носим написанным на скрижалях сердец наших, сподобляясь непосредственно, по образу Херувимов, беседовать со Христом чистой сердечною молитвой.

Поэтому несправедливо, выдумывая извинение грехам, обвинять время или Бога в оскудении действия Святого Духа. Но, возложив всю вину на трех злейших исполинов: неверие, леность и небрежение, – перестанем лгать и, держась истины, приступим без сомнения к обучению умного делания, отвергнув от себя и еще трех главнейших противников: самолюбие, сребролюбие и тщеславие, вместе с которыми и другие страсти можем истребить из наших душ.

Прежде же всех в теле подвизающегося и внимающего в молитве начинаются некоторые движения, как бы «взыграния» под кожей, и они некоторыми принимаются за прелесть. Появляется теплота от почек, как бы опоясывая, и она также принимается за прелесть, но это не прелесть, а естественное действие, порождаемое свойством подвига. Если же кто-нибудь прославляет эту теплоту как благодатную, а не естественную, то это несомненно прелесть. Но какова бы она ни была, подвизающийся не должен ее принимать, но отгонять и отметать. Приходит и другая теплота от сердца, и если ум при этом снисходит в блудные помыслы, это прелесть воистину. Когда же все тело от сердца растепливается, ум же остается чист и бесстрастен и как бы прилеплен во внутреннейшей глубине сердца, то это есть несомненно действие благодати, а не прелести. Иногда же у испытывающих такое состояние появляется и пот от обильной теплоты, бывающей в теле. И тогда подвигнется от сердца святое действие, взимающее как бы

лист некий от сердца и движущее ум от внутренних, как бы прильпнувший к самому тому Божественному действию, чтобы вопиять часто: «Иисусе мой, Иисусе мой». Так именно, во отвержении сердца только это вопиет ум: «Иисусе мой!» – и не может все произнести ум, то есть: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», – от частых отвержений сердца, но только: «Иисусе мой». Те же, которые говорят, что в таком устройении совершают всю молитву, прельщаются. Ибо, когда ум прилепится, как уже сказано, Божественному действию, войдя во внутреннейшее сердца, не может взывать больше, как только: «Иисусе мой!». Тогда подлинно от этой святой молитвы рождается в сердце и благоговейный страх, когда нисходит великое утешение в душу от святого действия. И тогда скачет, и истекает сладостная слеза от сердца, и сладостно течет из очей, и это есть радостопечалие. Вскипает же тогда сердце от многого оно священнодействия, и бывает все тело распалено, и ум в благоговейном страхе взывает: «Господи, помилуй». И, как елей в полном сосуде, сильно разогреваемый огнем, от многого кипения льется через край, так бывает и в сердце, когда оно возгреется от Божественного действия, изливает теплоту и на тело и делает его распаленным, и тогда переживающий это чувствует, как все внутренности его готовы выскочить вон. Совершаются и другие некоторые чудесные тайны с имеющим указанное устройство: бывает иногда и свет, с помощью которого делатель созерцает внутри себя просвещение, озаряющее его, как солнце, и источающее от сердца свет. Бывают внутри сердца и другие таинства, но не могу их описать: видит ум все творение и, ужасаемый движением святого действия и созерцанием Божественных таинств, воссылает из глубины сердца славословия, которых не могу изобразить писанием. Весь человек становится тогда обоженным этим Божественным движением, вне всего вещественного и чувственного, и как бы охваченным неудержимой радостью, подобно напоенному вином. И после ум восхищается в Божественное видение и видит страшные таинства, о которых не могу писать подробно. Видит ум видения Божественные, видит и наслаждение праведных, райские

красоты. Еще выше ум видит на небе страшные и преславные таинства и, поскольку возвышается человек от прилогов бесовских, постольку видит еще больше из того, что дает ему Дух, Которому слава во веки. Аминь.

Предисловие к книге блаженного Исихия

Жизнь и учение святых отцов в некоторой степени уподобляются внешней заботливости людей о всех необходимых телесных потребностях, ибо научившийся всяким искусствам и ремеслам приобретает через них все необходимое для его жизни; другой, усердно занимаясь земледелием, в разнообразных его видах, получает все, что потребно для его дома; некоторые же, рассудительнейшие, вместо тех и других искусств и промыслов, приобретают один корабль или один виноградник и от них получают все нужное для себя, без всякой суеты и скорбей, бывающих в жизни от неудачного и неправильного занятия промыслом.

Подобное этому случается и в жизни духовной. Одни из святых отцов, принимая во внимание немощи вновь приходящих к монашеству, назначают им вместе с деланием заповедей Христовых продолжительное псалмопение, каноны и тропари, установленные Духом Святым в славословие Божие и правило монахам. Другие же, изучив тончайший опыт духовного разума, не хотят, чтобы новоначальные довольствовались одним только внешним обучением, но, заповедуя им вместе с исполнением заповедей Христовых умеренное пение, то есть полунощницу, утреню, часы, вечерню и повечерие, устанавливают вместо продолжительного псалмопения и канонов делание умной молитвы, прибавляя к этому, что если посетит их Святой Дух действием сердечной молитвы, то несомненно оставлять тогда указанное внешнее правило, ибо восполняет его внутренняя молитва; таковые (отцы) отчасти, но не вполне преподают умное делание, говорит святой Григорий Синаит. Третьи же, руководствуясь многим опытом и исследованием житий и писаний всех святых и в особенности же действием и премудростью Святого Животворящего Духа, устанавливают новоначальным общее, а не частное обучение, или делание умной молитвы, называя ее укрощением страстей в делании заповедей Христовых и разделяют ее на два начала,

как второй рай, источающий из себя океан и разделяющий на две струи, то есть на делательную и зрительную молитву.

И, таким образом, они повелевают все старание иметь об умном делании, уделяя весьма мало времени для пения, на случай уныния, ибо, говорят они, часы и песнопения церковные преданы всем вообще христианам, а не тем, кто хочет безмолвствовать. Впрочем, должно сказать, что некоторые преуспевают, следуя и тому постановлению святых отцов, о котором сказано вначале, однако очень медленно и с трудом, вторым же удобнее и легче, а третьим скорее всего, ибо оно сопровождается отрадою и частым посещением Святого Духа, укрепляющим и удостоверяющим сердце, в особенности же при тщательнейшем усердии и доброй воле, а не от принуждения, по страху пред законом. Таковой делатель старается о молитве ради одной только сладости сердечной и утешения духовного, а не ради чего-либо иного, и бывает ему одна эта внутренняя молитва вместо всех внешних деланий, назовешь ли ты их – правило, или пение, или моление, или поучение, ибо все это в ней одной вмещается. Памятование же смерти или, лучше сказать, чувство суда, и мук вечных, и Божия определения сплетаются с нею, как отрасли одного и того же дерева. Поэтому одной только этой молитвою, как от одного корабля или виноградаря, о чем было сказано, может каждый безмятежно направлять всю свою жизнь.

Как же эта святая молитва срастворяется с заповедями Господними и прогоняет бесов и страсти? И еще: как небрегающий о заповедях и не заботящийся об умном делании, но усердствующий в одной только пении увлекается страстями и подпадает вечному мучению?

Преступление заповедей Господних одинаково замечается во всех, однако многообразно осуществляется, о чем и скажу сейчас следующее: полагает кто-нибудь себе начало не нарушать заповеди, не допускать движения страсти, но, по некоторым обстоятельствам, или смущению, или брани, случается ему кого-нибудь оскорбить, или оскорбиться, или осудить, или разгневаться, или тщеславием победиться, поспорить и оправдываться, или празднословить, или солгать,

пресытиться или опиться, помыслить скверное, или увлечься страстью и т.п., что все есть явное преступление заповедей и падение души. И когда, такими грехами охваченный, он дерзает предстать пред Богом, в тот же час начинает упрекать себя, с покаянием припадать к Богу умной молитвою от всего сердца, да простит его и подаст ему помощь, чтобы не впасть ему снова в те же согрешения. И таким образом полагает начало сохранить заповеди и блюсти свое сердце от злых прилогов в молитве, боясь и трепеща, да не лишится из-за них Царства Небесного. Другой же, напротив, не имея готовности хранить заповеди и нисколько не заботясь о том, падает он или стоит, полагая, что по нынешним временам никто не соблюдает заповедей и не заботится о том, чтобы не нарушать их, и что всякий вольно или невольно предстоит пред Богом и повинен бывает в тонком действии страстей и грехов, и потому не хочет обо всем этом заботиться, как о вещи невозможной, считая ответственными только такие грехи, как прелюбодейство, блуд, мужеложество, скотоложество, убийство и татьба, отравы и подобные этим смертные и главные грехи. Соблюдая себя от них, думает о себе, что он стоит (не падая).

Такому отцы сказали: лучше падать и восставать, нежели стоять и не каяться. Итак, здесь достойно удивления, как оба они, находясь под теми же всечасными грехами, неодинаковы пред Богом и, думаю, пред духовными людьми. Один из них совершенно не знает такового падения и восстания, хотя страсти и действуют, как о том будет сказано ниже. Другой же падает и встает, побеждается и побеждает. Иной подвизается и трудится, но в конце концов побеждается действием страсти. Иной не хочет отвечать оскорбительно, но увлекается привычкой. Иной старается не сказать отнюдь ничего обидного, но скорбит о том, что ему досадили, однако осуждает себя за то, что скорбит, и кается в этом. Иной же не огорчается оскорблением, но и не радуется (о нем). Все эти сопротивляются страсти, ибо произволением своим остановили страсть и не хотят по ней действовать, но скорбят и подвизаются. Отцы же сказали, что всякое дело, которого душа не хочет, бывает маловременно.

Хочу сказать и о тех, которые искореняют страсть. Иной радуется, когда его оскорбляют, но потому, что имеет в виду награду. Он принадлежит к искореняющим страсть, но не с разумом. Другой радуется, получая оскорбление, и думает, что он должен был претерпеть оскорбление, потому что сам он подал повод к тому: сей разумно искореняет страсть. Иной же не только радуется, когда его оскорбляют, и почитает виновным в этом самого себя, но и сожалеет о смущении оскорбившего его – Бог да введет нас в таковое устроение! Скажу вам притчу, кому подобен тот, кто действует по страсти и удовлетворяет ее: он подобен человеку, который, будучи поражаем от врага своего стрелами, берет их собственными руками и вонзает в свое сердце. Сопrotивляющийся же страсти подобен осыпаемому стрелами от врага своего, но облеченному в броню и не получающему ран. А искореняющий страсть подобен обстреливаемому, но берущему стрелы и ломающему их или возвращающему в сердце врагу. Бог да даст нам силу, чтобы мы, если и не искореняем страсть, то по крайней мере не действовали бы по ней и сопротивлялись бы ей.

Итак, следует разуметь, что святой Дорофей, располагая к таковому сопротивлению и поруганию страстей, указывает к этому путь одних только заповедей. А так как здесь сказано, что сопротивляющийся страсти уподобился обстреливаемому врагом, но облеченному в броню и не получающему ран, то, если он остается неуязвимым, какая причина будет у него, чтобы воздерживаться от умного делания? Ибо это священное делание, соединившись с исполнением заповедей, не большее ли принесет преуспевание, чем исполнение одних заповедей? Для более же ясного понимания обоих этих образов жизни здесь будет сказано о каждом в отдельности. Первый, подчиняя себя закону, исполняет свое только пение; второй же, понуждая себя на умное делание, имеет всегда с собою имя Иисуса Христа в потребление врага и страстей со злыми помыслами. Тот радуется, если только окончит пение; этот же благодарит Бога, если в тишине, свободно от злых помыслов, молитву действует. Один усердствует о количестве; другой же о качестве. У того, спешащего выполнить пение количеством, появляется скоро

радостное мнение, полагаясь на которое он, не ведая призывания Господа Иисуса Христа, питает и растит внутреннего фарисея, если не внимает себе. У этого же, заботящегося о качестве молитвы, бывает познание своей немощи и помощи Божией.

Молясь или, лучше сказать, призывая Господа Иисуса на прилоги врагии и на страсти и злые помыслы, он видит их гибель от страшного имени Христова и понимает Божию силу и помощь, и снова, насилуемый и смущаемый злыми помыслами, познает свою немощь, так как не может противостоять им собственными силами. И в этом состоит все его правило и житие. Если же враг покушается смущать и его радостным мнением – фарисея, однако находит его готовым призывать Христа на этот прилог, равно как и на все злые помыслы, и не достигает враг никакого успеха против него. Но скажет кто-нибудь, что можно и тому (первому) призывать Христа на такие прилоги. Да, можно. Однако, как каждый по опыту знает, теперь нет такого обычая, чтобы кто из делателей вместе с исполнением своего правила обучался молиться об избавлении от злых помыслов. Таковые наиболее не принимают того, что говорится или пишется о внутреннем внимании, в котором и есть искусство моления на злые помыслы. И не только не принимают, но и сопротивляются и, выставляя себя учителями, говорят, что святые отцы не заповедали новоначальным умного делания, кроме одного псалмопения, тропарей и канонов, действуемых устами и языком. И несмотря на то, что они говорят и учат об этом неверно, все их слушают, потому что для такового их моления не требуется обучения или отречения от мирских похотей, но всякий, если только захочет, может так молиться, будет ли он монах или мирянин.

Священное же умное делание, которое есть славное и богоугодное искусство из искусств и в котором нельзя иметь успеха без отречения от мира с его похотями и без долгого наставления и обучения, весьма поэтому оскудело среди монахов, и неутрачивающая брань бывает у незнающих силы Священного Писания, в особенности же у неискусных в умном внимании по внутреннему человеку.

При всем этом следует опасаться правых и левых уклонений, то есть отчаяния и дерзости.

Видя же здесь написанное, что у обучающихся умному деланию бывают случайные, ненамеренные, невольные преткновения и падения, называемые святыми отцами повседневными грехами, да не усомнимся в этом, ибо по мере каждого бывает и преуспеяние его, и ниспадение от доброго к противоположному, смотря по тому, будут ли то новоначальные, средние или почти совершенные.

И, с другой стороны, слыша о великом милосердии Божиим к нам грешным, мы не должны самонадеянно и бесстрашно, без великого смирения и посильного исполнения заповедей стремиться к этому умному священнодействию, но, разумея, что дерзость и отчаяние бывают от врага, решительно избегать и того и другого, таким образом, тщательно изучая Священное Писание и советуясь с опытными, смиренно обучаться сему умному деланию. К сведению же нужно прибавить и то, что великим оружием на врага и злые похоти является памятование смерти, или геенны и вечных мук, или Страшного Суда, истязателей воздушных мытарств, или Царствия Небесного и радости святых и прочее, подобное этому. Однако все это нам, страстным и бесчувственным, очень слабо, без умного внимания и призывания имени Иисуса Христа. Ибо хотя такие воспоминания в победивших нечувствие и могут угашать похоти плоти и истреблять злые помыслы в душе, однако страшное имя Иисуса Христа имеет несравненно большую силу истреблять все это в сердце и в уме. Поэтому, когда умное делание соединено с указанным памятованием, тогда с большей силой действуем, придавая и самой молитве немалый успех. Особенно же и сами начинаем сиять от молитвы, когда изгоняются от ума тьма и мгла страстей именем Иисуса Христа.

В дополнение ко всему здесь написанному прилагается и следующее от слов Анастасия Синайского, который сказал: «Разумеваем и размышляем о принимающих святые Тайны Тела и Крови Господних, что они имеют малые некоторые человеческие и легко извинительные грехи, как то: языком, слухом, или окрадываемые зрением, или тщеславием, или

печалью, или яростью, или чем-либо подобным, но осуждают себя и, исповедуясь Богу, принимают святые Тайны, – веруем, что во очищение грехов бывает таковым приятие святых Таин». В том же разуме и в той же мере нужно полагать и о падениях, приключаящихся обучающимся деланию умной молитвы. А так как, по словам отцов, умная и священная молитва есть ключ к уразумению писаний, не хотящие же ей обучаться, очевидно, не совсем могут постигнуть силу Священного Писания и отеческого, то от этого некоторые, противоборствуя говорящим малое или многое о трезвении умном, ссылаются на писания отцов, будто сначала нужно очистить телесные чувства, то есть зрение, обоняние, вкушение, слово и осязание, чтобы не согрешал ими человек, и тогда только, хорошо очистившись, начинать умную молитву.

Таковым отвечаем так: «Друзья! Никто не против очищения телесных чувств, но говорим о том, что если отделять очищение чувств от умного делания, получится большое несогласие».

Прежде всего святой Исихий говорит так: «Бога бойся и заповеди Его храни, чувственно и умно, если умно понудишь себя хранить, то мало-помалу и чувственно на делание их взойдешь». И еще: «Если не сотворит человек воли Божией и не сохранит закона Его посреде чрева, то есть посреди сердца, то и вне не может он это сделать». И Симеон Новый Богослов сказал: «Святые отцы, зная, что при внутреннем делании удобно и все внешние добродетели выполнить, оставили наружное делание и все усердие приложили к внутреннему блюдению».

Ты же, друг, устанавливаешь расстояние и время, отделяя хранение внешних чувств от обучения умной молитве, и тем свидетельствуешь, что не знаешь порядка сердечного делания. Знающие же опыт умной молитвы не разделяют временем одно от другого, но устанавливают одновременное и совместное их обучение: погружая ум в час молитвы внутрь сердца, укрощают волнение чувств, не попуская уму восходить на них, а оттого, что ум не восходит на чувства телесные, они пребывают не занятыми вне, через это подают великое безмолвие уму и сердцу и вместе с тем и сами блюдением ума мало-помалу

обучаются не востекать на плотские похоти. Да будет же известно и то, что нет недостатка ни времени, ни предмета для тех, кто любит спорить об этом. Ибо и еще остается им написанное Новым Богословом, что желающему обучаться умному деланию необходимо сначала сохранить свою совесть к Богу, людям и вещам. Я же верую, что в один час или минуту может человек примирить свою совесть с Богом, людьми и вещами, как учит великий учитель, ибо жала, то есть голоса совести, умное делание не уничтожает, и никому не полезно уклоняться от этого доброго обличителя. Вижу же и того великого грешника, который шел во святой храм окруженный бесами, а вышел из храма со святыми Ангелами, радующимися его обращению. Ты же от крайнего зазрения совести устанавливаешь расстояние и время примирению ее с Богом и этим показываешь, что достижение бесстрастия бывает прежде обучения умному деланию или выше его. И отсюда у тебя выходит, что ты не только не начнешь когда-либо умного трезвения, но и от самих святейших Таин будешь уклоняться. Ибо никто, не примирившись прежде с Богом, не приступает к Причащению.

Не говорю же я это тебе, человек, о примирении совести от себя, но само исповедание святых отцов предлагаю. Ибо они, насколько ближе приближались к Богу, настолько видели себя большими грешниками, и не будут ли, по твоему мнению, и сами святые не примиренными совестью с Богом? Но ты скажешь, что по причине смирения так говорили о себе святые. Прекрати хитросплетенную речь и покорись по крайней мере голосу святых правил: «Если кто скажет, что святые, ради смирения и принимая вид грешных, говорили: остави нам долги наша, – анафема да будет».

Впрочем, если кто хочет получить правильное понятие об этом, да верует, что Бог создает сначала тело Адаму, потом и душу, и не было промежутка времени между творением того и другого, но вместе разумно созданы были, хотя и иначе думал об этом Ориген.

Таким же образом и хранение телесных чувств наших, и примирение совести с Богом разумно вместе с умным

вниманием действует, хотя и иначе представляется не знающим силы и опыта внутреннего делания. Не удивляйся, благочестивый читатель, что со стольким возражением составилось это предисловие, ибо против дыхания ветра протягивается и парус. Ибо во времена святых отцов, когда было много ревнителей, желавших проходить это умное делание по самочинию и дерзости, было время и труд останавливать их дерзость и бесчиние, дабы небесстрашно бросались к нему. Теперь же, когда такое учительство пришло в крайнее забвение и пренебрежение и многие начинают ратовать и справа и слева, и извращать путь этого внутреннего делания, и стараются сверху и снизу засыпать его землею, чтобы сделать его совершенно никому не ведомым, существует крайняя необходимость так писать о нем и предложить все это пред чтением святой книги Исихия Иерусалимского, в которой находится не другое что, как только разумение и наставление на путь священного умного делания. И желающий обучаться ему прежде всего пусть разумеет и исполняет сказанное святым Максимом: «Дай телу по силе его и весь труд твой на ум обрати». И еще: «Телесные добродетели приятны, если кто со смирением их проходит, без этого же суетен труд». Еще: «Не все старание имей о плоти, но противопоставь пределом ее силе воздержание и весь ум твой обрати на внутреннее, ибо телесное обучение мало полезно, внутреннее же внимание всегда полезно есть». Исихий же святой сказал об этом: «Кто не имеет понятия о шествовании духовным путем, тот не заботится о страстных помыслах, ни об исправлении их, но все попечение и заботы имеет только о теле. Такой или объедается и бесчинствует, опечаливается и гневается, и припоминает обиды и, таким образом, помрачает ум или, предаваясь безмерному воздержанию, смущает ум». И еще святой Диадокх сказал: «Как обременяемое множеством яств тело делает ум каким-то боязливым и склонным ко злу, так ум, изнемогающий от многого воздержания, делает унылою и нелюбимою зрительную часть. Поэтому необходимо соразмерять писание с состоянием телесных сил: когда тело здорово, – утеснять его, сколько потребно, а когда немоществует, питать его несколько. Ибо

подвизающемуся не следует ослабевать телом, но, насколько нужно, быть способным к подвигам». И опять Лествичник: «Видел, – говорит, – враждебницу (утробу) эту упокоиваемой и подающей уму бодрость...» Ибо нам нужно иметь тело здоровое, а не расслабленное, так как умное делание требует и телесной крепости. Поэтому необходимо всеми силами избегать и безмерного поста, и невоздержания. Каждому же, кто желает иметь опытное и рассудительное справедливое мнение о посте и о мере принятия пищи, то есть о количестве ее и качестве, предлагается указание об этом святого Григория Синаита, который говорит об этом так: «Понуждающему себя и желающему обрести Бога достаточно литры хлеба и воды или вина в течение дня три или четыре чаши и от прочих снедей, какие случаются, от всех вкушать понемногу, не допуская себя до насыщения, чтобы и возношения избегнуть, и не возгнушаться Божиими добрыми творениями, за все благодаря Бога». Таково рассуждение мудрых! Немощным же верую или, лучше, душою воздержание от снедей более полезно, и апостол таковым повелевает зелие ясти, так как они не веруют, что Бог сохранит их. Вкушение пищи имеет три предела: воздержание, доволь и сытость. Воздержание есть алкать немного и поевши; доволь – ни алкать, ни отягощаться; сытость – отягощаться немного. А по насыщении и еще есть – дверь есть чревобесия, коею входит блуд. Ты же, все это рассмотрев, выбери приличное по силе твоей, не преступая пределов, ибо совершенным свойственно и то, чтобы, по апостолу, и насыщаться, и алкать, и во всем мощными быть.

Наконец, следует вспомнить еще и то, что опытные в умном делании признают неудобным для новоначальных и страстных псалмопение, чтобы им всегда молиться за грехи свои или на злые помыслы и страсти, по причине многого разнообразия слов, возводящих то к славословию Божию, то к созерцанию тварей, или домостроительства и Промысла Божия, или мук вечных и обетований, или предвечности и непостижимости и других подобных вещей, к каковым страстный и немощный ум не может возвыситься. И вследствие этого помысл, впадая в мечтания, соблюдает одно только количество, следствием чего

обычно бывает радостное мнение и самохваление сердечное, о чем святой Иоанн Лествичник, зная это опытно, сказал: «Не старайся многословить, чтобы ум твой не разбегался в изыскании слов. Одно слово мытаря умилоствовало Бога, и одно изречение, исполненное веры, спасло разбойника. Многословие очень часто рассеивает ум и наполняет его мечтаниями, а малословие хорошо его собирает». И справедливо написал Новый Богослов, что по умалении страстей пение естественно дается языку. Ибо как и воспоеет кто-нибудь песнь Господню на земле чужой, то есть в страстном сердце? И притом, кто не хочет обучаться умному деланию, тот прежде всего не может знать первоначальной степени: что такое прилог, что сочетание, пленение и страсть. И не зная этого, не знает и своего падения и восстания; не имея же такового опыта, лишается и всечасного покаяния; не имея же постоянного покаяния, не знает своей немощи; лишенный же сознания немощи чужд бывает сердечного сокрушения и исповедания пред Богом, а без этого не может прийти в страх Божий; а не имея страха Божия, не знает, как всегда молиться за грехи свои, но, как барщину, соблюдает только количество в своем пении. Такой же чин умного делания изобразил и святой Кассиан, говоря: «О тех же меньших грехах, которыми и праведник семь раз в день падает и восстает, всегда нам должно сетовать и каяться. Ибо повседневно неведением или забвением, или невольно, или от нужды, или от немощи плотской, хотя и нехотя, согрешаем, по апостолу: *“не еже бо хочу... творю”* (Рим.7:15). И опять: *“Окаянен аз человек: кто мя избавит от тела смерти сея?”* (Рим.7:24)».

Каждый, кто обучился умному деланию, всякий раз как он молится, лучше же сказать, творит молитву Иисусову, – за грехи свои или против злых помыслов, как сказано, молится, и да не поет много псалмов. Потому что поющие много не разумеют, что поют, сказал Новый Богослов, ибо петь много повелено было тем, кто не постигает того, что поет. Подобно и святой Исаак сказал: «Хочешь ли напитаться от стихословия твоей службы? – Совершенно оставь количество и не поставляй в нем меру разумности». А святой Григорий Синаит сказал: «Одни учат петь

много, другие – мало, ты же не много пой, но подражай малопоющим. Ибо много петь свойственно деятельным, а не безмолвствующим, ибо по образу жизни нашей подобает и пению нашему быть ангельскому, а не плотскому, чтобы не сказать языческому. Петь голосом и восклицанием предано нам ради лености нашей и неведения, и никто из святых не принял на себя большого труда, чтобы слагать слова и писания об одном псалмопении. Ибо какая нужда много писать о том, что все, не только монахи, но и мирские люди знают и могут петь, сколько пожелают, как уже было сказано?

Об одной же той краткой и в пяти словах заключающейся молитве, по апостольскому слову: а) Господи, б) Иисусе, в) Христе, г) помилуй, д) мя, – святой Исихий написал двести глав, ничего другого не изложив в них, как только одно блюдо ума и эту священную молитву Иисусову».

Подобным же образом и святые Иоанн Златоуст, Игнатий, Фотий и Каллист, бывшие преемственно патриархами Константинопольского престола, каждый в отдельности, написали целые книги, исполненные глубокой мудрости, об этой единой, краткой молитве и внимании, как сказал святой Симеон, архиепископ Солунский, который и сам приложил к святой своей книге до шести глав, повелевая духовным и мирским людям творить, как свое дыхание, умом и устами эту священную молитву. Тому же учат и святые Нил Постник, Иоанн Лествичник, Филофей Синаит, Максим Исповедник, Симеон Новый Богослов, Никита Стифат, Диадох, Петр Дамаскин, Григорий Синаит, Варсонофий, Филимон, Исаак Сирин и после них Нил Сорский.

Все они и многочисленные другие сочинили многие главы о священном и умном делании, потому что, взирая на его неудобопостижимую глубину, стремились один за другим яснейшим образом показать нам путь его. Ибо оно (умное делание) не только мирянами, но и самими монахами не постигается удобно, не так, как внешнее пение, о котором уже сказано. И как корабль, стоящий у берега, каждый человек может нагружать и разгружать, не испытывая при этом никакого препятствия и недоумения, кроме одного только труда; когда же

отправят его в море нагруженным, тогда один только искусный кормчий может править им, таким образом должно разуместь и разницу между пением внешним и умною молитвою. Надлежит, святые отцы и братия, повиноваться учению стольких святых отцов, учащих о священном делании умном, а не по примеру осла, вертящего жернов, топтать однообразный круг продолжительного пения, не желая идти по истине простым путем предобрейшего умного безмолвия и молитвы. Святые же имели такое усердие об этом священном делании, что повелевают даже молиться за не знающих этого умного света сердечного, просвещающего именем Христа Бога нашего.

Впрочем, не сомневайся никто, прекращая долгое пение, будто бы от этого лишаешься монашеского правила. Как верующие во Христа исполнили весь закон, хотя и оставили его, так и переменяющие многое пение на священное умное делание исполняют все свое правило. И, как закон отсылает всех ко Христу, полагая в этом свое назначение, так и псалмопение, сообщая нам предварительное обучение, возводит к сердечному вниманию и молитве, хотя само и умаляется, ибо оно достигло желаемого. Если же кто из не знающих опытно священного умного делания и не желающих ему обучаться, измышляя разные причины, станет говорить или сочинять противное настоящему предисловию, таковой пусть прочтет упоминаемые здесь святые книги, которые написали или святейшие патриархи, или же преподобные отцы, в особенности же и эту настоящую книгу святого Исихия. И верую Богу, что он успокоит свою душу или же, как неисцельно больной, обратит свою хулу на святых отцов, так написавших, лучше же сказать, на Святого Духа, говорившего чрез них, и это не отпустится ему ни в сей век, ни в будущий, по слову Господа. Аминь.

Ответив посильно недугующим сомнением и противоборствующим возражениями и правой, и левой стороны, нужно приступить к недоконченному, взяв слово из благовествования евангельского, которое говорит: *«Господи, не доброе ли семя сеял еси?.. Откуда убо имать плевелы?»* (Мф.13:27). Ибо, как невозможно не подкрадываться злу к

добру, так и к этому священному умному деланию приплетается прелесть, подобно плющу к дереву. Имеет же она начало от мнения и самочиния, врачевство которым смирение, исследование Священного Писания и совет духовный, а не уклонение от обучения умному деланию. Ибо святой Григорий Синаит говорит, что не должны мы бояться или сомневаться, призывая Бога, если же некоторые и совратились, повредившись в уме, то знай, что они пострадали от самочиния и высокоумия. Причина же высокоумия заключается в безрассудном и безмерном посте, когда постящийся думает, что совершает добродетель, а не для целомудрия постится, как сказал святой Дорофей; к тому же дает повод и уединенная жизнь. И, опровергая первую причину, этот святой говорит: «Потому-то царским путем всегда и должен идти безмолвствующий, так как излишествующему во всем всегда легко сопутствует мнение, которому преемницей бывает прелесть». Отсекая же вторую причину, говорит: «Сильным и совершенным подобает единоборствовать с бесами и обнажать на них меч, то есть слово Божие». Самый же вид и дело прелести заключается, во-первых, во вражеском участии в похоти внутренних чресл и, во-вторых, в призраке в мечтании ума. Предостерегая от первого, он говорит: «Хотя враг внутри чресл и покушается, по своему желанию, показывать вид духовного, вместо теплоты духовной наводя свое жжение и вместо веселия возбуждая радость бессмысленную и сласть мокротную, и побуждает признавать свою прелесть как благодать действующую, но время, и опыт, и чувство обнаруживают его». Показывая же опасность второго, научает, говоря: «Ты же, когда безмолвствуешь, никогда не принимай, если что увидишь чувственно или умно, вне или внутри, хотя бы то был образ Христа, или ангела, или вид святого, или свет, или огонь и прочее. Здесь опять оживает претыкатель и, набросившись, сделает умное делание причиной прелести».

Думают, что прелесть внешнему пению не примешивается, однако несомненно, что во всем, в пении ли или в молитве, одинаково прелесть имеет место по неискусству делателей, как сказал святой Иоанн Лествичник: «Испытаем, и рассмотрим, и

измерим: какая сладость происходит в нас при псалмопении от блудного беса и какая от духовных слов и от заключающейся в них благодати и силы». И еще: «Поя и молясь, наблюдай приходящую сладость, чтобы она не была срастворена с отравой». Смотри же, не одинаково ли касается прелесть поющих, как и обучающихся молитве, но так как не знающие умного делания одну только имеют заботу – окончить песненное правило, о помыслах же злых и кипении похоти не заботятся, то по этой причине они и не сознают, когда похоть сама по себе кипит и когда возбуждается к сладострастию вражеским участием, и не знают, как его избежать. Но, как говорит Писание, голоса врагов слышат и принимают удары от них, но кто враги и почему они нападают, того не знают, хотя и на хребте их, лучше же сказать, на лице делают грешницы беззаконие. Поняв из этого, что не умное делание бывает причиной прелести, но одно наше самочиние и высокоумие, не следует нам избегать его, ибо оно не прелесть нам приносит, а, наоборот, открывает умные очи к различению и познанию прелести, которую никто не может понять во веки, не обучившись этому священному умному деланию, хотя бы он был и превеликий постник и безмолвник. Полезно же знать делателям и о том, что, если когда-нибудь теплота, поднявшись от чресл, сама по себе, без помыслов блудных, и дойдет до сердца, не должно ужасаться этому, ни малодушествовать, но только одним изволением и умом отвращаться от нее и, как непотребную, прогонять обратно. Но если кто примет ее или помыслит как благодатную – прельстится.

Самое же необманчивое действие для новоначальных в молитве заключается в том, чтобы в сердце начинать умную молитву и в сердце кончать так, чтобы уму покрываться во глубине сердечной, а не в похотной части, как сказал святой патриарх Каллист. Больше же всего должно наблюдать с самого начала, чтобы внимание в час молитвы не находилось на половине сердца, тем более ниже сердца, но сверху, глубину внутренности сердца да хранит ум. Причина же этому в том, как это познано опытом, что если совершающий молитву ум от середины персей взирает на половину сердца, то, хотя или не

хотя, временами касается похотной теплоты, как приближающийся к чреслам. Если же, распознавая ее, и будет отвращаться от нее, однако многим труд и смущение имеет поднять от неискусного своего внимания. Если же кто-нибудь дерзнет творить внимание снизу сердца, такового ум, возлегши весь на чреслах и оттуда смотря в глубину сердца и совершая молитву, прелюбодействует в сердце своем, распаяя члены свои сладострастием блудным, и добровольно впускает врага внутрь себя, что есть явная прелесть, которой многие в нынешнее время, по неведению, приобщившись и пострадавши от нее, отказались обучаться умному деланию, говоря: это дело одних бесстрастных! И таким образом сделали преткновением и себе, и всем желающим начать это умное внимание. Лучше было бы им, повесив камень на шею, утонуть, чем соблазнять себя и многих делателей, так как они не признались в своем неразумии и самочинной дерзости, но еще сделали учителями, говоря, что все, желающие обучаться умному вниманию, так же пострададут, – да не будет этого!

Поэтому каждому должно сверху осенять умом сердце и, всегда смотря в глубину сердца, действовать молитву, ибо там есть, по Писанию, среда сердца, а не сбоку от персей, и на ней покоясь, как царь на высоте престола, ум может всегда удаляться от чресл и теплоту похотную прогонять обратно, в особенности же с высоты ее различать всех пресмыкающихся пред собою внизу и одних отвращаться, других изгонять, третьих же, как младенцев вавилонских, убивать о камень, который есть Христос.

Повествование о действиях сердечной молитвы старца-пустынника Василиска, записанное его учеником схимонахом Зосимой Верховским

Составитель данного сборника считает своим долгом сделать особое предупреждение для тех, кто хотел бы ознакомиться с «Повествованием о действиях сердечной молитвы старца-пустынника Василиска». Записано оно со слов самого старца его ближайшим учеником и сотаинником преподобным Зосимой (Верховским), основателем Троице-Одигитриевой пустыни под Москвой (о схимонахе Зосиме (Верховском) см. книгу «Старец Зосима Верховский. Житие и подвиги». М., 1994; прославлен в 2000 г. в лике местночтимых святых Московской епархии), и является описанием возвышеннейших молитвенных состояний, которых сподобляем был старец от Господа. Истинность и непрелестность делания монаха Василиска засвидетельствовал великий аскетический писатель нашего времени – святитель Игнатий Брянчанинов. В своем труде «Слово о смерти» он пишет, что, насколько ему известно, только два инока в его столетие сподобились зреть свою душу исшедшею из тела во время молитвы. Одним из них и был пустынник Василиск, с ближайшими учениками которого «составитель Слова удостоился сожителства и о Господе дружбы» (Святитель Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти. М., 1991. С. 75).

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что знакомиться с рукописью схимонаха Зосимы подобает с особенной осмотрительностью и благоразумием, постоянно помня слова великого наставника иночествующих преподобного Иоанна Лествичника, что «удивляться трудам святых – дело похвальное, ревновать им – спасительно, а хотеть вдруг сделаться подражателем их жизни есть дело безрассудное и невозможное» (Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Сергиев Посад, 1908. Слово 4, 46. С.39). Тем, кто еще

новоначален, не следует стремиться сразу же стяжать подобную благодать, а нужно лишь с благоговением взирать на подвиг монаха-пустынножителя, еще более смиряясь и осознавая свою духовную немощь. «Как убогие, видя царские сокровища, еще более познают свою нищету, так и душа, читая повествования о великих добродетелях святых отцов, делается более смиренною в мыслях своих», – пишет святой Иоанн (Там же. Слово 26, 211. С.212).

Предлагаемая вниманию читателей адаптация к современному русскому языку «Повествования о действиях сердечной молитвы старца-пустынножителя Василиска» осуществлена сестрами переводческой группы Ново-Тихвинского женского монастыря по рукописи из собрания Оптиной пустыни (РО РГБ ф. 214, № 409).

Благоволением и милостию Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа сподобился я, грешный и недостойный, из уст старца моего слышать то, что он, не утаивая, ради любви моей к нему, открывал мне в беседах о действиях, бывающих с ним во время умной, сердечной молитвы.

О первом действии. Когда старец узнал об этой сердечной молитве (ибо прежде он о ней не ведал), то весьма порадовался, что таковое внимание является средством удерживать ум в молитве и в одних Божественных размышлениях пребывать. И так начал он в ней подвизаться до того, что множество раз в великое изнеможение от долгого в ней понуждения себя приходил и тем наводил на сердце великую боль – до того, что уже не мог более не только в сердце производить молитвы, но даже ни ходить, ни стоять, ни сидеть от нестерпимой боли сердца. Но долгое время лежал на одре – едва болезнь отходила от него, – и, так немного придя в силы, вновь усиленно углублялся он в умном внимании сердечной молитвы. Видя же от того упущение в чтении и пении Псалтири и канонов и недоумевая, угодно ли Богу таковое его моление сидя, весьма об этом смущался, ибо не имел никого другого, единомышленно, духовно по Боге с ним сожителем, с кем бы мог о том рассудить, – только меня одного. И тогда приложил он к обычному своему

воздержанию большее воздержание в пище и сне и, усердно о том помолившись, снова сел на молитву, по обычаю с умилением умно Богу молясь. И вдруг неожиданно излилась в его сердце непостижимая сладость, срастворенная с любовью к Единому Богу, вместе с тем забыл он обо всем, принадлежащем веку сему, и весьма этому необычному утешению удивился, как и сам поведал мне недостойному: «Настолько, – сказал он, – был я услаждаем и утешаем, что не думал, что может быть большее услаждение в Царствии Божием (Небесном)». И с тех пор были у него разные действия и внутри сердца чистая молитва.

2. Иногда при чистой молитве как бы нечто весьма хорошее и вкусное ест.

3. Иногда будто что-то вон изливается из сердца его со сладостью.

4. Иногда кипит в сердце от чрезмерной сладости.

5. Иногда чувствует себя всего таким легким, будто воздушным, и как бы утешительно летающим.

6. Иногда, рассуждая о сладостях и утешениях, которые бывают у него, помышляет он, что самого себя только тем утешает, а не Богу молится, ибо ум его углублен в сердце, а не на небе пред Богом предстоит; и тотчас хочет он его к Богу возвести, и вот, видит ум свой подобным облаку и взлетающим на небо к Богу. И тогда в сердце уже прекращается молитва, до тех пор, пока ум, возвратившись, снова в сердце не войдет, но только одна сладость утешительная в сердце ощущается.

7. Иногда размышляет он о словах Господних в Евангелии, которые Господь женщине самарянке сказал: *«уже пьет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки: но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды текущая в живот вечный»* (Ин.4:14), – и от этого размышления сладость великая изливается в сердце его.

8. Иногда, и о других словах, приводимых в Евангелии, размышляя, ощущает подобные же сладостные действия, а потому, из-за множества и сходства, я не записывал их.

9. Иногда чувствует он всего себя в молитве, то есть во всех членах, частях и суставах молитву, саму собой

творящуюся, и, внимая действию тому, не отторжен бывает от простертия к Богу, и, удивляясь этому, утешается. И таковое действие бывало с ним неоднократно.

10. Иногда, сидя долгое время, в одну только молитву углубившись, – часов около четырех и более – вдруг внезапно восчувствует ни с чем не сравнимую радость услаждающую, такую, что уже более и молитва не творится, но только чрезмерною любовью ко Христу пламенеет он.

11. Иногда от великого внутреннего духовного о Боге радования и многой ощущаемой в сердце сладости и любви безмерной, каковую чувствует ко Христу, недоумевает он: какими словами именовать Господа нашего Иисуса Христа, ибо этой молитвой, называемой Иисусовой, кажется ему именовать Господа мало; и, о том жалея и болезнуя, что не знает, как именовать, остается без молитвы, то есть слова молитвенные утаиваются и не ощущаются, а только одна сладость сильно кипит и волнуется внутри сердца его, и от чрезмерного воскипания обильно изливается вовне из сердца, словно рекою.

12. Иногда понудит он себя вообразить в сердце Христа Господа Младенцем и тотчас весь сладостью исполняется.

13. Иногда от великой молитвенной сладости и утешения многого пребывает он, сидя, внимая умному чистому молению, до шести часов и более.

14. Иногда от чрезмерной любви ко Господу Богу и от помышления о своем недостойнстве сами из очей его слезы умиленные источаются.

15. Иногда, не в силах будучи стерпеть многую внутреннюю сладости и словно оживотворительной некой духовной радости внутри сердца, слезы источает он обильно.

16. Иногда приходит такая сладость, что не только сердце наполняет, но и все члены, и суставы преисполняет, и во всей крови как бы кипит, и нет того места, в котором не чувствовалась бы таковая чуднодействующая непостижимая сладость – до того, что сердце от нестерпимости делается трепетным.

17. Иногда не только сердце трепещет от таковой безмерно умножившейся, неизреченной и нестерпимой сладости, радости

и распаленной любви к Богу, но и все тело трепещет и колеблется наподобие, как при болезни, именуемой трясучей и лихорадкой, но безболезненно; и так сильно колеблется он всем телом, что едва сидеть может.

18. Иногда, при таковой утешительной вышеописанной сладости и трепете сердца и всего тела, уже не имеет он молитвы, даже силы молиться или власти ее производить; тем сильнее тогда отрешен он от всех помышлений века сего и пребывает уже вне всего, только единой утешительной сладостью весь будто облит или будто погружен в нее, и так весь чисто восхищен и углублен в любовь Божию.

19. Иногда сам он дремлет или просто спит, но молитва сама собою в сердце усладительно действует и явственно, то есть чисто, в сердце произносится.

20. Иногда он с другими разговаривает, и обсуждается нечто уважительное, также, когда ест и пьет, сидит или ходит, а молитва, непрестанно услаждая, в сердце сама творится.

21. Если когда-либо вопрошал я старца, как у него молитва, то отвечал он мне, говоря так: «Ныне не знаю, когда бы молитва в сердце не творилась».

22. Настолько ему от Бога эта молитва была дарована, что однажды восхотел он испытать себя и пребыл в ней 12 часов, не вставая и не прекращая ее, в бодрости, и не только не отяготился, не изнемог и не заскучал, но сладость молитвенная, еще продолжаясь, может быть, удержала бы его и долее, если бы я не прервал его приходом моим; и видел я его в лице изменившимся, умиленным и обрадованным.

23. Иногда настолько радующая сладость и утешение, распаляющее любовью Божией, впадают в его сердце, что недоумевает он, какими словами изъяснить или чему уподобить это, а потому и утаено это от меня недостойного.

24. Иногда, наивеличайшею любовью ко Христу и сладостью объят будучи от сильного того действия, ощутительно чувствует он как бы Самого Христа Господа в образе Младенца в сердце своем; обозревая же Его умно, объемлется умилительно радующим утешением.

25. Иногда от превеликой ко Христу любви и от неизреченной сладости и радости со утешением – от такового совокупного и соединенного с сильным ощущением действия – уже не Младенчествующего, но в совершенном возрасте, каким Он был, пребывая на земле, ощутительно объемлет в сердце, словно друга, Христа Господа; и это действие происходит не от воображения, ибо он, будучи весьма смиренен, никогда не дерзал помышлять о том, чтобы явился ему Христос Господь Бог.

26. Иногда из всех его жил, и суставов, и костей весьма ощутительно и явственно словно некие источники безмерной сладости текут в сердце со извещением, что это ему от благодати, милостью Божией; и хотя от великого своего смирения не только не принимал он, но и отвергал то, но невольно ощущал таковое извещение.

27. Иногда из сердца подобным образом изливается таковая же и с таким же ощущением сладость во все члены, жилы и суставы.

28. Иногда, сидя и углубляясь в молитву, побеждается он естественным изнеможением и засыпает тонким сном и пребывает в различных духовных видениях; из них же многих следующие памяти достойны.

Видит он, будто носит младенчествующего Господа нашего Иисуса Христа, и повелевается ему одно это иметь дело – носить Христа, пока не возрастет, то есть во всю жизнь до смерти, – хотя и примет из-за Него поношение, но Он, Господь, Сам сохранит его. И тогда, пробудившись, от радости и любви, и благодарности к Богу многие долго проливает он слезы.

Иногда будто созерцает он Рай, то есть радующие, несказанной красоты жилища, дома и места, и, пробудившись, в великом умилении много слез источает.

Также иногда видит разнообразные страшные зрелища, и места мучений, и муки и, пробудившись, сокрушенно печалась, подолгу плачет.

В таковых сонных видениях иногда зрит он, как бы в откровении, будущие, уготованные грешным и праведным воздаяния, но, недоумевая, как оба тех изъяснить, говорит, что

неисповедимо воздаяние грешным из-за страшного ужаса и нестерпимой мучительной лютости, а праведным – из-за пречудной славы, и неизреченной сладости, и радости.

Иногда же предузнавал он и некоторые перемены в жизни своей и других отцов, которые со временем и исполнялись.

29. Иногда от долгого сидения возболит у него сердце, и сам он весь изнеможет, и уже не надеется получить какого-либо действия, бывающего от молитвы, и даже не может более молитву продолжать, – и вот, вдруг сверх чаяния нападает действие молитвы с неизреченными утешениями, и тут же тотчас вся болезнь исчезает, и становится он здоров сердцем и крепок всем телом, и молитва чистейшая истекает с ясным произнесением молитвенных слов.

30. Иногда весьма жаждет и крайне усиливается он изобрести какое-нибудь такое божественное размышление, которым смог бы произвести в себе молитвенное действие, и потому с усиленным вниманием чистейше внемлет, умно простираясь к Богу, внутри сердца своего, но все таковые усилия свои видя тщетными, извещается, что бывающие с ним действия происходят не иначе, как по милости Божией.

31. Случилось однажды, что свет осенял над головою его и, распространяясь, простирался к небесам, и по свету тому будто цветы являлись, наподобие прекраснейших полных маковых цветов – не знает он, чему точнее уподобить их; и не мог вовсе тогда он молитвы производить, но от чрезмерно углубленной сладости, как бы сильно бурлящей и кипящей в сердце и во всем теле, и от нестерпимости ее великие сжимания творил; и, не в силах будучи стерпеть той сладости множества, как бы в изумление пришел, ожидая, что после сего последует. И начало утихать и умяляться видение света. Опять, словно во время мороза, не в силах будучи стерпеть иной ниспадшей сладости на все тело и в сердце, так же крепкие сжимания производил, и это более и более начало услаждать его, умножаясь, и сердце как бы распространилось наподобие великого горна³⁹² и наполнилось словно жара огненного, чему удивляясь, недоумевая, что делать, приложил он правой руки палец к сердцу, и тотчас палец приложенный опалился весьма

болезненно; из-за того отдернув руку прочь, размышлял про себя, что будет далее, и в то время как думал об этом, вдруг будто облако мрачное начало близ того жара находить, и при виде этого так помыслилось ему: «Видно, уже более мне от милости Божией ничего не дастся, и отнято все от меня грешного». И так стала более умножаться темнота, и после этого все исчезло, и молитва со сладостью прекратилась, и долго сидел он, но не творилась молитва, и едва вновь пошла по обычаю; но и по восстании от молитвы несколько дней чувствовал он боль в пальце, наподобие как от опаления, бывающего от прикосновения к чему-нибудь раскаленному. Однако не только бывшей в этом действии сладости отменной ничему невозможно уподобить или как-то изъяснить и наименовать, но и в прочих действиях бывающие наслаждения иначе изъяснить он не может, как только именует: «сладость».

32. Во время наслаждающей молитвы чувствует он иногда словно некое благоволение: хотя и слабое (неощутительное) обоняние имеет от природы, но во время молитвы ощущает обильное благоухание, наподобие как от неких благовонных духов ароматных, и цветов, и ягод или благовонного ладана; и еще явственнее хотел бы изъяснить это ощущаемое благоволение, но не знает, чему приуподобить, ибо кажется оно ему душистее и приятнее многоценного мира; и это часто с ним бывает.

33. Настолько дано ему от Бога действие в сердце этой молитвы, что почти все время ночи и дня в ней он проводит, а потому и всякое рукоделие оставил или сократил.

34. Иногда ради потребности некоей встает он с седалища, желая окончить стоя свое моление обычным малым чтением, и старается вниманием ум свой удержать в словах прочитываемого, но не может, ибо сама собою молитва: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий...» внутри сердца явственно, чисто и со наслаждением, незаметно, как бы невольно, отводя память от читаемого им, влечет внимание к себе.

35. Иногда, бывая празден, стоя, думает, какое бы дело делать, и тотчас чувствует действующую в сердце со

услаждением молитву, и словно влекущую его, – да единою тою занимается.

36. Случилось раз, что пожелал он от любви мучимым быть за Христа, и в то время, сидя на молитве, задремал, и видит, что того довольно ему, если будет плакать и скорбеть.

37. Иногда такой бывает во всем теле его, а особенно в сердце, трепет, от великого кипения в сердце и во всем теле как бы волнующейся сладости, что едва от сильного колебания может сидеть на своем седалище, и до того умучается из-за чрезмерного колебания, трепетания, действующего от несказанной той сладости, и радости, и утешения, происходящих от любви наичувствительнейшей ко Христу, и от иных недоуменных, новых, чудных, умом непостижимых и не вмещаемых услаждений, так что уже и головы своей не в силах держать на шее по-обычному, так же точно руки и ноги от слабости по прекращении трепета у него опущены, голова же, словно привязанная и лишенная собственной силы, совсем не может быть устойчивой в своем положении, но от слабости на все стороны опускается; но после утихновения вскоре как бы вдруг отходит слабость та от него и приходит он в обычное состояние своей силы и крепости.

38. Иногда, будучи одержим безмерною сладчайшею ко Христу любовью, ощущает он словно чувственно Самого Господа нашего Иисуса Христа в человеческом образе в своем распространенном сердце и будто Его лобзанием утешается и тем прохлаждает страждущее от необычной сладости сердце свое.

39. Иногда бывает он словно поражен нестерпимой сладостью так, что, не ведая, какими бы словами изъяснить свое страдание, говорит: «Словно копьем было пронзено сердце». Сколь же несносна таковая боль и нестерпима – всем известно; столь же нестерпимую сладость и радость самоутешительную ощущает он в своем сердце, отчего и делается в то время вне себя.

40. Однажды, лежа на обычном своем прискорбном одре и внимая по обыкновению своему производимой им молитве, внезапно вдруг восчувствовал он в сердце и во всем существе

более всех прежде бывших у него сладостей сладчайшую сладость, отчего и усомнился в таковой необычной сладости, столь стремительно во множестве напавшей на него, потому восстал для сидения, но сидя не ощущал таковой.

41. Иногда, будучи охвачен обычным сладостным утешением, видит он как бы два источника, текущие в сладости: один – в сердце с правой стороны текущий, а другой – из сердца льющийся, наподобие желтого чистого меда, и будто под тот исходящий из сердца источник подставляется стакан, и по наполнении этой сладостью, подобной желтому меду, другие стаканы подставляются, переменяясь один за другим и прочь отставляются сами по себе. На все же это трезвенно взирая умом со удивлением, был он духом в благодарности ко Господу Богу и утешался.

42. С начала сидения его, с час один по времени, ощущал он разнообразные движения и действия с обычной мерою сладости, но потом пришли обильнейшие сладость и утешение и уже не он молитву соблюдал, но в несказанной сладости сама молитва его держала, с отъятием от него всех помышлений этого мира; и таковая умноженная сладость продолжалась около часа, и по утихновении той и молитва начала прекращаться, и сладость умалилась. По прекращении же всего словно дыхание некое наподобие или ветра, или воздуха повеяло на сердце.

43. Иногда, сидя и внимая молитве, всеусильно понудится он заключить вниманием ум свой, углубляя его внутрь одного сердца своего, и, так держа его неослабно, отнюдь не попускает ему ни парить, ни изойти из сердца, отчего сердце, не стерпевая, начнет словно трепетать, и колебаться, и метаться во все стороны, и от такового великого возмущения будто обливается сердце обильной сладостью, и после этого нападает словно бурлящее кипение – иная необычная, и для ума непостижимая, и словами неизъяснимая, и недомыслимая сладость, а посему и наименовал он ее только так: «Необычная сладость», – в которой столько же пламенел он и любовью к Богу.

44. Однажды было так: долгое время сидел он и восхотел уже встать для посещения своего ученика и друга, но внезапно восчувствовал необычное, в безмерной сладости, движение во всем существе, а наиболее в сердце, и молитву необыкновенно ощутительную и весьма явственно творящуюся, почему и стал особенно внимать; и вот, вскоре начало являться в сердце больше сладости, которая, будто крепко сгущенная, по каждом изречении в сердце молитвы «Господи Иисусе...» рассыпалась внутри сердца, и, долго смотря на это с удивлением и утешением, ощущал он, что все более увеличивалась в нем та необычная сладость, отчего и простирался весь горящую любовью ко Господу Богу, и размышлял про себя, чему бы уподобить ту рассыпающуюся сладость, но, не найдя сходного уподобления, сказал мне, что было это как бы подобно ореховому ядру, от кусания рассыпающемуся. И тогда, когда эта сладость рассыпалась, еще и сердце более распространялось, и около молитвы как бы свет стал находить и умножаться, сердце же еще пространнее распространялось; и столь усладило его это страшное действие, что как бы привело в забытие, и не понял он, как и сам весь вошел в сердце и в свет тот, ибо сердце его оказалось чрезмерно распространенным.

45. Иногда сидит он, и сон одолевает его так, что и молитва скрывается, пробудясь же, видит вновь, что молитва сама по себе произносится (идет) со услаждением обычным.

46. Бывает иногда так, что вдруг молитва умолкнет и сердце утихнет, и столь утаится сердце, будто бы вовсе его нет, даже и естественное его биение прекратится; и так, умом в сердце смотря, хочет он молитву произвести, но нет молитвы, не показывается и не чувствуется, только единою сладостью бывает весь объят.

47. Однажды, при великом трепете, подобном болезненному, чувствовал он кипение сладости в своем сердце, но вскоре вдруг остановились то трепетное движение и молитва, и трепет сердца прекратился и утих – наподобие, как бы кто, в ладье на веслах плывя, вдруг грести перестал; по утишии же всего, то есть молитвы, сладости и трепета, начал

будто пламень некий охватывать сердце непостижимой сладостью, или как бы некий воздух обдавал, то есть с силой навевал, этой неизреченной, и непостижимой, и утешительной о Боге сладостью, отчего и все тело сильно растеплилось, до того, что даже и пот обильный по всему телу выступил.

48. Сидел он долгое время, со тщанием понуждая себя, ища внимательнейше великой молитвы, и вот начала усиливаться она и являться более и более, и вскоре объяло его действие ее с сильным трепетом и колебанием всего тела, с неизреченною сладостью, а особенно в сердце и в груди чувствовал будто сильное терзание, но ни малого не приносившее страдания, и никакого болезнования не было от такового сильного трясения груди, равно и прочим членам тела не приносило то действие ни малейшего мучения или расслабления (как случалось ему иногда, после великого трепета, всем телом пребывать в изнеможении и расслаблении), – но здраво, легко и радостно услаждало оно новым утешением. Но вдруг, остановясь, стало то действие разделяться на две половины в теле его: то есть в одной половине, с правой стороны головы и груди, в правой руке и далее даже и до ноги, мало чувствовалось сладости, напротив же того, в левой стороне всего тела, может быть, от сильного в той стороне трепета сердечного, особенно усугубилось чрезмерное как бы обуревание и волнение – так трепет нашел; в сердце же до того умножилось словно нестерпимое раздирающее и терзающее, и сосец столь начал двигаться от того сладкоутешительного о Боге радования – наподобие, как бы кто, рукой его хватая, хотел прочь оторгнуть, и после этого все начало уменьшаться мало-помалу; и продолжалось с ним это действие дольше всех прежде упомянутых: от рассвета даже до времени трапезы.

49. Настолько бывает иногда сильное движение сердца от произнесения слов молитвенных, со сладостью, в радовании о Господе Боге, что сердце уже словно не может стерпеть, хотя тело и не двигается, но оно от сладости той столь трепетно волнуется, и мечется, и толкается биением великим в грудь, что вся грудь как бы округлой видится и от сильного движения

сердца необычно воздымается – так, что, рукою сильно прижимая, хочет ее удержать, но не может, ибо словно прочь отделяется – так грудь высоко воздымается; до того же усиливается он не допускать этого, что даже и кожу, что на груди, держит в руке зажатой.

50. По прошествии некоторого времени еще объявил он мне, недостойному (ибо любвеобилен был, и я любим был им, и потому не утаил от меня), говоря так: «Ныне во всем изменилась и иная во мне молитва, ибо вначале и прежде теперешнего времени действовала более со услаждением, а ныне при усугубленном услаждении и трепет всегда бывает». Я же спросил его, в которой чувствует более превосходства, он же поведал мне, говоря: «Несравненно, которая с трепетом – ощутительнее и умильнее, хотя и без слез; но сладость несказанная и по прекращении трепета бывает, и сердце сладостью обливается, словно неким маслом или миром³⁹³, и весь пламенею и словно таю с неизреченным чувством великой любви ко Господу Богу нашему Иисусу Христу».

51. Было несколько раз таковое действие: сидя, с чистейшею молитвою, весь умно вперен он в Бога в сладчайшей сладости, и трепетом сильным весь одержим, и светом неким весь окружен; и так во свете сидя, видит по левую сторону Создателя своего Господа Иисуса Христа, на Кресте висящим, и перед Ним предстоящую Матерь Его, Пресвятую Владычицу нашу Богородицу; видя же это, и сам весь сильно воспламеняется несказанным желанием и горящей любовью ко Христу Господу Богу нашему, но скорбит и болезнует, что в таком отдалении от него Он видится, ибо крайне желает поклониться Ему и лобызать пречистые язвы Его. И, настолько объят будучи этим великим и нестерпимым желанием, не ведает и сам, как приближается к Нему и осмеливается прикоснуться к пресвятым и животворящим язвам Его, одну за другой осязая, объемля и лобызая, – что на руках Его и на ногах; а ту, что в пречистом Его ребре, уже не рукою осязает и не устами к ней прикасается, но сердце свое к язве Его прилагает. И стоит ему прикоснуться сердцем своим к язве Его, что в пречистом ребре Его, как тотчас нестерпимо закипает оно и чувствует он

сильнейшую, непостижимо действующую сладость, сильно вскипевшую в сердце и словно пронзающую его; и бывает уже он тогда вне себя, как бы в исступлении чувств, в одной только своей чрезмерной любви ко Христу. Но видя, что из-за его приближения к Спасителю, ради приложения своего сердца к животворящей язве в пресвятом Его ребре, Божия Мать стоит позади, болезненно он печаливается, что он тому причиной, что не стоит Она близ, пред Лицом Христовым; и от такого размышления и сожаления начинает он приходить мало-помалу в память и видит на Кресте висящего Господа снова в отдалении, – пока совсем не утихает и не отходит это действие. Это несколько раз с ним бывало в непродолжительное время.

52. По прошествии некоторого времени было еще следующее: подобным же действием будучи охвачен, чувствует он так же и видит все совершенно подобно тому, как перед этим изложено, но только во время прикосновения, то есть приложения сердца своего к язве Христовой в пресвятом ребре (о чудо!), явственно чувствует он и видится ему, как некий источник благодати, струей истекающий из Христова сердца, льется в сердце его. И когда уже эту струю, лучше же сказать, милость Божию, ощутил он вошедшей в свое сердце, тогда поистине сделался вне себя и не знает, как изъяснить и чему уподобить бывшую ему тогда радость и прочие непостижимые и неизреченные утешения.

53. Иногда размышляет он и удивляется неизреченному и непостижимому Божию к человеку благоволению: как от страшной Своей славы и величества восхотел Он стать нас ради человеком и столь лютые страдания Свои претерпел ради нас, а особенно ужасается, видя, как Он, Создатель наш, до того к нам Своею любовью простерся, что, уже не имея чего-либо большего у Себя, чтобы даровать нам, да возлюбим Его, предал Божественное Свое Тело во вкушение и Святую Кровь Свою в питье и как Агнца предложил Себя в снесь верным всего мира, чтобы всецело быть с нами совокупным и неразлучным на веки бесконечные. И от таковых размышлений, и чисто, сильно творящейся молитвы со всеми прежде названными действиями, и от нестерпимости прежде описанных

тех пречудных и непостижимых, с равной силой обуревающих великих ощущений в трепете действующей сладости Божией любви, видя себя также светом окруженным, приходит он как бы в забвение себя и тогда, пребывая уже без всякого помысла, вновь видит Спасителя нашего, Господа Иисуса Христа, перед ним на Кресте висящего, видом Своим вызывающего сильную жалость. Оттого начинает чувствовать он во всем существе сильно воспламененную ко Христу любовь и устремляется с крайним желанием, дабы также с поклонением и любовью лобызать пречистые Его язвы, и, лобызая, распростирает и себя пред Ним крестообразно и так прикладывает себя самого к Нему, Спасителю. Что же за этим последовало, после? О, чудо благодати Божией и Его снисхождения! Видится ему Господь весьма явственно и ощутительно, как бы в точности осязаемым, а спустя немного времени – непостижимо совокупленным с ним, и тотчас видится, как Сам Он весь вмещается в него. И уже не стало Господа на Кресте, но с собою ощущает Его Всего совокупленным и смешанным. И что же тогда? И какое объяло его утешение и каковы во всем своем, словно разжженном и преисполненном теле, в сердце и во всей внутренности чувствовал он сладости действующие? Воистину неизреченные, и непостижимые, и недоуменные – чудные обуревали его утешения. И это поведал он мне грешному так – кратко сказанными словами.

54. Иногда, бывает, сидит он, весь простершись в молитвенном умном зывании со услаждением к Богу, и вдруг охватит его обильнейшая сладость, со стремлением вовнутрь, отчего всю внутренность измененной и будто волнующейся чувствует.

55. По некотором времени открыл он мне, что ныне в нем уже не таковым образом и не прежним обычаем молитва действует, то есть прежде иногда просто с малым услаждением и утешением бывала, а иногда и с величайшим ощущением сладости, теперь же бывает с другим действием – с непрерывным трепетом, и не только сердце трепещет, но и все тело всегда бывает колеблющимся и трепещущим; хотя бы и

весьма малое ощущал он действие, однако сердце и тело и от такового бывают трепетны.

56. Иногда случалось ему пребывать с посещающей его братией или с кем-то в беседе, и не мог он скрыть трепета своего тела, подобного колебанию, а особенно колебания головы, ибо была она как бы волнуемой молитвенною сладостью, – отчего невольно так колебалась. Потому при таких случаях многократно старался он пресекать и удерживать саму по себе действующую непрестанно молитву, но и так не мог совсем утолить любовного своего к Богу простертая, от которого бывает в нем этот сладостный трепет. Слов же этих молитвы: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», – вовсе не мог он удержать, почему и умыслил вопрошающим отвечать так, будто он ныне ослабел головой, также и во всем теле чувствует расслабление; и мне заповедал, да так всем говорю о нем.

57. Беседовал некогда он с отцами о действиях молитвы, и некоторый из отцов поведал ему о себе, что бывает у него молитва тихая и мирная, без помыслов и всяких действий, улаждающая и к любви Божией влекущая; и о том старец мой прославил Бога, и ублажил, и одобрил того поведавшего отца, признавая его преуспевшим о Господе. А по разлучении с отцами и сам приложил усердие, моля Бога, да сподобит его познать таковую молитву. И тогда, сидя, стал внимать он единой тишине и миру помыслов, что вскоре подал ему Господь, дабы познать ему и почувствовать эту молитву. Но известил он меня, говоря, что не ощущал столь распаленной ко Господу любви и такой сладости в той мирной и тихой молитве, какую объят бывает во время трепетного действия в молитве. Ибо эту тихо-мирную молитву старец мой производил, крайне внимая сердцу, соблюдая его от всех чувств, с великим усердием. Но трепетная, именуемая великой, не иначе нападает, как только от крайнейшего понуждения к простертию к Богу, не только умному, но и от всех чувств, так сказать, душевных и телесных, и от многого утеснения своего тела и небрежения о нем, ибо он не внимает тогда ни боли в голове своей и плечах, ни всякой иной случающейся телесной скорби.

И когда с таковым понуждением начинает он молитву творить, тогда уже мирная и тихая отходит и наступает трепет – не разрушая мира и тишины, но с неисповедимыми действиями, влекущими всю душу в любовь к Небесному Отцу, и от нестерпимого жара таковой пронзающей все чувства любви желает в нем душа как бы вон из тела выйти.

58. Один раз случилось ему быть вместе со мною в обители богодухновенного отца, чье имя повелел он мне утаить, ибо так было угодно тому отцу, поскольку он еще в этой жизни пребывал. Но ныне я открываю о нем: был то отец Василий в монастыре, называемом «Белые берега», строитель. От любви, по действию живущего в нем Святого Духа, он много ко спасению души нам изрек; открыл же прикровенно и о себе, так сказывая: «Знаю я человека, у которого бывает таковая любовь Божественная, более же – страдание любовью ко Господу Богу, что чувствует он в тот час всего себя истаивающим и едва не разлучающимся душою от тела». Еще и того не утаил он, говоря, что во время великого действия молитвы весь бывает воскрилен он к Богу и видит себя явственно приподнятым и стоящим на воздухе, примерно на локоть высотой от земли. Этот боголюбивый авва, услышав, что старец мой совершает молитву крайне тихо, то есть неспешно, усомнился об этом немного и начал старца моего любезно учить, дабы по обычаю чуть поспешнее произносил слова молитвенные, говоря, что благодаря тому не будет вторжения суетных помыслов, но и приступающие к нам будут отражаться от ума нашего и бесследно пропадать. И так, свою руку прилагая к сердцу моего старца, внимал он движению (биению) сердца его при произнесении слов молитвенных «Господи Иисусе...», но ничего не мог ощутить. Потом повелел он старцу моему, дабы по своему навыку стал производить молитву, и тотчас воскипела сладость благодати в сердце, и вострепетало сердце биением во все стороны, что ощутил тот отец, и прославил за это Бога, говоря старцу моему: «Блажен ты, отче, добре, твори и подвизайся так, как тебе Господь даровал». Мне же наедине открыл, что старец мой благодатью Божией преуспел в этой молитве и достиг мира помыслов, и блаженным меня назвал,

что такого имею отца и наставника, духовного и смиренномудрого. Но мне повелел он, по причине помыслов, немного поспешнее произносить слова молитвенные «Господи Иисусе Христе...», пока в преуспеяние не приду и не сподоблюсь от благодати чистой молитвы.

59. Находясь некогда в Москве, жил старец мой у отца своего духовного, который в то время был в Москве по монастырским нуждам, квартируя у христоролюбивых благодетелей, причем боголюбивые жены служили ему. Видя это, мой отец (старец) начал смущаться, что неподобающе иноческому житию тот жительствоует, и усиленные помыслы об этом начали досаждают и одолевать его до того, что уже и молитвенной сладости начал он лишаться. Но Божией помощью понудил он себя противоречить помыслам, говоря: «Мне не подобает об этом судить. Господь-Сердцеведец видит, что он, отец мой духовный, преуспел о Господе, и достиг верха бесстрастия и совершенства, и ощущает будущее блаженство, о каковом Господь в Евангелии открыл, говоря: “в будущем веке будут, *яко Ангелы на небесех*” (Мк.12:25). Так же и апостол сказал: “*несть мужеский пол, ни женский... но нова тварь... о Христе*” (Гал.3:28,6:15)». И прочими возражениями из Божественного Писания прекословя, укротил и отразил он эти приступающие хульные и смущающие помыслы, и настала у него вскоре тишина, после того явились мир и радость в душе, и молитва пришла с сильным действием, всего изменяя и прелагая в любовь Божию. И сильнее ощутил он необычное благоухание, услаждающее душу и все чувства. Еще не случилось с ним прежде такого никогда.

60. Не в силах терпеть, видя, что почитают и прославляют его знакомые, – по этой причине удалился мой старец со мной в сибирские пределы, и зазимовали мы в глубокой пустыни, и устроили небольшую землянку в горе, – вместе ту зиму жили и правило читаемое сообща исполняли: я читал, а он стоя слушал. Однажды по пробуждении от сна пришло ему великое действие молитвы, и сделался он как бы вне себя, с необыкновенным дыханием и пресильным трепетом во всем теле, и так он пребывал словно в конвульсиях, без облегчения;

я же ждал долгое время, слушая и внимая таковому необычному, удивительному конвульсивному движению во всем теле его и прерывающемуся его дыханию, как у болящего, что происходило с ним от нестерпимой сладости при несказанном о Боге радовании и утешении во всей внутренности и во всем теле его, как сам он после поведал мне. И, в таковом действии пребывая, после многих часов едва возмог сказать мне: «Совершай один моление, я уже совершил, уже день настал». Это было в январе месяце, в начале пребывания нашего в Сибири. И тогда едва смог он разлучиться с тем молитвенным действием, каковое, стал он ощущать, как бы начало понемногу ослабевать, почему и смог он восстать с седалища. Тогда я, взглянув на него, увидел его лицом весьма изменившимся, утомленным и изможденным, с небольшим румянцем.

61. Опять, в той же стране жили мы на ином месте, не сообщая, но в отдельных келлиях, и в неделю, то есть в воскресный день, для слушания часов пришел старец ко мне, и по целовании³⁹⁴ сели мы вместе на одной доске (лавке), рассуждая о знакомых нам монашествующих отцах, как они подвизаются, а особенно о том великом отце, делателе умной молитвы, о котором сказано было в 58-м действии; и во время такового разговора между нами нашло на старца моего действие молитвы с благодатью Божией, и уже не смог он более затем со мною грешным беседовать, но замолчал, и тогда же охватила его молитва с сильным трепетом так, что вся та лавка, на которой сидели мы, прогибалась и двигалась, отчего и я, сидя на ней, двигался, удивляясь таковому внезапному изменению старца моего и столь сильному, великому действию Божией любви, в молитве являемой, как сам лично я видел в нем. Ибо вскоре от нестерпимости в обилии напавшей сладости, что воскипела в сердце и во всей внутренности его, вскричал он в голос, а немного спустя вновь возмычал, не в силах будучи удержаться; и было это с ним примерно с час один по времени. Я же после того спросил его: «Где был ты сейчас?» Он же ответил мне: «Прости, тебя соблазнил я – не мог стерпеть, ибо нестерпимо Божие». Я же благодарил Бога,

что сподобил меня самого лично узреть, в каковой благодати старец мой находится.

62. Когда там же жительствоваали мы, в разное время поведал он мне, иногда улыбаясь и словно жалуясь, говоря, как тою ночью в тонком сне бесы ему досаждали, разнообразно устрашая, а иногда нестерпимо хватая за ребра и щекоча, иногда ножом заколоть желая; а иногда видел он подобное кончине мира и другое, разнообразное, во умиление и во многие слезы приводящее.

К этому же поведал он мне, говоря: «Когда ты ушел от меня после утреннего пения, я же сел, чтобы хоть немного побыть в молитве, тотчас начало некое опасение на меня нападать, как бы ты не пришел и приходом своим не пресек бы моей молитвы. И вскоре пошла в несказанном действии молитва, распространяющая некое необычное Божественное ощущение как бы во всей груди и словно наполняющее некоей безмерной сладостью и горячей пищей с благоуханием, каковое весьма обильно обонял я с услаждением, и думал, что все то долгое время пребудет, но вскоре все прекратилось и отошло; и тогда к тебе я пошел для слушания часов». Случилось это в день воскресный (в неделю).

63. Опять через несколько недель, в день воскресный, пришел старец мой ко мне, и по окончании утреннего моления сели мы и еще беседовали между собою, как уже почувствовал он в себе пламень любви ко Господу Богу, а в сердце словно жжение почувствовал молитвенной сладости. Это сам он после поведал мне: «Всеми силами, – сказал он, – старался я удержаться, но утаить не смог». Ибо вскоре от нестерпимости, будто пораженный, вскричал он в голос, подобно страждущему, и, услышав это, я встревожился, помыслив про себя, не болезнь ли какая внезапно поразила его, и спросил его, говоря: «Почему неожиданно, и необычно, и так чудно (странно) вдруг вскричал ты?» – но он не мог мне ответить, а потому и я умолк, и начал наблюдать за ним, и видел словно волнение, то есть колебание, во всем его теле, и слышал дыхание его таковое, что подобно оно было дыханию ужасным страхом объятого. Потом еще два раза прерывисто, тихогласно

возгласил он умилительно, так как не мог полностью удержаться, и тогда я уразумел, что от действия молитвы и от нестерпимой сладости, что была ему по милости Божией от благодати, так он вскричал. И было это с ним примерно полчаса, затем вновь стал он со мною говорить, и я спросил его еще раз: «Почему так внезапно ты вскричал?» Тогда он мне рассказал, говоря: «Как только сел я, то тогда же и восчувствовал будто некую стену или облако – так распалилась любовь ко Христу, и утешительная сладость нахлынула в сердце, и всячески хотел я удержаться, и до того крепился, что вместе с этим моим восклицанием будто звезды блистающие явились и блистали предо мною, и после этого уже не мог я возобладать собою и утаить в себе».

64. Еще сказал мне старец: «В тот же день вечером случилось со мною нечто наподобие такого же любовного и сладостного ко Господу Богу распадения, и надеялся я, что так же возобладает оно мною и стану так же от нестерпимости кричать, и много усердствовал, и понуждал себя, дабы достигнуть такого чувства, но не получил; и вскоре прекратилось все, и уразумел я, что то действие ради тебя Господь подал мне». Но сказал это старец мой от глубокого своего смирения.

65. Еще рассказал он, что в тот день, когда был он обуреваем страстными помыслами, по отгнании их и утихновении плотского движения, пришло время ему поклонное правило совершать, но немощь и изнеможение напали на него и двумя противоположными помыслами был он одержим: один помысл представлял ему, что он немощен и не может совершать, а второй обличал и уверял, что более это от лени. И понуждаем он был благим помыслом испытать свою немощь, хотя бы немногими поклонами, и так, повинувшись, начал поклоны класть; и по совершении поясных начал творить и земные, и тотчас по первом поклоне почувствовал сладость в своем сердце, а по втором – более, а по третьем – еще обильнее, и столь услаждающую и облегчающую его всего, что забывал он и правилу внимать, и Богородичные, установленные между поклонами, молитвы пропускал, и будто летающим себя

чувствовал от сладостной радости и ощущаемой легкости, видя всего себя к Богу простертым. Потому с удивлением благодарил он Бога за это, ибо никогда прежде того не ощущал он сердечного утешения и услаждения во время поклонного правила. А поутру было у него таковое же услаждение и легкость и при поясных поклонах, равно как и при земных, и сказал он мне: «Весьма чудился я, как внезапно прелагает благодать Божия лень в бодрость, тягость в легкость и немощь в крепость, а к тому еще и во утешение, и радование о Господе Боге с безмерной, исполненной любви к Нему, сладостью».

66. В иное время, вновь беседуя со мною, среди прочего душеполезного, сказал он мне и это: «Ныне уразумел я от собственного ощущения, почему апостол Павел сказал: *“никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым”* (1Кор.12:3), – ибо никогда не произносится в сердце моем имя Господа Иисуса без действий сладостных, а в особенности это – Иисусе, ибо с этим словом будто разыграет сердце сладостью в Божией любви, хотя бы и без приготовления к молитве был я или просто вспомнил». И поскольку старец всегда в памяти молитвенной пребывал, то и действия ее, со услаждением, никогда не прекращались, отчего и голова его в беспрестанном была колебании.

67. И еще поведал он мне, говоря: «Когда бывает у меня исполняющая обычной сладостью молитва, от которой колебание тела бывает, и когда удержусь, чтоб головой и телом не двигаться, тогда бывает тихим биение сердца и молитва – словно некое миро или пар сладости, собирающийся и разливающийся по всему сердцу, ибо не исходит та сладость в тело. А когда попусти и дам послабление сердцу моему, то тотчас та сладость из сердца и во все члены тела пройдет, отчего и бывает движение в жилах и во всех членах, и явственно голова колеблется, и тело как бы волнуется; и таковое действие бывает ощутительнейшим, в умиление и благоговение пред Богом более приводящим, потому и не удерживаюсь я от телесного колебания. Когда же придет сильное действие, тогда уже невозможно мне удержаться от

телесного трепета, то есть от кивания головой и от трепетного во всем теле колебания, ибо тогда распален и пленен бываю я нестерпимо любовью Божией, отчего в забвение себя самого прихожу, а иногда вне себя бываю, будучи так восхищен тогда весь к Богу».

68. В день Великой Субботы, севши по обычаю на молитву, начал он ощущать сладость, и сердце его вместе с этим ощущением сладости, происходящей от великой любви ко Христу, начало необычно скоро метаться и трепетать, но вначале весьма тихообразно; и вместе с мало-помалу возрастающей и умножающейся сладостью и сердце более и более двигалось и сильнее трепетало, и до того умножилась сладость в любви Божией, что от нестерпимости всем телом стал он сильно колебаться. Но вскоре, и как бы вдруг, начало все уменьшаться, и укрываться, и будто отошло, но, совсем еще не потухнув, вновь начало происходить таковым же точно образом; и так беспрестанно происходило, то крайне утихая, то весьма умножаясь. «И ждал я, – сказал он, – что последует далее, но не мог дожидаться совершенного конца, ибо уже много времени прошло: думаю, – говорит мне, – что двадцать раз так изменялось во мне; и тогда, во время утишия, встал я и пошел к тебе».

69. На другой день, по отшествии от нас одного брата, после утреннего пения сел я поблизости от старца моего, и, беседуя о чем-то житейском, ненадолго мы замолчали, и вот, внезапно вскричал старец от нестерпимости великой сладости, вскипевшей внутри сердца его, сверх меры и крепко действующей. Зная же, что я близ него сижу, силился старец всячески удерживаться, чтобы не двигаться и не колебаться всем телом сильно, но не возмог, ибо был он чуть не вне себя от крайнего своего к Богу простертия и безмерной сладости, что была в сердце его, и потому снова вскричал. Я же, грешный и недостойный, сидя, много дивился и радовался, видя таковое в нем дивное и ужасное от Божественной любви страдание. Когда же несколько утихло в нем то действие с движением, лучше же сказать, всего тела страдание, тогда я спросил его, говоря: «Отче! По какой причине было у тебя таковое неожиданное

действие молитвы?» Ибо беседа наша была о житейском. Он же, любя меня, не утаивая, сказал мне: «Когда перестали мы беседовать, не знаю, как пришло мне размышление таковое: как всякое Божие творение нестерпимо, и велико созданное Им, то есть огонь нестерпим, подобно и мороз нестерпим. И от этого перешел я к размышлению о Божией великой к нам любви: насколько ради нас умалил Он Себя – сделался Младенцем, и ручки, и ножки у Него были пеленами повитыми! Отчего как бы ужаснулся я таковой Его к нам любви, и дивился в уме моем; и от этого размышления вдруг вскипела сладость в сердце и во всем теле, и во мгновение ока нестерпимо пронзило меня, ибо, подобно огню, начала она с утешением жечь любовью ко Господу нашему Иисусу Христу в сердце моем. Потому вскричал я, и если бы изо всей силы моей не удержался, но попустил бы вольно этой сладости действовать в сердце, то неизбежно нужда была б кричать, ибо словно некое жжение – так эту сладость ощущал я в себе, и через это действие познал я, что в Боге все нестерпимо и непостижимо, недомыслимо и неисповедимо; как бывающее утешение и сладость, так и любовь Его к нам – беспредельны». И так, после этой чудной беседы, встали мы, ради меня, ибо думал он, как бы не отяготить меня продолжительностью ее времени. И начал старец правило поклонное вслух совершать, то есть «Боже Милостив...», и не смог, ибо действие в нем еще было, каковое и снова в нем всколыхнулось сильно и воспрепятствовало ему вслух произносить молитвы; и удержаться он не смог, но от нестерпимости как бы возмычал, а затем, умолкнув, долго стоял безгласен и едва смог вслух снова исполнять правило, но не в полный голос (однако не переставал). Меня же не заставил он, – дабы утаить такое нестерпимое в нем действие; и потому сам, с замешательством, несовершенно, окончил правило.

70. По прошествии многого времени, в течение которого много было с ним разных обычных действий, каковых я и не вписывал, случилось во Святую Четыредесятницу, при наступлении недельного бдения³⁹⁵, сидеть старцу моему на молитве, и было у него молитвенное действие обычное, с трепетным услаждением. И так продолжительное время

сидевши, восхотел он ради наступающего бдения отдохнуть и лег, думая про себя, дабы с молитвою уснуть, потому и лежа внимал молитве, и вдруг прекратилось обычное трепетание, но новое некое неизреченное начало происходить действие без трепета, отчего особенно понудился он во внимание углубиться: как из-за необычного действия, так и из-за обильно умножившейся сладости и сильнейшего к Богу влечения, ибо оно отворило ему сердце, и начал он туда ясно и чисто смотреть и явственно видеть – ибо в сердце сделалось как бы некое тело, кажущееся извне темным, внутри же белым, светлым и прекрасным. И тогда сильнее сделалось действие молитвы, вместе и сладость приумножилась, и вскоре начал из того тела, являющегося внутри сердца, аромат благовония как бы испыхивать. Потом же, подобно как от меха сжимаемого, излетел с великим стремлением всплеск, но не враз, а брызгами – одни за другими, и этот всплеск ударял, лучше же сказать, поражал сладостью во все стороны сердечные; и от такого всплескивания появилось в сердце как бы некое обливание нестерпимой сладостью, прелагающей его всего в любовь Божию, и затем начали учащенно, словно от какого-то сильного и крепкого сжатия и стеснения, излетать из того тела быстросладостные брызги, и пронзали они своей сладостью с обильнейшей любовью Божией не только само сердце, но и его всего самого исполняли таковой сладостью. После того пошла, поднимаясь, вся та сладость выше груди, и дух с дыханием стало захватывать и удерживать от той пресильной исходящей сладости, и уже не мог он более молитвы производить; и вот, вскоре тот образ, являемый в виде тела, вместе с подыманием сладости стал прелagаться в пламень, и, еще выше поднимаясь и сладость умножая, охватил всю грудь, и как бы задавил ее своею пламенной непостижимой сладостью, и тогда уже совсем не мог он дышать, но так, без дыхания, на ту огненновидную пламенеющую сладость внимательно смотрел; когда же в память пришел и осознал, что не имеет дыхания, тогда, истинно уразумев и почувствовав, что не производится у него дыхания, помыслил про себя, что не дыша умрет, и, так внимая, начал привлекать и

вводить свое дыхание, а между тем та пламенно являемая сладость стала, изменяясь, умягаться и укрываться, и вскоре совсем невидимой сделалась. И так, нимало не спавши, восстав от ложа своего, много удивлялся он и недоумевал об этой непостижимой, утешительной, с любовью Божией соединенной сладости, и также недоумевал, как долго пробыл без дыхания и не задохнулся, а наиболее, – что и не утомился, и не восскорбел, но еще и легкость, и большее оживление ощущал. Я же спросил старца, говоря: «Была ли у тебя, отче, тогда память о Боге?» Он же мне сказал: «Чистейшею памятью Божиею и любовью ко Господу и Богу, Спасителю нашему Иисусу Христу все и составлялось».

71. Опять, в иной день, когда лежал он из-за болезненной своей немощи с обычным углублением в молитву, вдруг по подобию прежнего стало в нем двигаться сердце и являться молитвенное действие, то есть великое движение в себе почувствовал, ибо воскипела в сердце сильная любовь к Создателю, вместе со сладостью, которая, изливаясь сама по себе, потекла по всем членам, и жилам, и даже по малейшим жилкам, находящимся во всем теле. Тогда помыслил он про себя, что неблагоговеино с таким усердно распаленным желанием и любовью к Богу, таковую ощущая сладость, пребывать лежа, потому и встал, и сел, и начал усердно и претщательно чистейше внимать, дабы не лишиться начавшегося действия. Но, однако, не было ему сидящему той новоявленной сладости, но пошла обычная молитва, услаждающая обычным утешением.

72. По прошествии одной недели после вышеупомянутого действия, снова перед наступающим воскресным бдением, лег он, чтобы уснуть, ибо случилось ему в тот день трудиться, исполняя необходимое по келлии. И так лежа внимал он своей молитве, и вот вдруг сверх чаяния и неожиданно началось действие в сердце, не по прежнему подобию, но неким иным образом, которое, сказал, в точности изъяснить никак невозможно, бывшее со многую сладостью и распалением любовью Божией; и от таковой, чрезмерно усилившейся, соединенной с радованием, утешением и умилением сладости

начал как бы некий свет над головой его сиять, может быть, троекратно или более, подобный звездному блеску. И таковое действие видя, помыслил он не вставать от лежания, чтобы вновь, как прежде было, не лишиться и этого чудного действия; и, так лежа с крайним трезвением и бодрствованием, начал помышлять и рассуждать, говоря в уме так: «Я недостойн ни единого утешения, Господи Боже, а боюсь таковое распаление любви к Тебе, что бывает в моем сердце с неизреченной радостью, сладостью, чистейшим к Тебе простертием и мирным устройством, с ощущением благоухания мира и пречудных благовоний, в несомненном уповании на милость Твою и многом утешении – все таковое не смею я похулить, ибо все это не от моей силы происходит; и опять же, страшусь с доверием, как точно идущее от благодати, принять: вдруг это неистинно. Потому, Боже мой, пусть это будет по воле Твоей святой, бывающее во мне». И при таковом размышлении начала умножаться более и более и с сильным усилием потекла из сердца через все жилы во все тело невообразимая сладчайшая сладость, и не просто, но как бы с неким напеванием или звонцанием, или как бы с неким непостижимым звучанием, ибо вовсе непостижимо и неизъяснимо словами то звучание. Особенно же чудно то, что весьма трезвенно чувствовал и слышал он, как во всех членах и жилах таковое звучание и восклицание, или звонцание, происходило, а наиболее в руках, в ногах же не чувствовалось. И удивительное то звучание ощущалось совокупно с нестерпимой сладостью и радованием о Самом Господе нашем Иисусе Христе, и до того усиливалось в нем все то происходящее, что все члены при том звуке, или звонцании, тряслись; и еще от того звучания истекало по жилам и членам и расходилось по всему телу как бы некое благовонное масло, сильно и чудно услаждая, и от этого миро-благовонного ощущения радостотворный трепет был во всем теле. И опять сказал он мне, говоря: «Поистине, от этой сладости нестерпимо страдал я, утешительно и столь сильно, что уже не думал снова быть в естественном моем положении и впредь остаться в обычном состоянии, но помышлял, что будет со мной какое-то изменение, то есть или сердце расторгнется,

или иссохнет, или конец жизни последует. До того могущественно это действие обуревало, что всего меня, лежащего, многократно подымало от того волнения, кипящего Божественной любовью в сердце с непостижимо безмерною сладостью, и едва на землю не свергало с ложа моего; сколь же страдало сердце, и того, что происходило внутри него, совсем изъяснить невозможно, ибо то билось оно и сжималось, то распростиралось, терзалось, колебалось, металось и ударялось во все стороны. И, так долго происходив, вдруг отошло все. И после этого встал я, не чувствуя никакой боли, но только малое некое расслабление, и сел, и едва пошла обычная молитва, но и та переменилась в иную, некую смиренную и тихую, с некоей иной великой радостью и сладостью, влекущей в любовь Божию, и благоухание было многое; и это также было продолжительно; и вдруг прекратилось все, и не стало молитвы вовсе, и тогда встал я и пошел к тебе». Все же это происходило не менее трех часов.

73. Прошло много времени, но не возвещал мне старец мой о новых действиях, потому я начал помышлять в себе: «Неужели умалилась в старце молитва, что не рассказывает мне?» И в один из дней после моего к нему прихода сам старец пришел меня звать на всенощное бдение к себе и, сидя, беседовал со мной о необходимых житейских потребностях. По беседе же умолкли мы на малое время, и вдруг услышал я действующую в нем молитву, каковая так начала в нем действовать, что даже привела меня в удивление, и, недоумевая, начал я сомневаться: не напала ли на него болезнь, именуемая «родимец», которой никогда он не был одержим, ибо весь не только трепещущим стал, но всем телом колебался и метался, не в силах владеть ни руками, ни ногами. А голова, словно кем-то сильным во все стороны мотаемая и шатаемая, как бы прищепленная, колебалась, и всем телом подымался, и метался, и вообще, можно сказать, не сидел, но будто кто его со всем сидением во все стороны мотал, так что он едва не падал на пол. Дыхание же его то удерживалось, то тяжелоисходно испускалось; и тогда же вдруг весьма слышными вдохами так часто и поспешно стал он дышать, что даже

невероятно: подобно тому, как какое-нибудь малое животное, гонимое и до крайности утомленное, учащенно дышит, – или того еще чаще, и, не имея сил терпеть, мычал он краткими и продолжительными возгласами, таковым тоном, словно нестерпимой болью поражалось в нем сердце. И оттого весь страдал он и будто терзался настолько, что я едва удержался, чтобы не подойти к нему узнать, не болезнь ли какая нашла на него, ибо удивительно тогда было смотреть на него: словно бы мучается. Видя же его в таковом мучительном действии, совершенно невозможно было поверить, что возможно было ему сохранить неповрежденным свое здравие и все члены утомленными или что он сможет вскоре после этого прийти в силы. Ибо если бы и здорового, и молодого столь продолжительно и так неослабно колебать и трясти, то и таковой бы, здравствующий, ослабел и упал бы для отдохновения. Но старец по утихновении всего восстал здоровым, не чувствуя ни малого расслабления ни в голове, ни в иных членах; и наутро вновь таковым же образом случилось с ним. А каковое внутри него происходило действие – об этом так сказал он мне, говоря: «Когда умолкли мы во время беседы, вначале помышлял я о суетном и за это осудил себя, почему не одной молитве внимаю, и тотчас пошла молитва, и сердце будто увеличилось, и соделалась к сердцу гортань. Божественной же любви, бывшей тогда в сладости, изречь невозможно, каковая была в великом множестве и большом количестве и будто тою гортанью входила в сердце, сердце же желало враз много поглотить, но от множества словно запиралось и замирало, будучи не в силах проглотить; и тут уже не могу я даже и молитвы произносить, потому что все тело исполняется тою сладостью, и выхожу оттого из терпения, и тогда вырывается гласное мычание. Ты сам слышал его и видел моего тела колебание. Когда сердце ту сладость поглотит, тогда словно отдохнет, и тогда быстро хватает отдохновение частыми и краткими вдохами, которые ты слышал. И тогда опять таковым же образом приходит к сердцу сладость как бы сквозь гортань, и не в силах из-за великого обилия ее проглотить, снова также обладаем бываю, то есть вопию мычанием и скороспешно

дышу, как ты видел и слышал. Но как сердце колеблется, и мятется во мне, и бьется во все стороны, тому я и сам дивлюсь: как не повредится оно от такого сильного метания, сжимания и распространения. Ум же чистейшим имел я во время этих действий».

74. Однажды услышал он от брата совет, чтобы, по причине уже ослабевшего его зрения, вместо чтения акафиста и канонов к Богородице совершал бы в сердце молитву к Богородице краткую, то есть «Владычице моя, Пресвятая Богородице, спаси мя грешного». На что старец и согласился, и так ночью начал молиться то ко Господу: «Господи, Иисусе...», то – «Владычице моя...», и творились те молитвы с великим чувством ко Христу и к Богородице, со умиленным услаждением; и был низведен он в тонкий сон, и видит с правой стороны образ Божией Матери, а с левой – Христа Господа – не как писаные, но словно в теле, несказанной красоты, как бы за занавесами, открывая которые, видит Их стоящими, и молитва ко Обоим усердно творилась, отчего и пробудился в трезвении, имея сердце свое исполненным духовного умиленного радования, с несомненным извещением, что это угодно Богу.

75. Случилось однажды, что когда сидел он, по обычаю внимая молитве, то почувствовал, как она становится лучше, потому внимательнее стал и с большим усилием понуждать себя, дабы еще и от себя приложить старание, и так весь умно простерся и распалился «Божественным желанием» к Самому Господу Богу, ибо недоумевал он, как наименовать действующую тогда любовь ко Господу, что была в сердце, и во внутренности, и во всем теле, из-за радости, сладости и утешения несказанного от нее. И от такового ощущения до того восхищен был он ко Господу, что почувствовал всего себя измененным, светлым, и светом объатым, и будто исшедшим из тела, но как исшел из тела – изъяснить того не смог, ибо тогда от великой радости о Боге и сладости, всего его объемлющей, не чувствовал на себе своего тела, но видел себя вознесенным на воздух, сидящим без тела в совершенной памяти и бодрствовании. До того был он трезв в памяти, что даже думал и размышлял, как держаться на воздухе без тела, ибо

бодрственно и явственно видел свое тело мертвым, бездушно лежащим внизу, в отдалении от себя. И так долго видел он себя на воздухе удерживаемым, но каковые в нем были чувства к Богу – любовь, благодарение и надежда на Его благость – по причине огромности их не мог мне изъяснить, но так сказал мне: «Все эти чувства сами собой производились, одно другое предваряя, и тем самым всего меня привлекая и распаляя желанием ко Христу, любовью и благодарением, с непостижимой сладостью». И так во всех этих сильных ощущениях он словно начинал забываться, а потом немного приходил в память и снова начинал сомневаться, как исшел из тела и что с ним будет из-за исшествия из тела. И так, чувственно и неприметно, с умалением к Богу любви уменьшалась и сладость, и тогда осознал он себя уже сидящим и не исшедшим из тела, но сердце тосковало, словно терзалось биением и метанием во все стороны: почему та великая, непостижимая, так всего его привлекавшая к Богу любовь и радование улаждающее отошли от него. И от таковых размышлений, опечаливающих его сердце, снова распалялся он весь к Богу и прежним образом видел себя светлым, во свете, на воздухе, без тела, а тело свое само по себе мертвым лежащее. И все те прежде описанные действия видел и чувствовал он явственно и трезвенно, в полном уме и бодрствовании, как выше показано.

Каковые же после этого последнего действия были действия, а в особенности перед кончиной и в час исхода, я, недостойный, не сподобился от него слышать или видеть, потому что по некоему случаю невольно был с ним разлучен. Но боголюбивый крестьянин, который послужил тогда ему, сказал мне, что во время болезни и при кончине своей многократно вспоминал он меня, недостойного. Незадолго же пред исходом был словно кем-то истязуем, однако не опечалился и не отчаялся, но, благодушно надеясь на Божию милость, был в совершенной памяти, и с молитвой почил, и отошел ко Господу, Которому от юности до смерти с любовью и смирением простодушно послужил. Пред самую же кончину своею сподобился он с обычным своим великим усердием

исповедаться и причаститься Святых Таин Тела и Крови Господних; также и елеем святым соборовался. При самом же исходе, вероятно, был объят он неким великим действием и в памяти совершенной, ибо когда вконец уже изнемог, тогда помянутый служитель крестил его его же рукой (ибо старец сам только подымал, а от слабости уже не мог до плечей доводить, потому знаками заставлял, чтобы тот руку его обводил). И так, обводя его руку, видел он, что грудь его воздымается и трепещет колебанием необычно сильно, потому приложил руку свою к его груди и ощутил, что сердце в нем столь сильно бьется и мятется во все стороны, что даже удивился этот служитель. До самого последнего издыхания был старец в молитве и с молитвой испустил дух, тихо, словно уснув; но и по исшествии духа еще долго сердце в нем трепетало. По смерти своей, в показание всем своего благочестия в вере, оставил он свою правую руку, как крестился; так и остались сложены: три первых перста больших вместе сложены, а последних два меньших – пригнуты к ладони. Поскольку же, будучи в живых, никак не давал он с себя портрета написать, по великому смирению, то уже после кончины так, как лежал в гробу, совершенно сходно был он написан, с таким же образом сложенной рукою. Преставился он в Тобольской губернии, в городе Туринске, в Свято-Николаевском Девичьем монастыре, под 29-е декабря 1824 года, то есть в пятом часу пополуночи, и погребен в том же монастыре близ соборного алтаря, на северной стороне.

396

Приложение

Преподобный Нил Сорский

Предание старца Нила Пустынника своим ученикам; и всем полезно его иметь

Вседействием Господа Бога, Спаса нашего Иисуса Христа и вспоможением Пречистой Его Матери написал я писание душеполезное для себя и для господ братьий моих ближних, которые одного со мною духа, ибо так я именую вас, а не учениками. Ведь один у нас Учитель – Господь наш Иисус Христос, Сын Божий, давший нам Божественное Писание; есть и святые апостолы, и преподобные отцы, научившие и научающие спасению человеческий род, – все они прежде сами исполнили добродетели и так иных научили. Я же не делаю ничего доброго, но только Божественные Писания³⁹⁷ пересказываю принимающим их и хотящим спастись. И поскольку Писание говорит, что пришельцы мы здесь и переселенцы (см. Евр.11:13)³⁹⁸, там же, по смерти, вечная жизнь и непреходящее житие – или в покое, или в муке, как кому воздаст Бог по делам его, – то подобает нам позаботиться о том посмертном житии. И потому преподавал я писание господам братьям моим, спасения ради моего и всех произволяющих, воздвигая совесть к лучшему и сохраняя от нерадения, порочной жизни и грехов зло и плотски мудрствующих людей, и от ложных и суетных преданий, прившедших от общего нашего врага и обольстителя и от лени нашей.

В начале же, как подобает, задумал я поместить [слово] о вере. Верую во Единого Бога, в Троице славимого, Отца и Сына и Святого Духа, – Троицу Единосущную и Нераздельную. Также и в воплощение Сына Божия верую, совершенным Богом и совершенным Человеком Того исповедую и прочее исповедание православной веры все принимаю и исповедую всей моею душою. Также и Госпожу мою Святую Пречистую сущую³⁹⁹ Богородицу со мною верую и любовью исповедую, величаю и славлю; и всех святых почитаю, приемлю, прославляю и соединяюсь [с ними] благодатью Христовою. И прибегаю всей душою ко Святой, Соборной и Апостольской Церкви, и все учения о православной вере и о деятельной жизни, которые

приняла она от Господа и святых апостолов, от святых отцов Вселенских и поместных соборов и прочих святых отцов Святой Церкви и, приняв, нам предала, – все это принимаю и почитаю со мною верою и любовью. Лжеименных же учителей еретические учения и предания все проклиная, – я и пребывающие со мною; и еретики все чужды нам да будут.

Поскольку многие благоговейные братия приходят ко мне, желая жить у нас, а я многократно отказываю [им] (ибо грешный и неразумный я человек, и душою и телом немощный), отклоняемые же мною, не оставляют они меня в покое и не перестают докучать мне, отчего бывают у нас смущения, то рассудил я так: если есть воля Божия, чтобы они пришли к нам, подобает им знать предания святых, и хранить заповеди Божии, и исполнять предания святых отцов, а не выставлять отговорки, и не измышлять оправдания в грехах (см. Пс.140:4), и не говорить: «Ныне непосильно по Писанию жить и последовать святым отцам». Но хотя и немощны мы, а, сколько есть силы, нужно уподобляться и последовать приснопамятным и блаженным отцам, пусть и невозможно нам в равную меру с ними достигнуть. Если же кто не желает этого, – да перестанет докучать моему окаянству; ибо я отсылаю таких ни с чем, как прежде сказал, – [ведь] не я прихожу к ним, желая начальствовать, но они, приходя ко мне, понуждают меня [к тому]. Если же и пребывающие у нас не будут стремиться хранить этого и не послушают слова нашего, что говорю им от Святых Писаний, то я за них ответ давать не хочу по причине их самочиния и неповинен. А если желают так жить, – свободно и без опасения принимаем таковых, говоря им слово Божие; хотя сам я и не исполняю его, да, может быть, и я благодатью Христовою, по молитвам получивших пользу, сподоблюсь сказанного в божественной «Лестнице»: «[Некоторые], погрязшие в нечистотах, объясняли мимоходящим, каким образом погрязли там, для спасения их [об этом] рассказывая, чтобы и они в тех же нечистотах не увязли. И за спасение тех и этих Господь от нечистот избавил». И еще говорит Лествичник: «Не будь жестоким судьей тех, которые учат словом, видя, что они к деланию ленивее, ибо часто скудость дела восполняется

пользой от слова». Опять же, с другой стороны, боясь греха, [святые отцы от продолжительных поучений] отвращают, как сказал святой Максим: «Много нас говорящих, мало же творящих». Впрочем, слово Божие никто не должен утаивать по своему нерадению, но, сознавая свою немощь, не скрывать и Божией истины, чтобы наряду с преступлением заповедей не быть нам повинными и в превратном толковании [другими] Божиих слов.

Слов же святых отцов и иных [творений] такое множество! И потому, изучив Божественные Писания, преподаем их приходящим к нам и в них нуждающимся (скорее же, не мы, ибо мы недостойны, но [сами] блаженные святые отцы [говорят] из Божественных Писаний), и пребывающим у нас надо стремиться тщательно их сохранять – так мы желаем и любим.

Если кто-то из братии от разлечения или небрежения отпадет в чем-нибудь от преподанного ему, то должен исповедать это настоятелю, и тот, как подобает, исправит согрешение. И таким образом, в келлии ли случится согрешение или с вышедшим куда-либо [из нее], – исповеданием нужно его исправлять. Много же осторожности подобает иметь вышедшему куда-нибудь из келлии, особенно должно преподанное сохранять. Ибо для многих ненавистно отсечение ради Бога своей воли, но каждый ныне незаконно присваивает себе оправдание. О таковых в божественной «Лестнице» сказано: «Лучше [послушника] изгнать, чем оставить творить свою волю, потому что изгнавший часто делает изгнанного смиреннейшим и впредь [вынуждает] отсекающую свою волю, а кто мнит, что проявлять к таковым снисхождение есть человеколюбие, тот заставляет их горько проклинать себя во время [их] исхода».

Святыми же отцами строго предано нам то, дабы ежедневную пищу и прочее нужное, что Господь и Пречистая Его Мать для нас устроят, [приобретали] мы себе от праведных трудов своего рукоделия и работы. Не работающий, – сказал апостол, – да не ест (см. 2Фес.3:10), ибо жителство и нужды наши [от наших собственных трудов] должны устраиваться. А делать подобает то, что возможно под кровом.

Если в общежитиях по нужде похвально и под открытым небом, [например], упряжку волов гнать пахать и иное что-либо тяжелое своими силами делать, говорит Божественное Писание, то для живущих уединенно это достойно укора. Если же в нуждах наших не удовлетворимся мы от работы своей, по немощи нашей или по иной какой-нибудь уважительной причине, то можно принимать немного милостыни от христолюбцев – необходимое, а не излишнее. Стяжания же, принудительно от чужих трудов собираемые, вносить [к себе] отнюдь нам не на пользу, ибо как, их имея, можем сохранить мы заповеди Господни: «Хотящему с тобою судиться и взять твою рубашку отдай и верхнюю одежду» (см. Мф.5:40) и другие подобные, будучи страстными и немощными? Но должны мы [таких стяжаний], как яда смертоносного, избегать и отвергать их. При покупке же потребного нам и при продаже рукоделий не подобает вводить в убыток брата, но лучше понести убыток самим. Также и работающих у нас – если случится кто из мирских – не подобает должной платы лишать, но даже сверх [нее] надо подавать [им] с благословением и отпускать [их] с миром. Излишнего не подобает нам иметь. «А чтобы давать просящим и берущих взаймы не отвергать – это поведено для лукавых», – говорит Василий Великий. Ибо «не имеющий сверх необходимой потребности не должен подаяния давать и если скажет: “Не имею” – не солгал», – говорит Варсонофий Великий. Ведь явен инок тот, коему не нужно творить милостыню, – кто с открытым лицом может сказать: *«Вот, мы оставили все и последовали за Тобою»* (Мф.19:27). Пишет святой Исаак: «Нестяжание выше таковых подаяний». Ибо милостыня иноческая – помочь брату словом во время нужды и утешить ему скорбь рассуждением духовным, но и это для тех, кто может. Для новоначальных же: претерпеть скорбь, обиду и укоризну от брата, и это – душевная милостыня, и настолько выше она телесной, насколько душа выше тела, – говорит святой Дорофей. Если же придет какой странник, должно упокоить его, сколько по силе нашей, а после, если нуждается, дать ему в благословение хлеба и отпустить.

Выходы из обители нашей должно совершать не просто и как случится, но только предусмотренные уставом, нужные, ибо несвоевременно и неоправданно выходить нам из келлий наших не подобает, как говорит Василий Великий. Настоятель пусть благочинно устанавливает для братии распределение дел, также пусть повелевает каждому и о выходе, уместном и подобающем; и посланный от послушания о Господе да не отказывается, только пусть не считает службу причиной для нерадения, но со страхом Божиим и многим трезвением утверждается, дабы и ему, и пребывающим с ним польза была. Хочу же, чтобы и пока я жив, и по смерти моей все, о чем написал я в писании этом, так было совершаемо.

В келлиях наших подобает разговаривать с таковыми братьями и странниками, о которых известно, что ведут они беседы для созидания [и] исправления душ, имея способность с рассуждением слышать и говорить полезное.

Все это, что написал я, если к благоугождению Божию и пользе душевной служит, так да совершаем; а если нет – да будет лучшее, что угодно Богу и полезно для душ.

Об украшении же церковном пишет святой Иоанн Златоуст: «Если кто-то советуется [с тобой], желая принести в церковь священные сосуды или какое-либо иное украшение, повели ему раздать нищим. Ибо никто, – сказал он, – никогда за неукрашение церкви не был осужден». И другие святые так говорят. Преподобная же мученица Евгения и принесенные ей священные сосуды серебряные не приняла, говоря: «Инокам не подобает во владении серебро иметь». Потому и нам сосуды золотые и серебряные, даже и священные, не подобает иметь; также и прочие украшения излишни, но только необходимое для церкви можно приносить. Пахомий же Великий не хотел, чтобы и само церковное здание было украшено. В обители Мохосской он создал церковь и сделал в ней красиво столбы из плинф⁴⁰⁰; после того помыслил, что нехорошо восхищаться делом рук человеческих и красотой зданий своих гордиться; взяв веревку, он обвязал столбы и повелел братьям тянуть изо всей силы, пока [столбы] не преклонились и не стали нелепыми. И говорил он: «Да не станет ум, от искусных похвал поползнувшись,

добычей дьявола, ибо много у того коварства». И если этот великий святой так говорил и так сделал, то сколь более нам подобает в таковых вещах себя сохранять, поскольку немощны мы, и страстны, и умом поползновенны.

О пищи и питии: по силам своего тела и души да довольствуется каждый себя, избегая пресыщения и сластолюбия; до опьянения же совершенно не подобает нам пить никакого питья. Здоровые и юные пусть утомляют тело постом, жаждою и трудом, сколь возможно, а старые и немощные пускай дают себе немного покоя.

У себя, в келлиях наших, не подобает иметь сосудов и прочих вещей многоценных и украшенных. Так же и строения келейные, и прочее имущество жилищ наших – все немногоценное и неукрашенное следует приобретать, как говорит Василий Великий, такое, которое повсюду можно найти и легко купить.

Женщинам входить к нам в скит не подобает; и никаких бессловесных женского пола для служения или для иной какой-либо потребности не должно иметь, ибо это нам возбранено. Также и отроков для служения не следует держать и всячески нужно охраняться от гладких женовидных лиц.

Устав преподобного Нила Сорского

Смысл писаний этих заключается в том, [чтобы показать,] какое делание подобает иметь иноку, истинно хотящему спастись во времена нынешние, как мысленно и телесно по Божественным Писаниям и по житию святых отцов сколь возможно надлежит [ему] подвизаться.

Перечень глав

1. О различении [стадий] ведущейся с нами мысленной брани, о победах и поражениях [в ней] и о том, что надо тщательно противиться страстям.

2. О нашей брани с вышеописанным и [о том], что должно побеждать [все] это памятью Божией и хранением сердца, то есть молитвой и безмолвием ума, и о том, как это делать. Здесь же и о дарованиях.

3. О том, как и чем укрепляться при наступлении браней мысленного подвига.

4. О поддержании всего делания в [течение] жизни нашей.

5. О различии [видов] нашей борьбы и победы над восьмью главными страстными помыслами и над прочими.

6. В общем о всех помыслах.

7. О памятовании о смерти и о Страшном Суде: как поучаться в этом [делании], чтобы стяжать эти помыслы в сердцах наших.

8. О слезах: что подобает делать хотящим обрести их.

9. Об охранении [себя] после того.

10. Об отсечении [забот] и беспопечении истинном, каковое есть умерщвление для всего.

11. О том, что в подобающую меру и не прежде времени эти делания подобает совершать, и о молитве об этом, и о прочем нужном.

Из писаний святых отцов о мысленном делании: ради чего это нужно и как подобает стараться о том

Предисловие

Многие из святых отцов о сердечном делании, блюдении помыслов и хранении ума сказали различными словами, как каждый из них научен был Божией благодатью, но одинаково по смыслу, восприняв прежде слово Самого Господа, сказавшего: «От сердца исходят помышления злые и оскверняют человека» (см. Мф.15:19–20), и научившего внутренность сосуда очищать (см. Мф.23:26), и произнесшего, что в духе и истине подобает поклоняться Отцу (см. Ин.4:24). К этому же приводит и апостол, говорящий: «Если молюсь языком, [то есть устами], дух мой молится, [то есть голос мой], ум же бесплоден. Помолюсь же духом, помолюсь же и умом» (см. 1Кор.14:14–15). И это апостол завещал об умной молитве и еще подтвердил, сказав так: «Хочу... пять слов умом моим сказать, нежели тьму слов языком» (см. 1Кор.14:19). И святой Агафон сказал: «Телесное делание – только лист, внутреннее же, то есть умное, – это плод». Страшное изречение произносит притом святой этот: «*Всякое дерево, – говорит, – не приносящее плода доброго, [то есть хранения ума], бывает срублено и ввергаемо в огонь*» (см. Лк.3:9). И еще сказали отцы, что [если] кто устами только молится, о уме же небрежет, тот молится воздуху, ибо Бог внимает уму. И Варсонофий Великий говорит: «Если внутреннее делание по Богу не поможет человеку – все трудится во внешнем». И святой Исаак телесное делание без умного назвал подобным неплодной утробе и сосцам сухим, ибо к познанию Бога, сказал он, приблизить оно не может. И многие святые отцы говорили так, и все согласны в этом; так и блаженный Филофей Синаит, говоря об иноках, только [внешнее] делание имеющих, по простоте же не ведающих мысленной брани, побед и поражений и потому небрежущих об уме, повелевает молиться о них и научать, чтобы как они от исполнения злых дел удерживаются, так в еще большей мере очищали бы ум, который есть зрительная сила души. Ведь прежде бывшие

святые отцы от всего соблюдали ум, и обрели благодать, и в бесстрастие и чистоту душевную пришли, не только отшельники и во внутренних пустынях в уединении жившие, но и в монастырях пребывавшие – не только от мира далеко отстоящих, но и в городах находящихся; как Симеон Новый Богослов и старец его Симеон Студийский: посреди царствующего града⁴⁰¹, в большой Студийской обители (в таком многолюдном городе!), как светила, просияли дарованиями духовными. Так же и Никита Стифат, и иные многие. Потому блаженный Григорий Синаит не только отшельников и живущих в уединении учил трезвению и безмолвию, то есть блюдению ума, но и пребывающим в общежитиях повелевал внимать этому и об этом заботиться, зная, что все святые обрели благодать Духа исполнением Христовых заповедей, прежде телесно, а потом [и] умно. Ибо без того не обретается это чудное великое дарование, – сказали святые отцы. И блаженный Исихий Иерусалимский также говорит: «Как невозможно жить в этой жизни без еды и питья, так невозможно душе чего-либо духовного достигнуть без хранения ума, каковое называется трезвением, если кто и понуждает себя из страха мук, дабы не согрешать». Ибо истинный делатель Божиих заповедей, – сказали отцы, – не только на деле должен исполнять их, но и в уме остерегаться преступать заповеданное. «Великое же это, и всепрекрасное, и светородное делание, – сказал Симеон Новый Богослов, – многим от научения приходит; редкие же то без научения, понуждением к деланию и теплотою веры, от Бога приняли». Так же говорит и Григорий Синаит, и иные святые. Однако немалый подвиг, сказали, обрести этому чудному деланию наставника непрельщенного (непрельщенным же назвали они того, кто имеет делание и мудрование, соответствующие Божественным Писаниям, и духовное рассуждение стяжал). И еще сказали святые, что и тогда едва можно было обрести учителя таковых вещей непрельщенного; ныне же, при крайнем их оскудении, подобает искать трудолюбиво. Если же [такого] не найдется, повелели святые отцы научиться из Божественных Писаний, слыша Самого Господа, говорящего: «Исследуйте

Писания, и в них обретете жизнь вечную» (см. Ин.5:39). «Ведь все, что писано было прежде [во Святых Писаниях], написано нам в наставление» (Рим.15:4), – говорит святой апостол.

Поскольку святые, подвизавшись телесно, и умно трудились в винограднике сердца своего, и, очистив ум от страстей, обрели Господа, и стяжали разум духовный, а нам, разжигаемым пламенем страстей, повелели почерпать живую воду из источника Божественных Писаний, способную опаляющие нас страсти угасить и на истинное разумение во всем наставить, того ради и я, многогрешный и неразумный, собрав от Святых Писаний, что сказали об этом духоносные отцы, написал для напоминания себе (однако не в качестве исполнителя этого на деле – я, нерадивый и ленивый, ибо [сам я] никогда не сделал ничего доброго, но пуст был духовно и телесно, [не имея] никакой добродетели, был словно неким купленным рабом неподобающих страстей, во всем им покорным). Поскольку же не из тех я, кто в здравии благодушия и тишине от страстей [пребывает], но в узах болезни страстей нахожусь, то это немногое сказал я не от себя, но от Святых Писаний, малое от многого собрав, как пес от крошек, падающих со словесной трапезы господ своих – блаженных отцов, да хоть немного будем их подражателями.

1. О различении [стадий] ведущейся с нами мысленной брани, о победах и поражениях [в ней] и о том, что надо тщательно противиться страстям

Разнообразны, – сказали отцы, – восстания на нас мысленной брани, победы и поражения [в ней]: прежде – прилог, затем – сочетание, потом – сосложение, затем – пленение и потом страсть.

ПРИЛОГ, сказали святые отцы (Иоанн Лествичник, и Филофей Синаит, и иные), – это простой помысл или образ [чего-либо] случившегося, только что в сердце вносимый и уму являющийся. Григорий же Синаит говорит, что прилог – это происходящее от врага внушение, например: «Сделай это или то», как [и] Христу Богу нашему: *«Скажи, чтобы камни сии сделались хлебами»* (Мф.4:3). Просто сказать, это какая-либо мысль, уму человека принесенная. И это, говорят, безгрешно, ни похвалы не заслуживает, ни укоризны, так как не в нашей власти. Ибо невозможно, чтобы не было к нам прилога вражеского помысла. Как говорит Симеон Новый Богослов: «С тех пор как диавол за преслушание соделал человека от Рая и от Бога отогнанным, обрел он доступ с бесами своими словесность⁴⁰² всякого колебать мысленно». Ведь только преуспевшим и совершенным возможно непоколебимыми пребывать, но и тем [это] бывает на время, как говорит святой Исаак.

СОЧЕТАНИЕМ же называют собеседование с явившимся [прилогом], по страсти или бесстрастно, иначе говоря – принятие внушаемого врагом помысла, то есть рассматривание его и беседу с ним по произволению нашему. Это означает [уже] обдумывание какой-либо мысли, принесенной уму. И это, сказали, не совсем безгрешно. Когда же кто-либо богоугодно разрешит, достойно бывает и похвалы. Разрешаем же так: если кто не отсечет прилога лукавого помысла, но несколько вступит в собеседование с ним и враг уже будет влагать ему страстные помышления, то пусть он постарается переменить их на благие.

Как же на благие помыслы переменять, после, когда Бог даст слово, скажем.

СОСЛОЖЕНИЕ же, сказали, – это усладительное склонение души к явившемуся помыслу или образу. Это бывает, когда кто-либо, принимая представляемые от врага помыслы или образы и с ними мысленно беседуя, несколько согласится в мысли своей, чтоб было так, как внушает вражий помысл. Это [судится] по мере устроения подвизающегося. Устроения же подвизающихся [бывают] таковыми: если кто-либо [находится] в преуспейании и принял от Бога помощь отгонять помыслы, но если обленится и по небрежению не постарается отвращать лукавые помыслы, – для того это не безгрешно. Если же кто, будучи новоначальным и немощным еще отгонять прилоги лукавого, несколько и согласится с лукавым помыслом, но тотчас исповедуется Господу, каясь и осуждая себя, и призовет Его на помощь, как написано: *«Исповедайтесь Господеву и призывайте имя Его»* (Пс.104:1), – то Бог простит [ему] по милости Своей, ради немощи его. Это сказано отцами о сосложении мысленном, когда невольно кто-либо побеждается помыслом, будучи в подвиге, корень же ума его в том утвержден, чтобы не согрешать и не совершить беззакония делом. [И это первое сосложение]. Второе же, – говорит Григорий Синаит, – когда кто принимает помыслы вражеские по своей воле, и, беседуя и сочетаясь с ними, победится ими, и уже более не борется против страсти, но твердо положит в себе сотворить грех или даже попытается [совершить его], желая на деле исполнить то, что положил в мысли своей, но встретит препятствие или во времени, или из-за места, или из-за иных каких причин; и это особо греховно и подлежит наказанию.

ПЛЕНЕНИЕ же – это или насильственное и невольное порабощение сердца, или продолжительное сочетание с явившимся помыслом, для доброго нашего устроения губительное. [И первое], насильственное и невольное сердца порабощение, – это когда пленен будет ум помыслами, то есть насильно, хотя бы ты [и] не хотел, будет увлечен лукавыми мыслями, но вскоре с Божией помощью возвратишь его к себе. [Второе же], продолжительное сочетание с явившимся

[помыслом], для доброго устройства губительное, – когда ум, словно бурею и волнами носимый и из устройства благого изводимый к лукавым мыслям, не может в тихое и мирное устройство прийти; это наиболее от суеты бывает и от многих и бесполезных бесед.

Это иначе судится во время молитвы и иначе не во время [нее], иначе в отношении средних⁴⁰³ и иначе в отношении лукавых помышлений. Если пленится [ум] лукавыми помыслами во время молитвы, – это более греховно, ибо во время молитвы подобает собирать ум к Богу, молитве внимать и от мыслей всяческих отвращаться. Если же не во время молитвы – и [помышлениями] о нужных житейских потребностях, – таковое безгрешно, поскольку и святые нужные в этой жизни потребности незазорно исполняли. Ибо в каждом помысле, – сказали отцы, – если обретен будет ум в благочестивом размышлении – с Богом пребывает; от лукавых же помыслов всегда подобает отвращаться.

СТРАСТЬ же, истинно говорят, – это то, что, долгое время гнездясь в душе, как бы в нрав ее от навыка обращается; впоследствии страстью увлекается [человек] произвольно и сам собою, [и та] обуревают [его] постоянно страстными помыслами, от врага влагаемыми, утвердившись от сочетания и частого собеседования и обратившись в обычай от многого увлечения помыслами и мечтаниями. Это случается, когда враг часто представляет человеку какую-либо вещь, возбуждающую страсть, и разжигает в нем пристрастие к ней более, чем к чему-то другому, и [тот], хочет или не хочет, побеждается [тем пристрастием] мысленно. Особенно же это бывает, если кто-либо прежде по нерадению многократно сочетался и собеседовал [с помыслом], то есть мыслил добровольно о той вещи неподобающим образом. Это у всех или соразмерному покаянию, или будущей муке подлежит. То есть надо каяться и молиться об избавлении от таковой страсти, ибо будущей муке подлежит [человек] за нераскаяние, а не за борьбу. Ведь если было бы иначе, то без совершенного бесстрастия не могли бы некоторые оставления [грехов] получить, как говорит Петр Дамаскин.

Боримому же какою-либо страстью подобает старательно противиться ей, – сказали отцы. Скажем, например, о блудной страсти: если кто борим страстью к какому-нибудь лицу, то подобает [ему] всячески удаляться от того: и от собеседования, и от сопребывания, и от прикосновения к одежде его, и от обоняния. Ибо кто всего этого не остерегается, тот совершает страсть и любодействует помыслами в сердце [своем], сказали отцы, сам [в себе] печь страстей распаляет, как зверя вводя лукавые помыслы.

2. О нашей брани с вышеописанным и [о том], что должно побеждать [все] это памятью Божией и хранением сердца, то есть молитвой и безмолвием ума, и о том, как это делать. Здесь же и о дарованиях

Определяют отцы, чтобы борьба против вышеописанного велась с силой, равной [силе] противника, [когда боримый] по своей воле или побеждает, или терпит поражение в уме своем; проще сказать, должно сопротивляться лукавым помыслам, сколько есть у нас сил. Это – причина венцов или мучений. Венцы – победившим, а муки – согрешившим и не покаявшимся в этой жизни. Согрешение, подлежащее мукам, – говорит Петр Дамаскин, – это когда доходит до дела; крепко же борющимся и не изнемогающим в сильной брани с врагом светлейшие сплетаются венцы.

Разумная и искусная брань, – говорят отцы, – состоит в том, чтобы отсекал начало пришедшего помысла, что называется прилогом, и непрестанно молиться, ибо, сказали они, сопротивляющийся первому, то есть прилогу помысла, разом отрезает все последующее. Потому разумно борющийся отмечает [саму] мать зол, то есть [приступающий] к уму лукавый прилог. И подобает во время молитвы подвизаться удерживать ум глухим и немым, как сказал Нил Синайский, и иметь сердце, говорит Исихий Иерусалимский, безмолвствующим от всякого помысла, хотя бы тот и вполне благим представлялся; потому что, говорит, за бесстрастными помыслами страстные последуют, как опытом познано было, и вход первых причиной [для входа] вторых бывает. И поскольку сказано, что, благим помыслам следуя, лукавые входят в нас, то подобает понуждать себя молчать мыслью и в отношении помыслов, кажущихся правыми, и взирать постоянно в глубину сердечную и говорить: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», – все; иногда же половину: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя», – и, опять изменив, говори: «Сыне Божий, помилуй мя», – что и удобнее новоначальным, [как] сказал

Григорий Синаит. «Подобает же, – говорит, – делать перемену не часто, но – изредка». Прибавляют же ныне отцы к молитве слово: сказав «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», тотчас говори «грешного». И это допустимо, наиболее же подходит нам грешным. И так говори прилежно, стоя ли, или сидя, или лежа, ум в сердце затворяя и дыхание удерживая сколь возможно, чтобы не часто дышать, как говорит Симеон Новый Богослов. И Григорий Синаит [сказал]: «Призывай Господа Иисуса терпеливо, с желанием и ожиданием, отвращаясь от всех помыслов». А что сказали эти святые удерживать дыхание, чтобы не часто дышать, то и опыт вскоре научит, как сильно способствует [это] сосредоточению ума.

Если же не можешь молиться в безмолвии сердца, без помыслов, но видишь их умножающимися в уме твоём, не малодушествуй об этом, но все же продолжай молиться. Блаженный Григорий Синаит, достоверно зная, что невозможно нам страстным победить лукавые помыслы, сказал, что никто из новоначальных не удержит ум и не отгонит помыслов, если [Сам] Бог не удержит его и помыслы не прогонит. Ибо удерживать ум и отгонять помыслы – [дело] сильных. Но и они не сами по себе отгоняют их, а с Богом подвизаются в брани против них, как облеченные благодатью и всем оружием Его. Ты же, если видишь, сказал он, нечистоту лукавых духов, то есть помыслы, воздвигаемые в уме твоём, не ужасайся, не дивись; если и благие размышления явятся тебе о вещах некоторых – не внимай им, но, удерживая дыхание, насколько возможно, и ум в сердце затворяя, вместо оружия призывай Господа Иисуса часто и прилежно, и отбегут они, невидимо палимые, как огнем, Божественным именем. Если же помыслы досаждают долгое время, тогда, встав, помолись против них и опять прежнего делания держись крепко. А как молиться против помыслов – это с Божией помощью скажем после. Однако если и после того как ты помолишься против них, по-прежнему не знают они стыда и умножаются настолько, что невозможно умом сердце блюсти, то устами произноси молитву непрестанно, долгое время, твердо и терпеливо. Если же разлечение и изнеможение овладевают тобою, призывай на помощь Бога и понуждай себя, сколько по

силе, молитвы не прекращая, – и вскоре все это непременно отойдет, Божией помощью отгоняемое. Когда же утишится ум от помыслов, снова сердцу внимай и [твори] молитву душевно или умно. Ибо много деланий добродетели, но все они частны в сравнении с трезвением, сердечная же молитва – источник всякого блага, напоющий душу, как [вода] сады, – сказал Григорий Синаит. И вот блаженный этот, всех духоносных отцов объяв писания и прочим, [современным ему, подвижникам] последуя, повелевает особенное попечение иметь о молитве, от всех помыслов уклоняясь в ней, если возможно, – не только от злых, но и от мнимо благих. Ведь безмолвие, сказал он, есть отложение на время [всех] помышлений, чтобы, внимая им, как добрым, большего ты не погубил; и искать в сердце [нужно] Господа, как сказал Симеон Новый Богослов, то есть умом блюсти сердце в молитве и внутрь него всегда обращаться.

Делание же это – блюдение ума в сердце без всяких помыслов – ненавыкшим весьма трудно, не только новоначальным, но и долго трудившимся делателям, которые не приняли еще внутрь сердца и не удержали сладости молитвы от действия благодати; и по опыту известно, что еще немощным это делание весьма тяжким и неудобоисполнимым представляется. Когда же кто обретет благодать, тогда беструдно и с любовью молится, утешаемый благодатью. Ибо когда придет действие молитвы, тогда, воистину, удерживает оно ум при себе, и веселит, и избавляет от парения, – сказал Григорий Синаит. Потому в молитве подобает быть терпеливым, от всех вставать петь⁴⁰⁴ до времени; в терпении, говорит он, да будет сидение⁴⁰⁵ твое, по сказанному: «В молитве претерпевая» (см. Кол.4:2), – из-за болезненного изнеможения и мысленного вопияния ума не скоро вставай. И пророческое слово приводит: «Как болеющая, когда приближаются роды, испытывает боль» (см. Ис.26:17), и святого Ефрема, говорящего: «Выполняй труд с болезненностью⁴⁰⁶, чтобы избежать болезненности легкомысленных (неразумных) трудов». И повелевает [Григорий Синаит], приклонив плечи и испытывая головную боль, терпеть долго [и] с усердием, призывая на помощь Господа Иисуса, долу поникнув и ум в сердце собирая, если только, сказал, оно

отверзлось. И Самого Господа Иисуса приводит он слово, сказавшего, что *«Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его»* (Мф.11:12); говорит же, что усилием Господь назвал усердие ради Него и болезнование. Когда же, сказал он, утомившись, изнеможет взывающий ум и тело и сердце заболят от усиленного и частого призывания Господа Иисуса, тогда [можно] позволить уму пение, подавая [тем] ему как бы малое послабление и отдых. Этот порядок, говорит он, – наилучший и есть учение премудрых. И наедине ли [находишься] или с учеником, так делать повелевает. Если верного, сказал он, ученика имеешь, пусть тот читает псалмы, ты же сердцу внимай. Мечтаний же зрительных и образов видений отнюдь не принимай никаких, да не будешь прельщен. Ведь парение мыслей бывает и [тогда], когда ум стоит в сердце и совершает молитву, ибо оно никому не подвластно, разве только совершенным в Духе Святом, достигшим непарительности о Христе Иисусе. Говорит же этот преподобный, как сам из опыта уразумевший, и то, что все старание надо прилагать к молитве, а псалмов и тропарей покаянных [читать] беспесенно немного, из-за тесноты уныния, по слову Лествичника: «Не воспоют таковые». Ибо довольно им в веселие бывающей о благочестии сердечной болезни, как сказал святой Марк, и теплоты духовной, к радости и утешению им подаваемой. Повелевает же [святой Григорий Синаит] всегда прилагать ко всякому пению [и] «Трисвятое» с «Аллилуия», по чину древних отцов: Варсонофия, и Диадокха, и прочих.

А что где-то сказал он, устав деланий полагая, что надо час молиться, час читать, час петь и так день проводить, то это хорошо сказал, если соответствует времени, мере и силе каждого из подвижающихся. И на волю [всякого] он оставил: или следовать этому, или неотступно главнейшее соблюдать, то есть быть всегда в деле Божиим. Когда же, благодатью Божией, усладится молитва и начнет действовать в сердце, – повелевает особенно прилежать ей. «Если, – сказал он, – видишь, что молитва действует в твоём сердце и не прекращает совершаться, никогда не оставляй ее и не вставай петь, если по смотрению [Божью сама] не оставит тебя. Потому что, оставив

Бога внутри, станешь призывать Его извне, от высокого к нижнему приклоняясь, чем и молитву рассеешь, и ум смутишь, [нарушив] тишину его. Ибо безмолвие – по смыслу наименования его – в мире и тишине пребывание означает, ведь [и] Бог есть мир, смятения и вопля превысший. [Лишь] не знающим молитвы, которая является, по слову Лествичника, источником добродетелей, напоющим их, словно душевные сады, подобает петь много, и без меры, и постоянно в многообразных [деланиях] пребывать, ибо иное есть делание безмолвия и иное – общего жития, всякая мера хороша, по [словам] премудрых. [Безмолвникам же] должно петь в меру, как сказали отцы, более – упражняться в молитве, а разленившись, – петь или читать подвижнические жития отцов. Ведь не требуются кораблю весла, когда ветер натягивает паруса и переносит [его] через море страстей; но когда [корабль] стоит, необходимо на веслах или в лодке переправляться». Указывающим же по любви к прениям на святых или на некоторых здешних отцов, что они совершали всенощное стояние и непрестанное пение, повелевает [Григорий Синаит] отвечать от Писания так: «Не во всех все совершенно по недостатку усердия или изнеможению сил, но малое⁴⁰⁷ в великих не всегда мало, великое⁴⁰⁸ же в малых не всегда совершенно. Ибо не всегда все подвижники, ныне или в древности, одним и тем же путем шествовали или до конца удержались [на нем]». О находящихся же в преуспении и достигших просвещения сказал: «Этим не требуется пение псалмов, но – молчание, непрестанная молитва и созерцание. Ведь они соединены с Богом и нет им нужды отторгать ум свой от Него и ввергать в смущение. Ибо прелюбодействует ум таковых, если отступает от памяти Божией и за худшие дела усердно берется».

Святой же Исаак, о таковых [нечто] высочайшее сообщая, пишет следующее: когда бывает им неизреченная та радость, то молитву от уст отсекает, ибо умолкают тогда, сказал, уста, и язык, и сердце – хранитель помыслов, и ум – кормчий чувств, и мысль – птица скоролетящая и бесстыдная; и более не имеет мысль ни молитвы, ни движения, ни власти над собою, но

направляется силою иною, а не [сама] направляет, и в плену содержится в тот час, и бывает в непостижимых вещах, а где – не знает. И называет это [преподобный священный] ужасом и созерцанием в молитве, а не молитвой. И не молитвою молится ум, но превыше молитвы бывает; и ради обретения лучшего молитва оставляется, и в исступлении бывает [человек], и не имеет никакого желанья, и, по слову апостола, в теле ли или вне тела – не знает (см. 2Кор.12:2). Молитву же наименовал он семенем, а это – собиранием снопов, когда неизреченному зрелищу удивляется жнец: как из маленьких и голых зерен, которые он сеял, такие зрелые колосья пред ним внезапно произросли. Молитвою же называют [это] отцы, поскольку от молитвы происходит и во время молитвы дается святым это неизреченное дарование, и как хотят, так и нарицают явление то, чтобы утвердить душевные помышления⁴⁰⁹; имен же его точно никто не знает. Ведь когда душа подвижется духовным действием к тому Божественному, через непостижимое соединение соделается подобной Божеству и просветится лучом высокого света в своих движениях и когда ум сподобится почувствовать будущее блаженство, то забывает он и себя, и все здешнее, и более не имеет движения ни к чему. И в ином месте говорит [святой Исаак Сирин], что во время молитвы восхищается ум помимо желанья в помышления ангельские, в то, о чем чувствам не дано сказать, и возжигается внезапно в тебе радость, [заставляющая] умолкнуть язык от невозможности уподобить чему-либо его услаждения. Кипит же и из сердца непрестанно сладость некая и влечет неощутимо все существо человека от всего на время и время; и нападают на все тело услаждение некое и радость, каких язык плотский не может [и] выразить, пока все земное не вменит [человек] в пепел и сор в памятовании⁴¹⁰ том. И когда, сказал он, найдет на человека та сладость, кипящая во всем теле его, то кажется в тот час ему, будто не иное что Небесное Царствие, как только это. И еще в ином месте говорит [святой Исаак]: «Обретший радость о Боге не только на страдания внимания не обратит, но и на свою жизнь не оглянется. Ибо любовь Божия сладостнее жизни и познание Бога, от которого рождается любовь, сладостнее меда

и сота». Но это неизреченно и невыразимо; как говорит Симеон Новый Богослов: «Какой язык изречет? Какой ум скажет? Какое слово выразит? Ибо страшно, воистину страшно и превыше слова. Посреди келлии на ложе сидя, вижу свет, которого мир не имеет; внутрь себя вижу Творца мира, и беседую с Ним, и люблю Его, и вкушаю, питаюсь сладко единым [бого]видением, и, соединившись с Ним, небеса превосхожу; и это знаю достоверно и истинно. Где же тогда тело, не знаю». И о Господе говоря, сказал: «Любит же меня Он, и в Себя Самого принимает меня, и в объятиях сокрывает, – на небесах будучи, Он и в сердце моем, здесь и там виден мне». И тотчас Господу, пред лицом Его, говорит: «Это, Владыка, показывает, что я равен ангелам, и делает меня лучшим их, ибо для них Ты по существу невидим, по природе же неприступен – мне же видим совершенно и с природой Твоей смешивается существо мое». Описывая это, [апостол] поведывает, что око не видело, и ухо не слышало, и на сердце плотское [это] не возшло (см. 1Кор.2:9). И в том побывав, не только не хочет [человек] из келлии выйти, но и во рву, в земле выкопанном, хочет сокрыться, «чтобы там, – говорит [Симеон Новый Богослов], – наедине, вне всего мира, созерцать мне бессмертного Владыку моего и Создателя». Согласно с этим и святой Исаак сказал: «Когда отыметя у человека от мысленных очей покрывало страстей и увидит он ту славу, тотчас возносится ум в [священном] ужасе. И если бы Бог не положил предела в этой жизни таким вещам, сколько подобает оставаться в них, то, если бы и в течение всей жизни человеческой допущено было, не исшел бы [никто] оттуда, из созерцания дивного тех [вещей]». Но делает Бог по милости Своей так, что умалается у святых благодать на время, чтобы и о братии заботились и пеклись они, служа им словом, то есть поучением о благочестии; как говорит святой Макарий о вступивших в меру совершенства: «Все должно быть принесено в жертву любви и сладости чудных тех видений. Но если бы всегда, – сказал он, – равную этой [человек] имел благодать, то невозможно было бы ему ни труд и тяжесть словесного учения поднять, ни слышать что-либо или говорить о чем-нибудь из здешнего, или о том хотя бы в

малейшей степени позаботиться». И предложил он о совершенных в благодати притчу, [говоря], что словно на двенадцать ступеней восходят они. «Однако ослабевает, – сказал, – благодать, и, сойдя на одну ступень, на одиннадцатой, так сказать, стоят... И потому мера совершенства не удерживается в них, чтобы имели время они и о братии заботиться, и заниматься служением слова». Но что о тех скажем, которые еще в этом смертном теле вкусили бессмертной пищи и еще в этом маловременном мире отчасти сподобились той радости, каковая в Небесном Отечестве уготовляется? Таковые ни к красотам, ни к сладостям этого мира не прилепятся, ни скорбей, ни лютых зол не убоятся и с апостолом дерзают говорить: Ничто не отлучит нас от любви Божией и пр. (см. Рим.8:39). Но это, по слову святого Исаака, [достояние] созерцателей и служителей этой вещи; или наставленных таковыми отцами, и от уст их истинно наученных, и в таковых и подобных исканиях прошедших житие свое.

Мы же, непотребные и во многих грехах повинные, исполнены страстей, потому недостойны бы мы и слышать таковые слова. Но, уповая на благодать Божию, дерзнул я привести отчасти эти духоносные слова Святых Писаний, да познаем хоть мало, каким окаянством объаты мы и какому безумию предаем себя, стремясь к приобщению к этому миру и к преуспеянию в нем, приобретая тленные вещи, ради них в заботы и раздоры вдаваясь и производя опустошение наших душ. И думаем о себе, что творим добро, и считаем, что заслуживаем похвалу. «Но горе нам, что не познаем наших душ и не разумеем, в какое жительство призваны были, – как говорит святой Исаак, – жизнь этого мира, или скорби его, или покой его почитаем за нечто». И от лености, и любви к миру, и небрежения нашего говорим, что подобало это древним святым, нам же не требуется, невозможно то. Но не так это, не так! Невозможно для тех, кто по собственной воле предается страстям, не хочет истинно покаяться и поревновать о деле Божию и любит этого мира бесполезные попечения. А тех, кто горячо кается, – всех милует Господь, и благодетельствует, и прославляет – тех, кто с любовью многою и страхом ищет

Господа, и на Того Единого взирает, и творит заповеди Его. Так все Божественное Писание повествует. Ведь многие древние отцы делателями и учителями этого были, и один другого назидали и укрепляли, теперь же, по оскудении таковых, если кто возревнует о деле Божию, то наиболее [сама] благодать вразумляет и помогает ему отныне и до века. А не имеющих желания подвизаться, и других в нерадение и безнадёжие приводящих, и говорящих, что ныне дара древних дарований от Бога не бывает, называет апостол прельщаемыми и прельщающими других (см. 2Тим.3:13). Некоторые же и слышать не хотят, есть ли благодать в нынешнее время. Эти многим, нечувствием, неразумием и маловерием омрачены, – сказал Григорий Синаит. Мы же, познав все это из Святых Писаний, если хотим к делу Божию истинное прилежание иметь, да удаляемся прежде, сколь возможно, от суеты этого мира и постараемся страсти умять, то есть сердце блюсти от лукавых помыслов, тем самым исполняя заповеди; и с хранением сердца да имеем всегда молитву. «Это – первая ступень иноческого возраста, и по-иному страсти умять невозможно», – говорит Симеон Новый Богослов.

Деланию этому подобает особенно прилежать ночью, сказали отцы. Ибо, сказал блаженный Филофей Синаит, ночью наиболее очищается ум. И святой Исаак говорит: «Всякая молитва, которую приносишь ночью, да будет в очах твоих достойнейшей всех дневных деланий. Ибо сладость, подаваемая днем постникам, от света делания ночного истекает». И прочие святые согласны в этом. Потому сказал Лествичник: «Ночью больше [времени] давай молитве, меньше же пению». И в другом месте говорит: «Утрудившись, делатель встанет [и] помолится». Так и нам подобает поступать: [лишь] когда утрудится ум в молитве, допускать ему немного пения, какое кто имеет правило: или псалмов, или тропарей каких-нибудь, или чего-то иного. «Ибо многословие часто ум в молитве рассеивает, малословие же часто собирает», – говорит тот же Иоанн Лествичник. При рассеянности же помыслов лучше прилежать чтению, как сказал святой Исаак. Как [и] ангел Антонию Великому заповедал: в то время, когда ум твой

рассеян, более молитвы прилежи чтению или рукоделию. Ибо новоначальным при нашествии помыслов рукоделие с молитвой или служение какое-либо весьма полезны, – сказали отцы; особенно же пригодны во время скорби и помыслов уныния.

Блаженный Исихий Иерусалимский различает четыре способа в этом мысленном делании: или за прилогами наблюдать, или сердце иметь глубоко молчащим от всякого помысла и молиться, или Господа Иисуса Христа на помощь призывать, или память смертную иметь. «Все они, – сказал он, – лукавым помышлениям противодействуют», и к какому бы из них кто не обратился – все это трезвением, то есть мысленным деланием, называется. Рассмотрев же их все, каждый из нас подобающим ему образом да подвизается.

3. О том, как и чем укрепляться при наступлении браней мысленного подвига

Таково укрепление в борении во время нашего подвига, указанное во всех Писаниях: да не станем малодушничать и унывать, когда сильно ополчатся на нас лукавые помыслы, и не прекратим движения по пути, как [не останавливаются бегущие] по арене. Ибо и это есть хитрость диавольской злобы – стыд нам внушать из-за поражения скверными помыслами, [стыд] воззреть к Богу с покаянием и помолиться против них. Но мы всегдашним покаянием и непрестанной молитвой да побеждаем их и да не обратимся спиной к врагам нашим, хотя бы и по тысяче ран на всякий день получали от них. И положим в себе никак не отступать от живоносного этого делания до тех пор, пока не умрем, ибо сокровенно наряду с этим бывает и посещение нас милостью Божией. Ведь не только у нас, страстных и немощных, но и у тех, кто на высокой степени чистоты стоит и в достойном похвалы житии пребывает – в безмолвном жительстве, в крепости разума Господня, – и у них бывают падения мысленные, но после того – «мир, и утешение, и помыслы целомудренные и кроткие», как говорит святой Исаак. [И далее:] «Сколько раз бывает человек непотребен, и бесчисленно от необученности своей уязвлен, и повержен, во всякое время в бессилии находясь! Но случается, что вырывает он стяг из рук воинов сынов исполинских (см. [Чис.13:34](#)), и возносится имя его, и восхваляется он больше подвизающихся и известных победами, и получает венец и дары драгоценные более всех друзей своих». И на это святые указывают нам достоверно и отъемлют сомнение от ума нашего, чтобы в борении мысленном, во время смущения от наносимых скверных помыслов, не пришел наш ум в расслабление и не уклонились мы в отчаяние. И опять, когда посещение благодати бывает, да не предашься беспечности, не вознесешься, но исповедуйся Богу, и благодари Его, и припадай к воспоминанию согрешений своих, во время попущений с тобой бывших: куда нисходил ты тогда и как обретал ум скотский? И помяни

окаянство естества своего, и приведи на память себе нечистые помыслы и безобразные «идолы»⁴¹¹, во время зимы⁴¹² водруженные в уме твоём, и час смущения и бесчиния помыслов, незадолго пред тем восставших на тебя в ослеплении омрачения: как скоро уклонился [тогда] ты к страстям и беседовал с ними в омрачении ума! И поминая это, кайся и укоряй себя. Разумей же, что Промысл Божий наводит все это на нас, чтобы мы смирились. Ведь говорит блаженный Григорий Синаит: «Если не будет человек оставлен, побежден и пленен, всякой страстью и помыслом поработившись и духовно побеждаем, ни от дел помощи не обретая, ни от Бога, ни от чего иного отнюдь, так что недолго прийти ему и в отчаяние, насилуемому во всем, то не может прийти он в сокрушение и считать себя ниже всех, последнейшим, и рабом всех, и самих бесов худшим, как совершенно ими насилуемого и побеждаемого. И это есть устройство Промысла и научительное смирение, через которое второе и высокое дается от Бога [человеку] – Божественная сила, действующая и творящая все через него, всегда его своим орудием видящая, с ее помощью совершающим Божии чудеса». Внимай же этому со страхом: если не смиришь мудрование свое, то оставит тебя благодать и совершенно падешь в том, в чем только помыслами ты искушался. Ибо стояние в добродетелях зависит не от тебя, но есть [дело] благодати, носящей тебя на ладонях рук своих, соблюдающей от всего сопротивного. Подобаает же нам тщательно внимать тому, чтобы не было нашей [собственной] вины в укреплении против нас лукавых помыслов, оттого что не правильно бы шествовали мы путем Божиим, но развращенно и без охранения. Ведь тот, кто хочет прилежать любви Божией и истинно спастись, должен жизнь проводить, исполняя все сколько есть сил, в смирении, благочестиво, со многим усердием и тщанием, держась всех Божественных Писаний, и всегда дело Господне делать без разленения и без небрежения.

4. О поддержании всего делания в [течение] жизни нашей

Поддерживать в жизни нашей должны мы то, чтобы всегда и во всем, во всяком начинании, душою и телом, словом, делом и помышлением пребывать в деле Божием, сколько по силе. «Ибо, как прежде, живя в миру, в суете его, всем умом и чувствами поработаны мы были греховному обольщению, – говорит блаженный Филофей, – так, опять же, подобает нам, к житию по Боге приступившим, всем умом и чувствами работать Богу Живому и Истинному, и Божией правде, и воле, и творить Его святые заповеди, и от всего неугодного Богу всячески удаляться, по Писанию, говорящему: Ко всем заповедям Твоим направлялся я и всякий путь неправды возненавидел (см. Пс.118:128)».

Итак, восстав от сна, прежде прославь Бога, затем исповедуйся Ему и потом [занимайся] такими деланиями: молитвой, пением, чтением, рукоделием и, если есть, каким-либо поделием⁴¹³. Всегда же должно иметь ум во многом благоговении и утвержденным в надежде на Бога и все творить ко благоугождению Его, а не по тщеславию, не по человекоугодию, зная твердо, что Он всегда с нами, везде сущий и все исполняющий (см. молитву Святому Духу); поскольку насадивший ухо слышит все и создавший око (см. Пс.93:9) смотрит везде. И если случится беседа, – и ее [веди] по Боге, остерегаясь ропота, осуждения, празднословия и словопрений; так же и в пище, и в питии – и их [принимай] со страхом Божиим. Особенно же во время сна: внутренне [надо быть] благоговейным в мыслях, а внешне – благообразным в [положении] всех членов [тела]. Потому что этот кратковременный сон есть образ вечного сна, то есть смерти, и возлежание на ложе должно считать за положение во гроб. И при всем этом всегда пред очами иметь Бога, по сказанному Давидом: *«Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня есть; да не поколеблюсь»* (Пс.15:8). Поступающий так всегда пребывает в молитве. Если кто тело имеет здоровое,

подобает его утомлять постом, бдением и деланием, требующим труда: поклоны ли или рукоделие должно совершать с утруждением себя, да поработается тело душе и избавляется от страстей благодатью Христовою. Если же тело немощно – управлять им надо по силе. Относительно же молитвы никогда не нужно быть нерадивым, ни здоровому, ни немощному. Даже и при [отправлении] естественной нужды ум сокровенно да поучается, – со страхом и это подобает совершать. Ведь телесное делание взыщется от здоровых и крепких телом, по силе каждого; мысленное же, то есть ум иметь в благоговении и надежде на Бога и к любви Его прилежать, всем необходимо, даже и в тяжелой болезни. Также и к ближним нашим должны мы, по Господней заповеди, любовь иметь и, если близ нас окажутся, словом и делом ее показать, если [при этом] сможем сохранить и [любовь] Божию. Если же они далеко от нас, то подобает соединяться с ними любовью мысленно, и всякое злопамятство по отношению к ним из сердец наших изгнать, и со смирением душою перед ними преклониться, и добрым изволением им благоугодить. Ибо если Господь увидит нас таковыми, то и наши прегрешения простит, и молитвы наши, как дар благой, примет, и милости Свои щедро нам подаст.

Обозрение преждесказанного и указание последующего

Вот, благодатью Божией немного сказали мы от Святых Писаний о мысленном делании, о различных в нем против нас вражеских бранях и о нашем борении в них, что лучшая борьба – это без помыслов хранить сердце в молитве. И сказав о совершении [всего] этого, дерзнули мы отчасти привести Святые Писания, [чтобы показать], какой благодати сподобляются это исполняющие (я же недостойн и прикоснуться к таковым). И еще сказали мы, чем укрепляться трудящемуся в этом и как совершенное жительство проводить стремящемуся в той наилучшей и первейшей борьбе к великой победе, то есть к безмолвию ума и истинной молитве. А затем, после этого, Богом вразумляемые, скажем и о прочих способах различных борений и побед.

5. О различии [видов] нашей борьбы и победы над восьмью главными страстными помыслами и над прочими

Различны способы борьбы, которыми победу одерживаем мы над лукавыми помыслами, сказали отцы, согласно мере каждого из подвижающихся: молиться против помыслов, противоречить им, унижать и отгонять их. Унижать и отгонять – [дело] совершеннейших, противоречить – и это преуспевших. [Дело же] новоначальных и немощных – молиться против них и лукавые помыслы заменять благими, ибо [и] святой Исаак повелевает страсти подменять добродетелями. И Петр Дамаскин говорит: «Благой прилог помысла должно быть готовым обращать в дело», и другие отцы так учат. Посему и нам, если когда-либо будем обуреваться помыслами, не в силах молиться в мире и внутренней тишине, подобает молиться против них и прелагать на полезные. Как же молиться и прелагать на полезные – об этом Святые Писания представим.

Поскольку сказали отцы, что главных [страстных] помыслов, от каковых и прочие многие страстные помыслы рождаются, восемь: 1) чревообъядения, 2) блудный, 3) сребролюбия, 4) гнева, 5) печали, 6) уныния, 7) тщеславия, 8) гордости, – и первым из всех поставили они [помысл] чревообъядения, то и мы о нем прежде скажем, чтобы чина премудрых нам, неразумным, не переменить; но, последуя словам святых отцов, сделаем так.

Первый помысл – чревообъядения

Если досаждают помысл чревообъядения, приводя на память различные и сладостные изысканные яства, чтобы без потребности, не вовремя и сверх меры есть, подобает тогда вспоминать прежде всего слово, сказанное Господом: *«Да не отягощаются сердца ваши объядением и пьянством»* (см. Лк.21:34) – и, Тому Самому Господу помолившись и на помощь Его призвав, помышлять о сказанном отцами, что эта страсть есть корень всякого зла в иноках, особенно же блуда. И с [самого] начала жизни преступление праотца нашего, первого

человека Адама, из-за этого произошло, ибо, прикоснувшись к запрещенной снеди, от Рая отпал он и на весь [свой] род навел смерть, как написано: «Прекрасен был видом и хорош на вкус умертвивший меня» плод (см. стихиру на стиховне, которая поется на утрени в пятницу первой недели Великого поста). С тех пор даже и до сего дня, как повествует Священное Писание, многие, повиновавшись чреву, пали великим падением. Знай же и то, что сладость и благоухание пищи по малом времени в злой смрад и гниль обращаются и ничего полезного [уже] не имеют, – говорит Варсонофий Великий; и, это уразумев, укори себя, что желаешь того, чего сладость и благоухание обращаются в такой смрад. И так, в меру и в подобающее время вкушая пищу, побеждай страсть.

О МЕРЕ ПИЩИ. Мера же пищи такова, сказали отцы: если кто установит себе, сколько принимать [ее] в день, и если уразумевает, что это много и отягощает его, то сразу пусть от того убавит, если же видит, что это мало и не может тем поддерживаться тело его, пусть прибавит немного. И таким образом, хорошо исследовав, установит [количество], которым может укрепить телесную силу свою, – не для услаждения, но по потребности, и так принимает, благодаря Бога, себя же осуждает как недостойного и того малого утешения. Все же [разнообразие человеческой] природы одним правилом объять невозможно, потому что великое различие имеют тела в крепости, – как медь и железо по сравнению с воском. Впрочем, общая мера новоначальных – перестать [есть, будучи] немного голодным; если же и довольно насытится – и это безгрешно. Если же когда пресытится немного, – да укорит себя и так, благодаря падениям, одерживает победу.

О ВРЕМЕНИ [ПРИНЯТИЯ] ПИЩИ. О времени воздержания от пищи сказали отцы: до девятого часа следует поститься⁴¹⁴. Если же больше кто-либо хочет потерпеть, – это в его воле. Вообще же, во время равноденствия, весной и осенью, постановили они [вкусать], когда преклоняется день, и солнце проходит пополудни часа два, и настает час девятый. А летом и зимой в странах северных день и ночь на много часов увеличиваются и сокращаются – не как в Средиземноморье, в

Палестине или Константинополе, – и потому поступать нам [тогда] подобает соответственно времени, как удобно. В день же непостный более ранним подобает сделать час [принятия] пищи и, если потребуется, немного вкусить [и] во время вечернее.

О РАЗЛИЧЕНИИ ПИЩИ. О различении же пищи: «От всех имеющихся усладительных снедей должно принимать понемногу – вот рассуждение благоразумных, – сказал Григорий Синаит, – а не одно выбирать, другое же отлагать, – да и Бог благодарится, и душа не возносится, ибо так [и] возношения мы избежим, и добрым творением Божиим не возгнушаемся. Немошным же верою или душою воздержание от снедей полезно, так как, – сказал он, – не веруют они, что будут Богом сохранены; повелел им и апостол есть овощи (см. Рим.14:2)». Если же вредна кому-то какая-либо пища, или по немощи некоей, или по естеству, да не понуждает себя принимать ее, но да принимает полезное ему. Ведь говорит Василий Великий, что не подобает снедями, которыми поддерживается тело, ратовать против него.

О РАЗЛИЧИИ ЖЕ ТЕЛ. Если кто имеет тело здоровое и крепкое, подобает утомлять его сколь возможно, да избавляется [оно] от страстей и порабощается душе благодатью Христовой, а если немощное и недужное – давать ему немного покоя, да не до конца отпадет [от делания]. Подобает же подвижающемуся жить в скудости, не насыщаясь, и подавать телу чуть меньше потребного, как в пище, так и в питии. Во время же плотской брани, от врага [воздвигаемой], подобает наиболее воздерживаться, поскольку многие, не удержав чрева, впали в страсти постыдные и неизреченный ров скверны; а когда находится чрево в благочинии воздержания – совместный вход всех добродетелей бывает. Ибо если удержишь чрево – войдешь в Рай, говорит Василий Великий, если же не удержишь – станешь добычею смерти. Когда же кто-либо из-за труда путешествия или какого-то тяжелейшего дела снизойдет немного к телу и чуть прибавит к обычно потребному, – это не зазорно, и в пище, и в питии, и во всяком покое, – поскольку с рассуждением, по силе своей [таковой] поступил.

Второй помысл – блуда

Велик для нас подвиг против духа блудного и крайне жесток, ибо включает [в себя] двоякую брань – в душе и теле. Потому всегда подобает нам крепко усердствовать, соблюдать свое сердце бодро и трезвенно от этого помысла, наиболее же в святых собраниях, когда хотим причаститься Святых, ибо тогда старается враг нашу совесть всячески осквернить. Когда досаждают эти помыслы, тогда подобает иметь страх Божий и напоминать себе, что не может ничто утаиться от Бога, вплоть до тонкого сердечного помышления, и что всему этому Судия и Взыскатель – Господь. Вспоминать же и обет наш, который исповедали мы пред ангелами и людьми, – пребывать в целомудрии и чистоте. Целомудрие же и чистота – не только внешняя жизнь, но сокровенный сердца человек, когда чист бывает от скверных помыслов, – это перед Богом многократно и возлюбленно (см. 1Пет.3:4). А часто слагающийся с помыслами блудными по своей воле и оскверняющий себя любодействует в сердце своем, – сказали отцы. Бывает же, когда и до дела доходит. И если до дела дойдет, осознаем то, какая беда [ждет нас] по окончании его, ибо ни о каком ином согрешении не говорится отцами так, как об этом. Ведь именуют его падением, потому что лишает оно падшего дерзновения и толкает к отчаянию. Полезно же, думаю, во время брани блудной и о себе размыслить нам, в каком мы образе и чине, – что в образе ангельском ходим и как можем попрасть совесть нашу и надругаться над образом этим святым такою мерзостью? Подобает же вспомнить стыд и срам перед людьми – да не возможем ли и этим отразить тот неподобающий помысл. Ибо если увидят нас люди в этой скверне, то не пожелаем ли лучше умереть, нежели явиться в стыде том? Итак, всяческим образом, [каким только] возможно, следует старательно отсекаать этот помысл.

Для того чтобы всегда иметь эту победу над блудными помыслами, великую и страшную, надо прилежно молиться Богу, как учат святые отцы. Максим Исповедник, [например], так повелел против блудных помыслов молиться, заимствовав из сказанного Давидом: «Преследующие меня ныне окружили меня; Радость моя, избавь меня от окруживших меня» (см.

Пс.16:11; 31:7). И Иоанн Лествичник, об этом же говоря, свидетеля представляет, дабы против помыслов молиться, сказавшего так: «*Поспеши, Боже, избавить меня...*» (Пс.69:2), и тому подобное. Призывать же на помощь нужно [и] подвизавшихся о целомудрии и чистоте; как Даниил Скитский повелел брату, боримому блудом, помолиться и призвать на помощь мученицу Фомаиду, убиенную за целомудрие, и сказать так: «Боже, по молитвам мученицы Фомаиды помоги мне!» И тотчас избавлен был [брат] от страсти блудной, помолившись у гроба ее. Эти свидетельства имея, и мы так да молимся и призываем на помощь тех, о ком находим во Святом Писании, что подвизались они о целомудрии и чистоте. Когда же сильно теснит брань, «тотчас, встав и к небу очи и руки простерев, помолись», как повелел Григорий Синаит, «и Бог отгонит их [помыслы]». Да молись же так, как говорит святой Исаак: «Ты силен, Господи, и Твой есть подвиг, Ты и ратуй, и победи в нем, Господи, за нас». И как Иоанн Лествичник научил, говоря: «Воззови к Могущему спасти [тебя] не ухищренными словами, но смиренными речами: *“Помилуй меня, Господи, ибо я немогущен”* (Пс.6:3) – и тогда познаешь Всевышнего силу и невидимых невидимо отгонишь». «Всегда же именем Иисуса бей ратников, ибо крепче, – сказал он, – этого оружия не найдешь ни на небе, ни на земле». «Усматривает, [однако], время бес, когда не можем телесно помолиться против него, – говорит тот же Лествичник, – и тогда особенно борет нас».

Итак, внимай старательно, инок, и никогда не поленись помолиться во время лютой брани от скверных помыслов – так, как прежде изобразили мы; возведи око телесно или душевно, смотря по времени и мере силы своей. И если будешь делать это, то опытом познаешь, как невидимой помощью силы Всевышнего эти [помыслы] успешно побеждаются. А если обленишься, то после постыдишься, как имеющий оскверненную совесть, будучи ими побежден. Подобаает же нам разуместь злое ухищрение диавола и в том, сказали отцы, если предстанет когда-либо нашему уму принесенное им воспоминание женских и юных красивых лиц, пусть и каких-то благочестивых; хоть и нестрастным кажется, быстро должно

отсекать то, ибо, если в том замедлим, тотчас злой прельститель, преложив помысл, низвергнет [его] в мерзкие и скверные похоти.

Бывает, когда и сами из-за блудных помыслов мы огорчаемся и, размышляя о них, укоряем себя, что желаем этих гнусных [дел], каковые одним бессловесным приличны, сказали отцы; а если и противоестественные [помыслы случаются], – это и скотам чуждо, мы же ими боримы [бываем]. Но, впрочем, и в том хранить себя подобает новоначальным, чтобы, как-то замедлив в них, хотя бы и мнили бороться с ними, не оказаться действующими по страсти. Поэтому лучше вовсе отсекай прилоги, то есть начало помысла, ибо сочетаться⁴¹⁵ с этими помыслами и богоугодно различать их способны [лишь] сильные.

Сохраняя же себя от бесед с женщинами и от воззрения на них и избегай сопребывания с юными и лицемерия их женовидных и гладких лиц, ибо то – сеть диавола для иноков, как сказал кто-то из отцов. И, если возможно, не оказывайся с ними наедине, как говорит Василий Великий, даже при необходимости, ибо ничего, сказал, нет нужнее души, ради которой Христос умер и воскрес. И не пожелай слышать ничьих неподобных бесед, которые возбуждают страсти.

Третий помысл – сребролюбия

Сребролюбия недуг – извне естества, от маловерия и неразумия бывает, – сказали отцы. Потому и невелик подвиг [борьбы] против него для внимающих себе со страхом Божиим и истинно желающих спастись. Когда же [этот недуг] укрепитя в нас, то злее всех оказывается и, если подчинимся ему, в такую пагубу ведет, что апостол не только корнем всех зол (1Тим.6:10) его назвал: гнева, скорби и прочего, – но наименовал и идолослужением (Кол.3:5). Ибо многие из-за сребролюбия не только от жизни благочестивой отпали, но и в вере погрешили, душевно и телесно пострадали, как повествуется в Святом Писании. Сказано же отцами, что собирающий золото и серебро и уповающий на них не верует, что есть Бог, пекущийся о нем. И вот что говорит [еще] Святое Писание: если кто поработен будет гордыней или сребролюбием – какой-либо одной страстью

из этих, – то более бес не борет его иною страстью, потому что довольно ему [и] этой одной для гибели. Потому подобает нам охранять себя от этой пагубной и душетленной страсти и молить Господа Бога, да отгонит от нас дух сребролюбия.

Не только же золота, серебра и имущества подобает нам избегать, но и всех вещей сверх жизненной потребности: и в одежде, и в обуви, и в обустройстве келлий, и в сосудах, и во всяких орудиях; и все это немногоценное и неукрашенное, легко приобретаемое и к суете не побуждающее подобает нам иметь – да не впадем из-за того в мирские сети. Истинное же удаление от сребролюбия и вещелюбия – не только не иметь имуществ, но и не желать их приобретать. Это нас к душевной чистоте направляет.

Четвертый помысл – гневный

Если томит дух гнева, понуждая хранить злопамятство и поощряя в ярости злом воздать оскорбившему, подобает вспоминать слово, Господом сказанное: «Если не отпустите [каждый] брату [своему] от сердец ваших согрешений их, то и Отец ваш Небесный не отпустит вам согрешений ваших» (см. Мф.18:35; Мк.11:26). Так что всякий, кто хочет получить отпущение своих согрешений, прежде должен брату своему от сердца отпустить, ибо оставления долгов повелено просить [нам] у Господа так, как [и] мы оставляем (см. Мф.6:12); и если мы не оставим сами – ясно, что и нам не оставится. Подобает знать и то, что если и думаем мы о себе, будто нечто доброе делаем, от гнева же не удерживаемся, – это [Богом] не принимается. Потому что сказано отцами: «Гневливый, если и мертвеца воскресит, – молитва его не принимается». Сказано же это отцами не в том смысле, будто мертвого может гневливый воскресить, но чтобы показать мерзость его молитвы. Потому не подобает нам вовсе ни гневаться, ни причинять брату зло не только делом и словом, но и видом, ибо возможно и одним взором оскорбить брата своего, как сказано отцами. Но надо и помыслы гневные отметать от сердца – это-то и есть сердечное оставление.

Великая же победа над гневными помыслами – молиться за брата оскорбившего, как повелел авва Дорофей, и говорить так:

«Помоги, Господи, брату моему имярек и по молитвам его помилуй меня грешного!» Молиться за брата – это любовь и милость, а призывать на помощь молитвы его – это смирение. Творить же и добро ему [должно], сколько по силе, – так исполняются заповеди Господа, Который говорит: *«Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, добро творите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас»* (Мф.5:44). Сколь же большое воздаяние Господь таковым обещал – большее, чем иным: не Царствие Небесное только, не утешение и дар [какой-либо], как прочим, но сыноположение. «Ибо, – сказал Он, – будете сыновьями Отца вашего, Который на небесах» (см. Мф.5:45). Сам же Господь Бог наш Иисус Христос, эту заповедь преподавший и такое великое воздаяние пообещавший, чему научил, то и совершил, нам давая пример, да и мы подражателями будем тому, сколько по силе. Ибо сколько зла претерпел Он от иудеев ради нас грешных? И не только не прогневался на них, но и молился за них Отцу, говоря: «Отче, отпусти им грех этот!» (см. Лк.23:34). И все святые, этим путем шествуя, обрели благодать, ибо не только не воздавали зла оскорбившим, но и добро им творили, и молились о них, и покрывали недостатки их, радуясь их исправлению, и, когда те к осознанию своих зол приходили, – с любовью и милостью их наставляли.

Пятый помысл – печальный

Немалый подвиг [предстоит] нам против духа скорби, поскольку он ввергает душу в погибель и отчаяние. И если случится скорбь от людей, – благодушно претерпевать [ее] подобает и за оскорбивших молиться, как и прежде сказано было, твердо зная, что не без Божия Промысла это с нами случается и все на пользу посылает нам Бог и для спасения душ наших; пусть в настоящее время и не кажется нам [это] полезным, но после откроется, что полезно так, как Бог устрояет, а не как мы хотим. Потому не подобает увлекаться человеческими помыслами, но всею душою надо веровать, что Всевидящее Божие око все видит, и без Его воли ничего не может случиться с нами, и посылает Он нам это по милости Своей, дабы мы, будучи испытаны в том и претерпев, были Им

увенчаны. Ведь без искушений никогда никто увенчан не был. Потому подобает за все это воссылать Господу благодарение, как Подателю благ и Спасителю нашему. «Ибо уста, всегда благодарящие, получают благословение от Бога и в сердце благодарящее низойдет благодать», – говорит святой Исаак. И охранять себя нужно от ропота на оскорбивших, поскольку он же говорит: «Все немощи человека сносит Бог, постоянно же ропщущего не терпит, но наказывает его».

Подобает же иметь нам скорбь полезную – о грехах, с надеждою благой на Бога в покаянии, зная достоверно, что нет греха, побеждающего человеколюбие Божие, но все прощает Бог кающимся и молящимся. Эта скорбь бывает смешана с радостью и ко всякому благу делает человека усердным и во всякой болезни терпеливым. «Ибо скорбь ради Бога, – сказал апостол, – производит неизменное покаяние ко спасению» (2Кор.7:10). Скорбь же противоположную, от бесов нам приносимую, подобает тщательно от сердца отметать, как и прочие злые страсти; молитвою, чтением, с духовными людьми общением и беседами упразднять ее, потому что она бывает причиной всякого зла. Если замедлит она в нас, то скоро, обратившись в отчаяние, делает душу пустой и унылой, некрепкой, нетерпеливой и ленивой к молитве и чтению.

Шестой помысл – уныния

Когда же уныние сильно ополчится против нас, в великий подвиг душа возводится. Лют этот дух, тягчайший, ибо сопряжен он с духом скорби и споспешествует ему. Пребывающих в безмолвии эта брань сильно одолевает. Когда те волны жестокие восстанут на душу, не мнит человек в тот час избавление от них когда-нибудь получить, но такие помыслы влагает ему враг, что сегодня так плохо, а потом, в прочие дни, еще хуже будет, и внушает ему, что оставлен он Богом и не имеет [Бог] попечения о нем или что случается так помимо Промысла Божия и с ним одним только это, с прочими же такого не было и не бывает. Но не так это, не так. Ибо не только нас грешных, но и святых Своих, от века благоугодивших Ему, Бог, как чадолюбивый отец чад своих, наказывает духовным жезлом по любви, ради преуспевания в добродетелях. Вскоре же,

непременно, бывает изменение этого и затем – посещение, и милость Божия, и утешение. Ибо как в тот злолютый час не думает человек, что [сможет он] вытерпеть в подвиге жителства благого, но все благое мерзостным показывает ему враг, так, опять же, по изменении того все благоугодным представляется ему и все бывшее скорбным – словно бы того и не было; и усердным становится он ко благому, и удивляется изменению к лучшему. И никак не хочет отступить от пути добродетельного, уразумевая, что Бог, по милости Своей, устраивает ему это на пользу – наводит ему таковое для научения по любви, – и воспламеняется он к любви Божией, зная достоверно, что верен Господь и никогда не попустит на нас искушение выше силы нашей (см. 1Кор.10:13). Враг же никак не может нам ничего сделать без поущения Божия, ибо он печаливает душу не сколько хочет, но сколько попустится ему от Бога. И, уразумев то по опыту, умудряется [человек] от происшедших изменений и терпит доблестно лютых этих [помыслов] нанесение, зная, что в том проявляется любовь инока к Богу, – если доблестно это терпит; и оттого в преуспевание он приходит. Ибо ничто так иноку венцов не доставляет, как уныние, если неослабно к божественному деланию понуждает он себя, сказал Иоанн Лествичник.

Когда бывает эта страшная брань, тогда подобает крепко вооружаться против духа неблагодарности, бояться же и хулы, ибо всем этим борет в то время враг; и исполняется тогда человек сомнения и страха, и внушает ему диавол, что невозможно ему быть помилованным Богом и получить прощение грехов, избавиться от вечной муки и спастись. И неких иных злых помыслов нашествие бывает, которых невозможно и писанию предать, и прочтет ли он [что-либо] или займется каким служением⁴¹⁶, – не оставляют его. Крепко тогда подобает себя понуждать, чтобы не впасть в отчаяние, и о молитве не нерадеть, сколько по силе, и, если может, пасть на лицо в молитве, – это весьма полезно. Да пусть молится так, как говорит Варсонофий Великий: «Господи, воззри на скорбь мою и помилуй меня! Боже, помоги мне грешному!» И как святой Симеон Новый Богослов повелевает [молиться]: «Не

попусти на меня, Владыка, выше силы моей искушение, или скорбь, или болезнь, но дай облегчение и крепость, чтобы смог я претерпеть с благодарением». Иногда же, очи на небо возведя и руки простерев в высоту, пусть молится, как повелел против этой страсти молиться блаженный Григорий Синаит, ибо эти две страсти назвал он жестокими – имею в виду блуд и уныние⁴¹⁷. И так подвизаясь, и чтению сколь возможно прилежи, и к рукоделию понуждай себя, ибо они помощники великие во время нужды той. Бывает же, когда и к этому прибегнуть не позволяет [страсть та], тогда – тягота великая, и крепость многая потребна, и изо всей силы [должно] устремляться в молитву.

Против же духа неблагодарности и хулы подобает говорить так: «Отойди от меня, сатана; Господу Богу моему поклонюсь и Ему единому послужу (см. Мф.4:10) – и все болезненное и скорбное с благодарностью принимаю, как посланное от Него для исцеления моих согрешений, по написанному: *«Гнев Господень я буду нести, потому что согрешил перед Ним»* (Мих.7:9). Неблагодарность же и хула к тебе, на голову твою, да возвратятся, и тебе запишет это Господь. Отступи от меня. Бог, создавший меня по образу Своему и по подобию, да упразднит тебя». Если же и после этого еще досаждают [дух тот], переведи мысль на какой-нибудь иной Божественный или человеческий предмет. Да держится же душа, хотящая угодить Богу, прежде всего терпения и упования, как пишет святой Макарий. Ведь это есть хитрость вражьей злобы – уныние нам вlagать, да отступит душа от упования на Бога. Ибо никогда не попускает Бог, чтобы душу, уповающую на Него, одолели напасти, потому что знает Он все немощи наши. Если людям неизвестно, какое бремя можно понести мулу, какое ослу и какое верблюду, и сильное каждому нагружают, так же и горшечнику известно, сколько времени сосуды держать в огне, чтобы, дольше пробыв, не растрескались и также прежде достаточного обжига вынутые, негодными не оказались, – если такой разум у человека, то не гораздо ли лучше, и без меры лучше, знает разум Божий, сколько каждой душе подобает навести искушений, да искусна будет и пригодна к Небесному Царствию и не только будущей

славы, но и здесь утешения от Благого Духа сподобится. Зная это, терпеть подобает доблестно, безмолвствуя в келлии своей.

Бывает же, когда требуется и человек, опытейший в жителъстве и приносящий пользу в беседе, как говорит Василий Великий. Ибо часто, сказал он, уныние, бывшее в душе, может рассеяться от благовременного и безгрешного посещения таковых и беседы с ними в меру, потому что это, укрепив [душу] и малый отдых ей доставив, дает [возможность] усерднее приступить к подвигам благочестия. Однако претерпевать тогда безвыходно в безмолвии лучше, говорят отцы, сами из опыта уразумев [то].

Седьмой помысл – тщеславия

Много нам трезвения требуется против духа тщеславия, потому что весьма сокровенно, всеми ухищрениями окрадывает он намерение наше, без преуспевания оставляет инока и старается извратить дело наше, да не ради Бога будет, но по тщеславию и человекоугодию. Потому во всякое время подобает нам испытывать себя тщательно, [свои] чувства и мысли, чтобы ради Бога было дело наше и ради душевной пользы, и избегать во всем [похвал] человеческих, всегда пред очами [ума] имея сказанное святым Давидом: «Господь рассыпал кости человекоугодников» (см. Пс.52:6), – и так отметать всегда помыслы, [дело] то хвалящие и по человекоугодию совершать что-либо понуждающие; и всей душой да утверждаем помысл творить все ради Бога. Если же кто, имея твердое намерение по Боге, и побеждается когда по немощи, невольно [тщеславным] помыслом, но исповедуется, молясь Господу, и отвращается от помыслов тщеславия, то тут же прощается и похваляется Тем, Который знает намерения и сердца наши. Будем же поступать так: если когда по тщеславию нечто задумывать начнем, то плач [свой] и исполненное страха на уединенной молитве нашей пред стояние вспомним, если имеем их, если же нет, то об исходе нашем помысл воспримем – и непременно отразим бесстыдное тщеславие. Если же так не [получится], то хотя бы срама, последующего за тщеславием, убоимся. Ибо возносящийся непременно и здесь, прежде будущего [века], смирится (см. Лк.14:11), – это говорит Иоанн

Лествичник. Если же кто-либо когда-то хвалить нас начнет или уму нашему прилог помысла тщеславного врагами невидимыми принесен будет, представляющий нас достойными чести, и величества, и высоких престолов, как больших, чем другие, – тут же скорее множество и тяжесть согрешений наших в уме своем вспомним или одно какое-нибудь наихудшее. И, удержав его, скажи: «Разве достойны делающие таковое похвал этих?» И сразу найдем себя недостойными тех похвал человеческих, и помыслы бесовские отбегут и уже более силою своею не смутят нас, – говорит Никита Стифат. Если же, сказал он, каких-либо злых дел нет за тобой, то о совершенстве заповедей помысли – и найдешь себя [столь же] недостаточным, как мала купель [в сравнении с] величиной моря.

И так, всегда усердствуя, да храним себя всячески от тщеславия. Если же не трезвимся, но часто слагаемся мы со тщеславными помыслами, то вскоре, утвердившись, они породят высокомерие и гордыню, что есть начало и конец всех зол.

Восьмой помысл – гордостный

О высокомерии же и гордыне что и говорить? Хотя и различаются они именами, но имеют один смысл и называются отцами величанием, надменностью, кичением и по-иному. Все же это преокаянно, ибо Писание говорит: *«Бог гордым противится»* (Иак.4:6; 1Пет.5:5) и *«мерзость пред Господом всякий надменный сердцем»* (Притч.16:5), – и нечистым именуется. Ведь тот, кто имеет противником Бога, будучи мерзок Ему и нечист перед Ним, когда, в чем и где надеется обрести какое-либо благо, кем помилован будет и кто очистит его? Потому и говорить о таковых горестно. Побежденный этим сам себе и бес, и враг, и всегда имеет в себе готовую погибель. Потому подобает нам, всегда трепеща, бояться страсти гордостной и избегать ее, помышляя в себе, что никакое добро не может быть сделано без помощи Божией, но если будем оставлены Богом, тогда, как лист колеблемый или прах, ветром возметаемый, – так смятены будем диаволом и станем [предметом] поругания для врага и оплакивания для людей. И это уразумев, со всяческим смирением будем проводить житие.

Начало же тому – ставить себя ниже всех, то есть считать себя грешнейшим и худшим всех людей и сквернейшим всех тварей, как в противоестественном [состоянии] находящегося, и самих бесов негоднейшим, как ими насилуемого и побеждаемого. Подобаает делать и так: избирать всегда последнее место и на трапезах, и на собраниях среди братии, худшую одежду носить, постыдные труды и молчание любить, предварять, не лентясь, низким поклоном при встречах братию и не превозноситься в беседах, не быть любителем словопрений и бесстыдным, не выказывать себя и не желать свое слово вставить, хотя бы оно и казалось хорошим. Потому что, – сказали отцы, – в новоначальных внутренних человек соотнобразуется с внешним. «Не верь, что не сохранивший себя во внешнем благоустроен внутренне», – сказал Василий Великий.

Побеждаются же тщеславие и гордыня, а смирение возрастает оттого, если [станем] укорять себя и говорить так, как написал Григорий Синаит: «Откуда я знаю точно человеческие грехи, каковы они и сколько их, превосходят ли или равняются моим беззакониям? И по причине неведения, о душа, [будем считать], что под всеми людьми мы, как земля и пепел под ногами их. Как же не считать себя сквернейшим всех тварей, в естественном состоянии находящихся, как были [созданы], мне, по причине безмерных моих беззаконий [пребывающему] ниже естества? Ибо, воистину, и звери, и скоты чище меня грешного, и потому я [нахожусь] под всеми; словно в ад прежде смерти низведенный, лежу. Кто же не знает в чувстве⁴¹⁸, что грешник и бесов хуже, как раб тех и послушник, и что за это он с ними во тьме бездны затворен? Воистину, хуже бесов ими обладаемый. И потому [вместе] с ними наследовала ты бездну, душа окаянная. В земле же, в аду и в бездне прежде смерти живущий, как прельщаешься ты умом, праведным себя именуя, будучи грешным и скверным, сотворив себя злыми делами сходным с бесом? Увы, прельщению твоему и заблуждению, подобный бесу злой пес, нечистый и всескверный, в огонь и тьму оттого отсылаемый!» Говорится же это о гордыне иноческой, когда из-за многих трудов и подвигов, которые стяжал человек, и страданий, которые претерпел он за

добродетель, приражается ему помысл гордыни, по причине жития его благоговейного. А если местоположением монастыря кичиться и тем, что он лучший и братии в нем множество, – это гордыня мирских, сказали отцы; или, по установившемся ныне обычаю, владением селами, приобретением многих имений и преуспеванием в славе мирской [величаться] – о них что и скажем?!

Есть же некоторые, каковые «ничем» превозносятся, то есть хорошим голосом при пении или ясностью произношения в речи, пении и чтении, – ведь какая похвала от Бога человеку за то, что не его волей совершается, но естественным называют отцы? А иные искусством в рукоделии надмеваются, – и это тому же подобно. Есть такие, которые и тем кичатся, что [происходят] от родителей, известных в мире, или [что] родственников среди преимуществующих в славе мира имеют, или если кто-либо сам в каком-то сане или чести в миру был. И это – безумие. Ибо это скрывать подобает. Если же кто и в своем жительстве после отречения от мира славу и честь от людей принимать будет, – это постыдно. Им подобает скорее срамить себя, нежели возвышать, ибо слава прославляющих себя этим есть стыд. Если же по причине добродетельного жития, как сказано было [уже], будет без стыда приражаться помысл тщеславия и гордыни, то против этого иного [средства] для победы нет, как молиться Богу и говорить: «Господи, Владыка, Боже мой! Дух тщеславия и гордыни отгони от меня; дух же смирения даруй мне, рабу Твоему». Надо и укорять себя, как и прежде написано было. Ибо говорит Лествичник, как бы от лица тщеславия и гордыни: «Если сам себя пред Господом часто укоряешь, нас за паутину считай». Гордыней же святой Исаак называет не то, когда в уме промелькнет [гордостный] помысл, и не то, если побеждается кто-либо ею по временам, ибо за одно, сказал он, невольное движение помысла Бог не казнит и не осуждает человека; даже если в какой-то момент и согласимся с [помыслом], но тотчас же отринем страсть, – не обвиняет и не требует ответа Господь за таковое наше нерадение, но за то, когда ум [человека] принимает [этот помысл] за истину, как уместный и полезный ему, и не считает

его жестоко ему вредящим. Особенно же, если кто словом и делом исполнит страсть, – таковой осудится.

Так и о тщеславии, и о каждой страсти говорится отцами.

6. В общем о всех помыслах

Против всех помыслов злых подобает призывать на помощь Бога, поскольку мы [сами] не всегда имеем силу сопротивляться лукавым помыслам⁴¹⁹, как сказал святой Исаак; нет же иной такой помощи, как Бог. Потому нужно молиться Владыке Христу прилежно, с воздыханием и слезами, так, как сказал Нил Синайский: «Помилуй меня, Господи, и не дай погибнуть мне! Помилуй меня, Господи, ибо я немощен! Посрами, Господи, борющего меня беса беспечности! Распрости сень над головою моею в день брани бесовской! Борющего меня врага побори, Господи! Обуревающие меня помыслы укроти тишиною Твоею, Слове Божий!» Феодор же Студит, от Давида заимствовав, так повелел против нечистых помыслов молиться: «Суди, Господи, обижающих меня и побори борющихся со мною!» – и остальное из псалма (см. Пс.34:1). И как песнописцы⁴²⁰ написали: «Рассеянный мой ум собери, Господи, и заросшее сорной травой мое сердце очисти! Как Петру, дай мне покаяние; как мытарю – воздыхание; как блуднице – слезы, да взываю к Тебе: “Помоги мне, от скверных помыслов избавь меня!” Ибо, как волны морские, восстают на меня беззакония мои и, как корабль в пучине, утопаю я в помышлениях моих, но в тихое пристанище направь меня, Господи, покаянием и спаси меня! Ибо сильно скорблю я по причине немощи ума моего: как [и] нехотя страдаю от невольного воистину изменения! Потому вопию к Тебе: “Богоначальная Троица Святая, помоги мне, в стоянии добродетельных учини меня!”»

Это и подобное этому из Святых Писаний говоря, против каждого помысла подходящее и для каждого времени потребное, против всех [злых помыслов] да призываем на помощь Бога, и Тот упразднит их.

Если же нужно будет когда-либо и нам немощным, при досаждении нам лукавых помыслов, произнести [против них] запрещение, противоречить им и отогнать [их], то [да совершаем] это не просто, не как случится, но также именем Божиим, словами Божественных Писаний; и, по подобию святых

отцов, скажем каждому помыслу так: «да запретит тебе Господь» (Иуд.1:9) – и еще: «Отступите от меня все, делающие беззаконие» (Пс.6:9), и уклонитесь от меня все лукавнующие, да поучусь в заповедях Бога моего (см. Пс. 118, 115, 73). И по примеру того старца, который говорил: «Отойди, окаянный! Приди, возлюбленный!» Когда услышал это [некий] брат и подумал, что с кем-то беседовал он, и спросил его, говоря: «С кем ты беседовал, отче?» – то он сказал: «Злые помыслы я отгонял, а благие призывал». И если нам это подходит, то эти и подобные этим [слова] да говорим.

7. О памяти смертной и Страшном Суде: как поучаться в этом, чтобы стяжать эти помыслы в сердцах наших

Говорят отцы, что в делании нашем очень нужно и полезно всегда иметь памятование о смерти и о Страшном Суде. И Филофей Синаит как бы некий чин деланию этому устанавливает: с утра, сказал он, [надлежит] проводить [день] в памяти Божией, то есть в молитве и хранении сердца, – даже до времени трапезы; потом, Бога поблагодарив, о смерти и о суде размышлять подобает. Когда же будем стараться мы это [исполнять], лучше всего иметь в себе слово, сказанное Господом: «В эту ночь ангелы возьмут душу твою у тебя» (см. [Лк.12:20](#)); [помышлять нужно и о том], что о праздном слове [придется нам] отвечать, как сказал Он, в день судный (см. [Мф.12:36](#)) и что сердечные помышления оскверняют человека (см. [Мф.15:18](#)). Вспоминать же надо [и] святых апостолов изречения: конец приблизился (см. [1Пет.4:7](#)), и придет день Господень, как тать ночью (см. [1Фес.5:2](#)); всем же подобает нам предстать судилищу Христову (см. [2Кор.5:10](#)), и слово Божие судит не только дела и слова, но и помышления... сердечные ([Евр.4:12](#)). Основатель же [монашеского жительства] Антоний Великий говорит: «Так подобает нам всегда помышлять в себе, что [и] этот день не пребудем весь в этой жизни». И Иоанн Лествичник: «Поминай кончину свою, и во веки не согрешишь» ([Сир.7:39](#)); и в другом месте он же: «Память смертная всегда с тобой да будет». И Исаак Сирин: «Навсегда положи в сердце твоём, человек, что [предстоит] отойти». И не только все святые это делание имели, но и внешняя философия⁴²¹ возвещала о памяти смертной.

Что же будем делать мы, страстные и немощные? Как деланию этому научимся, чтобы хоть мало этот помысл в сердцах своих утвердить? Стяжание этой памяти в себе в совершенстве есть дар Божий и дивная благодать, как сказал святой Исаак. Нам же не позволяют пребывать и поучаться в том парение нашего ума и омрачающее забвение. Ибо много

размышляем об этом и беседуем друг с другом о смерти, а внутрь сердца углубить и утвердить слова эти не можем. Но оттого да не малодушествуем и да не отступаем от делания этого, поскольку с помощью Божией обретаем его трудом со временем. И если кто имеет произволение, пусть делает так да вспоминает прежде написанные слова, разумея, сколь нужно и полезно делание это, ибо как хлеб нужнее всего из всех снедей, так и память смерти – из прочих добродетелей; и как голодному невозможно не вспоминать о хлебе, так и хотящему спастись – не вспоминать о смерти, – сказали отцы. Затем пусть сосредотачивает [человек] ум на том, что сказали в писаниях святые о различных страшных смертях, как, [например], блаженный Григорий Беседовник⁴²² и иные многие. Полезным же кажется мне и то, чтобы вспоминать нам различные смерти, которые мы видели и о которых мы слышали, и в наши дни произошедшие. Ибо многие (не только миряне, но и иноки), пребывавшие в благоденствии и житие этого века любившие, и имевшие надежду на долготу дней, еще не достигнув старости, внезапно смертью пожаты были. Из них же некоторые и никакого ответа в час тот смертный дать не смогли, но так просто, стоя или сидя, восхищены были; иные же, когда ели и пили, испустили дух. Другие, идя по пути, скоропостижно умерли; иные же, возлегши на ложа [и] думая этим малым и привременным сном упокоить тело, так и уснули сном вечным. Некоторые же из них, как мы знаем, претерпели в последний тот час лютые истязания, и приводящие в трепет страхования грозные, и устрашения тяжкие, одни воспоминания о которых могут немало нас утратить. И, это все на память приводя, да размышляем: где пребывают друзья и знакомые наши? И что они приобрели от того, если некоторые из них в чести, славе и властителями в этом мире были или богатство и изобильную пищу имели? Не все ли это в тлен, смрад и прах обратилось? И вспомним песнописцев⁴²³, об этом говорящих: «Какая житейская сладость пребывает непричастной печали? Или какая слава остается на земле неизменной? Но все неможнее тени и все обманчивее сновидений, на один час [возникает] – и все это смерть приемлет». Воистину, «всяческая суэта в житии этом то,

что не пребудет с нами по смерти. Не перейдет ведь туда богатство этого жития и не сойдет [туда] с нами слава этого века, но смерть, придя, все то погубит». И, таким образом уразумев суету этого века, «что мятемся всуе, упражняясь в житейском? Ведь путь этот, по которому идем, краток. Дым житие это, пар, пыль и пепел, на малое время является и вскоре погибает» и путешествия ничтожнее, как говорит Златоуст. Ибо путник, идущий по пути, когда хочет в какую-то сторону идти, – идет, а куда не хочет, – не идет; когда же останавливается в гостинице, знает, когда пришел и когда хочет уйти, – может быть, вечером пришел, а утром уйдет; имеет же и власть, если хочет, дольше в гостинице задержаться. Мы же, хотим или не хотим, уходим из жизни этой и не знаем того, когда отойдем, и не имеем власти [остаться], если и еще хотим побыть здесь; но внезапно приходит «воистину страшное таинство смерти, и [тогда] душа с телом вынужденно разлучается, от составов и сочетаний естественного союза Божиим хотением отлучается». И что станем делать тогда, если прежде часа того не попечемся, не поразмыслим о том и окажемся тогда неготовыми? Ибо уразумеем в час тот горький, «какой подвиг имеет душа, разлучаясь с телом! Увы, как она тогда скорбит, и нет того, кто ее помилует! К Ангелам очи возводя, напрасно молится; к людям руки простирает и не имеет помогающего ей никого», – только добрые дела по Боге. Посему, осознавая краткость нашей жизни, позаботимся о часе том смертном, не вдаваясь ни в суету этого мира, ни в попечения бесполезные. Ибо «всуе мятется» всякий земнородный, – как говорит Писание (Пс.38:7). – Если и весь мир приобретем, все равно в гроб вселимся, ничего из этого мира не взяв: ни красоты, ни славы, ни власти, ни чести, ни иного какого-либо наслаждения житейского. «Ибо вот, смотрим мы во гробы и видим созданную нашу красоту безобразной и бесславной, не имеющей вида. И, глядя на кости обнаженные, скажем в себе: кто здесь царь или нищий, славный или бесславный?» Где красота и наслаждение этого мира? Не все ли – безобразие и смрад? И вот, все чтимое и вожденное в этом мире совершенно непотребным стало, «и, как цветок,

увядши, отпало, и, как тень, проходит мимо, – так разрушается все человеческое». И удивимся этому, говоря себе: «О чудо! Что это за происшедшее с нами таинство? Как предали мы тлению? Как сопряглись со смертью? Воистину, как написано, Божиим повелением. По причине преступления заповеди подпал Адам болезни [греха]; из-за вкушения в древности во Едеме [плода] от древа, когда змей яд изблевал, вошла всеродная смерть, снедающая человека». Но глубиною мудрости Своей неизреченной полагаящий сроки нашей жизни и провидящий смерть «Владыка, придя, низложил змия и, воскресение нам даровав», к жизни другой переселяет рабов Своих.

Итак, напечатлеем в уме Второе пришествие Господне, наше воскресение и Страшный Суд, сами евангельские слова Господни, как богогласный Матфей [их] записал: После скорби дней тех солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. *«И тогда явится знамение Сына Человеческого, и тогда восплачут все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою многою. И пошлет Ангелов Своих с трубным гласом великим, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их»* (см. Мф.24:29–31). Возлюбленный же ученик Господень Иоанн так записывает слова Его: *«Грядет час, в который все мертвые в гробах услышат голос Сына Божия и, услышав, оживут. И изыдут сотворившие добро в воскресение жизни, а сотворившие зло – в воскресение осуждения»* (см. Ин.5:28–29). И опять Матфей: *«Когда... придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей; и соберутся пред Ним все народы; и отделит их друг от друга, как пастырь отделяет овец от козлов, и поставит овец справа от Себя, а козлов слева. Тогда скажет Царь находящимся справа от Него: Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира»* (см. Мф.25:31–34). К находящимся же слева от Него скажет: *«Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его»* (Мф.25:41). *«И пойдут*

эти в муку вечную, праведники же в жизнь вечную» (см. Мф.25:46).

И что, братия, горше и лютее страшного и грозного того ответа и [того] зрелища, когда увидим, как все согрешившие и непокаявшиеся отсылаются в вечные муки праведным судом Божиим, и люто трепещут, и восклицают, и плачут напрасно? Как же не заплачем мы и не зарыдаем, когда представим в уме страшные и лютые те муки, то есть, как сказано в Писании: огонь вечный, тьму кромешную, пропасть глубокую, червя лютого неусыпающего, скрежет зубов и все прочие бедствия, ожидающие много согрешивших и Бога Преплагного сильно прогневавших лукавым нравом, из которых первый – я, окаянный? Ведь какой страх, братия, будет у нас тогда, когда поставятся престолы, и раскроются книги, и Бог для Суда воссядет со славою, когда и сами Ангелы будут предстоять [Ему] в трепете? И что будем делать мы, во многих грехах повинные люди, когда услышим, как Он зовет благословенных Отца в Царство (см. Мф.25:34), грешных же отсылает в муку и от избранных отлучает? И что ответим или возразим тогда, когда все наши дела предстанут нам на обличение и все наше тайное будет явлено, в чем согрешили мы во дни и в ночи, словом, и делом, и помышлением? И какой срам тогда охватит нас? Поскольку отречься тогда от грехов никто не сможет, так как истина будет обличать и страх превеликий овладеет грешными. Праведные же в радости и веселии войдут в Небесный Чертог, принимая воздаяние за добрые свои дела. И кто передаст, братия, страх тот и ужас Второго пришествия Господня и того Суда, страшного и неподкупного? Как некто из отцов сказал: «Если бы возможно было тогда умереть, весь мир от страха того умер бы». Потому убоимся, и ужаснемся, и напечатлеем это в уме; хотя бы и не хотело сердце, принудим его помышлять об этом и скажем душе своей: «Увы, мрачная душа! Приблизился твой исход из тела! Доколе от зла не отвращаешься? Доколе в унынии лежишь? Что не помышляешь о страшном часе смертном? Что не трепещешь перед страшным судилищем Спасовым? Итак, что ответишь или чем оправдаешься? Вот ведь дела твои предстоят, обличая тебя и обвиняя тебя.

Впредь, душа, доколе время имеешь, отступи от дел срамных, примись за благое житие; беги, предвари и с верою возопи: “Согрешил я, Господи, зло согрешил пред Тобою! Но знаю благоутробие Твое, Человеколюбие. Потому припадаю и молюсь Твоей благодати: да придет на меня милость Твоя, Владыка! Ибо смущена душа моя и болезнует об исхождении своем из окаянного моего тела – да не встретил бы ее сонм лукавого супостата и не запнул ее во тьме за неведомые и ведомые, в этой жизни бывшие, мои грехи. Милостив будь ко мне, Владыка, и да не узрит душа моя темного взора лукавых бесов, но да примут ее Ангелы Твои пресветлые. Имеющий власть оставлять грехи, оставь мне, да почию и да не явится пред Тобою грех мой, каковым согрешил я по немощи естества нашего словом, делом и помышлением, в разуме и неразумии! Да явлюсь пред Тобою при совлечении тела моего не имеющим никакой скверны на образе души моей, и да не примет меня, грешника, темная рука князя этого мира, чтобы ввергнуть меня во глубину адову, но предстань мне и будь мне Спасителем и Заступником. Помилуй, Господи, осквернившуюся страстями жития этого душу мою, и прими ее через покаяние и исповедание чистой, и Своею силою возведи меня на Божественный Твой суд. И когда придешь, Боже, на землю со славою и сядешь, Милостивый, на престоле Твоем совершать праведный Твой суд, мы же все нагие предстанем неподкупному Твоему суду, как осужденные, и начнешь Ты исследовать наши согрешения, каковыми согрешили мы словом, делом и помышлением, тогда, Преблагий, не обличи мое тайное и не посрами меня пред Ангелами и людьми, но пощади меня, Боже, и помилуй меня. Поскольку о страшном Твоем судилище помышляю я, Преблагий, и дня судного, трепеща, боюсь, совестью моею обличаемый, то скорблю я много о делах моих лукавых и недоумеваю, как ответить Тебе, бессмертному Царю, так Тебя горько прогневав. С каким дерзновением взгляну на Тебя, страшного Судию, я, скверный и блудный?! Но, Господи славы Благоутробный, Отче, и Сыне Единородный, и Душе Святой, помилуй меня, и избавь меня тогда от огня неугасимого, и сподобь меня одесную Тебя стать, Судия Праведный!”»⁴²⁴.

8. О слезах: что подобает делать желающим обрести их

Если, говоря это и подобное этому и [так] помышляя, Божией благодатью обретем притом слезы, подобает плакать, сколько силы и крепости имеем, потому что, сказали отцы, плачем избавляемся мы от вечного огня и прочих будущих мук. Если же не сможем много плакать, то понудим себя хотя бы малые капли с болезнованием источить, «ибо, несомненно, добрым нашим Судией, – говорит Лествичник, – как все, так и слезы судятся [по мере] естественной силы. Ибо видел я, – сказал он, – малые капли, словно кровь с болезнованием изливаемые, и видел источники, без болезни истекающие. Я же по болезнованию более, а не по слезам о подвижающихся судил, думаю, что так же и Бог». Если же не сможем обрести мы даже и малой слезы когда-либо из-за слабости и небрежения нашего или по иным каким причинам, то да не отпадем [от делания] и не малодушествуем, но да скорбим и воздыхаем, сетуем и печалимся о взыскании того с благой надеждой. «Ибо скорбь ума меру всех телесных дел восполняет», – говорит святой Исаак. И еще сказал Лествичник: «У тех, которые по причине [бесплодного] искания слез называют себя окаянными и осуждают [себя] с воздыханиями, сокрушением и печалью душевной, глубоким сетованием и недоумением, – [все это] может безопасно заменять слезы, хотя ими и ни во что не вменяется». Случается же, когда и по немощи какой-либо не бывает слез, как говорит святой Исаак; не только у кого-либо ищущего их, но и у обретшего и принявшего дар слез они прекращаются и теплота остывает из-за телесной немощи. И Симеон Новый Богослов, говоря о слезах, всегда плакать повелевает, даже если по неизреченному некоему устройству [Промысла] или по иной какой случившейся причине, сказал он, будут они источаться [у нас] скудно. И еще, от Писания приняв, так рассуждает он, что, кроме того, и Давид говорил: *«Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не унижит»* (Пс.50:19), – и справедливо сказал. Потому

подобает духом и сердцем сокрушенным и смиренным скорбеть в уме, и печалиться, и искать слез. Искать же, если истинно хотим, подобает так, как повелевает Святое Писание. Особенно Симеон Новый Богослов об этом обстоятельно пишет: и Давидовы изречения вспоминает, и Лествичником написанное приводит; хотящий навыйкнуть [этому деланию] в саму книгу да вникнет. Если только естество тела его не изнеможет, ведь иначе бесполезно противоборствовать естеству: «Когда тело немощное понудишь на делание выше силы его, то к помрачению души добавишь еще помрачение и приложишь ей большее смущение», – говорит святой Исаак; и прочие отцы согласны с этим.

Это сказано отцами об истинной немощи, а не о притворной, то есть не о немощи, [представляющейся только] в помысле. В остальном же хорошо себя понуждать, как сказал святой Симеон. Он, и прочее о том написав, говорил: «Если в таковом устроении будет наша душа – никогда не останется без слез». Мы же, если не можем в таковую меру себя возвести, постараемся хотя бы малой части [их] сподобиться и да просим этого с болезнованием сердца у Господа Бога. Ведь говорят святые отцы, что благодать слез есть дар Божий, один из великих, и повелевают у Господа просить его. Ибо говорит преподобный Нил Синайский: «Прежде всего молись о получении слез». Блаженный же Григорий, Святейший Папа Римский, пишет: «Если иные в делах благих пребывают и сподобились прочих дарований, слез же не получили, то подобает просить, чтобы восплакать [им] или по страху Суда, или по любви к Царствию Небесному, или по причине зла, которое прежде они соделали; и тогда в будущем туда, где [находятся] великие, и эти, горя любовью, войдут». И приводит он притчу из Священного Писания про Асхань, дочь Халева, которая, сидя на осленке, вздохнув, просила у отца своего землю с проточной водой, говоря: «Сухую ты мне дал, прибавь и с водою». И дал ей отец ее сухую на горе и с водой внизу (см. Нав.15:19). И толкует он, что Асхань – это душа, сидящая на осленке, то есть на бессловесных плотских движениях, а что, вздохнув, просила она у отца своего землю с водой проточной –

это показывает, что с великим вздыханием подобает просить нам у Создателя нашего дар слез; и прочие святые согласны с этим.

Как же будем просить и молиться об этом и откуда начало положим? Только от Божественных Писаний: Не способны мы сами помыслить что-либо от себя, но «*способность наша*» (см. 2Кор.3:5) – богодухновенное Писание, как святые написали.

АНДРЕЙ КРИТСКИЙ. Откуда начну оплакивать дела страстного моего жития? Какое начало положу нынешнему рыданию? Но, как Милосердный, дай мне, [Господи], слезы умиления, да, плача, исповедаю Тебе, Творцу всех и Создателю нашему Богу, сколько согрешил я пред Тобою окаянной душою моею и скверною моею плотью, да, Твоею помощью укрепляемый, оставлю впредь прежнее [мое] бессловесие и принесу Тебе слезы покаяния!

ГЕРМАН ЦАРЕГРАДСКИЙ. Боже мой, Творче всего мира, Создателю мой, источивший в древности источники вод из нерассеченного камня [и] усладивший горькие воды, зеницам очей моих подай источники слез, голову мою наполни водами очистительными и брови мои сделай облаками, всегда изливающими. Ибо грязь ума и душевная скверна, Владыка, требуют иссопа Твоего человеколюбия, очи сердечные – воды, дождя непрестанных слез, или озера, или источников, душу очищающих.

ЕФРЕМ СИРИН. Даруй всегда, Владыка, мне недостойному слезы для просвещения сердца, да просветившись сердцем, источу я со сладостью источники слез в чистой молитве, чтобы истребилось великое написание моих грехов в слезах малых и чтобы угас там от малого этого плача огонь палящий!

СИМЕОН НОВЫЙ БОГОСЛОВ. Господи, Создателю всех! Сам мне дай руку помощи, и очисти скверну души моей, и подай мне слезы покаяния, слезы любви, слезы спасительные, слезы, очищающие мрак ума моего, светлым меня соделывающие свыше, – дабы желать [мне] видеть Тебя, свет мира, просвещение моих окаянных очей!

ПЕСНОПИСЦЫ. О Христе, Царю всех, дай мне слезы теплые, да оплачу душу свою, каковую зло я погубил. Тучу мне

подай, Христе, как Щедрый, слез божественного умиления, да оплачу и омою я скверну – порождение страстей и явлюсь Тебе очищенным. Слезы дай мне, Боже, как в древности жене-грешнице!

И прочее из стихов, и иное, подобное этому, находящееся во святых Писаниях, подобает прилежно произносить из глубины сердца при испрашивании слез; и «будем часто молиться Господу», как говорит святой Исаак, «да подаст нам эту благодать слез, лучшую прочих дарований и превосходящую их». Ибо если стяжем ее, то ею войдем мы в душевную чистоту и духовно получим все блага.

Некоторые же, не стяжавшие еще в совершенстве дара слез, приобретают их кто от чего: один – через рассмотрение таинств человеколюбия Господня, другой – от чтения повестей о житии и подвигах святых и [их] поучений, иной – от одного произнесения молитвы Иисусовой. Иной же от некоторых молитв, составленных святыми, в умиление приходит, иной сокрушается от неких канонов и тропарей, другой – грехи свои вспоминая, а иной – от памятования смерти и суда, иной – от желания будущего наслаждения, – и другими различными образами [снискивают слезы]. И однако, от чего бы кто не обретал их, тем тому и заниматься подобает и удерживать плач, когда придет, поскольку сказали отцы: «Хотящий избавиться от грехов – плачем избавляется от них, и не хотящий стяжать их – плачем от них сохраняется», ибо это путь покаяния и плод его. О всякой напасти, находящей на нас, и о всяком помышлении вражеском подобает [человеку] плакать пред благостью Божией, чтобы Он помог ему; и найдет успокоение таковой вскоре, если сразу умом молится. Симеон же Новый Богослов все добродетели называет воинством, а царем и военачальником – умиление и плач. «Поскольку тот, – сказал он, – вооружает, и научает, и укрепляет бороться с врагом во всех начинаниях, и сохраняет от ратей противника». Если же когда и в непохвальных помыслах окажется ум наш, или даже в греховных, или в чем-то из слышанного или виденного, или в любви к естественному, или в скорби бесполезной, – если же и от этого явятся у нас слезы – подобает преложить их на

полезные: или на славословие и исповедание Божие, или на [памятование] смерти, и суда, и мук и проч. – и так плакать. Ведь говорит Лествичник: «Слезы от [причин] греховных или естественных на духовные предлагать достохвально; когда же Божией благодатью душа сама собою, без нашего умышления и старания, умилился и восплачет – это есть посещение Господне и слезы благочестивые. Хранить их подобает как зеницу ока, пока не отойдут, ибо имеют они великую силу для истребления грехов и страстей – более, чем слезы, бывающие от нашего старания и ухищрения». Когда же благодаря вниманию, то есть хранению сердечному, от Божественной благодати явится в молитве духовное действие, влагая теплоту, согревающую сердце и утешающую душу, и неизреченно распаляя в любовь к Богу и людям, ум веселя и сладость изнутри и радость подавая, – тогда слезы самопроизвольно изливаются, без понуждения сами по себе источаются, «утешая болезнующую душу, подобно младенцу в себе плачущую и вместе светло улыбающуюся», как говорит Лествичник. Этих слез да сподобит нас Господь! Потому что для нас, новоначальных и еще неискусных, большего, чем это, иного утешения нет. Когда же благодатью Божией это дарование умножится в нас, тогда облегчение браней бывает и помыслов умиротворение, ум же, словно обильной пищей, молитвой насыщается и веселится, а из сердца исходит некая невыразимая сладость, и на все тело внезапно находит, и во всех членах болезнование обращает в сладость. «Таково утешение, от плача рождаемое», – говорит святой Исаак, по слову Господа: каждому по благодати, данной ему (см. Рим.12:6). Тогда бывает человек в радости, не обретаемой в веке этом, и никто не знает того, – только предавшие себя всей душой таковому деланию.

9. Об охранении [себя] после того

Когда же сподобит нас Господь благодатью Своею обрести слезы и плакать или чисто помолиться, тогда всячески подобает сохранять себя от духа гнева и прочих неподобающих помыслов. Ибо или внутренне, помыслами, усиливается тогда смутить нас враг, или извне мятеж и брань навести ухищряется, стараясь сотворить наше дело порочным; как сказал Лествичник: «Когда трезвенно помолишься, вскоре на гнев борим будешь, ибо это есть умысел врагов. Потому, – сказал он, – всякую добродетель, особенно же молитву, да совершаем всегда со многим чувством; также и после молитвы [нужно] стараться пребывать выше ярости, гнева и прочего душевредного, поскольку, – говорил он, – безгневие в новоначальных, как некоторой уздой, удерживается слезами. И если послабим узду и неискусно будем управлять, тотчас [гнев] бесчинствует». Также и Нил Постник говорит: «Сильно бес завидует человеку молящемуся и всякими кознями старается помешать его уму, непрестанно обращая в памяти помыслы о [различных] вещах и все страсти воздвигая посредством плоти, чтобы смочь воспрепятствовать его доброму течению и шествию к Богу. Когда же, много потрудившись, не сможет лукавейший бес помешать молитве усердного, тогда немного послабит и потом отмщает тому помолившемуся: либо до гнева его разжегши, губит бывающее в нем от молитвы доброе устройство, либо сластью некой бессловесной раздражив, помрачает ум. Потому, – сказал он, – помолившись как подобает, ожидай чего не подобает и стань мужественно, храня плод свой. Ибо на это изначала поставлен ты был, – чтобы делать и хранить, так что, делая, не оставляй снисканного трудом без охранения. Если же не [будешь] так [поступать], – никакой не получишь пользы, молясь». А [слова] делать и хранить святой этот из Ветхого [Завета] привел, ибо говорит Писание: Сотворил Бог Адама и ввел его в Рай – возделывать и охранять (см. Быт.2:7, 15) Рай. И здесь делом райским [преподобный Нил] молитву назвал, охранением же – соблюдение [себя] после молитвы от помыслов

неподобающих. И когда посетит нас Господь в таковом⁴²⁵, всячески да храним себя от неподобающих помыслов, особенно же от слов и дел, и чувства тщательно да соблюдаем тогда, чтобы через них не воздвиглась на нас брань. Если же невольно впадет душа в помышления, тотчас прибегнем к Сотворившему ее с мольбой, и Тот разорит их все. Лучше и беспечальнее этого делания нет. Так с [помощью] Бога, подающего силу, души наши в страхе Его мы сохраним, не попуская уму ни от расслабляющих помыслов рассеяться, ни суетным веселием быть расхищенным, чтобы из-за неутвержденности слабого помысла душе приобретенного умиления не погубить. Итак, после слез и молитвы в том же устройении себя да сохраняем.

10. Об отсечении [забот] и беспопечении истинном, каковое есть умерщвление для всего

Чудные же эти делания, о которых сказали мы, непременно требуют отсечения попечений, то есть умерщвления для всего, упражнения в одном [лишь] деле Божиим и внимания [единственно к нему], как сказали познавшие премудрость [эту] опытом великие отцы. Ибо говорит Макарий Великий: «Хотящий приступить ко Господу, жизни вечной сподобиться, жилищем Христа стать и Святого Духа исполниться, чтобы плоды Его по всем заповедям Господним смочь чисто и непорочно принести, должен начать так. Первое – твердо веровать в Господа, всего себя отдать словам заповедей Его и отречься от мира во всем, – да не опустошится ум по причине чего-либо из видимого, но только единого Господа и заповеди Его пред очами иметь и только Тому Единому стремиться быть угодным. И надлежит в молитве всегда пребывать, на посещение Божие и помощь Его надеясь, помышление ума своего имея в том постоянно; и подобает, хотя бы и не хотело сердце из-за обладающего им греха, понуждать себя всегда ко всякому благу, ко всем заповедям Господним, сколько есть сил, веруя, что, придя, Господь вселится в него [(делателя)], и усовершенствует, и укрепит его во всех заповедях; и Сам Господь станет жилищем души. И должно помнить о Господе всегда, надеясь на Него с любовью многой. Тогда Господь, видя таковое благое произволение и усердие [человека], сотворяет с ним Свою милость и избавляет его от врагов его и от живущего в нем греха, исполняя его Святым Духом. И так впредь без усилий и без труда творит он все [заповеди] Господни поистине, скорее же – Господь в нем, и тогда плоды Духа приносит чисто». И Василий Великий говорит: «Начало чистоты души – безмолвие». И Иоанн Лествичник сказал: «Дело безмолвия – беспопечительность о благословных и непозволительных вещах, и молитва⁴²⁶ без лености, и, третье, – делание сердца неокрадываемое». Благословными же вещами не то называет, что ныне в обычае мы имеем: приобретение сел, и содержание

многих имений, и прочие связи с миром, – ибо это непозволительно, но то, что благообразно происходит и кажется спасительным для души – беседы, ведь и те должно вести в подобающее время и в меру, с духовными и благоговейными отцами и братьями. Ибо если [и] их вести будем без охранения [себя], то во второе, [непозволительное], непременно и невольно впадем. И это мы сказали о первом, [то есть] о благословном; второе же – это словопрение и прекословие, роптание и осуждение, уничижение и укорение и прочее зло, в которое от предваряющего то благословного впадаем. «Невозможно, – сказал [Лествичник], – по естественному порядку вещей, чтоб не изучивший букв изучал книги, тем более невозможно не стяжавшему [из деланий безмолвия] первого оба [последующих] с разумом проходить». И в общем, просто сказать, невозможно не учившемуся грамоте ни говорить от книг, ни читать, ни канонаршить, тем более невозможно не стяжавшему первого, то есть беспопечительности о благословных и непозволительных вещах, или умерщвления для всего, совершать пение с разумом без лености и молитву со вниманием, то есть сердечное делание. Молитвою без лености называет здесь⁴²⁷ [Лествичник] стояние в пении, деланием же сердечным – сидение в молитве и хранение ума. И в другом месте: «Малый волос беспокоит око, и малое попечение истребляет безмолвие». И еще: «Вкусивший молитвы часто одним сказанным им словом оскверняет ум и, на молитву представ, любимого не обретает по обычному». Так же и Симеон Новый Богослов сказал: «Да будет у тебя житие безмолвно, и беспопечительно, и для всего умерщвлено», и, это прежде всего поставив, затем, [уже] после того, учит о молитве и внимании. И Исаак хотящим истинно безмолвствовать и очищать в молитве ум говорит: «Удались от видения мира, и отсеки беседы, и не желай принимать по обычаю друзей в келлию свою, даже под благим предлогом, кроме тех одних, которые с тобой единомравны, и единовольны, и [твои] сотаинники; и бойся от бесед душевного смущения, которое обычно невольно действует и после того, как прекратится и пресечется общение внешнее. И это, – говорит он, – знаем по

опыту. Ибо, когда прекратим таковые беседы, хотя бы и казались они хорошими, – тотчас по прекращении собеседований бываем душою в смущении; хотя бы и не хотели мы, они и невольно обращаются в нас, и с нами немалое время пребывают. Потому что несвоевременные и излишние речи, [даже] и с ближними, и с любимыми нашими, производят смущение, сильно растлевают умное хранение и тайное поучение». В другом месте об этом еще жестче говорит опять [святой Исаак] так: «О, какое зло – лицезрение [людей] и беседа для пребывающих в безмолвии истинно! О братия! Больше, чем для не придерживающихся безмолвия. Как суровость заморозка, внезапно напав на верхушки садовых [растений], иссушает их, так и беседы человеческие, если и предельно кратки, и кажутся ведущими к добру, иссушают цветы добродетелей, только расцветающие от благотворного действия безмолвия и своей мягкостью и молодостью окружающие сад души, насажденный при истоках вод (см. [Пс.1:3](#)) покаяния. И как суровость инея, поражая вновь прорастающее, пожигает то, так и беседы человеческие [повреждают] корень ума, начавший приносить злак добродетелей. И если беседа с теми, кто в чем-то воздерживается, а в чем-то малые недостатки имеет, обыкновенно вредит душе, то насколько больше – встреча и собеседование с [людьми] невежественными и неразумными (да не скажу “с мирскими”). Как человек благородный и честный, когда опьянеет, то забывает свое благородство, и обесчещивается чин его, и осмеяна бывает честь его из-за чуждых помыслов, пришедших ему от силы вина, так и целомудрие души оскверняется от лицезрения [людей] и бесед человеческих; и забывает она образ хранения своего, и изглаждается из ума соблюдение [доброго] произволения, и искореняется в ней всякое основание похвального устройства.

Итак, если беседа и рассеяние себя или [одно] поползновение к тому, приключающееся из-за многого виденного и слышанного, могут в пребывающем в безмолвии омрачение ума и холодность к Божественному произвести и если в краткий час такой вред причиняют, то что скажем о встречах постоянных и долгом участии в них?» И в другом

месте тот же святой Исаак говорит: «Любящий мирские собеседования лишается жизни, и не имею ничего сказать о нем, только то, чтоб с плачем рыдать [о нем] рыданием неутешным, слышание которого сокрушает слышащих сердца». И еще в ином месте сказал он, что одно лицезрение мирских может силу подать страстям расслабить подвижника, изменить образ мыслей и намерение его. Потому не подобает иноку приобщаться тому, что ему противоборствует, но [должно] удаляться от приближения ко всему, в чем искушается свобода его. Ибо когда человек приходит к Богу, чтобы положить завет перед Ним, то должен удаляться не только от всего этого, но и от видения всякого чина [людей] мирских и от слышания слов их [или] чего-либо о них.

И много еще подобного тому пишут этот святой и другие святые; итак, мы веруем, что [это] непременно истина.

11. О том, что не прежде времени и в подобающую меру эти делания подобает совершать

И самые эти добрые и благолепные делания подобает совершать с рассуждением, благовременно и в подобающей мере; как говорит Василий Великий: «Все совершаемое [должно] предварять рассуждением, ибо без рассуждения и доброе во зло бывает по причине несвоевременности и несоблюдения меры. Когда же рассуждение установит для благого время и меру, – чудный прибыток получается». И Лествичник, из Писания заимствовав, говорит: «*Время всякой вещи под небом (Еккл.3:1)*, во всем же и в нашем жителстве священном всему свое время». И чуть дальше сказал: «Время безмолвию и время бессуетным попечениям, время непрестанной молитве и время нелицемерному служению; итак, да не взыщем, гордостным усердием прельщаемые, прежде времени [того, что придет в свое] время, [иначе] и вовремя этого не получим. Поскольку есть время сеять труды и есть время пожинать колосья благодати неизреченной». И в другом месте предложил он притчу: «Небезопасно неискусному от множества воинов отделиться на единоборство и небезопасно иноку прежде искуса и многого обучения [в борьбе] с душевными страстями начать безмолвие, ведь один телесно, другой же душевно подвергнутся бедам». Ибо «редким дано проходить истинное безмолвие – лишь тем одним, которые приняли Божественное утешение, облегчающее труды, и помощь в бранях». И Варсонофий Великий брату, прочитавшему в «Отечнике», что поистине хотящий спастись должен прежде среди людей понести досаждения, поношения, бесчестия и прочее, подобно Господу, и тогда [уже может] пойти на совершенное безмолвие, которое является восхождением на крест, то есть умерщвлением для всего, отвечал, говоря: «Хорошо сказали отцы, и [невозможно] иначе». И другому сказал: «Прежде чем человек не приобретет себя, безмолвие дает повод для высокоумия; приобретение же себя – [это] непорочным быть в смирении». И еще сказал: «Если дерзнешь

взойти выше меры своей, тогда поймешь, что погубишь и то, что имеешь. Но держись среднего, внимая воле Божией. Ибо если кто захочет оставить попечения прежде времени, общий враг уготовит ему более смущение, нежели покой, и доведет его до того, чтобы сказать: «Лучше бы мне было не родиться»». Сказал же святой это [постольку], поскольку и множество обольщений последует тому, как и Григорий Синаит говорит: «И в древности, и ныне многим, в безмолвии неискусным, случалось прельститься, и после многих трудов новоначальные и самочинные навлекают на себя более поношение и смех – без рассуждения, я имею в виду, безмолвствующие. Ибо память Божия, то есть умная молитва, есть выше всех деланий и глава добродетелей, как [и] любовь Божия, и тот, кто бесстыдно и дерзостно хочет войти к Богу и часто беседовать с Ним, усиливаясь стяжать Его в себе, легко умерщвляется бесами, если будет попущено. Ибо дерзкий и высокомерный, взыскав с кичением то, что выше достоинства его и устройства, прежде времени спешит того достигнуть. Но [лишь] сильным и совершенным возможно наедине бороться с бесами и меч, то есть глагол Божий (Еф.6:17), против них извлекать, немощные же и новоначальные, как к твердыне, прибегая к благоговению и страху и от единоборства уклоняясь, не смея прежде времени бороться, – избегают смерти».

Нам, слышащим это, подобает себя хранить и прежде времени не дерзать на высокое, чтобы кто-либо [из нас], повредившись, и душу не погубил. Но в подобающее время и среднюю меру, как видится, [делание] проходить удобнее, ибо и Писание свидетельствует, что средний путь – непадателен. Подобающее же время есть то, которому предшествует обучение среди людей, а средний путь – это с одним или, более, с двумя братьями житие. Как [и] Иоанн Лествичник повелел желающим непрестанно работать Христу избирать места и образы жительства, подходящие для них. «Есть три вида, – сказал он, – правильного устройства иноческого жительства: или уединенное отшельничество, или с одним, большее – с двумя, безмолвствование, или общее житие». И из Писания привел: Не уклоняйся ни направо, ни налево, но путем

царским гряди (см. [Втор.5:32](#); [Чис.21:22](#)), ведь средний из вышеуказанных путей, то есть безмолвие с одним или с двумя, для многих оказался самым подходящим. «Ибо горе, – сказал он, – одному: если впадет в уныние или сон, разлечение или отчаяние – некому из людей поднять его». И Самого Господа слово привел [Лествичник], Который сказал: *«Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»* ([Мф.18:20](#)). И в другом месте Писание говорит: *«двоим лучше, нежели одному»* ([Еккл.4:9](#)), то есть благо отцу с [духовным] сыном подвизаться при содействии Божественного Духа против [прежних] пристрастий. И чуть ниже: «Кто без помощи начинает бороться с духами – умерщвляется ими». Благие же нравы некоторых перечислив, сказал: «Таковым пребывание среди людей совсем бесполезно, ибо могут они из безмолвия, как из пристани, восходить с наставником на небо, не имея нужды пребывать среди [случающихся] в общежитии молв и соблазнов». А неискусным и душевными страстями побеждаемым безмолвия, в особенности уединения, не велели отцы и касаться. Страсти же душевные – это тщеславие, самомнение, лукавство и прочие, от этих [происходящие]. «Ибо кто этим недугует и начинает безмолвие, тот подобен соскочившему с корабля и на доске достигнуть безопасно земли мнящему, – сказал Лествичник. – Тем же, которые со скверной борются, то есть с телесными страстями, [на уединение исходить возможно], но и им не просто, не как случилось, а в [подобающее] время, если и наставника имеют, ибо уединение требует ангельской крепости». И еще, некоторые из душевных страстей упомянув, говорит, что угнетаемый ими «и следа безмолвия видеть да не дерзает, чтобы исступлением [ума] не пострадать». И находим мы во святых Писаниях, что и иные многие дивные и великие отцы так учили и так поступали.

Святой Исаак больше всех безмолвие похвалил и Арсения Великого совершенным безмолвником называет, [однако] и тот служителя и учеников имел. Также и Нил Синайский, и Даниил Скитский учеников имели, как о них повествуют писания, и многие иные; и повсюду во Святых Писаниях находятся похвалы безмолвию с одним или с двумя. Как и мы сами

очевидцами были, во святой Горе Афонской, в землях Царьграда и в иных местах многие таким образом жительствоуют: если находится [где-либо] духовный старец, имеющий одного ученика или двух, а при потребности иногда и третьего, и если кто-либо [еще] вблизи безмолвствует, то, в подобающее время приходя [друг к другу], просвещаются они беседами духовными. Ибо мы, новоначальные и неразумные, один от другого вразумляемся и укрепляемся, как написано: «Брат, когда ему помогает брат, – как град крепкий» (см. Притч.18:19), – и имеем учителя непрельщенного – Божественные Писания. Потому нам [и] видится удобным пребывание с одним или двумя верными и единомысленными в деле Божиим братьями, дабы от Святых Писаний воле Божией [все] научались и, когда подаст кому-либо Бог большее разумение, брат брата да назидает, и друг другу мы помогали, будучи боримы бесами и терзаемы страстями, как говорит святой Ефрем; и так, благодатью Божиею, на дела благие себя да направляем.

Прежде же всего, когда хотим жилище безмолвия созидать, подобает приуготовить нам себя молитвой – да даст нам Бог для совершения его [необходимые] свойства, как сказал Лествичник, то есть терпение в пребывании на одном месте, чтобы по положению основания не стать [нам] посмешищем для врагов и преткновением для других делателей, но пребывать в делах благих сохраняемыми благодатью Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, по молитвам Пречистой Владычицы нашей Богородицы и всех святых, в делании добродетелей просиявших. «Уразумеем же и то, что не ради исполнения больших правил, чтобы их исполнять, избираем мы места безмолвные», как сказал святой Исаак, «ибо известно, что пребывание со многими более содействует этому»⁴²⁸, но чтобы отступить от мятежей, и попечений бесполезных, и прочего неугодного Богу и пребывать в заповедях Его, приобретая необходимое на потребу от трудов своих или, если [недостаточно этого], принимая милостыню, откуда усмотрит благодать Его. От излишнего же всячески [должно нам]

отвращаться, а ссор и тяжб из-за вещественных приобретений, как яда смертоносного, избегать.

И эти угодные Богу делания совершая: пение, молитву, чтение и поучение в духовном, рукоделие и исполнение какой-либо работы – и внутренним человеком с Богом соединяясь, сколько по силам, во благих делах славу да воссылаем Отцу, и Сыну, и Святому Духу – Единому в Троице Богу, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Итак, Божией помощью укрепляемые, мы, неразумные, написали это по мере худости нашего разума в напоминание себе и подобным мне, в чине учимых находящимся, – и если имеют [к тому] произволение. Не от себя же, как и в начале этих писаний сказал я, но от богодухновенных Писаний святых отцов, просвещенных разумом. Ибо все, что здесь, – не без свидетельства Божественных Писаний [приведено]. И если найдется в этом что-либо неугодное Богу и бесполезное для души, из-за нашего неразумия, – да не будет [творимо] то, но воля Божия, совершенная и благоприятная, да исполняется, а я прощение прошу. Если же кто-то относительно этого лучшее и полезнейшее разумеет, пусть так и совершает, – мы тому порадуемся. Если же от этого [писания] кто-то пользу получит, пусть и о мне грешном помолится, да обрету милость пред Господом.

Духовное завещание преподобного Нила

К этому и еще я, недостойный Нил, моих ближних господ и братьев, которые [одного] со мною духа, молю: по кончине моей повергните тело мое в пустынном месте, да изложут его звери и птицы, потому что согрешило оно пред Богом много и недостойно погребения. Если же так не сделаете, то на месте, где живем, выкопав яму, погребите меня со всяким бесчестием. Бойтесь же слова, которое заповедал Великий Арсений ученикам своим, говоря: «На суде стану с вами, если кому дадите тело мое». Ибо и у меня, сколько в силах моих, старание было о том, чтобы не сподобиться мне никакой чести и славы этого века, как в жизни этой, так и по смерти моей. Молю же всех, да помолятся о душе моей грешной, и прощение прошу у всех, и от меня прощение да будет: Бог да простит всех нас.⁴²⁹

Примечания

¹ - Святитель Игнатий (Брянчанинов). Аскетические опыты. Т. 1. М., 1993. С. 266.

² - Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 1. Аскетические опыты. М., 1993. С. 265–266.

³ - Печатается по изданию: Творения иже во святых отца нашего святителя Игнатия, епископа Ставропольского. Т. 1. Аскетические опыты. М.: Сретенский монастырь, 1996. С. 205–297. Старцем называется в монастырях инок, руководствующий и наставляющий других иноков.

⁴ - Предисловие схимонаха Василия Поляномерульского к главам блаженного Филофея Синайского // Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского. М.: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1847 (в настоящем издании с. 241).

⁵ - Преподобный Серафим Саровский. Наставление 32 // Архимандрит Сергей. Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника. М., 1844. Старец Серафим родился в 1759 году, вступил в братство Саровской пустыни в 1778 году, скончался в 1833 году, 2 января.

⁶ - Сведение это получено от самого советовавшегося лица, ныне архимандрита Никона, настоятеля первоклассного Георгиевского Балаклавского монастыря (1866 год).

⁷ - Преподобный Исихий. Слово о трезвении. Гл. 70, 71 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 271.

⁸ - «Патерик Скитский».

⁹ - Преподобный Никифор монашествующий. Слово о трезвении и хранении сердца // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 325.

¹⁰ - Преподобный Исихий. Слово о трезвении. Гл. 5 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 257.

¹¹ - Преподобный Никифор монашествующий. Слово о трезвении и хранении сердца // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 329–330.

¹² - См.: Преподобный Исихий. Слово о трезвении. Гл. 2 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 257.

¹³ - Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн пророк. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Ответ 210. М., 1994. С. 167.

¹⁴ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 56 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 277.

¹⁵ - Там же. Слово 58. С. 305.

¹⁶ - Преподобный Исихий. Слово о трезвении. Гл. 21 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 260.

¹⁷ - Там же. Гл. 28. С. 262.

¹⁸ - Там же. Гл. 109. С. 278.

¹⁹ - Там же. Гл. 182. С. 295.

²⁰ - Там же. Гл. 168. С. 291.

²¹ - Там же. Гл. 115. С. 279.

²² - Там же. Гл. 159. С. 290.

²³ - Преподобный Нил Сорский. Устав скитский. Гл. 1 (в настоящем издании с. 312).

²⁴ - Преподобный Исихий. Слово о трезвении. Гл. 110 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 278 (ср. с гл. 109).

²⁵ - Каллист патриарх и Игнатий Ксанфопулы. Наставление безмолвствующим, в сотне глав. Гл. 98 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 491.

²⁶ - Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (Собеседование 2, о рассудительности. М., 1892. С. 188–203), преподобный Никифор монашествующий (Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 321) и многие другие отцы.

²⁷ - Преподобный Нил Постник. О молитве. Гл. 17, 18, 142 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 2. Ч. 4. С.

731, 746.

²⁸ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 28. Гл. 10. Сергиев Посад, 1908. С. 234.

²⁹ - Преподобный авва Дорофей. Душеполезные поучения и послания. Сказание о блаженном отце Досифее. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900. С. 6–18; Преподобный Григорий Синаит // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 220, 234.

³⁰ - Каллист патриарх и Игнатий Ксанфопулы. Наставление безмолвствующим, в сотне глав. Гл. 10 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 362–364.

³¹ - Синедрионом называлось верховное духовное судилище иудеев.

³² - Аще мы, или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет. Якоже предрекохом, и ныне паки глаголю: аще кто вам благовестит паче, еже приясте, анафема да будет (Гал.1:8–9).

³³ - Преподобный Макарий Великий. Духовные беседы, послание и слова. Беседа 38. Гл. 1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 264.

³⁴ - Каллист патриарх и Игнатий Ксанфопулы. Наставление безмолвствующим, в сотне глав. Гл. 14 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 366.

³⁵ - Преподобный Симеон Новый Богослов. Главы деятельные и богословские. Гл. 32 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 108.

³⁶ - Там же. Гл. 33. С. 108.

³⁷ - Там же. Гл. 70, 71, 72. С. 117–118.

³⁸ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 21. Гл. 7; Слово 15. Гл. 53. Сергиев Посад, 1908. С. 142, 121; Преподобный Исихий. Слово о трезвении. Гл. 28, 39, 62 и др. // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 262, 265, 269; Преподобный Нил Сорский. Слово 5, о блудном помысле.

³⁹ - Каллист патриарх и Игнатий Ксанфопулы. Наставление безмолвствующим, в сотне глав. Гл. 10 // Добротолюбие. М.:

Сретенский монастырь, 2001. Т. 1.4. 2. С. 362–364.

⁴⁰ - Псалтирь с восследованием.

⁴¹ - Оптиная пустынь оказала величайшую услугу отечественному монашеству переводом с греческого на русский, частью же изданием на славянском языке, многих отеческих сочинений о духовном монашеском подвиге. Да упомянется здесь, среди благословения, имя почившего блаженного старца упомянутой пустыни, иеросхимонаха Макария, стоявшего во главе этого дела.

⁴² - Преподобный Макарий Великий. Духовные беседы, послание и слова. Слово 7. Гл. 7. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 445.

⁴³ - Житие преподобного Пахомия Великого // Четьи-Минеи. 15 мая.

⁴⁴ - Преподобный Григорий Синаит. Главы о заповедях и догматах. Гл. 131 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 207–208.

⁴⁵ - Преподобный Макарий Великий. Духовные беседы, послание и слова. Беседа 7. Гл. 4. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 66.

⁴⁶ - Преподобный Макарий Великий. Духовные беседы, послание и слова. Слово 3. Гл. 2. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 373.

⁴⁷ - Блаженный Каллист патриарх. Главы о молитве. Гл. 8 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 350.

⁴⁸ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 4. Гл. 92; Слово 27. Гл. 6, 46, 60, 61, 62. Сергиев Посад, 1908. С. 48, 217, 225, 227.

⁴⁹ - Блаженный Каллист патриарх. О молитве вкратце // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 2. Ч. 4. С. 576.

⁵⁰ - Каллист патриарх и Игнатий Ксанфопулы. Наставление безмолвствующим, в сотне глав. Гл. 15 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 369–375.

⁵¹ - Таковы были: Алексей, человек Божий (Марта 17), святой Иоанн Кущник (Января 15), преподобный Виталий монах и другие. Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 4. Гл. 36. Сергиев Посад, 1908. С. 36.

⁵² - Преподобный Симеон Новый Богослов. О трех образах молитвы. Гл. 3. О третьем образе внимания // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 165; Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 27. Гл. 33. Сергиев Посад, 1908. С. 222.

⁵³ - Это явствует из писаний преподобного Иоанна Кассиана Римлянина, преподобного Орсисия, преподобного Исаии Отшельника и других святых иноков, получивших иноческое образование в Египетских монастырях.

⁵⁴ - Заимствовано из поведаний преподобного Иоанна Кассиана Римлянина.

⁵⁵ - Заглавие 25-го Слова «Лествицы» преподобного Иоанна, игумена Синайской горы.

⁵⁶ - Духовная теплота – достояние весьма преуспевших иноков, подвизающихся в безмолвии, для которых написана и вся книга святого Григория Синаита, а отнюдь не достояние новоначальных. Новоначальные должны довольствоваться тем, если будут молиться со вниманием и умилением. О теплоте смотри в «Слове о Иисусовой молитве» (Аскетические опыты. Т. 2; в настоящем издании с. 182, 188–190, 201, 211–213, 216).

⁵⁷ - Преподобный Григорий Синаит. О безмолвии. Гл. 7. О прелести, ид еже и о иных многих предлогах // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 242–243.

⁵⁸ - Преподобный Нил Сорский. Устав скитский. Предисловие к преданию (в настоящем издании с. 308).

⁵⁹ - Преподобный Симеон Новый Богослов. Слова. Слово 3 (начало). М.: Издание Оптиной пустыни, 1852.

⁶⁰ - Там же.

⁶¹ - Цитата из преподобного Симеона Нового Богослова в слове Никифора монашествующего // Добротолюбие. Ч. 2. С. 328; Преподобный Макарий Великий. Духовные беседы,

послание и слова. Слово 7. Гл. 2. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 442–443.

⁶² - В подлиннике сказано: «аще кто мечтает высокая со мнением dospeti». Здесь употреблено объяснительное выражение, чтоб отчетливее показать значение слова "мнение".

⁶³ - Коллурий (церковно-слав.) – глазная примочка. – Ред.

⁶⁴ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 7. Гл. 64. Сергиев Посад, 1908. С. 86.

⁶⁵ - Преподобный Симеон Новый Богослов. О трех образах молитвы. Гл. 1. О первом образе внимания и молитвы // Добротолубие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 158–159.

⁶⁶ - Вышеприведенная статья.

⁶⁷ - Житие святителя Амфилохия Иконийского // Четьи-Минеи. 23 ноября.

⁶⁸ - Жития преподобных Исаакия и Никиты затворников // Киево-Печерский Патерик. М., 1897. С. 219–225, 231–235.

⁶⁹ - Вышеприведенная статья.

⁷⁰ - Святой Григорий Синаит. О безмолвии 7 глав. Гл. 7. О прелести и проч. // Добротолубие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 240, 244–245.

⁷¹ -оборот речи, употребляемый жителями Петербурга.

⁷² - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 55 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 243–276.

⁷³ - Преподобный Симеон Новый Богослов. Слово о вере // Добротолубие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 147–156.

⁷⁴ - Орловской епархии.

⁷⁵ - Курской епархии.

⁷⁶ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 28. Гл. 17. Сергиев Посад, 1908. С. 235.

⁷⁷ - Преподобный Марк Подвижник. О мнящихся от дел оправдаться. Гл. 34 // Добротолубие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 63.

⁷⁸ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 4. Гл. 81, 82. Сергиев Посад, 1908. С. 46–47; Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн пророк. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Ответ 275. М., 1994. С. 213–214; Житие и наставления преподобного Аполлоса // Патерик Алфавитный.

⁷⁹ - Преподобный Симеон Новый Богослов. О трех образах молитвы. Гл. 3. О третьем образе внимания // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 160.

⁸⁰ - Житие преподобного Григория Синаита // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 168.

⁸¹ - Преподобный Нил Сорский. Устав скитский. Предисловие к преданию (в настоящем издании с. 308).

⁸² - Преподобный Паисий Величковский. Письмо к старцу Феодосию // Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М.: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1847.

⁸³ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 36 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 159–160.

⁸⁴ - Беседа преподобного Максима Кавсокаливита с преподобным Григорием Синаитом // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 246–249.

⁸⁵ - Преподобный Макарий Великий. Духовные беседы, послание и слова. Слово 6 (о любви). Гл. 16. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 430.

⁸⁶ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 55 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 243–276.

⁸⁷ - Преподобный Григорий Синаит. Главы о заповедях и догматах. Гл. 108, 128 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 194, 206; Преподобный Иоанн Карпафийский. Утешительные главы. Гл. 49 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 2. Ч. 4. С. 275.

⁸⁸ - Преподобный Симеон Новый Богослов. Слова. Слово 4 (начало). Слово 3. М.: Издание Оптиной пустыни, 1852.

⁸⁹ - Фантазии.

⁹⁰ - Фома Кемпийский. О подражании Христу. Книга 2. Гл. 8.

⁹¹ - Там же. Книга 3. Гл. 1.

⁹² - Там же. Книга 3. Гл. 3.

⁹³ - Жития преподобных Феофила, Пимена болезненного, Иоанна Многострадального // Киево-Печерский Патерик. М., 1897. С. 290–295, 310–317, 273–278.

⁹⁴ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 55 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 243–276.

⁹⁵ - Стр. 37.

⁹⁶ - «Подражание» при первоначальном появлении своем было осуждено даже своей Латинской Церковью и преследовалось инквизицией. Преследование прекращено впоследствии и обратилось в покровительство, когда усмотрено, что книга служит хорошим орудием для пропаганды в среде людей, утративших истинное понимание христианства и сохранивших к нему поверхностное отношение. Под именем папской пропаганды разумеется распространение того понятия о Папе, которое Папа желает внушить о себе человечеству, то есть понятие о верховной, самодержавной, неограниченной власти Папы над миром. Пропаганда, имея это целью, мало обращает внимания на качество учения, преподаваемого ею, для нее на руку все, что содействует цели ее – даже вера во Христа без оставления веры в идолов.

⁹⁷ - Музы и Аполлон – божества древних язычников, греков и римлян; этим демонам язычники приписывали покровительство изящным художествам.

⁹⁸ - В созвучии, в согласии.

⁹⁹ - Олонецкой или Петрозаводской епархии.

¹⁰⁰ - Новгородской епархии.

¹⁰¹ - Калужской епархии.

¹⁰² - Преподобный Симеон Новый Богослов. О трех образах молитвы. Гл. 2. О втором образе внимания // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 159–160.

¹⁰³ - Предисловие схимонаха Василия Поляномерульского к книге святого отца нашего Григория Синаита // Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М.: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1847 (в настоящем издании с. 231–234).

¹⁰⁴ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 49 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 217.

¹⁰⁵ - Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн пророк. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Ответ 421. М., 1994. С. 284.

¹⁰⁶ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 28. Гл. 17. Сергиев Посад, 1908. С. 235.

¹⁰⁷ - Там же. Слово 4. Гл. 92. С. 48.

¹⁰⁸ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 28. Гл. 21. Сергиев Посад, 1908. С. 235–236.

¹⁰⁹ - Сведения о сочинителе Цветника, священноиноке Дорофее, помещены в 1 томе «Аскетических опытов» в статье «Посещение Валаамского монастыря».

¹¹⁰ - Священноинок Дорофей. Цветник. Поучение 30 и 32.

¹¹¹ - Там же. Поучение 32.

¹¹² - Там же. Поучение 32.

¹¹³ - «Патерик Скитский»; «Достопамятные сказания» об авве Пимене Великом (гл. 129).

¹¹⁴ - Преподобный Симеон Новый Богослов. Слово о вере // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 150–151.

¹¹⁵ - Избранные Класы. Издание Оптиной пустыни, 1848.

¹¹⁶ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 1. Гл. 26. Сергиев Посад, 1908. С. 9.

¹¹⁷ - Архитекторы, строители.

¹¹⁸ - Преподобный Григорий Синаит. Главы о заповедях и догматах. Гл. 118 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 199.

¹¹⁹ - Преподобный Марк Подвижник. О законе духовнем. Гл. 84 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 50.

¹²⁰ - Там же.

¹²¹ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 16 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 69. Здесь слово

благоволение прибавлено для точного выражения мысли писателя.

¹²² - Там же. Слово 55. С. 248.

¹²³ - Там же. Слово 61, очень замечательное. С. 328–332.

¹²⁴ - Преподобный Нил Сорский. Устав скитский. Гл. 2 (в настоящем издании с. 315).

¹²⁵ - Там же.

¹²⁶ - Святой Григорий Синаит. О безмолвии 7 глав. Гл. 7. О прелести и проч. // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 243. Надымание (церковно-слав.) – наполнение воздухом; вздутие. – Ред.

¹²⁷ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 28. Гл. 19. Сергиев Посад, 1908. С. 235.

¹²⁸ - Там же. Гл. 17, 21, 27, 28. С. 235–237.

¹²⁹ - Преподобный Нил Сорский. Устав скитский. Гл. 11 (в настоящем издании с. 361).

¹³⁰ - «Патерик Скитский».

¹³¹ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 26. Гл. 52. Сергиев Посад, 1908. С. 184.

¹³² - Преподобный Григорий Синаит. Главы о заповедях и догматах. Гл. 118 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 199.

¹³³ - Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Собеседование 2 (о рассудительности) // Писания преподобного отца Иоанна Кассиана Римлянина. М., 1892. С. 188–203; Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 4. Гл. 105. Сергиев Посад, 1908. С. 50.

¹³⁴ - Каллист патриарх и Игнатий Ксанфопулы. Наставление безмолвствующим, в сотне глав. Гл. 14–16 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 366–385.

¹³⁵ - Преподобный Симеон Новый Богослов. О трех образах молитвы. Гл. 3. О третьем образе внимания // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 160.

¹³⁶ - Памятью Божией и поучением называют отцы непрестанную молитву Иисусову.

¹³⁷ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 28. Гл. 31. Сергиев Посад, 1908. С. 238.

¹³⁸ - Предисловие схимонаха Василия Поляномерульского к книге святого отца нашего Григория Синаита // Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М.: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1847 (в настоящем издании с. 235).

¹³⁹ - Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн пророк. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Вопросы 249–335. М., 1994. С. 195–238.

¹⁴⁰ - Преподобный авва Дорофей. Душеполезные поучения и послания. Сказание о блаженном отце Досифее. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900. С. 6–18.

¹⁴¹ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 4. Гл. 17. Сергиев Посад, 1908. С. 26.

¹⁴² - Там же. Слово 15. Гл. 53. С. 121; Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн пророк. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Ответы 252 и 255. М., 1994. С. 197, 202.

¹⁴³ - Из рукописного наставления архимандриту Никону.

¹⁴⁴ - Житие святого Андрея юродивого // Великие Четьи-Минеи митрополита Макария. 2 октября.

¹⁴⁵ - Там же.

¹⁴⁶ - Житие преподобного Симеона юродивого // Четьи-Минеи. 21 июля.

¹⁴⁷ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 43 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 186–190.

¹⁴⁸ - Смиренномудрые помышления, содействующие молитве, описаны в 1-м слове святого Симеона Нового Богослова. О них много говорят святые Исаак Сирский, Исаия Отшельник и другие отцы.

¹⁴⁹ - О изнеможении, производимом благодатным утешением, упоминает святой Исаак Сирский в Слове 44 (Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 44 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 192).

¹⁵⁰ - Цитата из жития преподобного Саввы Освященного в слове Никифора монашествующего // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 324.

¹⁵¹ - Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. О постановлениях киновитян. Книга 8 (о духе гнева) // Писания преподобного отца Иоанна Кассиана Римлянина. М., 1892. С. 100–113.

¹⁵² - Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн пророк. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Ответы 311 и 313. М., 1994. С. 227–228.

¹⁵³ - Жития преподобных Исаакия и Никиты затворников // Киево-Печерский Патерик. М., 1897. С. 219–225, 231–235.

¹⁵⁴ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 27. Гл. 55. Сергиев Посад, 1908. С. 227.

¹⁵⁵ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 4. Гл. 119. Сергиев Посад, 1908. С. 56–57.

¹⁵⁶ - Преподобный Макарий Великий. Духовные беседы, послание и слова. Слово 3. Гл. 12–14. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 379–382.

¹⁵⁷ - Заимствовано из вышеприведенных 12, 13 и 14-й глав 3-го слова преподобного Макария Великого; также см.: Преподобный Нил Сорский. Слово 2. Издание Святейшего Синода, 1852. С. 100.

¹⁵⁸ - Преподобный Макарий Великий. Духовные беседы, послание и слова. Слово 4. Гл. 8. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 387.

¹⁵⁹ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слова 55, 2 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 258, 21.

¹⁶⁰ - Там же. Слово 1. С. 14.

¹⁶¹ - «Патерик Скитский»; «Достопамятные сказания» об авве Пимене Великом (гл. 62).

¹⁶² - Святой Григорий Синаит. О безмолвии в 15 главах. Гл. 5 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 223.

¹⁶³ - Преподобный Макарий Великий. Духовные беседы, послание и слова. Слово 7. Гл. 14. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 451.

¹⁶⁴ - Преподобный Симеон Новый Богослов. Главы деятельные и богословские. Гл. 33 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 108.

¹⁶⁵ - Преподобный Симеон Новый Богослов. Главы деятельные и богословские. Гл. 33 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 108.

¹⁶⁶ - Преподобный Ефрем Сирин. Слово 106. Об Антихристе (Вильна, 1780. Л. 204).

¹⁶⁷ - Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. О постановлениях киновитян. Книга 2 (о правилах касательно ночного молитвословия и псалмопения). Гл. 3 // Писания преподобного отца Иоанна Кассиана Римлянина. М., 1892. С. 13–14.

¹⁶⁸ - Избрано из разных мест 55-го слова преподобного Исаака Сирина.

¹⁶⁹ - Там же.

¹⁷⁰ - Там же.

¹⁷¹ - Там же.

¹⁷² - Избрано из разных мест 55-го слова преподобного Исаака Сирина.

¹⁷³ - Там же.

¹⁷⁴ - Там же.

¹⁷⁵ - Macarii Aegyptii liber de libertate mentis. Cap. 5, 6 // Patrologiae Graecae. Т. 34.

¹⁷⁶ - Там же.

¹⁷⁷ - Macarii Aegyptii liber de libertate mentis. Cap. 19 // Patrologiae Graecae. Т. 34.

¹⁷⁸ - Liber de patientia et discretion. Cap. 19.

¹⁷⁹ - Каллист патриарх и Игнатий Ксанфопулы. Наставление безмолвствующим, в сотне глав. Гл. 49 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 425–428.

¹⁸⁰ - Преподобный Нил Сорский. Устав скитский. Гл. 3 (в настоящем издании с. 322).

¹⁸¹ - Плинфodelание (церковно-слав.) – изготовление кирпичей (ср. Исх. 1, 14; – Ред.

¹⁸² - Преподобный Нил Сорский. Устав скитский. Гл. 2 (в начале) (в настоящем издании с. 313).

¹⁸³ - Преподобный Нил Сорский. Устав скитский. Гл. 2 (в настоящем издании с. 317).

¹⁸⁴ - «Патерик Скитский», изречения Феодора Енатского. Также преподобного Симеона Нового Богослова.

¹⁸⁵ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 55 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 243–276.

¹⁸⁶ - Преподобный Серафим Саровский. Наставления // Архимандрит Сергей. Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника. М., 1844.

¹⁸⁷ - «Патерик Скитский».

¹⁸⁸ - «Патерик Скитский».

¹⁸⁹ - По объяснению преподобного Григория Синаита.

¹⁹⁰ - Печатается по изданию: Творения иже во святых отца нашего Святителя Игнатия, епископа Ставропольского. Т. 2. Аскетические опыты. М.: Сретенский монастырь, 1998. С. 189–201

¹⁹¹ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 21 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 110.

¹⁹² - Требник или особая книжица, содержащая чин пострижения в малую схиму. Настоятель, вручая новопостриженному четки, завещает ему непрестанную молитву Иисусову. Принятием четок новопостриженный дает обет исполнять завещание настоятеля.

¹⁹³ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 2 1 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 110.

¹⁹⁴ - S. Antonii Magni Opera // Patrologiae Graecae. Т. 40. Р. 1080.

¹⁹⁵ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 4. Гл. 17. Сергиев Посад, 1908. С. 26.

¹⁹⁶ - Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Собеседования Египетских подвижников. Собеседование 10. Гл. 10 // Писания преподобного отца Иоанна Кассиана Римлянина. М., 1892. С. 357.

¹⁹⁷ - Преподобный авва Дорофей. Душеполезные поучения и послания. Сказание о блаженном отце Досифее. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900. С. 6–18; Четы-Минеи. 19 февраля.

¹⁹⁸ - Канонник. Молитвы на сон грядущим. Также житие преподобного.

¹⁹⁹ - Житие преподобного Евстратия // Четы-Минеи. 9 января.

²⁰⁰ - Письменный патерик, принадлежащий библиотеке епископа Игнатия.

²⁰¹ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 52 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 234.

²⁰² - Святой Григорий Синаит. О безмолвии в 15 главах. Гл. 2 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 220.

²⁰³ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 72 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 362.

²⁰⁴ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 21. Гл. 7. Сергиев Посад, 1908. С. 142.

²⁰⁵ - «Патерик Скитский» (алфавитный).

²⁰⁶ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 8 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 44–46.

²⁰⁷ - Там же. Слово 69. С. 350.

²⁰⁸ - Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Собеседования Египетских подвижников. Собеседование 10. Гл. 10 // Писания преподобного отца Иоанна Кассиана Римлянина. М., 1892. С. 360–361.

²⁰⁹ - Каллист патриарх и Игнатий Ксанфопулы. Наставление безмолвствующим, в сотне глав. Гл. 21 // Добротолюбие. М.:

Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 390.

²¹⁰ - О авве Филимоне слово зело полезно // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 2. Ч. 4. С. 582–583.

²¹¹ - Смотри выше о поучении преподобного Исаии Отшельника, уподобляющего душу, огражденную поучением, дому отвсяду затворенному и заключенному.

²¹² - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 28. Гл. 17. Сергиев Посад, 1908. С. 235. О стоянии и приснодвижимости ума смотри главы святого Каллиста Катафигиота (Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 2. Ч. 4. С. 481–572).

²¹³ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 28. Гл. 31. Сергиев Посад, 1908. С. 237.

²¹⁴ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 28. Гл. 25. Сергиев Посад, 1908. С. 237.

²¹⁵ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 55 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 257

²¹⁶ - Печатается по изданию: Творения иже во святых отца нашего Святителя Игнатия, епископа Ставропольского. Аскетические опыты. Т.2. М.: Сретенский монастырь, 1998. С. 202–232

²¹⁷ - «Не должно нам преждевременно искать великих мер, чтоб Божие дарование не потребилось по причине скорости приятия его. Все, легко приобретаемое, легко и утрачивается; все же, приобретенное с сердечною болезнью, хранится тщательно» (Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 5 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 35).

²¹⁸ - Преподобный Симеон Новый Богослов. О трех образах молитвы. Гл. 1. О первом образе внимания и молитвы // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 158–159. Также: Аскетические опыты. Т. 1. О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником (в наст. издании с. 40–45).

²¹⁹ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 55 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 258.

²²⁰ - Преподобный авва Дорофей. Душеполезные поучения и послания. Сказание о блаженном отце Досифее. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900. С. 6–18

²²¹ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 21 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 96–97.

²²² - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 41 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 177.

²²³ - Там же. С. 176.

²²⁴ - Опыт показывает, что встреча с женским полом, с развратным обществом и с другими соблазнами действует несравненно сильнее на инока, нежели на мирянина, всегда вращающегося среди соблазнов. Действие это на инока тем сильнее, чем внимательнее и строже его жительство. Страсти в нем измучены голодом и кидаются с неистовством и исступлением на свои предметы, когда не будет принята осторожность. Если возбужденная страсть и не совершит убийства, то может нанести страшную язву, для врачевания которой потребуются многие годы, кровавые труды, а более всего особеннейшая милость Божия.

²²⁵ - Скоктание {церковно-слав.) – щекотание, любострастное раздражение. – Прим. ред.

²²⁶ - Подлинный стих Писания читается так: «Сие беззаконие Содомы сестры твоея, гордость в сытости хлеба, и во изобилии вина, и сластолюбствовала, та и дочери ея».

²²⁷ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 75 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 367–371.

²²⁸ - Преподобный Марк Подвижник. Послание к Николаю иноку // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 84–99.

²²⁹ - Преподобный Марк Подвижник. Нравственно-подвижнические слова. Слово 7 (о посте и смирении). М., 1858.

²³⁰ - Преподобный Исаия Отшельник. Слово 8. Гл. 1 // Добротолюбие (в русском переводе, дополненное). Т. 1. М., 1895. С. 322. Этот глубоко вникавший в себя инок говорил: «Иногда вижу себя подобным коню, блуждающему без всадника:

кто найдет его, садится на него; когда же сей отпустит, то схватывает другой и равным образом садится на него».

²³¹ - Преподобный Иоанн Карпафийский. Утешительные главы. Гл. 87 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 2. Ч. 4. С. 286.

²³² - По объяснению преподобного Макария Великого (Духовные беседы, послание и слова. Беседа 37. Гл. 5. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 259); Преподобный Марк Подвижник. Нравственно-подвижнические слова. Слово 6. М., 1858.

²³³ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 56 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 280.

²³⁴ - Преподобный Нил Сорский. Устав скитский. Гл. 11 (в настоящем издании с. 360).

²³⁵ - «Прежде всех (духовных даров) непарение даруется уму Господем» (Каллист патриарх и Игнатий Ксанфопулы. Наставление безмолвствующим, в сотне глав. Гл. 24 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 392).

²³⁶ - Беседа преподобного Максима Кавсокаливита с преподобным Григорием Синаитом // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 246–249.

²³⁷ - Различие показано выше.

²³⁸ - «Патерик алфавитный».

²³⁹ - Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн пророк. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Ответ 184. М., 1994. С. 149; Святой Григорий Палама. Послание к монахине Ксении // Добротолюбие (в русском переводе, дополненное). Т. 5. М., 1900. С. 275.

²⁴⁰ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 15 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 67–68.

²⁴¹ - Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн пророк. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Ответ 59. М., 1994. С. 61–63.

²⁴² - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 28. Гл. 61. Сергиев Посад, 1908. С. 241.

²⁴³ - Преподобный Исаия Отшельник. Слово 19. Гл. 3 // Добротолубие (в русском переводе, дополненное). Т. 1. М., 1895. С. 369. Эта же мысль помещена преподобным и в 17-м Слове его.

²⁴⁴ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 56 //Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 280.

²⁴⁵ - Преподобный Григорий Синаит. Главы о заповедях и догматах. Гл. 1 1 4 // Добротолубие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 196.

²⁴⁶ - Преподобный Серафим Саровский. Наставление 11. О молитве //Архимандрит Сергей. Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника. М., 1844.

²⁴⁷ - Житие преподобного Паисия Великого //Четьи-Минеи. 19 июня.

²⁴⁸ - Преподобный Серафим Саровский. Наставления 3 и 4. О мире душевном и о хранении его //Архимандрит Сергей. Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника. М., 1844.

²⁴⁹ - Преподобный авва Дорофей. Душеполезные поучения. Поучение 2 (о смиренномудрии). Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900. С. 47.

²⁵⁰ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 25. Гл. 4. Сергиев Посад, 1908. С. 163.

²⁵¹ - Там же. Гл. 27, 28. С. 167–168.

²⁵² - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 48 //Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 214.

²⁵³ - Преподобный Марк Подвижник. О мнящихся от дел оправдаться. Гл. 35 //Добротолубие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 63.

²⁵⁴ - Заглавие слов 28 и 25.

²⁵⁵ - Преподобный Симеон Новый Богослов называет такое состояние нашего естества раздранием его (слово 3).

²⁵⁶ - Преподобный Симеон Новый Богослов. Слова. Слово 10. М.: Издание Оптиной пустыни, 1852.

²⁵⁷ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 29. Гл. 10. Сергиев Посад, 1908. С. 244.

²⁵⁸ - Там же. Слово 28. Гл. 38. С. 238.

²⁵⁹ - Преподобный Нил Постник. О молитве. Гл. 61 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 2. Ч. 4. С. 736.

²⁶⁰ - «Внегда возвратити Господу плен Сион, быхом яко утешены. Тогда исполнишася радости уста наша, и язык наш веселия: тогда рекут во языцех: возвеличил есть Господь сотворити с ними» (Пс.125:1–2). В Псалтири повсюду под именем языков разумеются, в таинственном значении, демоны. Тогда подвижник познает избавление свое от порабощения демонам, когда ум его престанет увлекаться приносимыми ими помыслами и мечтаниями, когда он начнет молиться чистой молитвою, всегда соединенной с духовным утешением. Избавление это понятно и для демонов: «тогда рекут во языцех: возвеличил есть Господь сотворити с ними». Печатается по изданию: Творения иже во святых отца нашего святителя Игнатия, епископа Ставропольского. Т. 2. Аскетические опыты. М.: Сретенский монастырь, 1998. С. 233–313

²⁶¹ - О молитве Иисусовой помещена статья в 1-й части «Опытов»: как в этом слове имеются свои особенности, то не сочтено излишним предложение его вниманию боголюбцев. О повторениях же, по необходимости вступивших в него из упомянутой статьи, можно сказать, что повторение столько спасительных истин отнюдь не бесполезно. «Таяжде писати вам, – говорит апостол, – мне убо неленостно, вам же твердо» (Флп.3:1).

²⁶² - Схимонах Василий Поляномерульский. Сочинения его изданы Введенскою Оптиною пустынею вместе с сочинениями старца Паисия Величковского (М., 1847).

²⁶³ - Преподобный Нил Сорский. Устав скитский. Гл. 2 (в настоящем издании с. 314).

²⁶⁴ - Святой Григорий Синаит. О безмолвии в 15 главах. Гл. 2 //Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 220.

²⁶⁵ - Спаситель – на еврейском Иисус (Мф.1:21; см.: Феофилакт, архиепископ Болгарский. Благовестник. Книга 1. Толкование на Мф.1:21. М.: Сретенский монастырь, 2000. С. 43).

²⁶⁶ - Псалтирь с воследованием.

²⁶⁷ - Там же.

²⁶⁸ - Житие священномученика Игнатия Богоносца // Четьи-Минеи. 20 декабря.

²⁶⁹ - «Пастырь» Ерма. Подобие 9. Гл. 14 //Писания мужей апостольских. СПб., 1895. С. 234–235. Книга святого Ерма особенно уважалась в первенствующей Церкви Христовой. Иногда присовокуплялась она к Новому Завету и читалась при богослужении.

²⁷⁰ - Житие святого мученика Каллистрата //Четьи-Минеи. 27 сентября.

²⁷¹ - Преподобный Исихий. Слово о трезвении. Гл. 1 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 256.

²⁷² - Архимандрит Сергей. Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника. М., 1844.

²⁷³ - Преподобный Нил Сорский. Устав скитский. Гл. 9 (в настоящем издании с. 355).

²⁷⁴ - Преподобный Григорий Синаит. О безмолвии. Гл. 5. О еже како подобает пети // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 236.

²⁷⁵ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 21. Гл. 7. Сергиев Посад, 1908. С. 142.

²⁷⁶ - По объяснению блаженного Феофилакта (Благовестник. Книга 1. Толкование на Мф. 12:43–45. М.: Сретенский монастырь, 2000. С. 120).

²⁷⁷ - Преподобный Григорий Синаит. О безмолвии и о двух образах молитвы. Гл. 3. О дыхании // Добротолюбие. М.:

Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 221.

²⁷⁸ - Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн пророк. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Ответ 116. М., 1994. С. 98.

²⁷⁹ - Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн пророк. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Ответ 301. М., 1994. С. 223.

²⁸⁰ - Каллист патриарх и Игнатий Ксанфопулы. Наставление безмолвствующим, в сотне глав. Гл. 49 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 425–426.

²⁸¹ - Преподобный Макарий Великий. Духовные беседы, послание и слова. Слово 1. Гл. 1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 345–346.

²⁸² - Там же. Беседа 2. Гл. 1, 2. С. 14–15.

²⁸³ - Каллист патриарх и Игнатий Ксанфопулы. Наставление безмолвствующим, в сотне глав. Гл. 56 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 436.

²⁸⁴ - Преподобный Симеон Новый Богослов. О трех образах молитвы. Гл. 3. О третьем образе внимания // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 165–166.

²⁸⁵ - Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1.

²⁸⁶ - Преподобный Григорий Синаит. Ведение известное о безмолвии и молитве. О еже како обрести действо // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 215–216.

²⁸⁷ - Феофилакт, архиепископ Болгарский. Благовестник. Книга 1. Толкование на Лк. 10:21. М.: Сретенский монастырь, 2000. С. 466.

²⁸⁸ - Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн пророк. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Ответ 181. М., 1994. С. 145–147.

²⁸⁹ - Псалтирь с воследованием.

²⁹⁰ - Св. Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский. Толкование на послание к Римлянам. Беседа 8 (на Рим. 4:20–21). М., 1855. С. 178.

²⁹¹ - Канонник. Издание Киево-Печерской Лавры.

²⁹² - Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн пророк. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Ответ 74. М., 1994. С. 74; Святой Григорий Синаит. О безмолвии в 15 главах. Гл. 4 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 222.

²⁹³ - В книге: Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М.: Изд. Введенской Оптиной пустыни. 1847.

²⁹⁴ - Житие преподобной Марии Египетской // Четьи-Минеи. 1 апреля.

²⁹⁵ - Преподобный Паисий Величковский. Главы о умной молитве. Гл. 1 // Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М.: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1847.

²⁹⁶ - Преподобный Паисий Величковский. Главы о умной молитве. Гл. 4 // Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М.: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1847.

²⁹⁷ - Предисловие схимонаха Василия Поляномерульского к книге святого отца нашего Григория Синаита // Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М.: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1847 (в настоящем издании с. 234).

²⁹⁸ - Предисловие схимонаха Василия Поляномерульского к главам блаженного Филофея Синайского // Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского. М.: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1847 (в настоящем издании с. 241).

²⁹⁹ - Преподобный Нил Сорский. Устав скитский. Гл. 11 (в настоящем издании с. 361).

³⁰⁰ - Преподобный Нил Сорский. Устав скитский. Гл. 11 (в настоящем издании с. 360).

³⁰¹ - Преподобный Григорий Синаит посетил Афонскую Гору в 14 веке по Рождестве Христовом. В то время монашество в Палестине, особливо же в Египте, было почти уничтожено магометанами, покорившими своей власти Египет и Палестину еще в начале 7 века. (см. след. стр.) Во время святого Григория Синаита учение об умной молитве до крайности умалилось повсеместно. Его можно признавать восстановителем этого учения, как это сказано в кратком жизнеописании его,

помещенном в «Добротолубии». И во времена Григория Синаита были иноки, достигшие великого преуспевания в молитве, как, например, Максим Кавсокаливит, жительствовавший в Афонской Горе; наставлениями его пользовался сам Григорий, называвший Максима земным Ангелом (Добротолубие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 249). Преподобный Григорий научен умной молитве некоторым иноком острова Кипра: до знакомства с этим иноком он занимался исключительно псалмопением (Рукописное житие преподобного Григория Синаита).

³⁰² - Житие и писания молдавского старца Пансия Величковского. М.: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1847.

³⁰³ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 28. Гл. 17. Сергиев Посад, 1908. С. 235.

³⁰⁴ - Там же.

³⁰⁵ - Там же. Слово 4. Гл. 92. С. 48.

³⁰⁶ - Преподобный Марк Подвижник. О мнящихся от дел оправдаться. Гл. 34 //Добротолубие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 63.

³⁰⁷ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 28. Гл. 51. Сергиев Посад, 1908. С. 240.

³⁰⁸ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово к пастырю. Гл. 14:3. Сергиев Посад, 1908. С. 267–268.

³⁰⁹ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 8 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 46.

³¹⁰ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 2 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 17–18.

³¹¹ - Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн пророк. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Ответ 115. М., 1994. С. 97–98.

³¹² - То есть по действию Божественной благодати.

³¹³ - Священноинок Дорофей. Цветник. Поучение 32.

³¹⁴ - Весьма редкие получают соединение ума с сердцем вскоре после начатия молитвенного подвига; обыкновенно протекают многие годы между началом подвига и благодатным

соединением ума с сердцем: мы должны доказать искренность нашего произволения постоянством и долготерпением.

³¹⁵ - Преподобный Серафим Саровский. Наставление 32 // Архимандрит Сергей. Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника. М., 1844.

³¹⁶ - Презорливый (церковно-слав.) – надменный, строптивый. – Ред.

³¹⁷ - Преподобный Серафим Саровский. Наставление 29 // Архимандрит Сергей. Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника. М., 1844.

³¹⁸ - Преподобный Серафим Саровский. Наставление 4 // Архимандрит Сергей. Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника. М., 1844.

³¹⁹ - Там же. Наставление 11. О молитве.

³²⁰ - Там же. Наставление 11. О молитве.

³²¹ - Там же. Наставление 6.

³²² - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 28. Гл. 56. Сергиев Посад, 1908. С. 240.

³²³ - Блаженный Каллист патриарх. О молитве вкратце // Добротолубие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 2. Ч. 4. С. 576.

³²⁴ - Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн пророк. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Ответ 176. М., 1994. С. 143.

³²⁵ - Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн пророк. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Ответ 325. М., 1994. С. 233.

³²⁶ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 28. Гл. 64. Сергиев Посад, 1908. С. 241–242.

³²⁷ - Лествица Божественных даров инок Феофана // Добротолубие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 250–252; Каллист патриарх и Игнатий Ксанфопулы.

Наставление безмолвствующим, в сотне глав. Гл. 54 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 433–435; Преподобного Серафима Саровского наставление 11.

³²⁸ - Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн пророк. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Ответ 264. М., 1994. С. 209.

³²⁹ - Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн пророк. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Ответ 274. М., 1994. С. 213. Приведенные здесь ответы даны преподобному авве Дорофею, который по благословению этих отцов занимался непрестанной памятью Божией, то есть умной Иисусовой молитвой. Отцы завещали авве не ослабевать в этом подвиге, но сеять с надеждою (ответ 263).

³³⁰ - Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн пророк. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. Ответ 111. М., 1994. С. 94–95.

³³¹ - Преподобный Исихий. Слово о трезвении. Гл. 1, 3, 5 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 256–257.

³³² - Преподобный Никифор монашествующий. Слово о трезвении и хранении сердца // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 320–332; Преподобный Симеон Новый Богослов. О третьем образе внимания // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 160–167.

³³³ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 28. Гл. 45. Сергиев Посад, 1908. С. 239.

³³⁴ - Беседа преподобного Максима Кавсокаливита с преподобным Григорием Синаитом // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 246.

³³⁵ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 68 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 347.

³³⁶ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 28. Гл. 51. Сергиев Посад, 1908. С. 240.

³³⁷ - Там же. Гл. 16, 21 и 27. С. 235–237.

³³⁸ - Преподобный Григорий Синаит. О еже како подобает пети // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 237.

³³⁹ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 55 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 273–274.

³⁴⁰ - Письменный отечник.

³⁴¹ - Преподобный Нил Сорский. Устав скитский. Гл. 2 (в настоящем издании с. 315).

³⁴² - Святой Григорий Синаит. О безмолвии в 15 главах. Гл. 2, 3 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 220–221.

³⁴³ - Преподобный Григорий Синаит. Ведение известное о безмолвии и молитве. О еже како обрести действо // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 215–218.

³⁴⁴ - Преподобный Григорий Синаит. О безмолвии 7 глав. Гл. 2. О еже како подобает глаголати молитву // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 234.

³⁴⁵ - Святой Григорий Синаит. О безмолвии 7 глав. Гл. 1. О еже како подобает безмолвствующему сидети и творити молитву // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 233.

³⁴⁶ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 89 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 410.

³⁴⁷ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 7. Гл. 64. Сергиев Посад, 1908. С. 86.

³⁴⁸ - Святой Григорий Синаит. О безмолвии в 15 главах. Гл. 14 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 230–231.

³⁴⁹ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 78 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 379–383.

³⁵⁰ - Преподобный Нил Постник. О молитве. Гл. 61 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 2. Ч. 4. С. 736.

³⁵¹ - Преподобный Никифор монашествующий. Слово о трезвении и хранении сердца // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 330–332.

³⁵² - Каллист патриарх и Игнатий Ксанфопулы. Наставление безмолвствующим, в сотне глав. Гл. 19, 45 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 388–389, 422–423.

³⁵³ - Там же. Гл. 38. С. 411–413.

³⁵⁴ - Каллист патриарх и Игнатий Ксанфопулы. Наставление безмолвствующим, в сотне глав. Гл. 53 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 433.

³⁵⁵ - Техническое монашеское слово.

³⁵⁶ - Каллист патриарх и Игнатий Ксанфопулы. Наставление безмолвствующим, в сотне глав. Гл. 24 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 392.

³⁵⁷ - Заглавие 24-й главы «Наставления безмолвствующим» святых Каллиста патриарха и Игнатия Ксанфопулов.

³⁵⁸ - Каллист патриарх и Игнатий Ксанфопулы. Наставление безмолвствующим, в сотне глав. Гл. 14 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 368–369.

³⁵⁹ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 55 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 247.

³⁶⁰ - «Патерик алфавитный» и «Достопамятные сказания» об авве Арсении Великом

³⁶¹ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 41 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 176–177.

³⁶² - Преподобный Иоанн Карпафийский. Утешительные главы. Гл. 52 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 2. Ч. 4. С. 276.

³⁶³ - Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 4. Гл. 120. Сергиев Посад, 1908. С. 57.

³⁶⁴ - Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 74 // Творения. Сергиев Посад, 1893. С. 366.

³⁶⁵ - Преподобный Симеон Новый Богослов. Слове о вере // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 147–156.

³⁶⁶ - Преподобный авва Дорофей. Душеполезные поучения и послания. Поучение 10. О том, как проходить путь Божий. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900. С. 115.

³⁶⁷ - Святейший Каллист, патриарх Константинопольский. Образ внимания молитвы // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 2. Ч. 4. С. 573.

³⁶⁸ - Там же.

³⁶⁹ - Там же.

³⁷⁰ - Беседа преподобного Максима Кавсокаливита с преподобным Григорием Синаитом // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 246.

³⁷¹ - Преподобный Марк Подвижник. О законе духовнем. Гл. 4 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 43

³⁷² - Предисловие схимонаха Василия Поляномерульского к главам блаженного Филофея Синайского // Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М.: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1847 (в настоящем издании с. 248 – 249); Письмо старца Паисия к старцу Феодосию // Там же. С. 231.

³⁷³ - Преподобный Макарий Великий. Духовные беседы, послание и слова. Слово 1. Гл. 3; Слово 2, гл. 15. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 346.

³⁷⁴ - Преподобный Нил Постник. О молитве. Гл. 139 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 2. Ч. 4. С. 746.

³⁷⁵ - Там же. Гл. 9, 10 и др. С. 730–731.

³⁷⁶ - Там же. Гл. 91, 100. С. 741–742; Каллист патриарх и Игнатий Ксанфопулы. Наставление безмолвствующим, в сотне глав. Гл. 73 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 2. С. 456–457.

³⁷⁷ - Преподобный Симеон Новый Богослов. Главы деятельные и богословские. Гл. 13 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 104.

³⁷⁸ - Преподобный Марк Подвижник. О законе духовнем. Гл. 34 // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 46.

³⁷⁹ - Преподобный Серафим Саровский. Наставление 29 // Архимандрит Сергей. Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника. М., 1844.

³⁸⁰ - Святитель Иннокентий Пензенский (Смирнов). Начертание церковной истории от библейских времен до 18 века. Отдел. 2. Век 14. 7. Ереси и расколы. Раскол Варлаамов. СПб., 1823. С. 497.

³⁸¹ - Fleury C. Histoire ecclesiastique. 5. 6. 50. 95. С. 9.

³⁸² - Dictionnaire Theologique par Bergier. 5. 4. Hesichistes.

³⁸³ - Преподобный Серафим Саровский. Наставление 12 // Архимандрит Сергей. Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника. М., 1844.

³⁸⁴ - Преподобный Макарий Великий. Духовные беседы, послание и слова. Слово 7. Гл. 23. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 459.

³⁸⁵ - Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М.: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1847.

³⁸⁶ - Справочный энциклопедический словарь Старчевского. Исихисты. Смотри это же слово в Богословском Лексиконе Бержье.

³⁸⁷ - О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником («Аскетические опыты». Т. 1; в настоящем издании с. 23–24).

³⁸⁸ - Предисловие схимонаха Василия Поляномерульского к книге святого отца нашего Григория Синаита // Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М.: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1847 (в настоящем издании с. 231).

³⁸⁹ - Преподобный Серафим Саровский. Наставление 5 // Архимандрит Сергей. Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника. М., 1844.

³⁹⁰ - Преподобный Паисий Величковский. Свиток (главы об умной молитве). Гл. 4 // Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М.: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1847.

391 - Печатается по изданию: Что такое молитва Иисусова по преданию Православной Церкви. Сердоболь, 1938. С. 220–261.

392 - Горн – плавильная печь.

393 - Миро – благовонное масло.

394 - Приветствии.

395 - То есть всенощного бдения, совершаемого накануне воскресного дня.

396 - © Ново-Тихвинский женский монастырь, адаптация текста, 2002 г.

397 - Перевод на современный русский язык творений преподобного Нила Сорского сделан сестрами переводческой группы Ново-Тихвинского женского монастыря по рукописи: ГИМ, Епархиальное собр., № 349. Сборник конца 15 – начала 16 веков. Л. 17–83 об. Автограф преподобного Нила Сорского. Под Божественными и Святыми Писаниями преподобный Нил понимает не только Священное Писание, но и творения святых отцов.

398 - Все цитаты из Священного Писания приводятся в тексте так, как они даны у преподобного Нила Сорского.

399 - То есть истинную.

400 - Плинфа – обожженный кирпич, широкий и плоский.

401 - Константинополя.

402 - Словесность – умственная сила души, ум.

403 - То есть ни добрых и ни злых.

404 - Под пением понимается крайне неспешное, протяжное чтение псалмов, тропарей, кондаков и других молитв.

405 - По причине трудности молитвенного подвига святые отцы заповедуют совершать молитву Иисусову по большей части сидя, употребляя для этого низенькую скамеечку (Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. 2. М., 1993. С. 294; в настоящем издании с. 210).

406 - О болезненности при молитвенном делании см.: Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. 2. М., 1993. С. 282; в настоящем издании с. 198–199).

- 407 - То есть пение.
- 408 - То есть молитва.
- 409 - То есть чтобы иметь ясность, определенность в понимании, наименовании этих вещей.
- 410 - Имеется в виду память Божия, то есть молитва Иисусова, умное делание.
- 411 - Образы.
- 412 - То есть во время охлаждения благодатной сердечной теплоты, которая, по Григорию Синайскому, есть истинное начало молитвы.
- 413 - Поделение – занятие между делом, мелкая работа.
- 414 - По нашему исчислению суточного времени – до третьего часа после полудня.
- 415 - То есть вступать в брань.
- 416 - То есть каким-либо трудом на монастырских послушаниях.
- 417 - Речь идет о способе молитвы, указанном преподобным Григорием Синаитом, о котором сказано в описании брани с блудным помыслом: «Встав и к небу руки и очи простирая...».
- 418 - То есть кто же не знает этого не только теоретически, но и сердечным чувством.
- 419 - То есть вступать с ними в противоречие.
- 420 - Преподобный Иоанн Дамаскин.
- 421 - «Внешняя» – имеется в виду: по отношению к церковному богословию.
- 422 - Двоеслов.
- 423 - Упомянутый выше преподобный Иоанн Дамаскин.
- 424 - См. молитву мученика Евстратия, читаемую во время субботней полунощницы (Часослов. М.: Афонское подворье, 1994. С. 31–32).
- 425 - То есть благодатью в молитве.
- 426 - Имеется в виду псалмопение.
- 427 - Смотри вышеприведенную цитату преподобного Иоанна Лествичника: «Дело безмолвия...»

⁴²⁸ - Здесь под «правилами» преподобный Исаак подразумевает молитву внешнюю, то есть продолжительные церковные последования и длительные келейные правила с вычитыванием разнообразных молитвословий, псалмов, канонов и т.д.; он говорит, что совершению их, «по причине телесного рвения», более способствует жительство в общежитии. Основное же делание безмолвия – умная молитва (см.: Преподобный Исаак Сирин. Слово 41).

⁴²⁹ - © Ново-Тихвинский женский монастырь, перевод, 2002 г.